

В. Л. Янин
Новгородская
феодалная
вотчина

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Отделение истории

В. Л. Янин

Новгородская
феодальная
вотчина

(Историко-генеалогическое
исследование)

Издательство «Наука»

Москва 1981

В книге исследуются становление и развитие крупного землевладения в Новгородской земле XII—XV вв. Впервые в широком масштабе осуществлено сопоставление данных писцовых книг конца XV в. с актовыми материалами XII—XV вв., позволившее провести реконструкцию землевладельческих родословий по судьбе наследственных вотчин и восстановление истории вотчинных владений наряду с родословиями.

Я $\frac{10604-082}{042(02)-81}$ 63—81. 0505010000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для решения многих существенных вопросов экономической и политической истории средневекового Новгорода исследователь должен владеть сведениями о родственных связях упоминаемых в источниках новгородцев. Необходимость в таких сведениях возникает всякий раз, когда, к примеру, требуется реконструировать политические группировки, игравшие столь важную роль в развитии республиканской государственности, или когда встает вопрос о путях и интенсивности формирования вотчинного землевладения. Естественно, в первую очередь в этой связи внимание исследователя привлекает генеалогия боярства, поскольку это сословие и в политической жизни Новгорода, и в его землевладении занимало ключевые позиции.

Между тем попытки восстановления истории любой новгородской семьи наталкиваются на, казалось бы, непреодолимые трудности. Главнейшая из них состоит в отсутствии в Новгороде вплоть до середины — второй половины XV в. наследственных прозвищ или фамилий. Источники лишь в редких случаях указывают родственные связи, а опора исследователя только на отчества способна уводить на путь ложных построений, примеры чему будут приведены ниже. Носителей даже самых редких имен или отчеств можно идентифицировать лишь при наличии других аргументов. В XV в. появляются фамилии. Однако во многих случаях они эфемерны, будучи лишь синонимами отчеств, в лучшем случае — имени деда, т. е. дают возможность проследить происхождение интересующего историка лица не дальше третьего колена.

До начала XV в. летописцы Новгорода внимательны к боярскому имени в силу самой значительности государственных постов посадника и тысяцкого, которые занимали носители таких имен. Поэтому анализ летописных материалов раннего времени (но особенно XIV — начала XV в.) дает кое-что для частичного восстановления боярских родословий. После реформы второй половины 10-х годов XV в., когда боярство в целом было приобщено к участию в республиканском сенате, а число одновременно существующих посадников и тысяцких достигало нескольких десятков, наблюдается очевидная девальвация высших должностных званий, повлиявшая и на летописцев, которые практически перестали интересоваться личностью и судьбой боярина. Если до начала XV в. имена всех новгородских посадников и тысяцких, имеющиеся в их летописных реестрах, встречаются и в самом летописном рассказе, то теперь очень многих сазовников, известных по реестрам, мы не обнаруживаем в других источниках. Эта девальвация имени хорошо прослеживается и в республиканской сфрагистике Новгорода. В XIV — начале XV в. для сфрагистики посадников и тысяцких характерны именные буллы, но уже с 10-х годов XV в. на смену им приходит анонимная «Печать Великого Новгорода», а именные буллы становятся исключительно редкими.

В то же время нам хорошо известен состав новгородского боярства последних лет новгородской независимости. Множество имен названо в летописном рассказе 1475 г. о «мирном походе» Ивана III на Новгород, когда на пути следования великого князя Новгород организовал серию его почетных встреч, в которых приняли участие десятки бояр и житых людей, подробно поименованных. Наконец, старое письмо новгородских писцовых книг, несмотря на некоторую дефектность дошедших до нас материалов, практически отражает полный состав новгородских землевладельцев накануне «боярско-

го вывода», давая представление об их сословной группировке и объеме владений.

Многие из бояр, фигурирующих в рассказе 1475 г. и в писцовых книгах, находились в близких родственных отношениях между собой и, безусловно, восходят к известным летописцу политическим деятелям XIV — начала XV в., но линии таких связей ни в писцовых книгах, ни в летописном рассказе не обозначены, а наличие уже отмеченного периода пренебрежения боярскими именами в летописи создает труднейший барьер для попыток проследить вглубь родословные землевладельцев 70-х годов XV в.

Новгородское боярство, в отличие от бояр других земель, не вошло в состав двора московских великих князей. Уже в силу этого не существует новгородских родословных росписей, подобных росписям тверских или рязанских бояр, что требует иной методики генеалогического исследования.

В предлагаемой читателю работе предпринимается попытка преодолеть указанный барьер рассмотрением судьбы родовых земельных владений. Поскольку вотчины были объектом наследования, в ходе которого они дробились, мы наблюдаем в материалах писцовых книг старого письма конечный результат длительного процесса семейных разделов, адекватного физическому развитию самих семей. Генеалогия семейного владения, следовательно, до известных пределов тождественна родословию, а исследователь должен обнаружить способ реконструкции родословия через анализ истории вотчины.

В процессе такой реконструкции имеются свои трудности, главная из которых состоит в том, что земельные документы, как правило, умалчивают о тех лицах, которые, будучи членами семьи, юридически не являлись землевладельцами, т. е. о детях. Уменьшить эти трудности возможно лишь активным привлечением всей суммы наличных источников.

Новгороду свойственны две формы крупного земле-
владения: городская усадьба и собственно вотчина — со-
вокупность принадлежащих вотчиннику деревень с сель-
скохозяйственными и промысловыми угодьями. Изучение
городской усадьбы сделалось, наконец, возможным в
результате значительных раскопок в Новгороде и ис-
пользования многочисленных и разнообразных сведений,
предоставляемых берестяными грамотами. Для генеало-
гического исследования сельской вотчины возможность
системного подхода к этой проблеме заключена в со-
вместном изучении материалов писцовых книг и актов
XIV—XV вв., касающихся описанных писцовыми книга-
ми вотчин.

Разумеется, преждевременно говорить о создании
полных родословий всех новгородских землевладельцев.
Наличные материалы позволяют сегодня реконструиро-
вать несколько достаточно характерных родословий и на-
метить сумму методических приемов, применимых для
дальнейшего изучения этой проблемы.

В то же время даже представленные здесь материалы
ведут к неизбежной постановке таких сложных и прин-
ципиально важных проблем, как вопрос о путях возник-
новения крупной феодальной вотчины в Новгородской
земле и времени сложения вотчинной системы, проблема
общего и особенного в процессе становления феодализ-
ма и феодальной государственности в Новгороде, по-
скольку предлагаемая работа по существу и посвящена
этому кругу проблем, исследуя их в новом источник-
ведческом аспекте.

* * *

В настоящем издании сноски см. в конце глав.

БОЯРСКИЙ РОД МИШИНИЧЕЙ —
ОНЦИФОРОВИЧЕЙ И ЕГО ГОРОДСКИЕ
УСАДЬБЫ

Открытие новгородских берестяных грамот, справедливо оцененное исследователями как обнаружение принципиально нового источника по истории средневековой Руси, вызывает к жизни множество проблем. Это открытие, ставшее достоянием исторической науки в целом и существенно пополнившее фонд письменных источников, в то же время остается в первую очередь объектом специального археологического изучения, вне которого практически немислим источниковедческий анализ берестяных грамот.

Связь новгородских берестяных грамот с археологией не сводится к тому, что в основу их датировок ложится стратиграфический принцип. Существо дела заключается в том, что берестяные грамоты, обнаруженные в ходе систематических раскопок, составляют только часть обширного археологического комплекса, в который входят прослойки культурных напластований, постройки древних усадеб, а также многочисленные бытовые предметы. И если для истолкования текста грамоты важна общая характеристика связанного с ней комплекса, то и самый текст берестяного документа является важнейшим в руках археолога орудием для понимания раскапываемого им комплекса.

Археологический комплекс — остатки жилища, ремесленной мастерской или погребения — до массовых находок берестяных грамот в подавляющем большинстве случаев был безыменным. Археологи привыкли пользоваться терминами «жилище XIII века», «мастерская ювелира XII века» или «погребение дружинника X века», и эта безыменность казалась неотъемлемой частью самой специфики археологического источника. Берестяные грамоты, встречаемые во множестве в культурном слое Новгорода; впервые позволили определить по именам хозяев

многих (хотя далеко не всех) раскопанных здесь начиная с 1951 г. усадеб.

Наблюдения над принадлежностью отдельных усадеб, естественно, ведут к постановке очередной важной проблемы — вопроса о взаимосвязи владельцев усадеб. Можно исследовать две линии таких связей: 1) взаимосвязь во времени, преемственность владельцев отдельных усадеб; 2) взаимосвязь соседей-собственников. Оба аспекта проблемы одинаково интересны, поскольку и тот, и другой имеют прямое отношение к общему пониманию внутрисполитической и социально-экономической структуры средневекового Новгорода.

Характерной особенностью новгородской боярской государственности была принадлежность власти немногим аристократическим родам, которые в своей политической борьбе опирались на определенные территориальные связи, вербуя себе сторонников из числа сограждан одной с ними кончанской принадлежности. Внутрикончанские связи отличались известной прочностью, тогда как федерация концов на всем протяжении существования Новгородской боярской республики то и дело демонстрировала неизгладившиеся швы, по которым в древности было сшито политическое тело Новгорода. Прочность традиционных внутрикончанских связей имела в своей основе, как можно догадываться, устойчивость первоначальных боярских гнезд, сохранивших на протяжении веков всю систему экономического и политического влияния на граждан своего конца. В этой связи интересной кажется многократно отмеченная при раскопках устойчивость не только городской планировки, но и усадебных границ, остававшихся практически неизменными на всем протяжении второй половины X—XV в.¹

Разумеется, вопрос о взаимосвязи владельцев усадеб может быть окончательно решен только в результате подробного изучения всех берестяных грамот и всех усадебных комплексов, однако приступить к его изучению возможно лишь путем исследования наиболее достоверного и поддающегося полному истолкованию материала. Таким материалом представляется мне комплекс берестяных грамот, связанных с семьей Мишиничей — Онцифоровичей. С источниковедческой точки зрения комплекс этих грамот обладает несколькими бесспорными преимуществами.

Во-первых, адресатами, а в ряде случаев авторами грамот Мишиничей — Онцифоровичей были хорошо известные в истории Новгорода политические деятели; следовательно, сведения о них, почерпнутые из самих грамот, могут быть активно дополнены показаниями других источников. Во-вторых, рассматриваемый ниже комплекс включает в свой состав большое число документов и, таким образом, может быть уверенно привлечен к выводам, касающимся принадлежности сохранивших его усадеб. В-третьих, социальная принадлежность Мишиничей — Онцифоровичей к высшей аристократии боярского Новгорода не требует особых обоснований. В-четвертых, проверка полученных сегодня выводов может быть сделана расширением раскопочных работ в районе расположения уже исследованных комплексов.

1. Берестяные грамоты Мишиничей — Онцифоровичей и некоторые проблемы их атрибуции

История боярской семьи Мишиничей — Онцифоровичей в общих чертах запечатлена в летописном рассказе, который позволяет связать нитью восходящего родства представителей по крайней мере пяти поколений этой семьи. Последним ее достоверным членом, известным летописцу, был Юрий Онцифорович, впервые упомянутый под 1376 г., избранный на посадничество в 1409 г. и умерший в 1417 г.² Летопись, правда, не содержит прямых указаний на его происхождение от Онцифора Лукиничя, однако такое указание имеется в списке новгородских посадников, помещенном в начале Комиссионной рукописи перед текстом Новгородской I летописи младшего извода³. Указанный список был составлен около 1423 г.⁴, т. е. спустя всего лишь шесть лет после смерти Юрия Онцифоровича, и приведенному в нем сообщению можно довериться с полным основанием.

Отец Юрия — Онцифор Лукинич упомянут летописцем впервые под 1342 г.; в 1350—1354 гг. он был посадником, затем отказался от степени и в 1367 г. умер. Летописец рассказывает о его происхождении от Луки Варфоломеевича, погибшего во время похода на Двину в 1342 г., а до того упомянутого в летописном рассказе под 1333 г.⁵

Летописный контекст не оставляет сомнений в том, что Лука был сыном посадника Варфоломея Юрьевича,

упоминаемого в летописи с 1331 г., а в актах — с 1323 г. и умершего в 1342 г.⁶ Рассказ о его погребении сообщает, что Варфоломей был сыном посадника Юрия Мишинича, избранного на посадничество в 1291 г. и погибшего в битве под Торжком в 1316 г.⁷

Свидетельство о том, что Юрий Мишинич приходился родным братом еще одному посаднику второй половины XIII в. — Михаилу Мишиничу, появившемуся впервые на страницах летописи под 1272 г. и умершему в 1280 г.⁸, содержится лишь в списке посадников, составленном около 1423 г., т. е. спустя почти полтора столетия после смерти Михаила Мишинича, и может оказаться ложной реконструкцией, основанной составителем списка лишь на тождестве отчеств Юрия и Михаила.

Существует еще два летописных имени, вызывавших предположения о родстве их носителей с семьей Мишиничей — Онцифоровичей. Летопись под 1376 г. упоминает некоего боярина Максима Онцифоровича, а под 1421 г. — Лукьяна Онцифоровича⁹, редкое отчество и время деятельности которых вполне соответствует догадкам о том, что они могли быть сыновьями Онцифора Лукиничича и братьями Юрия Онцифоровича.

Приведенные сведения могут быть изложены в виде генеалогической таблицы (схема 1).

СХЕМА 1

В публикациях А. В. Арциховского выявлено в общей сложности 30 берестяных грамот, полученных или написанных членами семьи Мишиничей¹⁰. Из них одна написана Варфоломеем (№ 391), одна — Лукой (№ 389), семь грамот получены (№ 98—101, 180, 339, 385)¹¹ и две написаны (№ 354, 358) Онцифором, пять грамот получены Юрием Онцифоровичем (№ 94, 97, 167, 362, 370).

Совокупность перечисленных грамот, сохранивших имена достоверных членов семьи Мишиничей, является важнейшим аргументом в пользу безусловной правиль-

ности общей атрибуции всего комплекса. Однако издателем грамот были привлечены и иные убедительные доводы, подтверждающие правильность их определения.

Относительная и абсолютная хронология грамот с достоверными именами Мишиничей, устанавливаемая согласным показанием стратиграфических и палеографических данных, полностью соответствует летописной хронологии этих имен. Все пять грамот Юрия Онцифоровича извлечены из слоев 5—8-го ярусов, датируемых средствами дендрохронологии 1369—1422 гг. Шесть из девяти грамот Онцифора (№ 99—101, 180, 354, 358) найдены в слоях 9-го яруса, датируемого 1340—1369 гг. Что касается остальных трех, то одна из них (№ 98), обнаруженная в слоях 8-го яруса (1369—1382 гг.), фактически принадлежит к тому же документу, что и обрывок № 100, а этот последний был найден в 9-м ярусе. Грамота № 98, таким образом, еще в древности была перемещена в лежащий выше слой во время каких-то местных работ. В остальных двух грамотах (№ 339, 385), извлеченных из более поздних слоев 6—7-го ярусов, Онцифор титулуется посадником (в Новгороде был только один посадник с таким именем). Наконец, грамоты Луки и Варфоломея обнаружены соответственно в 10-м (1313—1340 гг.) и 11-м (1299—1313 гг.) ярусах.

Отмеченные хронологические совпадения были подтверждены Арциховским характеристикой адресатов этих грамот. Адресаты были богатыми феодалами; к ним обращаются, употребляя термин «господин»; в двух грамотах (№ 98, 358) Онцифор назван посадником, еще раз слово «посадник» встречено в грамоте, не сохранившей имени адресата (№ 339), но относящейся к тому же комплексу.

К этим аргументам добавляется и еще один — топографический. Летописный рассказ 1342 г. сообщает о том, что Варфоломей Юрьевич был погребен в «отне гробе», т. е. в гробу его отца — Юрия Мишинича, а Академический список Новгородской I летописи младшего извода уточняет местонахождение этой могилы: «у святых 40». Церковь Сорока мучеников, возле которой в 1219 г. собиравлось вече Неревского конца¹², ныне не сохранившаяся, находилась в ближайшем соседстве с местом раскопок на Неревском конце; она отстояла от исследованного перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц на каких-нибудь 100 м¹³.

Более точное указание на место жительства другого члена семьи Мишиничей — Онцифоровичей содержится в приписке 1400 г. к новгородскому Прологу из Синодального собрания: «В лето 6908 индикта 9 лета написаны быша книги сия глаголемыи пролог ко святома чудотворцема и безмездникама Козмы и Дамьяну на Кузмодемьяну улицу при князи великом Васильи Дмитриевиче, при архиепископе новгородсьгемь владыце Иване, а повелением рабов божиих боголюбивых бояр Юрья Онцифоровича, Дмитрия Мчкитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всих бояр и всеи улицы Кузмодемьяне»¹⁴. Приписка 1400 г. говорит о том, что Юрий Онцифорович жил на Козмодемьянской улице Неревского конца, т. е. именно на том участке Новгорода, который подвергся раскопкам в 1951—1962 гг. Наконец, здесь же находится и церковь Спаса на Разваже, строителем которой Новгородская II летопись называет Лукьяна Онцифоровича¹⁵.

Местоположение посадничьей усадьбы устанавливается с предельной точностью. Во-первых, из 16 грамот с именами известных по летописи членов семьи Мишиничей — Онцифоровичей 13 найдены в границах усадьбы, получившей условное литерное обозначение «Д» и занимавшей часть квартала, который примыкал к перекрестку Великой и Козмодемьянской улиц с северо-запада. Лишь 3 грамоты (№ 354 — Онцифора и № 362, 370 — Юрия) обнаружены на территории соседней усадьбы «И», находившейся к югу от усадьбы «Д», по другую сторону Козмодемьянской улицы. Во-вторых, именно на усадьбе «Д» раскопками 1953 г. были вскрыты остатки каменной постройки 5-го яруса (1409—1422 гг.), определенной как боярский терем.

Бесспорность атрибуции 16 грамот с достоверными именами Мишиничей — Онцифоровичей позволила Арциховскому отнести к той же семье еще нескольких авторов и адресатов, имена которых известны летописцу, но без указания их связи с Онцифоровичами. Среди таких грамот наиболее заметную группу составляют восемь берестяных писем, адресованных «господину Михаилу Юрьевичу» (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313). Все эти грамоты найдены на территории одной усадьбы («И») в слоях 3—6-го ярусов (1396—1446 гг.). Предположение, что Михаил Юрьевич был сыном Юрия Онцифоровича, подтвердилось в 1958 г. находкой берестяной грамоты

№ 301, в которой Михаил Юрьевич назван «сыном посадничьим». Арциховский обращал также внимание на факт церковного строительства Михаилом Юрьевичем в Колмове, т. е. в монастыре, территориально примыкающем к Неревскому концу¹⁶. Однако некоторые сомнения в такой идентификации порождает принадлежность всех грамот Михаила Юрьевича не к усадьбе «Д», где обнаружено большинство грамот Мишиничей — Онцифоровичей, а к усадьбе «И».

Не мог ли Михаил Юрьевич быть сыном другого одноименного посадника Юрия? Списки новгородских посадников знают двух современников Юрия Онцифоровича с таким именем. Юрий Дмитриевич упоминается в летописи как посадник в 1397—1409 гг.; он умер в 1410 г. Юрий Иванович известен летописцу между 1350 и 1380 гг.¹⁷

Юрий Дмитриевич, однако, известен как инициатор постройки церкви в Аркаже монастыре¹⁸ и посадник, представительствовавший от Загородского конца¹⁹. Очевидно, что предположение о его родстве с Михаилом Юрьевичем должно быть отброшено, коль скоро он не имеет отношения к Неревскому концу. Что касается Юрия Ивановича, то он, напротив, тесно связан с Неревским концом, как это может показаться из сообщения Новгородской III летописи под 1350 г.: «Того же году поставил две церкви каменные Юрьи посадник, Козму и Дамиана на Холопьи улицы и святого Иоанна Златоустаго в каменном городе Детинце в Околотке»²⁰. Таким образом, основания для поисков дополнительных аргументов в пользу родства Михаила Юрьевича с Юрием Онцифоровичем (а не с Юрием Ивановичем) имеются.

С поставленным здесь вопросом тесно связана проблема атрибуции грамот, называющих имена Михайловой жены Настасьи, Андреяна Михайловича и Микиты Михайловича. Все три имени соединены в одной грамоте (№ 307); кроме того, имеется берестяное письмо Андреяна Михайловича (№ 303). Обе грамоты найдены на усадьбе «И» в слое 3—4-го ярусов (1422—1446 гг.) и истолкованы Арциховским как принадлежащие жене и детям Михаила Юрьевича. Аргументация основана на факте совместных находок этих грамот с грамотами Михаила Юрьевича в границах одной усадьбы и на хронологическом соответствии грамот № 303 и 307 возможному периоду деятельности сыновей Михаила Юрьевича.

Поскольку речь идет о лицах, как будто вовсе не известных в других письменных источниках, обоснование родства Михаила Юрьевича с Юрием Онцифоровичем нуждается в дополнительных аргументах.

Можно подвергнуть сомнению принадлежность к комплексу грамот посадничьей семьи Мишиничей — Онцифоровичей берестяных писем, полученных Максимом. Всего таких грамот отмечено Арциховским пять (№ 91, 271, 272, 279, 370). Они найдены в слоях 8-го яруса (1369—1382 гг.), которые хронологически соответствуют летописному упоминанию боярина Максима Онцифоровича, члена новгородского посольства к митрополиту в 1376 г. В основу аргументации, следовательно, положены факт обнаружения в одном слое грамот Максима и Юрия и догадка о том, что летописный Максим Онцифорович был братом Юрия Онцифоровича. Правильность этой догадки блестяще подтвердилась находкой грамоты № 370, адресованной крестьянами-«сиротами» одновременно «к Юрию и к Максиму», однако общий вывод о принадлежности Максиму Онцифоровичу всех грамот с именем Максима представляется не до конца обоснованным, так как определившая такой вывод грамота № 370 обнаружена на усадьбе «И», а все остальные четыре грамоты, полученные Максимом, — на усадьбе «Е», по другую сторону перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц.

Существование еще одного члена семьи Мишиничей позволила установить находка деревянной ложки. На этой ложке, обнаруженной в 1961 г. на усадьбе «Д» в слое 11-го яруса (1299—1313 гг.), вырезана надпись: «Еванова Ольфоромеевица»²¹. Место и стратиграфическая дата находки не позволяют сомневаться в том, что этот предмет принадлежал не известному в других источниках брату Луки Варфоломеевича — Ивану.

Таков круг памятников, более или менее прочно связанных с семьей Мишиничей — Онцифоровичей. Такими представляются мне сильные и слабые стороны признанного в литературе объединения перечисленных грамот в единый комплекс документов посадничьей семьи.

2. Строительство в Колмове и потомки Юрия Онцифоровича

Ряд сведений, подтверждающих правильность отнесения к семье Онцифоровичей всех тех лиц, которых Арциховский признал потомками Юрия Онцифоровича, может быть извлечен из комплекса источников по истории Колмова монастыря, примыкающего к Неревскому концу. Связь этого монастыря с семьей Мишиничей — Онцифоровичей четко обозначена в одном интересном документе, который более ста лет известен историкам в кратком переложении, а затем был обнаружен В. И. Корепкиным в фонде Поместного приказа и издан в 1969 г. Речь идет о духовной грамоте Орины, текст которой ниже воспроизводится:

«Во имя отца и сына и святого духа. Се яз, раба божия Орина, списа сие рукописание при своем животе. А приказываю в дом святей Троицы и святей Богородицы на Колмово, где живет отец мой и мати моя и род мой. А даю землю на Лопи, на Сыроли, и на Каньели, и на Сосари лешие сельца, а тех сел землю, и воду, и ловища, и пожни все без вывета. А другую землю волость даю на Паше и на Табале землю, и воды, и ловища, и пожни тех сел, и леса, и на Беряжи, и на Островке, и на Любоеже, и на Броннице. А тех сел всех землю, и воды, и пожни, и ловища, и лишие земли без вывета даю в дом святей Троицы и святей Богородицы на память роду моему и мне, по владению прадеда моего Юрья Онцифоровича и по деда моего владенью и отца моего и по моему владенью, даю сю землю и в веки. А на то послух отец мой духовной поп Сава святых чудотворец Козьмы и Домьяна. А кто се рукописание мое преступит, и яз сужуся с ним пред богом в день страшного суда божия»²².

Макарий ошибочно датировал этот документ XVI веком. После учиненного Иваном III боярского «вывода» сохранение в руках каких-либо бояр земельных владений на территории Новгородской земли маловероятно. Земли, переданные Ориной по ее духовной, числятся за Колмовым монастырем уже в писцовой книге Обонежской пятины 1495—1496 гг.²³, что делает более вероятной датировку приведенного документа еще временем новгородской независимости, во всяком случае временем до начала боярского «вывода».

Правнучка Юрия Онцифоровича Орина живет там, где жили ее предки,— на Козмодемьянской улице Неревского конца: ее духовник — поп церкви Козмы и Демьяна на этой улице. Но ее отец, мать и весь «род» «живут» в Колмовом монастыре. Макарий, несомненно, был прав, понимая это место документа как свидетельство о погребении предков Орины в Колмовом монастыре (в списке, которым располагал Макарий, было не «живет», а «лежит»).

Связь Колмова монастыря с семьей Мишиничей — Онцифоровичей запечатлена не только в духовной Орины, но и в синодике Клопского монастыря 1660 г., в котором оказались записанными имена создателей Колмова монастыря: «Варфоломея, Луки, Максима, Ансифора, Георгия, Григория»²⁴. В приведенном списке легко опознаются уже знакомые нам по берестяным грамотам лица, в том числе и Максим, родство которого с Юрием (Георгием) Онцифоровичем получает новое подтверждение.

Единственный существующий очерк истории Колмова монастыря, составленный Макарием, изобилует ошибками, в частности, смешением сведений, касающихся в действительности двух разных новгородских пригородных монастырей — Успенского Колмова и Троицкого Коломецкого²⁵. Колмовом называется местность на левом берегу Волхова, ниже города, примыкающая к Неревскому концу. Коломцы — урочище, хорошо известное археологам по находившейся там неолитической стоянке, расположенное на правом берегу Волхова, много выше города, у самого истока реки.

Смешав два разных монастыря, Макарий был введен в заблуждение Новгородской III летописью, в которой сообщение 1310 г. о строительстве монастыря на Коломцах сопровождается своего рода справкой: «Другую церковь камени постави на Коломцах архимандрит Кирилл Георгиева монастыря во имя пресвятыя богородицы Успения, последи же Колмово именовася»²⁶. Составитель же Новгородской III летописи в свою очередь ошибся из-за того, что в Колмове и на Коломцах существовали одноименные церкви Троицкая и Успенская (Троицкая на Коломцах и Успенская в Колмове были соборными, а Троицкая в Колмове и Успенская на Коломцах — трапезными). Когда составлялся свод, Коломецкого монастыря уже не было: он не восстанавливался после его

разрушения во время шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг.²⁷

Древнейшее упоминание Колмова в летописях относится к 1386 г. Оно свидетельствует о том, что в 80-х годах XIV в. монастыря в Колмове, по-видимому, еще не существовало. Под 1386 г. летописи содержат рассказ о сожжении новгородцами в целях обороны от войск Дмитрия Донского подгородных монастырей и церквей²⁸. В той части пригородной равнины, которая примыкает к Неревскому концу, новгородцами было уничтожено пять монастырей: Духов, Борисоглебский (на Гзени), Богородицын (Зверин), Николин (Белый), Лазарев. Колмова монастыря среди них нет, и это тем более показательно, что сама местность Колмово фигурирует в рассказе об истреблении подгородных построек. Здесь была сожжена приходская церковь: «а церкви деревяных 6 пожгли: ...Михаило святыи на Колмове...» Колмовский мирской храм как стоящий вне монастыря упоминается и в Росписи 1615 г.: «Идучи на Колмово, зовется на поле храм деревянной Архангел Михаил»²⁹. Если бы Колмов монастырь уже существовал к 1386 г., странным было бы его сохранение в обстановке, когда была выжжена даже отдельно стоящая в той же местности Неревского заполья деревянная церковь.

Очевидно, более правильным будет вывод о первоначальном создании Колмова монастыря Юрием Онцифоровичем в 1392 г., основанный на сообщении Новгородской IV летописи под указанным годом: «Юрьи Онцифорович постави церковь святыя богородица Успенье на Колмове, и монастырь устрои»³⁰. Этот вывод, вполне совпадающий с духом завещания Орины, которая ведет свое родословие только от Юрия, но не от более отдаленных предков, не противоречит, как мне кажется, и показаниям Клопского синодика, хотя в последнем в числе строителей Колмова монастыря названы такие предки Юрия Онцифоровича, как Варфоломей, Лука и Онцифор. В синодике созданного Юрием Колмова монастыря, откуда эти сведения были заимствованы в Клопский синодик, имена почитаемых Юрием Онцифоровичем предков могли быть записаны для заупокойного поминания. Это тем более вероятно, что в Клопском синодике хронологическая и генеалогическая очередность «ктиторов» не выдержана: имя брата Юрия Онцифоровича — Максима названо раньше имени их отца Онцифора.

Возможно, однако, предположение, что земельное владение Орины начало формироваться только при ее прадеде Юрии, а участки, унаследованные им самим, отошли в свое время в другие нисходящие линии его потомков, почему Орина и не упоминает в завещании более древних предков. Но это не так. Тайбольская земля, фигурирующая в этом завещании, была куплена еще Лукой Варфоломеевичем: ободная Луки на эту землю обнаружена Корецким в том же комплексе колмовских грамот³¹.

Думается, что архитектурными исследованиями Успенской церкви Колмова монастыря (которая считается основанной в 1310 г.) в дальнейшем будет возможно проверить изложенный здесь вывод о ее более позднем сооружении, уточнив дату ее первоначальной постройки.

Известие Новгородской IV летописи, цитированное выше, было повторено составителем Новгородской III летописи, где оно оказалось сплавленным с другим любопытным для нас сообщением: «В лето 6903. Исак Анцифорович постави церковь камену Собор святого Михаила архангела в Аркаже монастыре, а брат его Юрьи Анцифорович поставил церковь камену Успение пресвятеи Богородицы, напредь святого Михаила архангела, в лето 6900, и монастырь устроиша»³². Источник первой части этого текста обнаруживается в рассказе Новгородской I летописи под 1395 (6903) г.: «Того же лета постави Исак Онкифов церковь камену Збор святого Михаила в Аркажи монастыри»³³. Превращение Исаака Акинфиевича в Онцифоровича совершилось под пером сводчика, который сопроводил свою ошибку произвольным генеалогическим построением.

Забота Юрия Онцифоровича об устройении Колмова монастыря отмечена и сообщением Новгородской III летописи еще об одной его монастырской постройке. В рассказе о смерти Юрия приведен список связанных с его инициативой новгородских церквей, в котором на первом месте назван Троицкий храм (трапезная) в Колмовом монастыре³⁴.

Принимая во внимание особую связь Юрия и его потомков с Колмовым монастырем, который всеми приведенными материалами характеризуется как родовой монастырь боярской семьи, находящейся с ним в отношениях ктиторства, мы вправе ожидать, что и в дальнейшем строительстве этого монастыря руководящая роль будет принадлежать потомкам Юрия — его сыновьям и внукам,

его роду, который, по свидетельству духовной Орины, «живет» на Колмове. В этой связи решающее значение имеют два летописных свидетельства.

Новгородская I летопись под 1419 г. приводит сообщение, повторенное потом в Новгородских IV и III летописях, об очередной колмовской постройке: «а Михаила Юрьевич [постави] церковь древяну святого Михаила на Колмове»³⁵. Речь в этом сообщении идет о мирской церкви архангела Михаила, стоявшей на Колмове вне монастырской ограды. Это свидетельство уже приводилось Арциховским в обоснование вывода о родственной связи Михаила Юрьевича и Юрия Онцифоровича, однако исследователь опирался лишь на территориальную близость Колмова к Неревскому концу, а не на материалы о семейном строительстве в этом монастыре.

Другое свидетельство более красноречиво и более важно в связи с нашими наблюдениями. Под 1423 г. летописи рассказывают еще об одной колмовской постройке: «и того же лета свершиша две церкви камены: святую Богородицу на Колмове и святого Якова на Лужищи»³⁶. Новгородская I летопись, из которой взят цитированный текст, не называет имени строителя Успенской церкви 1423 г. Нет этого имени и в повторивших то же известие Новгородских IV и II летописях³⁷. Однако это имя сохранилось в одной западнорусской летописи, до сих пор, к сожалению, не изданной. Имею в виду «Сборник епископа Павла», представляющий собой выборку XV в. из новгородских летописей, ограниченную 1461 г. Исследовавший этот сборник А. А. Шахматов отметил некоторую избыточность его сведений сравнительно с Новгородскими I и IV летописями, восходящими к источнику «Сборника епископа Павла». К числу таких избыточных мест относится, в частности, сообщение 1423 г., сохранившееся в «Сборнике епископа Павла» в следующей редакции: «поставила Настасья Михайлова церковь камену святую богородицу Успенье на Колмови у монастыри»³⁸. Имя Настасьи Михайловой нам известно; оно имеется в берестяной грамоте № 307 и предположительно было связано с женой Михаила Юрьевича.

Мы видим, что в ранней истории Колмова монастыря тесно переплелись имена Юрия Онцифоровича, Михаила Юрьевича и Настасьи Михайловой. Это переплетение тождественно переплетению имен адресатов берестяных грамот, найденных при раскопках на перекрестке Вели-

кой и Козмодемьянской улиц. Если вывод о принадлежности этих лиц к одной семье мог опереться на факт совместного обнаружения полученных ими берестяных грамот, то материалы колмовского строительства полностью подтверждают такой вывод, демонстрируя совместное участие Юрия, Михаила и Настасьи в монастырском строительстве, которое свидетельством других источников характеризуется как деятельность одной боярской семьи.

Сведения «Сборника епископа Павла» имеют определенную ценность и для уточнения дат берестяных грамот Михаила Юрьевича и его наследников. Позднейшие (по данным стратиграфии) грамоты Михаила Юрьевича залегают в слоях 3—4-го ярусов (1422—1446 гг.). В тех же слоях обнаружены и грамоты его наследников, причем контекст грамоты № 307, адресованной сыновьям и жене Михаила, не оставляет сомнений в том, что это письмо получено Настасьей уже в период ее вдовства. Стратиграфические показания берестяных грамот давали возможность сделать лишь весьма общий вывод о смерти Михаила Юрьевича в промежуток от 1422 до 1446 г. «Сборник епископа Павла» позволяет уточнить дату этой кончины. Михаил Юрьевич в последний раз упоминается в летописи под 1421 г., когда он был одним из представителей Новгорода на состоявшемся в январе указанного года Наровском съезде с Ливонским орденом³⁹. Но уже в 1423 г. монастырским строительством занята его жена. Очевидно, смерть Михаила Юрьевича может быть отнесена к самому началу 20-х годов XV в. и датирована временем между 1421 и 1423 гг.

Любопытно отметить, что это наблюдение подтверждает и хронологический вывод, касающийся духовной Орины. Будучи правнучкой Юрия, она приходилась внучкой Михаилу Юрьевичу (если, разумеется, у Юрия не было других детей, но о них источники не сообщают) и дочерью какому-то из сыновей Михаила — Андреяну или Миките. А эти последние, как показывает стратиграфия их берестяных грамот, жили во второй четверти XV в. Время деятельности следующего поколения этой семьи, таким образом, падает на третью четверть XV в.

3. Грамоты Максима

Предположения о том, что упомянутый в летописи под 1376 г. Максим Онцифорович был родным братом Юрия Онцифоровича, подтверждаются двумя аргументами. Во-первых, Максим упомянут в Клопском синодике среди других Мишиничей. Во-вторых, грамота № 370, найденная на усадьбе «И» в слоях 8-го яруса (1369—1382 гг.), адресована Юрию и Максиму. Можно добавить еще один аргумент. В грамоте № 300, полученной Михаилом Юрьевичем, упоминается «Максимов хором», в котором естественнее всего видеть хоромы Максима Онцифоровича⁴⁰. Существование брата Юрия Онцифоровича по имени Максим, таким образом, не вызывает сомнений. Не до конца аргументированным представляется мне только предположение о принадлежности именно Максиму Онцифоровичу еще четырех берестяных грамот — № 91, 271, 272 и 279.

В пользу принадлежности этих четырех грамот Максиму Онцифоровичу говорят стратиграфические условия их находки (все они обнаружены также в 8-м ярусе) и социальная характеристика адресата, который занимал административную должность сотского (№ 279) и распоряжался зависимыми от него людьми (№ 272). Против этого определения оставшаяся неразъясненной концентрация берестяных грамот, адресованных Максиму, не на достоверной посадничьей усадьбе «Д», а на находящейся по другую сторону Великой улицы усадьбе «Е».

Для более полного решения этого вопроса целесообразно привлечь и другие грамоты, содержащие в своем тексте имя Максим. К их числу относятся три документа, в которых Максиму принадлежит авторство (№ 253, 177, 290).

Грамота № 253, содержащая распоряжения Максима ключнику о выдаче Емельяну зерна, каких-то вещей и процентов и о сборе старост, обнаружена на усадьбе «Е» в слоях 7—8-го ярусов (1369—1396 гг.)⁴¹. Ее местонахождение и стратиграфическая дата полностью соответствуют данным четырех упомянутых выше грамот, полученных Максимом. Совпадает и социальная характеристика Максима, предстающего в грамоте № 253 феодалом-землевладельцем. Нет оснований разрывать комплекс грамот Максима, найденных на усадьбе «Е», и

предполагать в авторе грамоты № 253 какое-то иное лицо сравнительно с адресатом грамот № 91, 271, 279.

Грамота № 177 происходит из слоев 9-го яруса (1340—1369 гг.) и найдена на усадьбе «И», т. е. вне только что обрисованного комплекса. Она написана Максимом и содержит распоряжение попу выдать ключи Фоме, а также послать куда-то Григория Онфимова⁴². Арциховский не сопоставлял почерка грамот № 177 и 253, однако последовательное сравнение всех начерков обнаруживает, что оба эти документа являются автографами одного и того же лица. Автор этих грамот одинаково изображает «омегу», «еры», «добро» и все другие буквы, которые часто бывают снабжены характерными отсечками на концах линий. Интересно, что в обеих грамотах имя автора передано с ошибкой: «Маским».

Наконец, грамота № 290, адресованная Максимом Юрию и содержащая следующий текст: «Поклоно от Маскима ко Гюргю. Беи чело батку...», — найдена на усадьбе «Е», но в исключительно раннем слое 10—11-го ярусов (1299—1340 гг.). По поводу этой грамоты Арциховский писал: «Надо отказаться от искушения видеть здесь братьев Юрия и Максима Онцифоровичей. Стратиграфия этого не позволяет. Да и имя «Гюрги» слишком архаично»⁴³. Однако сравнение почерка грамоты № 290 с почерком уже известного нам Максима — автора грамот № 177 и 253 — устанавливает, что и грамота № 290 написана той же рукой. И здесь, как в рассмотренных выше письмах, автор пишет свое имя с ошибкой: «Маским». Таким образом, мы имеем право не архаизировать грамоту № 290, а, напротив, связывать ее с лицом, жившим в середине и второй половине XIV в. Ведь два других документа, написанных тем же почерком, извлечены из слоев этого времени. Расхождение новой датировки (1340—1369 гг.) со стратиграфической датой (1299—1340 гг.) здесь может быть минимальным. Такие небольшие расхождения всегда возможны: грамоты затаптывались в грязь, попадали в небольшие, практически не прослеживаемые углубления и т. д. А если это так, то автор грамот № 177, 253 и 290 был современником Юрия Онцифоровича. Но грамота № 290 дает основание утверждать также, что написавший ее Максим был братом Юрия, своего адресата. Сама форма челобития с употреблением слова «батка» (отец) такова, что не остав-

ляет сомнений в родственной близости автора и адресата письма.

Снова, как и в грамоте № 370, мы видим сочетание в одном документе имен Юрия и Максима, совпадающее с сочетанием имен братьев Онцифоровичей. Относя три автографа Максима к Максиму Онцифоровичу, мы теперь должны вернуться к сведениям об их усадебной принадлежности. Грамота № 177 найдена на усадьбе «И», уже известной нам по обнаруженным на ее территории письмам с именами Онцифора, Юрия, Михаила и детей Михаила. Грамоты № 253 и 290 происходят с усадьбы «Е», составляя часть комплекса, в который входят и те грамоты, которые были адресованы Максиму (№ 91, 271, 279). Последним обстоятельством, как кажется, и решается вопрос об общей принадлежности всех перечисленных грамот с именем Максима. Они написаны или получены одним человеком — Максимом Онцифоровичем, сыном посадника Онцифора и братом посадника Юрия.

4. Печать Афанасия Онцифоровича

Имя еще одного члена семьи Онцифоровичей, до сих пор совершенно не известное, позволяет установить найденная в 1954 г. костяная матрица для воскомастичной печати. Эта матрица представляет собой низкий цилиндр диаметром 18 мм и высотой 8 мм, имеющий сквозной канал для ношения на шнуре и снабженный на плоской поверхности штампа углубленной зеркальной надписью в четыре строки:

ОФА
НАСА О
НЦИ
ФО

Она была обнаружена в квадрате 972 Неревского раскопа на глубине 21—40 см. Ее стратиграфический уровень совпадает с уровнем напластований 2-го яруса, который дендрохронологически датируется серединой — второй половиной XV в. (1446—1462 гг.).

Разумеется, в момент находки костяная печать вызвала определенные ассоциации с уже открытой в 1953 г. первой серией берестяных грамот Онцифоровичей, однако тогда подтвердить такую связь было нечем. Афанасия Онцифоровича не знают другие источники, а стратигра-

фическая дата находки оказалась значительно моложе того периода, когда еще могли действовать возможные сыновья Онцифора Лукинича. Кроме того, место находки печати, обнаруженной на границе усадеб «Б» и «Е» в 25 м от мостовой Великой улицы, значительно отстояло от места средоточия берестяных грамот Юрия и Онцифора.

Исчерпывающая атрибуция костяной печати Афанасия Онцифоровича стала возможной лишь после находки в 1957 г. берестяной грамоты № 273. Эта грамота дошла до нас в обрывке, который сохранил полностью первые две строки письма: «Поклоно от Павла и от всих Мравгици ко Юрегу и ко Офону...»⁴⁴ Арциховский при публикации документа не связывал его с перепиской семьи Мишиничей, поскольку в своем тексте он не содержит прямых указаний на такую принадлежность. Стратиграфическое положение грамоты № 273 (из слоев 8-го или 9-го яруса) и дендрохронологическая ее дата (1340—1382 гг.) совпадают с периодом деятельности сыновей умершего в 1367 г. Онцифора Лукинича. Однако наличие в грамоте имени второго адресата — Афанасия, — вовсе не известного в других источниках, ставило под сомнение отнесение грамоты № 273 Юрию Онцифоровичу.

Сопоставление грамоты № 273 и костяной печати позволяет предпринять совместную атрибуцию обоих рассматриваемых памятников. Матрица печати засвидетельствовала существование в Новгороде лица, связанного с той территорией, которая была вскрыта Неревским раскопом, и носившего имя Афанасий Онцифорович. Грамота № 273, обнаруженная на стратиграфическом уровне берестяных грамот Юрия Онцифоровича, адресована Юрию и Афанасию. Она принадлежит к числу многочисленных среди берестяных документов крестьянских писем-челобитий феодалам и написана крестьянами села Мравгицы своим господам, выступающим как равноправные адресаты. Соединение всех этих данных дает возможность говорить о том, что грамота была получена братьями Юрием и Афанасием Онцифоровичами, и включить ее в число документов боярской семьи Онцифоровичей.

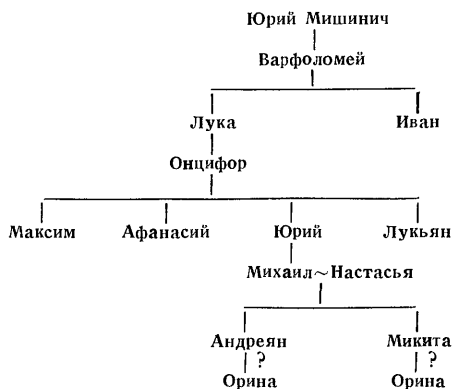
С другой стороны, сопоставление грамоты в печати позволяет определить найденную в 1954 г. костяную матрицу принадлежащей неизвестному в других источниках сыну Онцифора и брату Юрия и Максима — Афанасию Онцифоровичу — и датировать ее второй половиной

XIV в. Следует отметить, что и костяная печать, и грамота № 273 обнаружены на территории одной усадьбы («Е»).

Афанасий выступает в качестве адресата и в грамоте № 178, в которой некий Ксенофонт сообщает о покупке Ещерского уезда и других земель у Максима. Этот документ найден в 7-м ярусе (1382—1396 гг.) на усадьбе «К»⁴⁵. Каким бы заманчивым ни было желание связать названных в ней Афанасия и Максима с братьями Онцифоровичами, более правильным будет пока проявить осторожность. В этой грамоте Ксенофонт называет себя братом Афанасия, а наличие у Онцифора еще одного сына — Ксенофонта подтвердить независимыми источниками не представляется возможным.

Изложенные наблюдения позволяют реконструировать генеалогическую таблицу Мишиничей — Онцифоровичей (схема 2).

СХЕМА 2

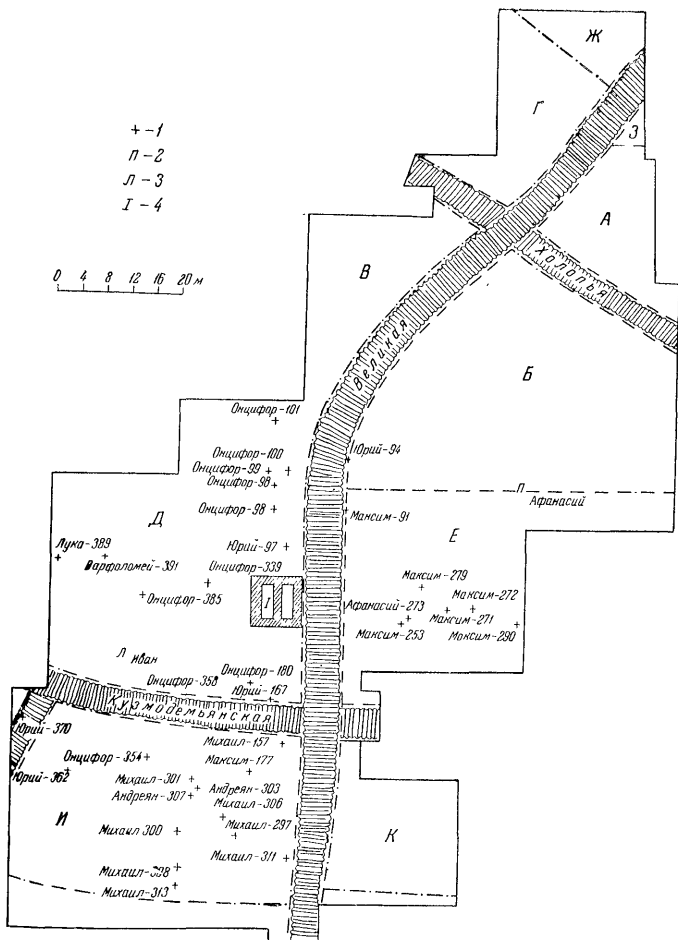
5. К вопросу о характере городской боярской усадьбы

Представляется вполне правомерной постановка следующего вопроса: существуют ли методические возможности установить принадлежность посадничьей или, во всяком случае, крупной боярской семье какой-либо из усадеб, раскопанных на Неревском конце, кроме тех очевидных возможностей, которые дает анализ берестяных текстов? Смогли бы мы предложить правильную социальную характеристику этих усадеб, в том числе усадьбы «Д», если бы берестяные грамоты не были найдены?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Посадничья усадьба «Д» не выделяется среди других дворов, открытых на Неревском конце, своими размерами. Ее площадь (около 2 тыс. кв. м) примерно равна площади любой другой здешней усадьбы. Стоящие на ней постройки своими размерами не отличаются от сотен других построек, находящихся на соседних усадьбах. Имея дело лишь с их нижними венцами, археологи лишены возможности проследить наличие каких-либо особенностей в декоре построек. Разумеется, каменный терем усадьбы «Д» принадлежит к числу ярчайших признаков социального характера и выделяет эту усадьбу, но указанная постройка возникла только на рубеже XIV—XV вв. Не позволяет обнаружить сколько-нибудь ярких отличительных признаков и инвентарь усадеб. Несомненно, в быту крупного феодала было больше предметов роскоши, но пока таких предметов найдено немного, и они не могут служить объектом статистического изучения и сопоставления.

Открытие берестяных грамот и их привлечение к характеристике городской усадьбы крупного новгородского боярского рода позволяют, как мне кажется, установить, в чем состоят объективные признаки городского землевладения этой категории феодалов. Дело заключается в том, что крупный боярский род владел не одной городской усадьбой, а целым комплексом дворов, составляющим значительную часть кончанской территории.

В самом деле, во второй половине XIV в. Онцифоровичам на исследованном участке Неревского конца принадлежали по крайней мере три усадьбы. На усадьбе «Д», выделившейся в начале XV в. своей каменной постройкой, найдены 12 грамот с именами Варфоломея (№ 391), Луки (№ 389), Онцифора (№ 98—101, 180, 358, 385), Юрия (№ 94, 97, 167) и ложка с именем Ивана Варфоломеевича. На соседней с ней усадьбе «И» найдены 14 грамот с именами Онцифора (№ 354). Юрия (№ 362), Юрия и Максима (№ 370), Максима (№ 177), Михаила Юрьевича (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313), Андреяна, Микиты и Настасьи (№ 307) и Андреяна (№ 303). С усадьбы «Е», примыкающей к усадьбе «Д» с востока, происходят 7 грамот с именами Максима (№ 91, 253, 271, 272, 279), Максима и Юрия (№ 290), Юрия и Афанасия (№ 273) и печать Афанасия Онцифоровича. Расположение грамот с определенными именами отли-

Сводный план расположения берестяных грамот и предметов с именами членов семьи Мишиничей — Онцифоровичей:

1 — грамота; 2 — печать; 3 — ложка; 4 — каменный терем.

чается достаточной последовательностью, для того чтобы утверждать, что Юрий Онцифорович жил на усадьбе «Д», его брат Максим — на усадьбе «Е», а дети и наследники Юрия — на усадьбе «И». Грамота № 300, упоминающая особый «Максимов хором», свидетельствует о том, что Максим жил на отдельной усадьбе.

Внимательно знакомясь с полными комплексами грамот, найденных на этих трех усадьбах в соответствующих слоях, мы обнаружим, что они отличаются несомненной чистотой. На усадьбе «Д» в слоях 5—11-го ярусов (1299—1422 гг.) нет ни одного документа с именем адресата, который не входил бы в число членов семьи Мишиничей — Онцифоровичей. На усадьбе «И» комплекс не так чист, однако грамоты, адресованные Онцифоровичам, и здесь резко преобладают. Наконец, на усадьбе «Е» грамоты Максима встречаются вместе с письмами, адресованными Григорию и Сидору или написанными ими. Отношение этих лиц к Максиму Онцифоровичу нам не известно, однако следует вспомнить, что имя Григория имеется в списке строителей Колмова монастыря в Клопском синодике. Иными словами, Григорий назван там среди родственников Юрия Онцифоровича.

Формирование этого комплекса усадеб теоретически можно представить двояким способом. Боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые дворы по мере расширения семьи и ее богатств. Но она могла и изначально владеть обширным участком кончанской территории, многими усадьбами, часть которых была заселена зависимыми от нее людьми, и только по мере необходимости осваивать эти усадьбы для личных нужд членов семьи, когда ее состав увеличивался.

Для решения этого в высшей степени интересного и важного вопроса мы не располагаем пока достаточно убедительными материалами. Однако кое-что, как мне кажется, дают наблюдения над комплексом берестяных грамот из слоев XIV в. на усадьбе «И». Здесь древнейшие грамоты с именами Мишиничей обнаружены в слоях середины XIV в. и датируются временем Онцифора Лукинича.

В более раннее время на усадьбе «И» жили духовные лица. В 12—13-м ярусах (1268—1299 гг.) найдены берестяной ярлык с надписью «Марии ц[е]рн[ицы]» (№ 323), а также обрывок грамоты с текстом церковно-литератур-

ного характера (№ 331) ⁴⁶. Из слоев 12-го яруса (1281—1299 гг.) извлечен серебряный сосуд литургического назначения с надписями «мюро» и «масло» ⁴⁷. В слое 11-го яруса (1299—1313 гг.) найдена грамота со словами «Еванове попове» (№ 319) ⁴⁸. Наконец, в слоях 9-го яруса (1340—1369 гг.) обнаружены три грамоты подобного характера. Грамота № 317 проникнута церковной фразеологией ⁴⁹; обрывок грамоты № 368 содержит обращение к попу Максиму ⁵⁰; грамота № 177 также адресована попу ⁵¹. Однако эта последняя написана Максимом Онцифоровичем. В ее тексте содержатся хозяйственные распоряжения боярина попу, что, на мой взгляд, свидетельствует о существовании определенной зависимости жителей усадьбы «И» священнослужителей от семьи Онцифоровичей. Еще до водворения здесь самих членов этой семьи они уже имели возможность распоряжаться живущими на усадьбе «И» лицами. Замечу также, что все материалы, связанные с духовенством, концентрируются в восточной части усадьбы «И», выгороженной частоколом, что говорит о том, что клиру одной из ближайших церквей была выделена часть этой усадьбы.

Сознавая недостаточность привлеченного аргумента для обоснования вывода об изначальной принадлежности усадьбы «И» предкам Онцифоровичей, мы, однако, вовсе не находим аргументов для подкрепления противоположной версии о постепенном расширении городского землевладения боярской семьи путем последовательных прикупок новых усадеб.

На усадьбе «Д» древнейшим документом посадничьей семьи оказывается грамота № 391, найденная в 11-м ярусе (1299—1313 гг.), написанная Варфоломеем Юрьевичем и положившая начало формированию исключительно чистого по своему составу комплекса грамот посадничьей семьи этой усадьбы. Однако присутствия Мишиничей на усадьбе «Д» в более раннее время не наблюдается. Здесь нет ни одного документа с именем Юрия Мишинича, хотя деятельность этого посадника охватывает значительный хронологический отрезок с 1291 по 1316 г. Нет здесь грамот и отца Юрия — Миши. Напротив, в слоях второй половины XIII в. собраны грамоты, сохранившие совсем другие имена. Уже в 11-м ярусе, кроме грамоты Варфоломея, найдена грамота с именем Кузьмы (№ 393); то же имя читается в грамоте из слоя 11—12-го ярусов

(1281—1313 гг.): «От Петра к Кузьме» (№ 344). В слоях 11—12-го ярусов обнаружены также две грамоты с именем Никифора (№ 346 и 412) и грамота с именем Ксении (№ 411)⁵².

Между тем можно решительно утверждать, что род Мишиничей не был для данной территории пришлым и водворившимся здесь только при Варфоломее. Он тесно связан с Великой улицей уже в последней четверти XIII в., на что указывает политическая деятельность Юрия Мишинича, который с 1291 г. был в новгородском посадничестве представителем Неревского конца⁵³. На связь его с раскопанной на Неревском конце территорией указывает и место его погребения в церкви Сорока мучеников, расположенной вблизи раскопанных усадеб. За пределами раскопа, но поблизости от него находилась усадьба Лукьяна Онцифоровича, грамот которого на раскопе не найдено: здесь стояла построенная им церковь Спаса.

Несомненно, что тремя раскопанными в 1951—1962 гг. усадьбами не исчерпывается комплекс принадлежавших семье Мишиничей — Онцифоровичей усадеб. Он продолжался за пределы изученного участка, — по-видимому, на юг от него, в район церкви Сорока мучеников, и на запад, в район церквей Спаса на Разваже и Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице. Более того, относительно этой предполагаемой территории городского землевладения Мишиничей раскопанные усадьбы занимают крайнее положение.

В этой связи необходимо еще раз вернуться к вопросу о предках Мишиничей, поскольку существующее в литературе этого вопроса решение способно породить некоторые сомнения в исконности связи Мишиничей — Онцифоровичей с Неревским концом. Арциховский в родоначальнике Онцифоровичей видит Мишу, героя Невской битвы 1240 г. «Никто больше в летописи такого имени не носит, — пишет Арциховский, — хотя новгородцев Михайлов там больше тридцати. Эта форма имени настолько связана была в XIII в. с этим человеком, что в конце века два боярина, явно его сыновья, носили отчество Мишинич, никогда больше не встречаемое. Выводить этот род от другого Миши невозможно. Остальные летописные Михайлы были, вероятно, Мишами для родных и друзей, но это уменьшительное имя на страницах летописи встречается лишь под 1228—1257 гг. Оно было для всего Нов-

города связано только с одним популярным человеком и отличало его от многочисленных тезок. Своеобразие отчества Мишиничей это подчеркивает»⁵⁴.

Сведения о потомках Миши, героя Невской битвы, содержатся в родословных книгах XVI в. и в синодике новгородской Вознесенской церкви⁵⁵. В этих родословцах, куда внесены ссылки на подвиги Миши на Неве, указывается место его погребения в Новгороде — «у Михаила святого на Прусской улице» (Родословная книга) или в церкви Вознесения на Прусской улице (Вознесенский синодик). Если правы и родословцы, и синодик, и Арциховский, то придется предположить, что Мишиничи во второй половине XIII в. переселились с Прусской улицы в Неревский конец.

Оценивая достоверность сведений родословия происходящих от Миши Морозовых, Арциховский писал: «Но оно не заслуживает никакого доверия. Подобные позднейшие родословия вообще любили связывать свои генеалогии с летописными именами, примеров чему много. Можно предположить, что Морозовы произошли от Михаила Мишинича, но и это доказать нельзя, а ветвь Юрия Мишинича бесспорна»⁵⁶.

Однако указанные родословцы перечисляют и потомков Миши. Вот эти имена: «А у Михаила сын Терентей, а у Терентья сын Михайло ж, а у Михаила сын Семен, а у Семена сын Иван Мороз». Как видим, ни Михаила Мишинича, ни Юрия Мишинича в приведенном списке нет, хотя их летописные имена могли бы быть достаточно выигрышными для придания родословцу черт большей достоверности. Зато названный в нем Иван Мороз упоминается в летописи под 1413 г. как строитель церкви Зачатия Иоанна Предтечи на Десятине, в Людином конце, в непосредственной близости к Прусской улице⁵⁷. Вознесенский синодик, называющий те же имена, не только сообщает генеалогические сведения; он пользуется более древним источником, описывающим ктиторские фрески и надгробия перечисленных в родословии лиц, которые все были похоронены на Прусской улице. Мы видим, что цепочка перечисленных имен прочно прикреплена обоими концами к Прусской улице, но это не те имена, которые знакомы нам по берестяным грамотам Неревского раскопа. Разумеется, эти материалы не исключают предположения о том, что род Миши мог разделиться, один из его сыновей остался на Прусской

улице, а два других перешли в Неревский конец, однако вполне очевидна искусственность подобного предположения.

Отсутствие прямых указаний на действительных предков неревских Мишиничей ведет к попытке искать их косвенным путем. В этой связи определенные возможности открывает знакомство с историей церкви Сорока мучеников, в которой Мишиничи хоронили членов своей семьи до того момента, когда с основанием Колмова монастыря в 1392 г. Юрий Онцифорович создал там новую семейную усыпальницу.

Церковь Сорока мучеников была заложена в 1200 г. Инициатором ее постройки летопись называет Прокшу Малышевича, а под 1213 г. она так рассказывает об окончании ее строительства: «Того же лета, волею божиею, съверши церковь камяну Вячеслав Прокшиниць, вьнук Малышев, Святых 40; а даи бог ему в спасение молитвами святых 40». В 1227 г. церковь была расписана тем же Вячеславом, Малышевым внуком⁵⁸.

О Вячеславе Прокшиниче летописец знает не только как о строителе церкви Сорока мучеников. В 1224 г. он был членом новгородского посольства к князю Юрию Всеволодовичу. В 1228 г. летопись титулует его тысяцким, а под 1243 г. сообщает о его смерти 4 мая в монашеском чине под именем Варлаам в Хутынском монастыре⁵⁹.

Летописцу известен и большой круг его родственников. В 1247 г. в том же Хутынском монастыре и тоже в монашеском чине под именем Анкидин умер сын Вячеслава Костянтин Вячеславич. В 1219 г. во время очередного столкновения в Новгороде был убит брат Вячеслава Костянтин Прокшинич, которого летопись называет жителем Неревского конца. Под 1228 г. упоминается другой брат Вячеслава — Богуслав. Хорошо известен и отец Вячеслава — Прокша Малышев, судьба которого стала образцом для его сына и внука. Летопись под 1207 г. сообщает: «В то же лето преставися раб божии Парфурii, а мирьскы Прокша Малышевиць, постригся у святого Спаса на Хутине, при игумене Варламе; а покой, господи, душу его»⁶⁰.

У нас нет возможности сомкнуть Малышевичей и Мишиничей в одну цепь генеалогических связей из-за отсутствия сообщений второй половины XIII в. Но мы уверенно можем утверждать, что на рубеже XII—XIII вв. комплекс усадеб, хозяевами по крайней мере части которого

спустя сто лет были Мишиничи, принадлежал Малышевичам. Еще в 1954 г. во время раскопок усадеб «А» и «Г», расположенных к северу от Холопьевой улицы, были найдены две грамоты — № 114 и 115⁶¹. Первая обнаружена в слоях 16-го яруса (1197—1224 гг.), вторая — в слоях 17-го яруса (1177—1197 гг.). Автором первой грамоты был Богош, т. е. Богуслав, автором второй — Прокш, т. е. Прокша.

Если идентификация Прокши и Богоша соответственно с Прокшей Малышевичем и Богуславом Прокшиничем верна, то, даже не решая вопроса о связи Малышевичей и Мишиничей, мы имеем основание утверждать, что Малышевичи на рубеже XII—XIII вв. распространяли свое влияние на значительный район Новгорода, от церкви Сорока мучеников до усадеб на Холопьевой улице, тогда как в XIV—XV вв. по крайней мере значительный участок этой территории принадлежал Мишиничам. Иными словами, картина городского землевладения новгородских бояр, установленная для XIV—XV вв., обретает характер традиционности.

Резюмируя изложенные наблюдения, возможно утверждать, что при любом решении вопроса о путях сложения такого порядка городское землевладение крупного боярства в Новгороде осуществлялось в специфических формах, при которых в руках одного боярского рода находилось много усадеб. Крупные боярские семьи владели не мелкой ячейкой городской территории — усадьбой, а целыми районами в своих концах. Эти районы составляли основу объединения под властью или влиянием владевших ими боярских семей тех отрядов зависимого от бояр населения, которое поддерживало их в политической борьбе. Устойчивость внутрикочанских связей, столь характерная для Новгорода на всем протяжении его независимости, уходит корнями в эту особенность кочанской организации. Полагаю, что сама традиционность таких связей могла бы служить существенным аргументом в пользу изначальности установленных форм городского боярского землевладения.

Для дальнейшего изучения обозначившейся таким образом проблемы несомненный интерес представляют наблюдения П. И. Засурцева, который, анализируя особенности застройки исследованной на Неревском раскопе территории, пришел к выводу, что усадьбы южной части раскопа, т. е. как раз те двory, где в XIV в. жила посад-

ничья семья, во второй половине X в. составляли часть уходящего в основном за южную границу раскопа первоначального поселка. Противопоставляя этот поселок остальной раскопанной площади, исследователь писал: «Поселение, открытое в южной части раскопа (и датированное серединой X в. — 953 г.), по-видимому, было уже городом»⁶².

Изложенные наблюдения не расходятся с выводами Б. Д. Грекова, который собрал любопытные материалы, свидетельствующие о том, что концы Новгорода были не только формой членения города на административные районы, не только частями городской территории, но и формой объединения ее более дробных элементов. Предполагая, что кончанская организация могла быть не только исконной, но и догородской, Б. Д. Греков сопоставлял ее с кончанским делением новгородских волостей, в системе которых концами именовались административные совокупности деревень⁶³. Эта мысль находит теперь подтверждение. По-видимому, концы в Новгороде возникли как объединение нескольких боярских поселков, сохранивших свою зависимость от боярских семей вплоть до последнего этапа существования Новгородской боярской республики.

¹ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, М., 1963, № 123; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 34—41.

² НПЛ, М.; Л., 1950, с. 374, 407; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 233.

³ НПЛ, с. 472.

⁴ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 25, 258.

⁵ НПЛ, с. 345, 355, 362—363; ПСРЛ. СПб., 1897, т. 9, с. 9.

⁶ НПЛ, с. 344; ГВНиП. М.; Л., 1949, с. 65, № 37.

⁷ НПЛ, с. 94, 326, 336, 355.

⁸ Там же, с. 322—324, 472.

⁹ Там же, с. 373; ПСРЛ. М., 1965, т. 30, с. 186.

¹⁰ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, № 91, 94, 97—101; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.). М., 1958, № 157, 167, 180; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, № 271, 272, 279, 297, 300, 301, 303, 306—308, 311, 313; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, № 339, 354, 358, 362, 370, 385, 389, 391; *Он же.* Письма Онцифора.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 109—117.

- ¹¹ В грамоте № 339 нет имени, по адресат назван посадником, и в стратиграфических условиях 7-го яруса (1382—1396 гг.) она может соответствовать лишь Онцифору (Юрий Онцифорович был избран на посадничество в 1409 г.).
- ¹² НПЛ, с. 58, 259, 355.
- ¹³ Воробьев А. В. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII в.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961, вып. 10, с. 237.
- ¹⁴ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, ч. 1, с. 218; ГИМ, Син. № 240, приписка на последнем листе. Остатки Козмодемьянской церкви на Козмодемьянской улице были обнаружены в 1960 г. (Полубояринова М. Д. Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде.— Советская археология, 1965, № 1, с. 303).
- ¹⁵ Остатки церкви Спаса на Разваже были обнаружены в 1959 г. (Орлов С. Н. К топографии древнего Новгорода.— Советская археология, 1961, № 4).
- ¹⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.), с. 40.
- ¹⁷ НПЛ, с. 361—362, 366, 371, 391, 400, 401.
- ¹⁸ Там же, с. 400.
- ¹⁹ Хорошев А. С. Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре.— Вестник Московского университета. Сер. IX. История, 1966, № 2, с. 77—82.
- ²⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 230. В действительности цитированное место является искаженным и анахронистическим парафразом рассказа той же летописи под 1375 г.: «Соверши Юрьи посадник в Новгороде церковь каменну Иоанна Златоустаго в каменном городе Детинце, в Околотке. А на Холопьи улицы совершиша церковь каменну Козмы и Дамиана» (там же, с. 240). Из этого рассказа следует, что Юрий отношения к строительству церкви Козмы и Демьяна на Холопьевой улице Неревского конца не имел. Храм Иоанна Златоуста находился в той части Детинца, к которой примыкает Загородский конец. Название этой церкви сохранилось в имени стоявшей рядом и существующей ныне Златоустовской башни Детинца.
- ²¹ Арциховский А. В. Изображение и надпись на ложке из Новгорода.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 266—270.
- ²² Макарий. Археологическое описание, ч. 1, с. 588; Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв.— В кн.: Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 285, № 3. После слов «на Паше и на Табале землю, и воды, и ловища, и пожни» Корецкий вводит коньектуру: «и поволховские сельца у Петра святого на другой стороне Волхова, в Сийне и на Пидьбе, сельца и воды и пожни», основанную на изложении духовной в грамоте 1538—1539 гг. (там же, с. 280).
- ²³ Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты, с. 280.
- ²⁴ Макарий. Археологическое описание, ч. 1, с. 588. Колмов монастырь с 1686 по 1764 г. был приписан к Архиерейскому дому, а затем его церковь стала больничной (там же, с. 589—590). Корецкий ошибается, считая, что Колмов монастырь в XVIII в. был приписан к Клопскому монастырю.
- ²⁵ Эту ошибку вслед за Макарием повторил П. М. Строев (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския

церкви. СПб., 1877, с. 97). Она же допущена в «Указателе к первым восьми томам ПСРЛ» (СПб., 1898, отдел 1, ч. 2, с. 118), в «Указателе географическом к первым восьми томам ПСРЛ» (СПб., 1907, отдел 2, с. 213), в указателе к изданию Новгородской I летописи (НПЛ. М.; Л., 1950, с. 608), в таких книгах, как: *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Л., 1939, с. 85; *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.; М., 1961, с. 283. Ясность в названиях этих двух урочищ была внесена еще В. С. Передольским (*Передольский В. С.* Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 91—92).

- ²⁶ Новгородские летописи, с. 214.
- ²⁷ Состояние Коломецкого монастыря после шведской оккупации в Описи Новгорода 1617 г. изображено следующим образом: «Монастырь живоначальные Троицы на Коломце. Церковь и паперть каменная, в церкви окна и тябла и чепь все розломано. А келей на монастыре и иных никаких хором и около монастыря ограды нет ничево..., а старцов того монастыря один старец» (ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, оп. 1, 1617 г., д. 7, л. 241—243).
- ²⁸ ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 346; СПб., 1851, т. 5, с. 241; М., 1959, т. 26, с. 154.
- ²⁹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 82. Новгородская III летопись уточняет наименование этой церкви, называя ее храмом Чуда архистратига Михаила (Новгородские летописи, с. 261), т. е. Чуда в Хонех, а перечень новгородских ружных церквей 80-х годов XVI в. уточняет ее местоположение: «на Колмове, что в Королеве» (Временник ОИДР, М., 1856, кн. 24, Смесь, с. 37).
- ³⁰ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 372.
- ³¹ *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты, с. 285, № 1.
- ³² Новгородские летописи, с. 247—248.
- ³³ НПЛ, с. 387.
- ³⁴ Новгородские летописи, с. 256.
- ³⁵ НПЛ, с. 412; ср.: ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 426; Новгородские летописи, с. 261.
- ³⁶ НПЛ, с. 414.
- ³⁷ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 431; т. 30, с. 166.
- ³⁸ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 309, примеч. 1.
- ³⁹ НПЛ, с. 413; ср.: ГВНИИ, с. 99—100, № 60.
- ⁴⁰ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 131—132.
- ⁴¹ Там же, с. 80—81.
- ⁴² *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.), с. 61—62.
- ⁴³ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 119.
- ⁴⁴ Там же, с. 99—100.
- ⁴⁵ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.), с. 62—64.
- ⁴⁶ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 13, 18—20.

- ⁴⁷ *Седова М. В.* Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода.— Советская археология, 1964, № 1, с. 334.
- ⁴⁸ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 9.
- ⁴⁹ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 151.
- ⁵⁰ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 66—67.
- ⁵¹ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.), с. 61—62.
- ⁵² *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 96, 32, 33—35; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 16—17.
- ⁵³ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 169—170.
- ⁵⁴ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 147.
- ⁵⁵ *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Морозовых.— В кн.: История и генеалогия. М., 1977; *Он же.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 204—212.
- ⁵⁶ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 147.
- ⁵⁷ НПЛ, с. 404.
- ⁵⁸ Там же, с. 44, 52, 65, 238, 249—250, 270.
- ⁵⁹ Там же, с. 64, 66—67, 79, 268, 271, 273, 279.
- ⁶⁰ Там же, с. 50, 59, 67, 79, 247, 259, 273, 304.
- ⁶¹ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1953—1954 гг.), с. 47—48.
- ⁶² *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода, с. 86.
- ⁶³ *Греков Б. Д.* Новгородский дом св. Софии.— В кн.: Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960, т. IV, с. 185.

РОДСТВЕННИКИ И СОСЕДИ ОНЦИФОРОВИЧЕЙ
БОЯРЕ МИШИНИЧИ — МАТФЕЕВИЧИ

Как показано в первой главе, изучение топографии найденных на Неревском раскопе берестяных грамот позволило установить, что расположенные на западной стороне Великой улицы у ее перекрестка с Козмодемьянской усадьбы «Д» и «И» в XIV в. и первой половине XV в. были собственностью боярской семьи Мишиничей — Онцифоровичей. Здесь концентрировались письма, адресованные членам шести поколений этой семьи, начиная от Варфоломея и кончая Андреемом и Микитой — внуками Юрия Онцифоровича. Усадьба «Д», где при Юрии был построен каменный терем, находится на северной стороне, а усадьба «И» — на южной стороне Козмодемьянской улицы. Принадлежала Онцифоровичам и усадьба «Е» на северной стороне Козмодемьянской улицы за перекрестком ее с Великой; на ней обнаружены берестяные грамоты, адресованные братьям Юрия — Максиму и Афанасию Онцифоровичам.

Что касается усадьбы «К», расположенной на том же перекрестке в его юго-восточном секторе, и едва тронутого раскопками двора к югу от усадьбы «И», тяготеющего уже не к Козмодемьянской, а к Разваже улице, то их конкретная принадлежность остается совершенно неясной. Между тем этот вопрос имеет принципиальное значение. Неустановленные владельцы самых южных усадеб Неревского раскопа могут принадлежать к числу тех же Онцифоровичей, но они также могут оказаться представителями совершенно иных боярских родов вопреки высказанному выше предположению о том, что массив городских усадеб Мишиничей простирался на юг до церкви Сорока мучеников. В первом случае уже исследованные усадьбы Онцифоровичей окажутся только частью значительного родового комплекса единого боярского городского землевладения. Во втором — объем такого зем-

левладения ограничится сравнительно небольшим числом усадеб. Иными словами, от правильного ответа на этот вопрос зависит и представление об особенностях структуры родового боярского гнезда, этой немаловажной ячейки средневекового города. Попытаемся поэтому выяснить принадлежность указанных усадеб в XIV—XV вв.

В 1955 г. на усадьбе «К» в слоях 7-го яруса (1382—1396 гг.) была найдена берестяная грамота № 178 со следующим текстом: «Поклонъ от Синофонта ко брату моему Офоносу. Буди тоби сведомо, купиле есомъ перво Максима Ещерски уезд и Замолмовсови и свое сироти в Симовли, а на Хвоини. А Максиме, Иване Широки ту же было»¹.

Издавший эту грамоту Арциховский локализовал упомянутое в ней земельное владение в Никольском Будковском погосте Водской пятины, где расположены река Ещера (Ящера) на всем протяжении ее течения и озеро Хвойно. Хвойно находится в нижнем течении Оредежа — правого притока Луги. Ящера — также правый приток Луги, следующий за Оредежем вниз по ее течению.

Топонимы «Замолмовсови» и «в Симовли» Арциховским идентифицированы не были, и это побудило А. В. Кузу и А. А. Медынцеву предложить иную разбивку грамоты № 178 на слова: «...И замолви слово свое. Сироти, вси, молви, а на Хвойни...» Столь очевидное насилие над текстом привело в недоумение самих авторов новой интерпретации. «Не совсем понятно, — пишут они, — почему Офонос должен сказать о том, что все «сироти» — крестьяне находятся на озере Хвойне и где были Максим и Иван Широкий — на озере или при заключении сделки»².

Между тем вопрос о значении слова «Замолмовсови» решается достаточно просто обращением к материалам по Никольскому Будковскому погосту в писцовой книге 1500 г., в которой имеется следующее суммарное описание интересующей нас волости: «А угодыя тое волостки озеро Хвойно, а сквозе его течет река Ардеж, а ловят в нем всякую рыбу белую неводом; да в Моллосове озере половина, а ловля в нем неводная ж»³. Очевидно, что «Замолмовсови» — слово, которое следовало бы читать «за Молмовсови», является искажением правильного «за Моллосовом», т. е. за озером Моллосовом.

Сложнее обстоит дело с истолкованием слов «в Симовли». Такого селения писцовая книга не знает, хотя опи-

сание Никольского Будковского погоста в ней отличается редкостной полнотой. Разумеется, речь здесь могла бы идти о какой-то деревне, исчезнувшей к моменту составления старого письма. Однако, оказывается, Симовло случайно пропущено писцами. Деревня с таким названием имеется на 10-верстной карте Генштаба съемки 1868 г. в 6 верстах к северо-востоку от озера Хвойно, т. е. на территории того же Никольского Будковского погоста, в котором находятся остальные упомянутые в грамоте пункты.

Существенным представляется рассмотрение самих купленных Ксенофонтом волосток и их дальнейшей судьбы.

В эти владения, как уже было отмечено, входят Ещерский уезд, пространство за Моллосовом озером и озеро Хвойно. Все эти места подробно описаны в писцовой книге 1500 г., которая сообщает имена не только новых владельцев, московских помещиков, но и всех тамошних вотчинников времен новгородской независимости.

Ещерский уезд в этой книге описан как единая «великого князя волостка Олександровская Самсонова, да Ивановская Петрова, да Яковльская Коробова» со следующим распределением по владельцам. Александру Самсонову в ней принадлежали деревни: Ещера на речке Ещере (с Погорельской на Луге пожней), Кушкино над озером Кущинским (половина деревни числилась за Кузьмой Фефилатовым) — на Александровой половине этой деревни жил «ключник Александров, а пахал на себя», Василева на Ещере, Заполье на Ещере, Заречье на Ещере (с пустошью Ихвини), Долгое на Ещере, Деревик на Ещере, Пелеш на Ещере, Максимов Пихинец на Ещере, Каменка, Пелково, Остров. В общей сложности объем этого владения исчислялся в 22,5 обжи; кроме того, в деревне Ещера в доход шло полovie из хлеба.

В уезде имелись «вопчие» деревни Александра Самсонова и Ивана Петрова: Болото на Ещере и Надозерье. Совладельцам Александру и Ивану принадлежало по половине каждой деревни, другие их половины соответственно числились за Никольским Вяжищским монастырем и за Кузьмой Фефилатовым. Общий объем владений Александра Самсонова и Ивана Петрова равен здесь 5,5 обжи.

Наконец, Ивану Петрову и Якову Коробову в том же уезде принадлежала деревня Порлово на Ещере объемом в 1 обжу⁴.

Хвойнинские владения — также единая «великого князя волостка на Хабалине горе Олександровская Самсонова, да Фомы да Юшка Степановых детей Клепалницына, да Дмитриевская, да Васильевская, да Онфимовская Фофановых детей, да Федотовская Базина».

Александру Самсонову в ней принадлежали «село Хабалина гора над озером над Хвойном; а в нем церковь Покров Пречистые, да двор большой с садом..., да под тем же селом озеро Хвойно, а всквозе его течет река Ардеж, а в нем ловля неводная, а ловят всякую рыбу белую лете и зиме», а также деревни Замостье, Илово, Крюковичи на Оредеже, Точища, Закражье на Оредеже, Хвойно над озером Хвойном. Общий объем этих владений — 13,5 обжи.

Кроме того, ряд деревень здесь — «вопчие Олександровские»: Гора (другая ее половина принадлежала Ивану Язжинскому и своеземцам Кошелковым), Горица (половина — Василия Есипова), Банково (две трети — Савелия Микитина и Алексея Юрьева), Моллосово над озером Моллосовом («а в озере ему половина»), Щербина, Милятево (последние три в других половинах — Василия Есипова), Ивановка (три четверти ее — Ивана Язжинского и Кошелковых). Общий объем владений Александра Самсонова в этих «вопчих» деревнях — 12,5 обжи.

Клепалницыным в той же волостке принадлежали деревни Любино, Дора и Горка объемом в 13 обеж. Фофановым и Базину — четверть деревни Пантелеевичи (4 обжи); остальными тремя четвертями владели Михай Огафонов, Домант Иванов, Дементий и Александр Кошелковы, Костя Павлов, Фома Якимов, Олферий Пшонкин и своеземцы Федка Юрьев, Остафьевская жена Васиса и ее сын Наумко⁵.

Мы видим, что основным землевладельцем в обих волостках был Александр Самсонов, который и оказывается наследником земель, приобретенных в конце XIV в. Ксенофонтом. Возникает вопрос, был ли Александр Самсонов потомком Ксенофонта или эти участки приобретены им (или его ближайшими предками) у Ксенофонта или прямых наследников последнего.

Принципиальный ответ на этот вопрос дают показания Лавочных книг Леонтия Аксакова и Алексея Малахова 1582—1583 гг., в которых содержатся реликтовые сведения о некоторых дворовладельцах Козмодемьянской ули-

цы Неревского конца периода новгородской независимости. Напомню, что усадьба «К», с которой происходит берестяная грамота № 178, находилась на Козмодемьянской улице.

Описывая садовые места Неревского конца, Лавочные книги отмечают: «На Кузмодемьяне ж улицы: сад Олександровской Самсонова, да Михайловской Селезнева, да Олферьевской Пшонкина, да Степановской Мошенника, да Сидоровской Иванова, да Марковской Панфилова, да Ивановской Клайдовского спущен вместо, а мера тем садком 7 садком длина 70 саж., а 5 саж. подошло под Новую улицу, а поперек от Кудашова огорода Секирина до Яковлеви улицы 10 саж., длина 9,5 саж. — за игуменом за Илинархом з братьею Духова монастыря»⁶.

Таким образом, Александр Самсонов был жителем Козмодемьянской улицы Неревского конца, т. е. наследником не только земель в Никольском Будковском погосте, но и городских владений того комплекса, где найдена берестяная грамота Ксенофонта.

Александр Самсонович как новгородский посадник упомянут летописями под 1472 г., когда он сопровождал в Москву избранного в архиепископы Феофила, под 1475 г., когда он участвовал во встрече Ивана III во время «мирного похода», и под 1476 г., когда он давал пир в честь великого князя⁷. Замечу, что культурные напластования столь позднего времени на Неревском раскопе не сохранились.

Редкое для Новгорода отчество облегчает поиски отца Александра Самсоновича. Под 1417 г. Новгородская I летопись сообщает следующее: «...с Вятки, из князя великого отчине, князь боярин Юрьев Глеб Семенович с новгородчкими беглице с Семеоном Жадовьским и с Михаилою с Росхохиным, и с устюжаны, и с вятцаны изъехаша в насадах без вести в Заволочьскую землю и повоеваша волость Борок Ивановых детеи Васильевича, и Емцю и Колмогоры взем и пожгли, и бояр новгородчких изымаша: Юрья Ивановича и брата его Самсона. Иван Федорович и брат его Офонос, Гаврила Кирилович, Исак Ондреевич, сугнав их под Моржом на острове, братью свою Самсона и Юрья отьяша и полон весь и с животы, а их отпустиша. А Василии Юрьевич, сын посадницъ, Самсон Иванович, Гаврила Кюрилович, брат его Григорей с заволочаны идоша за разбоиники в погоню и пограбиша Устюг»⁸. В 1434 г. Самсон Иванович

был посадником⁹. Занимал он этот пост и в 1448 г., когда принял участие в заключении Наровского мира¹⁰.

Цитированный летописный рассказ 1417 г. называет имя отца Самсона Ивановича — новгородского боярина Ивана Васильевича, который около 1421 г. был избран в посадники¹¹.

Прямых сведений о происхождении Ивана Васильевича не имеется¹². Однако, если уже изложенные сопоставления справедливы, к проблеме его предков возможно подойти иным путем. В 1958 г. на усадьбе «И», т. е. в усадебном комплексе Мишиничей, была найдена берестяная грамота № 352 — фрагмент крестьянского письма, адресованного «...андровичю с[ы]ну посадничю»¹³. Грамота обнаружена в слое 4-го яруса (1422—1429 гг.) и может быть связана с сыном одного из двух существовавших в Новгороде в близкое время посадников — Александра Фоминича (умершего в 1421 г.)¹⁴ или Александра Игнатъевича, который до 1416 г. был тысяцким, а в 1416 г. или годом позже избран на посадничество¹⁵. Но принадлежность Александра Фоминича к Прусской улице, т. е. к другому району Новгорода, несомненна, тогда как место жительства Александра Игнатъевича остается неизвестным. В 1962 г. я высказал предположение о том, что он мог быть скорее всего жителем Неревского конца¹⁶. Это предположение подтверждается находкой не только грамоты № 352, адресованной его остающемуся нам не известным по имени сыну, но и другой берестяной грамоты, адресованной ему самому. Имею в виду грамоту № 314, которая была найдена на усадьбе «И» в 1957 г. в слое 7—8-го ярусов (1369—1396 гг.): «[Че]лобетъе от Олоферья къ Олек[s]андру. Велель есе его съгнате... чюль есмь от людьи, Мекефорко хъцьтъ оу тьбе прошатесе на Лунену. А на Лунене человекъ добръ. А сбродну ... не име»¹⁷. Замечу, что в Передольском погосте на Луге рядом с бывшей деревней Александра Самсоновича Новая писцовая книга отмечает деревню Лунец¹⁸.

Я подробно остановился на материалах, связанных с Александром Игнатъевичем, потому, что у него был родной брат Василий. Оба брата известны по сохранившимся свинцовым печатям, на которых они титулованы новгородскими тысяцкими¹⁹, а имя Василия Игнатъевича фигурирует и в известных летописных списках тысяцких²⁰. В 1411 г. Василий Игнатъевич вместе с неким

Андреем Ивановичем (оба они в документе называются «добрыми людьми») принимал посредническое участие в ликвидации тяжбы между юрьевским купцом Гансом Вреде и новгородцем Иваном Кочериным²¹.

Предположив, что именно Василий Игнатьевич был отцом Ивана Васильевича и дедом Самсона Ивановича, мы получим подтверждение в берестяной грамоте № 135, найденной при случайных обстоятельствах еще в 1954 г. Эта грамота была обнаружена при наблюдениях над работами по благоустройству улицы Горького (б. Садовая) в выбросе из траншеи городских коммуникаций. Место находки отстоит от южного края раскопа 1954 г. на 60 м, а от Великой улицы — на 40 м к западу, что соответствует соседнему с усадьбой «И» и расположенному к югу от нее двору, который своей восточной границей выходил на Великую улицу, а южной — на Разважу. Грамота № 135, датируемая по палеографическим признакам рубежом XIV—XV вв., содержит следующий текст: «Целобетье от Иева къ Василью Игнатьву. Цо еси посла детину да седла да выжля, по тому опознав да отадеели, а цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А нонече, осподин, пецалесь детьме моими»²².

Имя отца Александра и Василия Игнатьевичей — Игната, по-видимому, также проявляется в берестяных грамотах Неревского раскопа. Имею в виду грамоту № 363, найденную в слое конца XIV в. на усадьбе «И», — письмо Семена к невестке, кончающееся словами: «А цто рубль дать Игнату, и ты даи»²³.

Однако интересующий нас Игнат известен летописцу и в гораздо более раннее время, когда был еще мальчиком. Под 1342 г. в рассказе о сильнейшем политическом столкновении в Новгороде содержится упоминание Игната, бывшего, как выясняется, сыном Матфея Коски.

Личность этого Матфея оказывается для нас наиболее интересной. Матфей Коска возникает на страницах летописи впервые под 1332 г.: «в том же лете отъяша посадничьство у Захарьи и даша Матфею Коске»^{24–25}. Летописный рассказ устанавливает его связь с Онцифором Лукиничем. Уже упомянутое политическое столкновение этого года произошло после гибели в Заволочье Луки Варфоломеевича, виновниками которой Онцифор объявил посадника Федора и Ондрешку — «те заслаша моего отца убити». «И Онцифор с Матфеем созвони веце

у святей Софеи, а Федор и Ондрешко другое созвониша на Ярославли дворе. И после Онцифор с Матфеем владыку на веце и, не дождавше владыце с того веца, и удариша на Ярославль двор, и яша ту Матфея Коску и сына его Игната, и всадиша в церковь, а Онцифор убежа с своими пособники; то же бысть в утре, а по обеде dospеша весь город, сия страна себе, а сия себе; и владыка Василии с наместником Борисом докончаша мир межи ими»²⁶.

Активное участие Матфея Коски в демарше Онцифора Лукинича становится особенно понятным, если учесть, что летописные списки посадников именуют Коску Матфеем Варфоломеевичем²⁷. С этим полным именем он фигурирует в самом летописном рассказе еще дважды: когда в 1340 г. руководил взятием Торжка во время размирья с Семеном Гордым и когда в 1345 г. снова был избран в посадники после свержения Остафы Дворянина²⁸. Его отчество указывает на то, что он был сыном Варфоломея Юрьевича, а единство действий с Онцифором Лукиничем естественно, так как убитый в Заволочье Лука Варфоломеевич оказывается его родным братом. Отрицая в работе 1962 г. это родство, я ссылаясь на отсутствие в летописи прямых указаний²⁹. Ошибочность такого подхода теперь очевидна.

Не исключено, что именно Матфею Коске адресована берестяная грамота № 5 из находок 1951 г., обнаруженная на усадьбе «Б» в слое 8—9-го ярусов (1340—1382 гг.): «[Покло]но [от] Давы[да и от] Есифа к Матфею. Постой за нашего сироту. Молви дворянину Павлу Петрову брату дать грамоте. Не дасть на него»³⁰.

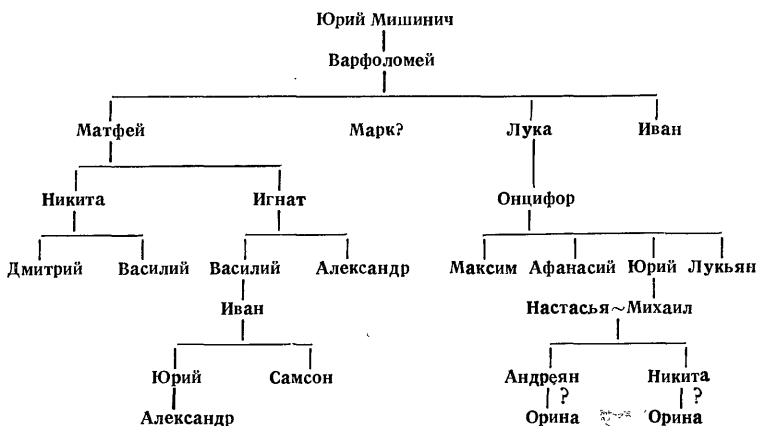
Игнат был не единственным сыном Матфея Коски. Летописный список посадников содержит следующий текст: «Матфеи Валфромеевич, сын его Микита»³¹. О получении посадничества Микитой Матфеевичем летопись сообщает под 1360 г., в дальнейшем уже не упоминая его³². Между тем дети Микиты оказываются тесно связанными с Козмодемьянской улицей. Имя Дмитрия Микитинича фигурирует в приписке 1400 г. к новгородскому Прологу среди имен «боголюбивых бояр» «улицы Козмодемьяне» (Пролог был уличанским вкладом в Козмодемьянскую церковь)³³. На усадьбе «К» в слое 3-го яруса (1429—1446 гг.) в 1955 г. была найдена костяная прикладная печать Василия Микитинича, т. е. предмет, находившийся в его личном пользовании³⁴. Как посадник

Василий Микигинич известен в документах 1420—1423 гг.³⁵

Как мы уже знаем, у Варфоломея Юрьевича, кроме Луки и Матфея, был еще сын Иван, о существовании которого стало известно из владельческой надписи на деревянной богато орнаментированной ложке, найденной в 1961 г. на усадьбе «Д» в слоях начала XIV в. Следует отметить изящество, с которым Варфоломей называл своих сыновей. Все они носят имена евангелистов: Матфей, Лука, Иоанн. Не было ли у него еще и Марка? В очередности евангельских книг Марк был вторым. Какой-то Марк — явный землевладелец — упоминается в найденных на усадьбе «Б» в слоях 1299—1340 гг. берестяных грамотах № 140 и 142³⁶. Он жил на одной улице с владельцем усадьбы «Б» Давыдом, поскольку в свидетели его денежного расчета с Давыдом грамота № 140 призывает «уличан»³⁷.

Изложенные материалы дают возможность составить генеалогическую таблицу (схема 3).

СХЕМА 3

Как видим, обе ветви семьи восходят к общему предку и наследуют разные части одной и той же городской боярской вотчины. Можно заметить также, что отдельные усадьбы этой вотчины время от времени перераспределяются в кругу боярского рода. В частности, на усадьбе «И» к 8—9-му ярусам тяготеют берестяные грамоты, адресованные Онцифору, Юрию и Максиму, к 6—8-му ярусам — грамоты, связанные с Александровичем,

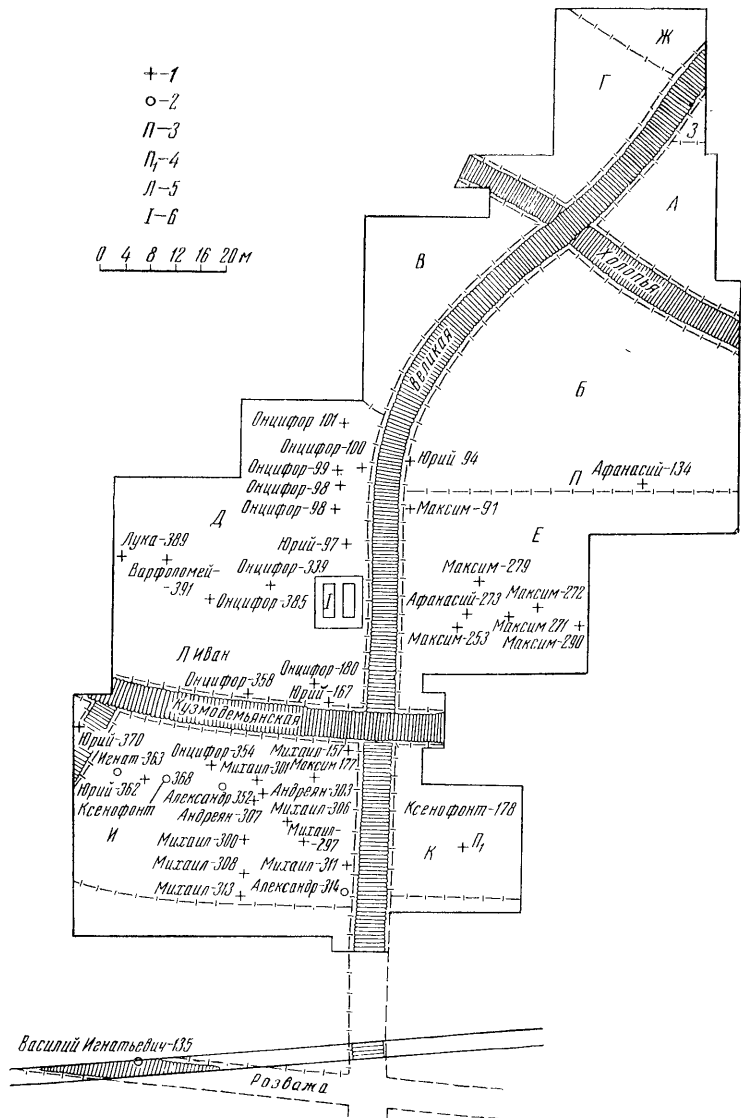
Александром и Василием Игнатьевичами и самим Игнатом, а к 3—6-му ярусам — грамоты, адресованные сыну Юрия Онцифоровича и его внукам. Это обстоятельство лишний раз говорит о сохраняющемся единстве родового боярского землевладения в городе.

В схеме 3 нет имени Ксенофонта. Его письмо направлено Афанасию, т. е. — теперь это можно утверждать — почти наверняка Афанасию Онцифоровичу, и адресат в нем назван «братом» Ксенофонта. Это позволяет предположить, что Ксенофонт мог быть троюродным братом Афанасия и родным братом Василия и Александра Игнатьевичей, но купленные им владения из-за отсутствия прямых наследников в какой-то момент перешли в руки Василия Игнатьевича, от которого и наследовались следующими поколениями его семьи.

Имя Ксенофонта было встречено еще в одной берестяной грамоте, найденной на усадьбе «И» в слоях несколько более раннего времени, нежели грамота № 178. В документе № 368, сохранившемся фрагментарно и обнаруженном в 9-м ярусе (1340—1369 гг.), содержится следующий текст: «Се благослови, попе Максиме... село, а земля тому селу по зарубь Синофо...»³⁸ В грамоте № 264 с усадьбы «И», происходящей из слоев 7—8-го ярусов (1369—1396 гг.), упомянут, кроме того, «Федор Синофонтов»³⁹.

Если к югу от участка Онцифоровичей располагались усадьбы Мишиничей — Матфеевичей, то к западу от усадеб «Д» и «И» продолжались владения Онцифоровичей. Тихвинский раскоп, заложенный в 1969 г. в 55 м к западу от Неревского раскопа и в непосредственной близости к построенной Лукьяном Онцифоровичем церкви Спаса на Разваже, дал в слоях последней четверти XIV в. берестяную грамоту № 446 — крестьянское письмо, адресованное «осподину Юрию»⁴⁰, а в напластованиях первой половины XIV в. костяную двустороннюю иконку с изображением святых Власия и Георгия, предположительно принадлежавшую Варфоломею Юрьевичу⁴¹.

Нуждается в рассмотрении еще одна линия родственных и соседских связей Мишиничей — Онцифоровичей и Мишиничей — Матфеевичей. Под 1477 г. Новгородская IV летопись сообщает: «сентября 21 бысть пожар: от Розважи улицы погоре и до Борковы улицы побережье все и до Великой улицы, и Марфы посадницы двор»⁴². В районе этого пожара расположены начинающиеся от

Расположение на Неревском раскопе берестяных грамот и других предметов, связанных с Мишиничами:

1 — берестяные грамоты Варфоломея, Луки, Онцифора и потомков последнего;
 2 — берестяные грамоты Матфея и его потомков;
 3 — печать Максима Онцифоровича;
 4 — печать Василия Никитича;
 5 — ложка Ивана Варфоломеевича;
 6 — каменные палаты Юрия Онцифоровича.

Волхова и пересекающие Великую (в очередности с юга на север) Разважа, Козмодемьянская, Холопья и Боркова улицы. Все пространство Неревского раскопа к востоку от Великой находилось в зоне этого пожара, а двор Марфы, следовательно, надо искать в непосредственной близости к восточной границе раскопа, за его пределами. Не принадлежала ли семья Марфы к тому же родственному боярскому кругу потомков Варфоломея Юрьевича?

Знаменитая Марфа была женой (а к 1477 г. вдовой) посадника Исака Андреевича Борецкого. Впервые Исак Андреевич назван в летописи под 1417 г.⁴³, а затем в рассказе 1428 г. об осаде Порхова Витовтом: «Повеле же Витофт приступати к граду, посадници же вышедше из града, Григорей Курилович Посахно и Исакеи Борецкои, и иже с ними прочии, начаша бити челом; а в то время из Новагорода приде архиепископ Емелиан, нареченный от Фотиа Евфимии, а с ним посадници и тысяцкие, и добиша челом Витофту»⁴⁴. Имя Исака Андреевича как степенного посадника фигурирует в договорной грамоте Великого Новгорода с немецким купечеством, составленной в начале 1439 г.⁴⁵ Посадничью степень он занимал и в 1453 г., когда с этим титулом упоминается в Ермолинской летописи⁴⁶. В последний раз Исак Андреевич Борецкий фигурирует в документе 1456—1458 гг.⁴⁷

Год смерти Исака Андреевича не известен. Казалось бы, для примерного определения даты его кончины полезной может быть данная Марфы Исаковой Соловецкому монастырю, в которой имеется условие: «А поминати им мужа моего Исака, и родителей моих, да и детей моих. А ставити им обед на Дмитриев день»⁴⁸. Эту грамоту датируют 1459—1469 гг. по упоминанию соловецкого игумена Ионы. Однако указанная дата противоречива.

Нарративные источники не знают точных дат игуменства Ионы, если не считать анахронистического сообщения «Жития Зосимы и Савватия» и «Соловецкого летописца» о том, что первые общежительные игумены Павел, Феодосий и Иона были присланы на Соловки архиепископом новгородским Ионой (1459—1470 гг.)⁴⁹. Здесь даже порядок игуменов неверен, поскольку деятельность Феодосия документально засвидетельствована жалованной грамотой 1479 г.⁵⁰ Сама синхронность соловецкого игумена Ионы и архиепископа Ионы не вызывает сомнений: сохранилась подлинная жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю, вы-

данная в период владычества Ионы по челобитью игумена Ионы⁵¹. Дата начала архиепископства Ионы и принимается для условного обозначения игуменства Ионы, хотя соловецким настоятелем Иона мог стать и раньше, и позже 1459 г.

Что касается условной конечной даты этого игуменства, то она опирается на другую данную Марфы Исаковой, адресованную игумену Зосиме и обозначенную в самом своем тексте 6978 (1469—1470) г.⁵² Если в указанном году в Соловках игуменствовал уже Зосима, то действительно возможный предел деятельности Ионы надо ограничить 1469 г. Однако эта данная, известная по списку XVII в., представляет собой несомненный фальсификат, на что указывают несообразности ее формул: «Се дасть Марфа Исаковская, Великого Новагорода посадница...», «а у даные сидел отец мой духовной софеиской поп Иосиф да Олексеи Бархатов. А даную писал сын мой Федор Исаков лета 6978-го. К сеи данои яз, Феодор, матере своя Марфы печать приложил»; в списке имеются ссылки и на эту фантастическую печать, и на рукоприкладство свидетелей на обороте. Следует заметить, что вообще игуменство Зосимы представляет собой, по всей вероятности, только тенденциозный факт агиографии, но не факт истории.

Подлинная данная Марфы, адресованная игумену Ионе, как это очевидно из ее текста, написана после смерти ее сына Дмитрия, который был казнен Иваном III в Русе 24 июля 1471 г., вслед за шелонским поражением Новгорода. Только после смерти Дмитрия Исаковича можно было ставить обед на Дмитриев день в помяние о нем. Поэтому время игуменства Ионы не ограничивается 1469 г., а продолжалось по крайней мере и в начале 70-х годов XV в.⁵³ В то же время не вызывает сомнений, что к 1471 г. Исака Андреевича Борецкого уже не было в живых, коль скоро обвинение Борецких в измене в летописном рассказе этого года направлено против «посадничих детей Исака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими инеми изменники»⁵⁴, но не против Исака.

Резюмируя эти наблюдения, можно с достаточной уверенностью утверждать, что Исак Андреевич Борецкий, который был жив еще в конце 50-х годов XV в., умер не позднее следующего десятилетия. Родился же он не позже конца XIV в., коль скоро к 1417 г. относятся его уже активные действия.

Личности Исака Борецкого и хронологии его деятельности уделено здесь столь много внимания по трем причинам. Во-первых, он был ближайшим соседом Мишиничей. Во-вторых, еще в 1954 г. на усадьбе «Е» в слое 6-го яруса (1396--1409 гг.) был найден обрывок берестяного поплавка, помеченного именем «Исако» (№ 127)⁵⁵. В-третьих, его фамилия принадлежит к числу боярских прозвищ, ведущих свое происхождение от имени вотчины (ср. с Волмановским, владевшим землями на Волме, с Емецкими — владельцами вотчин на Емце, с Лошинскими, которым принадлежала вотчина в Лошичах, и т. д.), а нам уже известно, что двинская волость Борок, принадлежавшая к моменту великокняжеских реквизиций Борецким и давшая им основу фамильного прозвища, в 1417 г. была собственностью детей Ивана Васильевича — Юрия и Самсона Ивановичей, потомков Варфоломея Юрьевича и Матфея Коски.

Поскольку отца Исака Борецкого звали Андреем, наше внимание не могут не привлечь события 1401 г., когда на Двине возникла ситуация, которую детально повторили события 1417 г. Напомню, что тогда — в 1417 г. — княжеские люди, напав на новгородские двинские волости, захватили Борок, Емцу и Колмогоры и пленили Юрия и Самсона Ивановичей, которые затем были отбиты новгородцами; в числе предводителей последних был и Исаак Андреевич. В 1401 г. «на миру, на крестном целовании, князя великого Василья повелением Анфал Микитин да Герасим Рострига с князя великаго ратью наихав воиною за Волок на Двину и взял всю Двиньскую землю на щит без вести, в самый Петров день, крестиян повешал, а иных посекле, а животы их и товар поимале; а Ондreja Ивановича и посадников двиньских Есифа Филиповича и Наума Ивановича изимаша. И Степан Иванович, брат его Михаила и Микита Головня, скопив около себе важан и сугнав Аньфала и Герасима, и бшася с ними на Колмогорах, и отняша у них бояр новгородских Андрея, Есифа, Наума»⁵⁶. Присутствие Андрея Ивановича там, где спустя 16 лет были точно так же «поиманы» москвичами владельцы Борка Юрий и Самсон Ивановичи, позволяет высказать предположение о том, что Андрей Иванович был совладельцем Борка, отцом Исака Андреевича Борецкого и братом Юрия и Самсона. В таком случае Борецкие оказываются прямыми потомками Варфоломея Юрьевича и его сына Матфея

Коски; последний может быть прапрадедом Исака Андреевича.

Следует заметить, что боярин Андрей Иванович, упомянутый под 1401 г. в связи с двинскими событиями, не может быть идентифицирован с одноименными новгородскими посадниками первой половины XV в. Таких посадников известно два. Первый в августе 1415 г. в качестве степенного возводил на кафедру архиепископа Симеона⁵⁷, а в 1421 г. «в Новегороде воссташа бранью два конца, Неревський и Славенский, за Климентия Ортемьина про землю на посадника Ондreja Ивановича и пограбиша двор его в доспесех и иных бояр разграбиша дворы напрасно. И убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека и умиришася»⁵⁸. Очевидно, что посадник Андрей Иванович не имел отношения к Неревскому концу, а жил в Славне.

В 1957 г. на усадьбе «И» в 5-м ярусе (1409—1422 гг.), соответствующем времени, когда усадьбой владел Михаил Юрьевич, была найдена берестяная грамота № 310 со следующим текстом: «Цълобитие осподину посаднику новгороцкому Онедрию Ивановичю от твъегъ ключника от Вавулы и от твоихъ хрестияно, которые хрестияни съ лова пришли за тебя, Захарка да Нестерке, жили за Олексее за Щукою. Ноне, осподине, Олексии не хоче намъ ржы дати. Како ся, осподине, нами, своими хрестияны, попецялишеса. Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего оспод[и]на»⁵⁹. Полагаю, что этот документ оказался на боярской усадьбе Неревского конца в результате восстания 1421 г. и разграбления двора посадника Андрея Ивановича неревлянами.

Имя другого посадника Андрея Ивановича фигурирует в данной Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами, которая в последнем издании новгородских грамот ошибочно датирована 1415—1421 гг. по связи с уже известным нам Андреем Ивановичем⁶⁰. В действительности этот документ относится к гораздо более позднему времени, поскольку в нем упоминаются также Афанасий Остафьевич, сын тысяцкого, занимавший посадничью степень по крайней мере с 1448 по 1475 г., и новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич, получивший посадничество около 1448 г. и занимавший этот пост еще около 1456 г.⁶¹ Данная Толвуйской земли поэтому может быть связана с более поздним посадником Андреем Ивановичем (летопис-

ные списки посадников называют в хронологическом контексте XV в. двух Андреев Ивановичей) и датирована 40-ми годами XV в. Естественно, что Андрей Иванович 1401 г. не имеет отношения к одноименному боярину середины XV в., даже если бы этот последний был жителем Неревского конца.

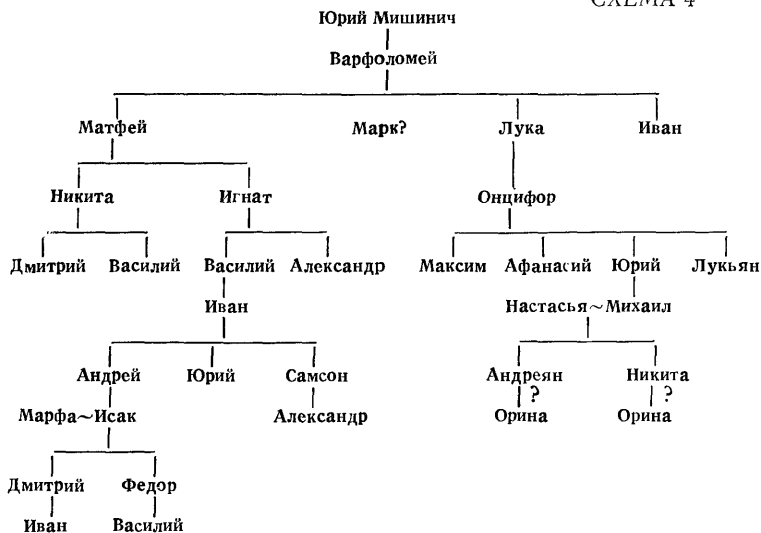
Высказав предположение о родственной связи Борецких с Мишиничами, мы можем обнаружить косвенные подтверждения этой мысли в материалах новгородской микротопонимики. Как уже отмечено, двор Марфы Борецкой находился внутри пространства, ограниченного берегом Волхова, Разважей, Великой и Борковой улицами. Внутри этого пространства проходили также восточные, прибрежные отрезки Козмодемьянской и Холопьей улиц до их пересечения с Великой. Очевидно, что местоположение этого двора не связано с Козмодемьянской улицей. В приписке 1400 г. к новгородскому Прологу перечислены главные бояре Козмодемьянской улицы: Юрий Онцифорович, Дмитрий Микитинич, Василий Кузминич и Иван Данилович. Юрием представлена ветвь Онцифора Лукинича, Дмитрием — ветвь Микиты Матфеевича. Были ли остальные два боярина родственниками Мишиничей, мы не знаем⁶², однако никого из уже известных нам потомков Игната Матфеевича (к которым принадлежали и Борецкие) в этом списке нет. Поэтому наиболее вероятным представляется тяготение усадеб Борецких к Борковой улице. Нет ли в созвучии боярской фамилии и наименования улицы внутреннего смысла? Боркова улица в источниках упоминается впервые под 1303 г., когда в числе деревянных церквей был сооружен и храм «святого Георгия на Борькове улице»⁶³. В 1432 г. заложили и на следующий год «свершиша борковци церковь камену святого Георгия»⁶⁴. Если этот храм получил патрональное наименование, естественно связать его основание с Юрием (Георгием) Мишиничем, возглавлявшим в начале XIV в. боярский род.

Следует сказать несколько слов о потомках Исака и Марфы Борецких. У них было два сына — Дмитрий и Федор Дурень. Первый казнен в Русе Иваном III в 1471 г. после шелонского поражения Новгорода⁶⁵. Второй, подобно брату бывший посадником, принимал участие во встречах Ивана III в 1475 г., но в начале следующего года схвачен великим князем и отправлен под стражей в Москву⁶⁶. Сын Дмитрия Исаковича Иван упо-

мянут под 1476 г. в рассказе о пирах Ивана III⁶⁷; его дедом был Яков Короб⁶⁸; следовательно, Дмитрий Исакович Борецкий был женат на дочери Якова. Наконец, у Федора Исаковича имелся сын Василий, отправленный Иваном III в заточение вместе с Марфой после падения Новгорода⁶⁹.

Изложенные материалы позволяют составить более подробную генеалогическую таблицу Мишиничей, которая, однако, в силу состояния источников о Борецких носит более гипотетический характер (схема 4).

СХЕМА 4

Предпринятые сопоставления дают возможность понять одну из основ внутрикончанской боярской консолидации. Мы видим, как на значительной территории существует единое поначалу городское владение боярского рода, которое затем в процессе родственных разделов подвергается дроблению, не утрачивая при этом единства. Надо полагать, что именно клановость боярства составляла наиболее надежный фундамент экономической стабильности городского боярского землевладения и политического единения бояр одной и той же кончанской принадлежности в их борьбе за власть над Новгородом.

Изложенные здесь наблюдения подкрепляют тезис об изначальности крупного родового владения боярского

рода в Новгороде. Боярский клан Мишиничей на рубеже XIII—XIV вв. владеет гораздо более значительной территорией, чем это представлялось на основании знакомства с одной из его ветвей — Онцифоровичами. Предполагать позднее водворение этого рода на территорию Неревского конца — например, в последней четверти XIII в. — нет никаких оснований, и, следовательно, версия о древних его корнях именно на той территории, которая ему принадлежала в XIV—XV вв., получает более прочный фундамент, несмотря на то что проследить родословие предков Мишиничей пока не удастся.

-
- ¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.). М., 1958, с. 62—64.
- ² Куза А. В., Медынцева А. А. Заметки о берестяных грамотах. — В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1974, вып. XI, с. 219—220.
- ³ НПК. СПб., 1868, т. 3, стб. 311.
- ⁴ Там же, стб. 329—334.
- ⁵ Там же, стб. 306—311.
- ⁶ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г./Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 174; см. также: Лихачев Н. П. Духовное завещание старца Варлаама 1590 г. — Известия Русского генеалогического общества, СПб., 1909, вып. 3, с. 109.
- ⁷ ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 17, 201, 204; СПб., 1859, т. 8, с. 169; М.; Л., 1949, т. 25, с. 292—307; М., 1965, т. 30, с. 181; Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1961, вып. IX, с. 384.
- ⁸ НПЛ. М.; Л., 1950, с. 407—408.
- ⁹ ГВНиП. М.; Л., 1949, с. 107—109, № 64.
- ¹⁰ Там же, с. 120—123, № 73; Псковские летописи. М., 1955, вып. 2, с. 130.
- ¹¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 259. Другой одноименный посадник избирался в 30-х годах XV в. (там же, с. 261).
- ¹² Ю. С. Васильев называет Юрия и Самсона Ивановичей, а следовательно, и Ивана Васильевича «Машковыми» (Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. — В кн.: Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976, вып. 1, с. 19). Однако Машковыми, согласно летописи, были бояре Василий Данилович и его сын Иван, действовавшие еще в 1366 г. (ПСРЛ. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 292, 294). Машковы жили на Ильине улице Торговой стороны, поскольку Василий Данилович с ильинскими уличанами был заказчиком фресок в церкви Спаса на Ильине, выполненных Феофаном Греком в 1378 г. (Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 243).
- ¹³ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, с. 40—41.
- ¹⁴ НПЛ, с. 413.
- ¹⁵ Там же, с. 404—406; ГВНиП, с. 91, № 53; с. 96, № 58.
- ¹⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 249.

- 17 *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 148—150.
- 18 НПК. СПб., 1905, т. 5, стб. 27—28.
- 19 *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, с. 203, № 603—605.
- 20 Там же, с. 99.
- 21 ГВНИП, с. 89, № 51.
- 22 *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, с. 74—76.
- 23 *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 58—59.
- 24—25 НПЛ, с. 99, 345.
- 26 НПЛ, с. 356.
- 27 ПСРЛ. Л., 1929, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 626; СПб., 1910, т. 23, с. 165; НПЛ, с. 472.
- 28 НПЛ, с. 352, 358.
- 29 *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 181.
- 30 *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1951 г.). М., 1953, с. 32—34.
- 31 НПЛ, с. 472.
- 32 Там же, с. 366.
- 33 См. примеч. 14 к гл. I.
- 34 *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г.—МИА, М., 1959, № 65, с. 304—305, рис. 9.
- 35 ГВНИП, с. 97, № 59; с. 99, № 60; с. 103—104, № 62; с. 146, № 89. (О дате последнего документа см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 266—267.)
- 36 *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1955 г.), с. 16, 19—21.
- 37 *Буров В. А.* «Муж добрь Есифъ Давыдович».— Советская археология, 1975, № 4, с. 271.
- 38 *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1958—1961 гг.), с. 66—67.
- 39 *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 91.
- 40 *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 48—49.
- 41 *Янин В. Л.* Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений.— В кн.: Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. М., 1973; *Он же.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 182—192.
- 42 ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 450.
- 43 НПЛ, с. 407.
- 44 ПСРЛ, т. 8, с. 94; СПб., 1913, т. 18, с. 170; М.; Л., 1949, т. 25, с. 248.
- 45 ГВНИП, с. 113, № 68.
- 46 ПСРЛ, т. 23, с. 155.
- 47 Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977, т. 1, ч. 1, с. 84—85; *Янин В. Л.* К хронологии новгородских актов Василия Темного.— В кн.: Археографический ежегодник за 1979 год (в печати).
- 48 ГВНИП, с. 300, № 307.
- 49 *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв.: (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском Севере в древней Руси). Пермь, 1927, с. 33.

- ⁵⁰ *Досифей*. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836, с. 63—64.
- ⁵¹ ГВНИП, с. 151—153, № 96.
- ⁵² Там же, с. 242, № 219.
- ⁵³ В этой связи не следует ограничивать 1469 годом и даты других грамот, называющих соловецким игуменом Иону (там же, с. 151—153, № 96; с. 296—300, № 298—306).
- ⁵⁴ ПСРЛ. СПб., 1901, т. 12, с. 126; т. 25, с. 284.
- ⁵⁵ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1953—1954 гг.), с. 62.
- ⁵⁶ НПЛ, с. 396.
- ⁵⁷ Там же, с. 405.
- ⁵⁸ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 431; СПб., 1897, т. 11, с. 237; СПб., 1889, т. 16, стб. 176.
- ⁵⁹ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1956—1957 гг.), с. 142.
- ⁶⁰ ГВНИП, с. 147, № 90.
- ⁶¹ Там же, с. 119—120, № 73; с. 124, № 74; с. 150—151, № 95; с. 290—293, № 290, 291, 294; ПСРЛ, т. 6, с. 201—202.
- ⁶² Василий Кузминич вместе с Юрием Онцифоровичем в 1376 г. сопровождал в Москву архиепископа Алексея (НПЛ, с. 374). Иван Данилович был воеводой в 1411 г. (там же, с. 402), а с середины 10-х годов посадником (там же, с. 164, 472; ГВНИП, с. 184—187, № 127, 130).
- ⁶³ НПЛ, с. 91.
- ⁶⁴ Там же, с. 416; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 607.
- ⁶⁵ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 510; т. 6, с. 12, 193; т. 8, с. 166; т. 25, с. 289—290.
- ⁶⁶ Там же, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 449; т. 6, с. 18, 33, 200, 202—205; т. 8, с. 182; т. 25, с. 304—308.
- ⁶⁷ Там же, т. 6, с. 17; т. 25, с. 307.
- ⁶⁸ Там же, т. 6, с. 17.
- ⁶⁹ Там же, т. 8, с. 198—199; т. 25, с. 322.

Глава III

«ШЕНКУРСКИЕ АКТЫ» И ОДИН ИЗ БОЯРСКИХ КЛАНОВ СЛАВЕНСКОГО КОНЦА

В конце XVIII в. в поле зрения любителя местной старины шенкурского протопопа И. Ф. Розова оказалось несколько любопытных документов. Им была обнаружена «на Ваге, в доме Едемских» книжечка в восьмушку, в которой на 38 страницах почерком начала XVII в. были написаны копии трех древних грамот. Книжечка имела заглавие «Список с старых новгородских крепостей своеземца Ивана Васильева сына Едемского. Писаны на хартиях, а печати оловянные, на печатях образ пречистыя богородицы честнаго ея Знаменія, а на другой стране животворящий крест».

Этот небольшой сборник списков открывался мировой грамотой старосты Азики и его «братьи» с Василием Матвеевым по спорному делу о владении Шенкурским погостом¹, после текста которой Розов сделал примечание: «Лета 6823 (1315), зри летопись новгородскую». Далее следовала духовная грамота Остафьи Ананьевича², снабженная в конце пометой Розова: «Лета 6901». Третьим документом была духовная грамота Федора Остафьевича³, после текста которой Розов сделал запись: «Лета 6943. Сообразуясь с словарем о князьях российских, лета под вышеописанными статьями написал Шенгкурскаго Благовещенскаго собора протопоп Иван Розов. 1786-го года 12 июня. Шенгкурск».

Спустя пять лет Розов снял копии еще с четырех актов, отысканных им в частных руках и в Богословском Важском монастыре. В «доме Левачева» им была обнаружена полюбовная раздельная грамота Василия Федоровича и его братана Василия Степановича⁴, относительно которой он сделал запись: «Подлинник писан уставно на пергамене, подлинник отыскан и остался в доме Левачева 1791-го года октября 3. Списал я точным в подлиннике положением без всякой перемены не только слога, но и букв. Протопоп И. Розов». В Богословском

монастыре Розов скопировал список XVI в. с данной новгородского посадника Василия Степановича⁵, с данной Ивана Васильевича⁶ и с данной Исака Семеновича⁷ об их вкладах в Важский монастырь. Последние два документа копировались с подлинников.

Сборник копий начала XVII в. и собрание копий Розова затем переишли к М. Н. Мясникову, а от него к М. П. Погодину; при этом Мясников заменил розовские копии своими, снабдив их дополнительными примечаниями. Перед полюбовной раздельной он написал: «Список с делного условия новгородцев Василия Федоровича с братаничем своим Василием Степановичем (зачеркнуто: что Варлаам Важеский) Своземцовых», а после примечания Розова в конце этого документа: «Подлинную сию делную, писаную на пергамене старинным почерком, видел я в доме протопопа Розова в Шенкурске 1812-го января ... дня». После текста данной Василия Степановича он написал: «А на копии, найденной у г. Левачева, подписано: Данная Варлаама Важеского в лето 6960—1452, списана в Государственной Коллегии экономии — в Архиве»⁸. Перед текстом данной Ивана Васильевича Мясников сделал помету: «Список с данья Ивана Васильевича, сына Василья Степановича или Варлаама Важеского». Наконец, список с данной Исака Семеновича Мясниковым озаглавлен: «Список с даные Исака Семеновича, сродника Василья Степановича, что Варлаам Важеский».

В 1813 и 1827 гг. первые сведения об этих документах появились в печати⁹. Еще до передачи М. П. Погодину, в 1829 г. с книжки начала XVII в. и мясниковских копий сделал список П. М. Строев¹⁰. По этому списку все перечисленные документы и были опубликованы в 1838 г.¹¹ В настоящее время все оригинальные материалы шенкурского фонда находятся в государственных хранилищах. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (из погодинского собрания) — книжка копий начала XVII в., там же (из собрания Общества любителей древней письменности) — подлинная раздельная Василия Федоровича и Василия Степановича; в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР (Собрание актов до 1613 г.) — копия XVI в. с данной Василия Степановича и подлинная данная Исака Семеновича; в Центральном государственном архиве древних актов (из фонда Грамот Коллегии экономии) —

подлинная данная Ивана Васильевича. По подлинникам или древним копиям они воспроизведены в последнем издании 1949 г.

Я подробно изложил историю открытия и введения в научный оборот «шенкурских актов», чтобы показать, как уже в начале XIX в. сформировалось представление о взаимоотношении этих грамот, оказавшее влияние на всю последующую литературу вопроса.

С этого времени и до сегодняшнего дня за фигурирующей в актах семьей закрепилась фамилия Своеземцевых, возникшая в результате неправильного понимания термина «своеземец» в заголовке копийной книжки начала XVII в. Это искажение, как видно из помет на списках документов, восходит к М. Н. Мясникову¹², который, по-видимому, термина «своеземец» не знал. Своеземцем был Иван Васильевич Едемский, землевладелец XVI в., для которого был изготовлен оригинал списка «старых новгородских крепостей»; в XIV в. этого термина вообще еще не существовало. Кроме того, Мясников не знал, что употребление фамилий или родовых прозвищ было в Новгороде явлением сравнительно поздним, распространившимся в XV в.

Другой — более значительной — частью концепции Мясникова было представление о том, что Едемские, в доме которых сохранилась копийная книжка начала XVII в., были потомками не только Ивана Васильевича Едемского, жившего в XVI в., но и землевладельцев новгородского времени, фигурирующих в «старых новгородских крепостях» этой книжки, а также в отдельной полюбившейся грамоте из «дома Левачева».

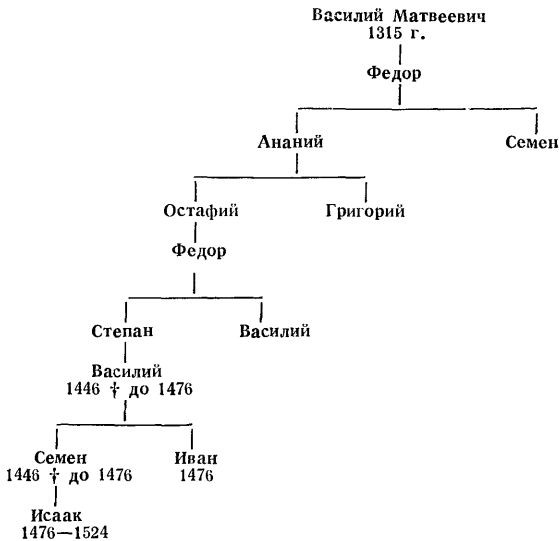
Следует отдать должное Мясникову: он, по-видимому, не решился настаивать на принадлежности к той же семье лиц из документов Богословского Важского монастыря, сгруппированных им около имени Василия Степановича, «что Варлаам Важеский», хотя имя Василия Степановича имеется и в отдельной полюбившейся грамоте «Своеземцевых». В надписи перед копией отдельной «Список с делного условия новгородцев Василия Федоровича с братаничем своим Василием Степановичем Своеземцовых» слова «что Варлаам Важеский», написанные им после имени Василия Степановича, затем были зачеркнуты. В пометах на копиях монастырских актов фамилия «Своеземцевых» ни разу не употреблена, хотя интерес Мясникова к генеалогии проявляется и

здесь достаточно наглядно в обозначении Ивана Васильевича сыном, а Исака Семеновича — сродником Варлаама Важского, что из текста самих документов прямо не вытекает. Таким образом, Мясников не отождествлял Василия Степановича раздельной с Василием Степановичем, «что Варлаам Важеский», а воспринимал фонд шенкурских документов как две группы актов, не связанных между собой непосредственно. Так же независимо одна от другой эти группы изданы и в обеих академических их публикациях, в 1838 и 1949 гг.

Между тем стремление идентифицировать Василия Варлаама Степановича с Василием Степановичем раздельной грамоты существовало уже в конце XVIII — начале XIX в. Оно проявилось в колебаниях Мясникова, который сначала предпринял такое отождествление, а затем отказался от него, и было, вероятно, присуще семье Едемских, тешившихся самодовольной уверенностью в своем родстве с популярным на севере святым, основателем Богословского монастыря. Более чем вероятный член этой семьи Левачев (в его доме хранился подлинник раздельной грамоты Василия Федоровича и Василия Степановича «Своеземцевых»), как мы уже видели, даже обращался в архив Государственной Коллегии экономики за копией духовной грамоты Василия-Варлаама Степановича и хранил эту копию вместе с раздельной грамотой.

То, что в начале XIX в. составляло предмет лишь тщеславного интереса г. Левачева, в наше время приобрело характер достаточно важной и сложной проблемы. Каким был характер боярского «вывода» в северных землях Новгорода? Лишились ли здесь бояре своих вотчин полностью или часть их смогла удержать свою собственность? Ведут ли своеземцы XVI в. свое происхождение от новгородских посадников или это сословие землевладельцев имеет иное происхождение? Следовательно, речь идет о взаимосвязи социально-экономических процессов, а не только о родственной взаимосвязи разных поколений предполагаемой одной семьи.

Впервые в научной литературе идентификация Василия Степановича раздельной грамоты с Василием-Варлаамом Степановичем была предложена Н. В. Мятлевым в статье, написанной в 1905 г. и опубликованной в 1909 г.¹³ Исследователь сформулировал свой вывод в генеалогической таблице (схема 5).

Относительно родства этих лиц с Едемскими Мятлев писал:

«Исак Семенович... сведен был после покорения Новгорода великим князем Московским на Кострому, где сделался родоначальником угасшего в первой половине XVII столетия рода дворян Шенкурских, между тем как от дяди Василия Степановича — Василия Федоровича... повелся процветавший долгое время в Шенкурье на Ваге род Едемских или Едомских, заимствовавших свое фамильное прозвище от принадлежавших Василию Федоровичу по отдельной грамоте Верхней и Нижней Едмы»¹⁴.

Я не касаюсь здесь других деталей построения Мятлева и его аргументов, так как они будут подробно рассмотрены при анализе самих актов. Здесь нужно отметить, что версия Мятлева безоговорочно принималась исследователями Новгорода¹⁵, и его построение вызвало критические замечания — да и то в самой общей форме — лишь в самое недавнее время. Ю. С. Васильев, заметив, что в статье Мятлева родословная, «на наш взгляд, не совсем точная», предложил иной вариант понимания взаимосвязи имен. Он исходит из идентификации Василия Степановича отдельной грамоты с Ва-

силием-Варлаамом, но линию Едемских ведет от сына Василия Степановича — Ивана Васильевича, отождествляя последнего с тем лицом, которое в заголовке копийной книжки начала XVII в. называется «своеземцем Иваном Васильевым сыном Едемского»: «В то время, как Исак Шенкурский был сведен и стал родоначальником дворянского рода Шенкурских в Костромском уезде, его родственник Иван Васильевич Едемский остался на Ваге, превратившись в своеземца. Часть земельных владений из его вотчин закрепляется за ним в писцовых книгах, а в 1552 г. жалованной вотчинной грамотой Ивана IV»¹⁶; «таким образом, лишь в XV—XVI вв. представители этого боярского рода стали именоваться Шенкурскими и Едемскими»¹⁷.

Имея в виду важность темы и противоречивость ее решений, существующих в литературе, рассмотрим ее в деталях, которые сообщены источниками.

1. Комплекс документов Остафьи Онаньинича и его прямых потомков

Этот комплекс образован тремя грамотами — духовными Остафьи Онаньинича и Федора Остафьевича и любовной раздельной Василия Федоровича и Василия Степановича. Самый ранний документ в нем — духовная Остафьи Онаньинича на недвижимое и движимое имущество в Ловати, Шенкурье, Кокшенге и других местах¹⁸.

Духовная Остафьи в изданиях датируется 1393 годом на основании пометы И. Ф. Розова: «Лета 6901». Мне представляется, что ее дата несколько иная. В качестве душеприказчиков Остафья называет посадников Федора Тимофеевича и Юрия Дмитриевича. Первый из них посадничал в 1385—1421 гг., второй — в 1397—1410 гг.¹⁹ Хронологические рамки посаднической деятельности Юрия Дмитриевича и определяют время составления духовной, которое более точно установить не удастся.

Не уточняет этой даты, хотя и полностью подтверждает ее, обращение к следующему сюжету, отраженному духовной: «А что Новгород пожаловал отца моего и меня и дал грамоту на Валжане, и в том у отца моего и у мене купил Александр посадник четвертую часть, а дал на ней дватцать рублев и сто, и послал Александр в свое место на свою чьясть Тимофея Прокопына, и Тимофей

имал Олександрову чьясть в Олександрово место; а чи будет вписал Александр в свое рукописанье на отце на моем и на мне ту дватцать рублей и сто, а тым отец мой ни яз не виноват Александру ни иным ничим же, по отца моего рукописанью и по моему рукописанью; и была отцу моему говорка с Александром пред владыкою Алексеем о том серебре, и отмолылся Александра отец мой».

Владыка Алексей занимал архиепископскую кафедру в 1360—1388 гг. Только два посадника Александра были его современниками. Александр Семенович Мотурицын достоверно находился на степени в 1354—1360 гг. и умер не позднее 1371 г.²⁰ Вряд ли его может иметь в виду цитированное место духовной: с момента его смерти прошло более четверти века, и любая возможная его претензия давно уже была бы заявлена. Другой посадник — Александр Фоминич Царько, согласно прямым показаниям летописи, был на степени в 1403—1421 гг. и умер в 1421 г.²¹ Еще в 1962 г. я высказал предположение, что его посадничество в действительности началось после смерти его единственно возможного предшественника — Богдана Обакуновича, сведения о котором прекращаются на 1397 г.²² Это предположение подтвердилось не известной мне тогда записью 1398 г. на служебной Минее церкви Рождества Христова на владычном дворе: «В лето 6906-е написана бысть минея сии к Рождеству Христову на сени повелениемъ архиепископа владыце Ивана при посаднице Александре Цесари. В то время послаша новгородьци за Волок рать. А писал Григор Ярославецъ»²³.

Очевидно, что «говорка» перед владыкой Алексеем произошла тогда, когда Александр Фоминич еще не обладал званием посадника, но в момент составления завещания Остафья он уже был им, а это снова дает нам в качестве самой ранней из возможных дат 1397 г.

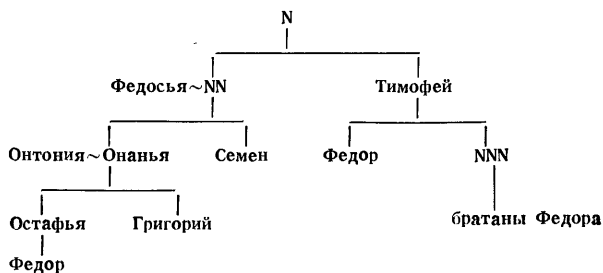
В духовной Остафья называет своего отца Онанью («а что купля отца моего Онаньи»), мать Онтонию и сына Федора («а приказываю живот свои госпоже своей матери Онтоньи и сынови своему Федору»), брата Григория и дядю Семена («а в том мне с своим братом з Григорием и з дядею Семеном половина»), бабу Федосью («а что бабе нашей Федосьи купля»). Упомянут также некий дядя Борис, но неясно, был ли этот Борис дядей Остафьи или же его отца Онаньи («что досталося отцу моему у дяди у Бориса в отдел»).

Одна из позиций духовной позволяет заключить также, что посадник Федор (под которым можно понимать только Федора Тимофеевича, поскольку других посадников с таким именем в рассматриваемое время нет) находится в родстве с Остафьей Онаньиничем, восходя к общему с ним предку: «А что отцына наша на Кокшенском погосте, земля, вода и лес, а в том мне с своим братом з Григорьем и з дядею с Семеном половина; а посаднику Федору и его братанам другая половина; а в нашей половине Кокшенского погоста Семену половина, а мне и брату моему Григорью другая половина; а в нашей половине з Григорьем мне две чьсти, а брату моему Григорью треть».

Таким образом, если Остафья и его брат Григорий унаследовали от Онаньи четверть Кокшенгского погоста, а Онанья вместе со своим братом Семеном были владельцами не четверти, а половины этого погоста, его первоначальное дробление произошло в более ранний период. Можно было бы предположить, что не известный нам по имени отец Онаньи и Семена²⁴ был родным братом Федора Тимофеевича, а Кокшенгский погост в еще неразделенном виде принадлежал их общему отцу, которым в таком случае надо назвать Тимофея. Однако такое построение неправомерно. Свою половину посадник Федор делит с «братанами», т. е. с племянниками. Значит, у него был брат, до смерти которого эта половина погоста делилась между ним и Федором, а Тимофею, следовательно, принадлежала только указанная половина Кокшенгского погоста. В единых руках весь погост мог быть только при отце Тимофея, который оказывается и дедом Онаньи.

Использование этой информации позволяет построить генеалогическую таблицу (схема 6).

СХЕМА 6

Я не помещаю в схему 6 «дядю Бориса» из-за неясности его положения. Федор Остафьевич в момент составления духовной был мальчиком («А доколе сын мой Федор подростет, а дотолѣ ездит по моим сѣлам брат мой Григорей в мое место и людьми моими владеет»). Остафья внес в духовную распоряжения на случай рождения у него еще одного ребенка: «А будет у моеи жены сын, ино моим детем живот мой, и сѣла мои, и челядь моя напол, ино будет дчи, ино выдаст ю брат Федор по силе». Мятлев делает отсюда вывод о том, что жена Остафья в момент составления завещания была беременна²⁵, однако это всего навсего логическая формула духовной, составлявшейся в предвидении неизбежной, но не обязательно близкой кончины.

Духовная указывает еще некоторые родственные связи. Среди душеприказчиков называются «шурья» — Иван и Василий, дядя Остафья Юрий Федорович, а также его «брат» Ермола Микифоров. Надо полагать, что это все родственники и свойственники по жене и по матери. Последнее очевидно для шуринов Остафья и не столь очевидно для Юрия Федоровича и Ермола Микифорова — против того, что они родственники Остафья по отцу, говорит отсутствие этих лиц среди участников родственного раздела. Оставляю этот тезис как предположительный, чтобы в дальнейшем вернуться к его рассмотрению.

Развить схему 6 дает возможность духовная сына Остафья Онаньинича — Федора²⁶. В изданиях для нее принята дата — 1435 г. на основании пометы И. Ф. Розова, «сообразовавшегося со словарем о князьях российских». В действительности она несколько более позднего времени. Названные в ней в качестве душеприказчиков посадник Иван Офанасьевич известен с этим титулом с 1459 по 1475 г.²⁷, тысяцкий Яков Игнатьевич упоминается в летописи под 1463 г.²⁸, а имя Киприяна Григорьевича зафиксировано в ней в рассказе 1475 г.²⁹ Поскольку Яков Игнатьевич умер в 1469 г., уже будучи посадником³⁰, духовную следует датировать, скорее всего, 60-ми годами XV в. О Федоре Остафьевиче из других источников известно, что в 1435 г. он участвовал в походе на Ржев, возглавляя отряд рушан³¹, а в 50-х годах XV в. в качестве одного из славенских кончанских посадников утверждал dokonчальную грамоту с Иваном Губаревым³². Очевидно, что дата летописного упоминания Федора Остафьевича была взята Розовым для определения

времени документа, и принимать ее в этой связи нет никаких оснований.

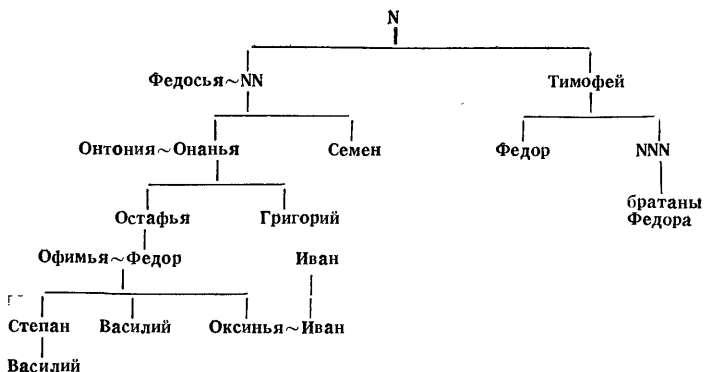
В грамоте Федор Остафьевич называет свою жену Офимью и сыновей Степана и Василия («а приказываю живот свои жене Офимье и сыну своему Стефану и Василию»), а также дочь Оксинью и зятя Ивана («а то дал есми зятю своему Ивану и дочери своей Оксинье»). Вероятно, зять Иван тождествен упоминаемому в той же грамоте Ивану Ивановичу («а Машкова болота и кол на Рогу — Ивану Ивановичю половина, а детям моим другая половина, а то им по половинам»).

Наконец, еще одно расширение схемы 6 дает любовная раздельная Василия Федоровича и его братана Василия Степановича на земли по рекам Поле, Ловати, Тарне, Заячьей, Кокшенге и Шолоше³³. Точное указание родства между этими лицами сформулировано так: «А ты села досташетца Василью Степановичю от дяди своего в отдел..., ино земли ему своей мимо дяди своего Василья Федорови[ча] ни менять, ни продавать, ни приказывать».

Следует обратить внимание также на то, что в момент совершения раздела оба его участника были, по-видимому, бездетны: «А сведе бог смерть Василью Федорову, а не буде отрода или буде не до земли... А сведе бог смерть Василью Степанову, а не будет у него отрода или буде не до земли...»

С учетом этих дополнений генеалогическая таблица приобретает вид, отраженный в схеме 7.

СХЕМА 7

Ограничимся пока этими тремя актами, связанными между собой безусловно, и попытаемся теперь сопоставить схему 7 с судьбой обращавшихся в роду Онаньи земельных владений. Это удобнее сделать по отдельным волосткам.

2. Волостки на Ловати и на Поле

В духовной Остафьи Онаньинича его сыну Федору завещается комплекс владений на Ловати: «А что отчина моя и дедина на Ловоти, земля и вода, и пожне, и лесы, в Ходыни и в Дроздине, и в Сельской Луке, по володению отца моего и дяди моего, и по нашему володению, мне з братом своим з Григорьем на пол, а моя половина сыну моему чиста».

Хотя здесь говорится о «половине» отчины и дедины, надо полагать, что в действительности имеется в виду ее четверть, если ею владел не только отец Остафьи — Онанья, но и дядя Остафьи — Семен. Правильнее сказать, что Остафья завещает сыну половину отчины (другая половина принадлежит Григорию), но четверть дедины (другая ее половина принадлежит Семену).

Впрочем, можно предположить, что в дальнейшем Григорьева доля вернулась в семью Остафьи. На это как будто указывает несомненная разница в юридическом состоянии другого родового имущества — села Киселевского под Торжком. В духовной Остафьи о нем говорится так: «А что бабе нашей Федосье купля в Подберезьи Киселево село, а то ми з братом з Григорьем на пол, а Семену то не надоби». Между тем в духовной Федора Остафьевича — иная формула, говорящая о владении им уже не половиной села, а всем селом: «А что село мое в Торжку Киселевское, а то дал есми зятю своему Ивану и дочери Оксиньи». Надо полагать, что Григорий умер бездетным и его доля снова наследуется потомством Остафьи.

В духовной Федора Остафьевича комплекс владений Остафьи на Ловати целиком завещается сыну Степану: «живот мой и села свои на Ловоти в Ходынях половину, и землю, и лес, по отца моего рукописанью и по моему, и пожни, а то приказываю сыну своему Степану в отдел усто».

При Федоре круг семейных владений в этом районе увеличился: «а в Соине острове земля, и лес, и пожни, и

полесной лес, по купной грамоте, а то сыну моему Степану; на Поле в Налюце, на Сомшине, а то даю жене своей Офимье и сыну своему Василию, землю и лес, и пожни, и ловища, и полешной лес, воду и хлеб, во отдел сыну моему Василью, по меновой грамоте, и по купной грамоте, и по купной по старой крест мой окованой золотом, а то сыну моему Василью».

После смерти Степана Федоровича его брат Василий подтвердил законную силу этого завещания, составив с племянником — Василием Степановичем полюбовную раздельную грамоту: «Се розделиша промежь себе по любви Василеи Федоровичъ з братаном своим с Васильем Степановичем отцину свою и дедину, земли и села. И досташется Василью Федоровичю в отдел по любви от брата от своего от Василья Степановича; на Поли реке в Начюцском (так!) погосте и на Сомшине... А против тех сел досташетца Василью Степановичю земля и села, отцина его и дедина: на Ловоте в Ходынях села и в Соине остров...»

Рассмотрим теперь этот комплекс в историкогеографическом и хозяйственном отношениях. Все названные здесь пункты (кроме Соина острова) хорошо известны. Они имеются на любой достаточно подробной современной карте. Села Ходыни и Селяхи (Сельская Лука) расположены на левом берегу Ловати, в 14 км к западу от заметного населенного пункта Новгородской области Залучья. Село Дроздины — на противоположном берегу Ловати, как раз напротив Селях. Село Большие Налючи находится на правом берегу реки Пола, в 12 км к югу от современного поселка Пола. Самшино — в 4 км на северо-восток от Налючей. Расстояние от Ходыни до Налючей по прямой — 22 км.

Все эти пункты (кроме Соина острова) известны и в писцовых книгах конца XV в. Поскольку река Ловать служила границей между Шелонской и Деревской пятнами, расположенные на ее левом берегу Ходыни и Сельская Лука описаны в Шелонской пятине, остальные селения — в Деревской.

Познакомимся сначала с владениями на реке Поле, описанными в Курском присуде Деревской пятини.

«В Налюцском погосте в Курском присуде, в вопчем погосте в Налюче на Васюковском жеребью Федорова с Нутные улицы, за Васильем же за Вышеславцовым в поместье: дв. Мартынка Федосейков, дв. Степанко Васков,

сеют ржи 4 коробьи, а сена косят 30 копен, 3 обжы; а старого дохода пол-2 гривны, а из хлеба четверть, 2 сыры, пяток лну, 20 копен сена; а ключнику коробья ржи, коробья овса; а новой доход по тому ж. А непашонных дворов на погосте ж, на Васюковском жеребью, за Васюком же за Вышеславцовым: дв. Васюков, а в нем подворник его Лучка Ондронов, дв. Олферко Ивашков; а позему дают гривну.

А в вопчей деревне в Самшине, на Васюковской половине Федорова с Нутные улицы, за Васюком же за Вышеславцовым: дв. Михалко Олисов, дв. Мартышко Онтушов, дв. зять его Юшко, дв. Якун Фомкин, сеют ржи 12 коробей, а сена косят 50 копен, 4 обжы; старого дохода 2 гривны, а из хлеба четверть, 4 сыры, 4 горсти лну; а ключнику 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, 4 сыры, 4 горсти лну. А нового дохода 2 гривны, а из хлеба четверть, 7 сыров, 2 пятка лну, 40 копен сена; а ключнику 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, 4 сыры, 4 горсти лну; дв. Овсейко Ивашков, не пашет, а позему дает 7 денег. А три жеребья тое деревни Пречистые с Волотовы Горы, а четверть Андрейка Дементьева своеземцова, и та половина писана с их обжами вместе.

И по старому писму на погосте и в деревне дворов 6, а людей в них 7 человек, а обиж 7, а сохи 2 с третью. А старого дохода денгами пол-4 гривны, а из хлеба четверть, 6 сыров, пяток и 4 горсти лну, а ключнику 3 коробьи ржи, 3 коробьи овса, 4 сыры, 4 горсти лну. И прибыли 3 двора, 2 человека.

И по новому писму на погосте и в деревне: дв. Васюков, а в нем подворник его, а христьянских дворов 8, а людей в них 8 человек, а обиж 7. А нового дохода и с непашонных денгами 5 гривен, а из хлеба четверть, 9 сыров, 3 пятки лну, 60 копен сена; а ключнику 3 коробьи ржи, 3 коробьи овса, 4 сыры, 4 горсти лну»³⁴.

Сведенный владелец этой волостки Васюк Федоров — несомненный Василий Федорович, потомок Остафьи Онаньинича. В этом убеждает не только принадлежность ему сел Налючи и Самшина (Сомшино актов) и совпадение имени, но и указанный в писцовой книге «адрес» его двора в Новгороде: «с Нутные улицы». В духовной Остафьи местоположение его городского двора прямо не обозначено: «и двор мой городчкии, а то ми з братом з Григорьем напол». Однако в ней говорится о принадле-

жавшем Остафье, Григорию и их дяде Семену голбце в церкви Михаила, послухом называется «отец мой духовной поп Амос святого Михаила, а писал рукописанье дияк Еремеи святого Михаила». Нутная улица, по крайней мере в своей западной части, находилась в приходе Михайловской церкви (сама церковь числилась на Михайловой улице). В духовной Федора Остафьевича «двор городцкой, где яз жил», завещается Степану Федоровичу, а «Берской двор мои по грамоте, а то сыну моему Василью». Связь первого из этих двух дворов с Нутной улицей обозначена тем, что в числе своих душеприказчиков Федор Остафьевич называет и «всю великую улицу Нутную, где свое постригосте».

Но из этого следует еще один важный вывод: Василий Федорович пережил присоединение Новгорода к Москве и владел своей волосткой вплоть до «вывода» новгородских землевладельцев Иваном III.

Писцовая книга называет еще 11 землевладельцев погоста в Налючах (общий объем их угодий исчислен примерно в 30 обож), однако в генеалогической связи эти соседи Василия Федоровича нас сейчас не интересуют, поскольку жребий в Налючах был приобретен Федором Остафьевичем по менной или купной грамоте, а не унаследован в ходе семейного раздела отчины и дедины.

Перейдем теперь к волостке на Ловати, унаследованной Степаном Федоровичем, а от него Василием Степановичем. Прежде всего надо обратить внимание на отраженное духовными грамотами очевидное сокращение этой волостки в процессе наследственных разделов. В начале XV в., при Остафье Онаньиниче, она включала в себя селения Ходыни, Дроздыни и Сельскую Луку, хотя эту дедину Остафья делит с дядей Семеном и братом Григорием. При Федоре Остафьевиче в его «половине» числятся только Ходыни и, сверх того, на Ловати прикупленный им Соин остров. Такой же объем имеет и ловатская волостка Василия Степановича по его отдельной с Василием Федоровичем. Характеризуя эту волостку в целом по материалам писцовых книг, нам, следовательно, надо с особым вниманием отнестись к составу землевладельцев в Ходынях.

Переписная оброчная книга Деревской пятины, составленная около 1495 г. (из нее выше были взяты сведения и о боярщинках на реке Поле), описывает из этой

волостки деревню Дроздыни, демонстрируя весьма сложный состав ее владельцев:

«А в вопчей деревне в Дроздынях, на Олферьевской половине, за Федосьею ж с сыном да с пасынком: дв. Ивашка Гроза, дв. сын его Олешко, дв. Изикейко, дв. Епифаник Микиткины да Изекейков сын Якуш, сеют ржи 8 коробей, а сена косят 50 копен, 4 обжы; старого дохода гривна, а из хлеба полovie, 2 борана, 6 горстей лну. А нового дохода 7 гривен; а хлеба поспом ржи 10 коробей, а овса 14 коробей, а пшеницы коробья, а ячмени 4 коробьи; а ключнику 4 денги. А четверть тое деревни Матвеевская Остафьева Грузова за Микифором за Бестужим; а четверть Орининская, Федоровские жены Хромого, за Ильею за Квашниным. И те обжы писаны в сем же погосте с их обжами вместе...

В Курском присуде, в Черенчинском погосте, в деревне в Дроздынях в вопчей, на Матвеевской четверти Остафьева Грузова, за Микифорком за Бестужим: дв. Терех Захаров, сын его Власко, дв. Савко Приходець, сеют ржи 4 коробьи, а сена косят пол-30 копен, 2 обжы; старого дохода за все 5 гривен; а нового дохода 3 гривны, а из хлеба треть. А по старому писму в сей деревне 2 двора, 3 человеки, а обжы 2. А старого дохода за все пять гривен. И прибыл человек. И по новому писму в сей деревне 2 двора, 3 человека, а обжы 2, а соха без трети. А нового дохода 3 гривны, а из хлеба треть. А копачей 3, а копачыны 12 денег.

В Курском уезде, в Черенчинском погосте, в деревне в Дроздынях в вопчей, на Орининской четверти Федоровские жены Хромого, за Ильею за Квашниным, что тое четверть взял в приданое за Ориною: дв. Лучка, дв. Левка да Федосейко Тереховы, сеют ржи 4 коробьи, а сена косят пол-30 копен, 2 обжы; старого дохода 3 гривны, 4 коробьи ржи, 7 коробей овса, коробья ячменя; а новой доход по тому ж. А половина тое деревни Олферьевская, Иванова сына Офонасова, за Федосьею за Дюкинской с сыном да с пасынком, и та половина писана в сем погосте с их обжами вместе. А четверть Матвеевская Остафьева Грузова за Микифором за Бестужим, а та четверть писана в сем же погосте. И по старому писму в сей деревне на четверти один двор, человек, обжа. Старого дохода 3 гривны, 4 коробьи ржи, 7 коробей овса, коробья ячменя. И прибыл двор, человек, обжа. И по новому писму в сей деревне, на Орининской четверти, 2 дво-

ра, 3 человеки, а обжы 2, а соха без трети. А нового дохода 3 гривны, 4 коробьи ржы, 7 коробей овса, коробка ячмени. А копащыны 12 денег, 3 копачи»³⁵.

Из этого описания видно, что деревня Дроздыни состояла из трех боярщинок, причем одна составляла половину, а две другие по четверти села. По материалам старого письма, половина Дроздыней (4 обжи) принадлежала Олферию Ивановичу Офонасову, четверть (2 обжи) — Матфею Остафьевичу Грузову и четверть (2 обжи) — некой Орине, которая принесла ее в приданое своему мужу Федору Хрому.

Мятлев понимает положение Орины иначе. Он считает, что Oriна, унаследовав боярщину после смерти своего мужа Федора Хромого, вторично вышла замуж за московского помещика Илью Васильевича Квашнина, который, таким образом, пользовался этими землями на основании не только поместного, но и вотчинного права³⁶. Не думаю, что исследователь прав: сама синтаксическая форма цитированного места о приданом такова, что может быть истолкована иначе — упоминание Ильи Квашнина разрезает единый текст о персональной принадлежности волостки Орине как земель, принесенных ею в приданое Федору Хрому, а не вотчины Федора Хромого. Впрочем, ту же мысль — вопреки своему выводу — прекрасно обосновывает и Мятлев. Установив, что все земли Орины (а они находились в разных районах Новгородской земли) перешли в поместье Квашнина, Мятлев обратил внимание на то, что в Водской пятине, согласно переписной книге 1500 г., деревни Федора Хромого отданы в поместье Тимофею Зезевитову, а Oriна при этом не упоминается вовсе³⁷. Из этого проистекает логический вывод: владения Орины составляли ее приданое «при выходе замуж за первого ее мужа новгородского вотчинника Федора Хромого», тогда как собственные его вотчинные земли конфисковывались в процессе «вывода» отдельно³⁸.

Рассмотрим теперь состав землевладельцев в Ходынях и Сельской Луке.

«В Черенчическом же погосте дворы Оринские Федоровы жены Хромого за Ильєю за Васильевым сыном Квашнина и великого князя в волчих деревнях в Олферьевских Офонасова в Кормленской волости в селце в Ходынях: дв. Илейка, дв. Фотьян, паш. 8 корьи, сен. 50 коп., 2 обжы. В деревне в Селской Луке: дв. Окат да Васко,

паш. 5 корьи, сен. 80 коп., полторы обжы. И сох по новому писму дворы 3, 4 человеки, пол-четверты обжы, соха с полутретью. А дохода емлет Илия 4 корьи ржы, 6 корьи овса, боран, а ключнику 4 сыры, 4 горсти лну.

В Черенчицком же погосте деревни Васильевские Степанова Забелина за Микифором за Васильевым сыном Ярофеева. Дер. Золотово: дв. Якшо Иванов, паш. 3 корьи, сена 30 коп., обжа. Дер. Карпово: дв. Фофан Вошко, паш. 2 корьи, сена 20 коп., полюбжы. Дер. Каменка: дв. Васко Пантелеев, зять его Гридка, паш. 4 корьи, сена 80 коп., обжа. Васильевские же дворы в великого князя в вопчем селце в Ходынях в Олферьевском Офоноса, в Кормленской волости: двор Вахно Губарев да сын его Гридка, дв. Иваш и Левки, дети его Якуш да Торас, дв. Федко Насонов, дети его Михал, дв. Никитки Костин, паш. 17 корьи, сена 100 копен, 4 обжы. И сох по новому писму 3 деревни, а дворов 7 и с теми, что в вопчем селце, а людей 12 чел., а обжы полсемы, 2 сохи с полтретью. А доход с них емлет Микифор денгами и за хлеб полтора рубля и полпяты гривны, а мелкого дохода: 4 бораны, 4 куров, 4 ставца масла, 40 яиц, 5 овчин, 5 лопаток, пяток лну. А перед старым писмом убыла у них пол-обжы. А копатцкие пошлины дают с тех деревень Курскому наместнику полчетверты гривны без денги, с 12 чел. по 4 денги.

В Черенчицком же погосте деревни Тимофеевские Грузова за Митею за Тимофеевым за сыном Бестужева. Дер. Грива: дв. Васко Мартынов, да Васка Ряб, паш. 2 корьи, сена 50 коп., обжа. Тимофеевские же были дворы в вопчем селце в великого князя в Ходынях, в Кормленской волости: дв. Яшка Дмитров, сын его Иванец, дв. Фомка Степанов, паш. 9 корьи, сена 40 коп., 2 обжы. Сох по новому писму деревни 1, а дворов 3 и с теми дворы, что в вопчем селце, а людей 7 чел., а обжы 3, соха. А дохода с них емлет Митя денгами и за хлеб 10 гривен без 2 денег. А копатцкие пошлины дают Курскому наместнику 2 гривны, а 7 чел. по 4 денги»³⁹.

Если рассматривать землевладение только в Ходынях, то оно предстанет перед нами в строго пропорциональном соотношении: 2 обжи принадлежали вдове Федора Хромого Орине, 2 обжи — Тимофею Грузову и 4 обжи — Василию Степановичу Забелину. Эта пропорция практически не меняется, если рассматривать и соотношение владений тех же лиц по всему массиву их

боярщинок. В целом Орина владеет здесь 3,5 обжи (1,5 обжи в Сельской Луке), Василий Забелин — 6,5 обжи, Тимофей Грузов — 3 обжами. И там, и здесь Василию принадлежит половина земель, двум остальным владельцам — другая их половина.

Нет сомнения в том, что Василий Степанович Забелин идентичен хорошо известному нам Василию Степановичу, племяннику Василия Федоровича и внуку Федора Остафьевича. Мы предполагали отыскать его землевладение только в Ходынях, но не в Дроздынях и не в Сельской Луке. Так оно и оказалось. Добавлю к этому, что вопреки, казалось бы, ясному указанию рядной Василия Степановича Забелина владеет еще 4 обжами в «вопчей» деревне Налючах на Поле и 3 обжами в соседней с этим погостом деревне Головкино⁴⁰. Трудно представить себе, чтобы эти земли были его собственной прикупкой. Основной массив семейных владений здесь приобретен по менным и купным грамотам Федором Остафьевичем, а затем перешел в руки не Степана, а Василия Федоровича. В таких условиях прикупать что-либо не к своему, а к дядиному участку было бы бессмысленно. Можно высказать предположение, что эти 7 обож, не оговоренные в духовных, были личной собственностью жены Федора Остафьевича Офимьи, принесенные ею мужу в приданое и ею же завещанные после смерти Степана — внуку Василию Степановичу. Напомню, что в момент составления духовной Федора Остафьевича она была жива и получала по этой духовной земли на Поле, в Налючах и на Сомшине.

Поскольку Василий Федорович не имеет никакой доли в ловатской волостке (Ходыни — Дроздыни — Сельская Лука), очевидно, что владение в Ходынях идентично владению Степана Федоровича и, следовательно, Федора Остафьевича. Именно этого объема отчина унаследована на Ловати Федором Остафьевичем от Остафьи Онаньинича. Хотя последний и упоминает в качестве своей отчины и дедины не только Ходыни, а также Дроздыни и Сельскую Луку, однако этот массив был разделен между Онаньей и Семеном еще на рубеже XIV—XV вв., и другая его половина оставалась во владении наследников Семена. Но с Ходынями, Дроздынями и Сельской Лукой всякий раз связана Орина. Поэтому нет оснований сомневаться в том, что она находилась в кровном родстве с Онаньиничами.

Вопрос о генеалогической связи владений Онаньиничей с другими совладельцами ловатской волости — Олферием Офонасовым, Грузовыми и Ориной — чрезвычайно сложен. Рассмотрим проблему Офонасовых.

Мы уже видели, что в Дроздынях Олферию Офонасову принадлежит половина села. В интересующих нас селах на левом берегу Ловати формально его владений нет. Однако после новгородского «вывода» и Ходыни, и Сельская Лука были взяты в так называемую Кормленскую (дворцовую) волость, которая в целом называется «Олферьевской Офонасовской». Объем этой волости равен 94,5 обжи, а ее жеребьи находились в Офремовском, Рамышевском, Черенчицком и Воскресенском погостах Шелонской пятины, описание которых, к сожалению, дошло до нас в совершенно неудовлетворительном виде⁴¹. По-видимому, конфискация земель Олферия Офонасова затронула и других землевладельцев, родственно с ним связанных. Эта конфискация, как увидим, была произведена не во время «вывода», а гораздо раньше.

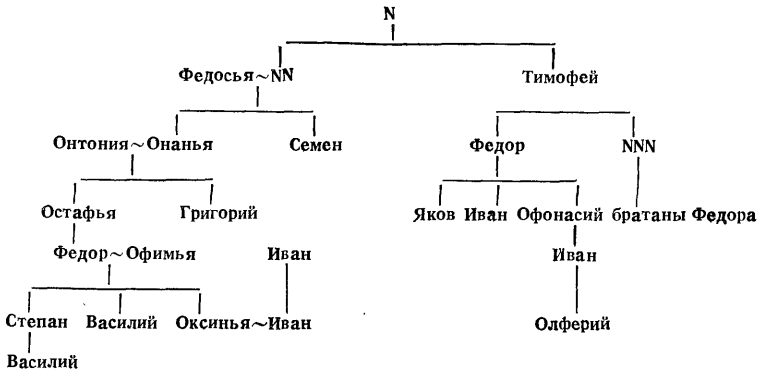
Олферий Иванович Офонасов характеризуется данными писцовых книг как один из крупнейших землевладельцев Новгорода. Но он известен и как выдающийся политический деятель антимосковского направления. В конце 1475 г. Иван III во время своего «мирного похода» на Новгород «выслал от себя вон Ивана Афанасова да сына его Олферия, да тех поимати же велел в том, что мыслили от великого князя Новугороду датися за короля; а взял Ивана Василей Китай, а сына его Юрьи Шестак. Потом же в третей день во вторник прииде к великому князю на Городище архиепископ и посадници бити челом от всего Новагорода о изыманных боярех, чтобы пожаловал, смиловался, казни им отдал и на поруку их дал. Князь же великий владычня челобитья и Новагорода не приа и отвеща им тако: «ведомо тебе, богомолцу нашему, и всему Новугороду, отчине нашей, колико от тех бояр и наперед сего лиха чинилося, а нынеча что ни есть лиха в отчине нашей, то все от них чинится; ино как ми за то их жаловати?» Да того же дни и послал их к Москве, оковав, с своими приставами»⁴².

Отец Олферия Иван Офонасович, арестованный Иваном III в 1475 г. и к моменту боярского «вывода» умерший (иначе земли числились бы за ним, а не за Олферием), впервые упоминается как посадник под 1459 г., когда он сопровождал владыку Иону на поставление в

Москву⁴³. Сопоставление с летописным списком посадников устанавливает, что именно он носил прозвище Немир⁴⁴, хотя «Житие Михаила Клопского» и называет Немира Иваном Васильевичем⁴⁵. Напомню, что Иван Офанасович был душеприказчиком Федора Остафьевича в духовной грамоте последнего.

С 1414 г. в источниках известен боярин Офонасий Федорович, который в указанном году был отправлен в Литву для заключения мира с Витовтом, а в 1417 г. отнял под Моржом у московского боярина Глеба Семеновича полоненных им новгородских бояр⁴⁶. В 1421 г. он заключает в качестве посадника мир с немцами на Нарове⁴⁷, а в 1424 г. в той же должности участвует в докончании с наследником московского стола Василием Васильевичем⁴⁸. В летописном рассказе 1414 г. Офонасий Федорович называется сыном посадника, и, поскольку других посадников Федоров кроме Федора Тимофеевича в рассматриваемое время не было, это позволяет связать Офонасия линией восходящего родства именно с Федором Тимофеевичем. Подтверждение правильности такого вывода извлекается из следующего сопоставления. Под 1411 г. в летописи назван Иван Федорович, «сын посаднич»⁴⁹. Офонас называется братом Ивана Федоровича в рассказе 1417 г. Между тем летописный список посадников в разделе, говорящем о посадниках рубежа 10-х и 20-х годов XV в., перечисляет следующих лиц: «Яков Федоров, брат его Иван и Афанасий»⁵⁰. Все три брата, таким образом,— сыновья Федора Тимофеевича. Вслед за Мятлевым, можно предположить, что упомянутые под 1398 г. «Иван и брат его Афанас», которых новгородцы «исковали» за то, что они «водили Двинскую землю на зло», т. е. участвовали во временной коммемдации Двины к Москве в 1397—1398 гг.,— те же Иван и Офонасий Федоровичи⁵¹.

Слабость этого построения в одном: отсутствуют прямые указания на то, что Офонасий Федорович был отцом Ивана Офонасьевича. Однако эта слабость преодолевается судьбой семейного землевладения. Двоюродные братья Федор Тимофеевич и Онанья наследуют части одной и той же дедины, которая, спустя несколько десятков лет, будучи разделена на самостоятельные участки, остается в руках их потомков в четвертом поколении. Мы получаем возможность дополнить генеалогическую таблицу (схема 8).

Сложнее оказывается найти в схеме 8 место Грузовых. Матфей Остафьевич Грузов был владельцем четверти Дроздын, а Тимофей Грузов — четверти Ходын. Грузовы хорошо известны летописцам. Несколько братьев Остафьевичей занимали в последний период новгородской независимости пост посадника. Кузьма Остафьевич с титулом посадника упоминается в 1471 и 1475 гг.⁵², Тимофей Остафьевич — в 1475 г.⁵³ Наиболее знаменит из них Офонасий Остафьевич, который был посадником уже в 1448 г. и оставался в этой должности в 1475 г.⁵⁴ Впервые Офонасий Остафьевич упомянут в документе 40-х годов XV в. как сын тысяцкого⁵⁵. Матфея Остафьевича летописи не называют, однако вряд ли можно сомневаться в том, что он был родным братом только что перечисленных Грузовых. У Кузьмы Остафьевича был еще сын Тимофей, также ставший посадником⁵⁶. Но владельцем части Ходын был, надо полагать, не Тимофей Кузьмич, а Тимофей Остафьевич, брат Матфея, землевладельца в Дроздынях: к моменту боярского «вывода» был еще жив сам Кузьма Остафьевич; Тимофей Кузьмич, следовательно, не успел стать самостоятельным вотчинником. Можно высказать предположение о том, что Остафьевичи были сыновьями боярина Остафьи Есифовича, который упомянут в летописном рассказе 1435 г. как один из новгородских воевод⁵⁷.

Не располагая возможностью проследить генеалогию Грузовых в глубь XV в., мы тем не менее видим, что эта семья имеет прочные позиции в Дроздынях и Ходынях,

причем владение здесь двух братьев Остафьевичей должно восходить к их отчине. Иными словами, в более раннее время четверть рассматриваемой волостки на Ловати (5 обож) принадлежала их отцу Остафию Грузу.

Возвращаясь к первоначальному состоянию ловатской волостки, вспомним, что она дважды подвергалась семейному разделу. Находившаяся некогда в единых руках, она была поделена по половинам между отцом (Онаньи и Тимофеем. Владения Олферия Ивановича восходят к половине Тимофея, составляя какую-то ее часть, сохранившуюся в процессе дальнейших разделов. В свою очередь половина, доставшаяся отцу Онаньи, была разделена по половинам между Онаньей и Семеном. Судьба Онаньиной четверти нам известна: эта боярщина к моменту новгородского «вывода» находилась в руках Василия Степановича Забелина. Следовательно, Остафий Груз мог стать владельцем той части этой отчины, которая восходит к владению Семена, или той ее части, которая некогда принадлежала Тимофею и была унаследована от него либо братьями Федора, либо кем-то из сыновей Федора Тимофеевича.

Разумеется, Грузовы могли приобрести свои участки в Дроздынях и Ходынях покупкой, т. е. не имея родственных связей с интересующим нас боярским кланом. Однако против такого предположения говорят показания опубликованного Д. Я. Самоквасовым «Земляного списка Бежецкой пятины» конца XV в., в котором описана волостка, находившаяся в совместном владении ряда уже хорошо нам известных лиц: «Илья Семенов сын Родичев — волостка за ним Рыбенская Тимофеевская Остафьева Грузова на реце на Молозе в Богородицком погосте... сох 15 с третью... Илья Квашнин — волостка за ним приданая Орининская Федоровы жены Хромово в Богородицком погосте в Рыбинском — сох 17 с полутретью. Михалец Ильин сын Братцов — волостка за ним Олферьевская Иванова сына Офоносова в Богородицком погосте в Рыбенском — сох... бес трети»⁵⁸.

На территории Рыбинского погоста мы видим здесь сочетание владений тех же Тимофея Остафьевича Грузова, жены Федора Хромого Орины и Олферия Ивановича Офоносова, которые делили с Василием Степановичем Забелиным его ловатскую волостку. Далее мы обнаружим, что и Онаньиничи входили в число вотчинников Бежецкого Верха. Такое повторное сочетание од-

них и тех же лиц в качестве совладельцев одних и тех же волостей убеждает в наличии родственных связей между ними, на что обратил внимание Мятлев⁵⁹. Можно указать еще один случай подобного сочетания, когда соседствуют владения Тимофея Грузова, Орины и Олферия Ивановича Офонасова,— в Офремовском погосте Шелонской пятины⁶⁰.

Решению вопроса о принадлежности Грузовых к конкретной линии рассматриваемого боярского рода способствует изучение связей с ним жены Федора Хромого — Орины. С точки зрения занимающей нас проблемы Орина находится в таком же положении относительно этого рода, что и Грузовы. Она может происходить от Семена, брата Онаньи, но может оказаться и потомком Федора Тимофеевича или его братанов. Обращает на себя внимание принципиальная равновеликость долей Грузовых, Орины и Василия Забелина в ловатской волостке. Грузовым там принадлежит 5 обож, Орине — 5,5 обжи, Василию Степановичу Забелину — 6,5 обжи. Поскольку Василий Степанович владеет четвертью волостки, следовательно, каждому из его совладельцев принадлежит также по четверти, но одна из этих четвертей — Грузовых или Орины — восходит к Семену, коль скоро происхождение двух других — от Онаньи и от Тимофея — уже установлено. Такую же равновеликость можно отметить и для владений Грузовых и Орины в Бежецком Верхе (15 с третью сох и 17 с полутретью сох).

Надо полагать, что ответ на поставленный вопрос может быть найден выяснением того, как в целом волостки Орины и братьев Матфея и Тимофея Грузовых соотносятся с волостками Олферия Ивановича Офонасова. Если кто-то из них происходит от Семена, то его владения обнаружат меньше точек соприкосновения с владениями Олферия. Напротив, восхождение кого-то из них к Тимофею — предку Олферия Ивановича — должно ярваться в наличии такого соседства.

Применение изложенного методического приема, вопреки мнению Мятлева, считавшего, что Oriна «приходилась Олферию Ивановичу сестрою или дочерью»⁶¹, устанавливает, что Oriна, кроме названных выше владений в ловатской волостке, Офремовском погосте и Бежецком Верхе, была также землевладелицей в Коростыньском и Боротенском погостах Шелонской пятины

(пользуясь этими землями как приданным мужу), но в этих погостах ни одного клочка земли не принадлежало ни Матфею и Тимофею Грузовым, ни Олферию Ивановичу⁶². Напротив, земли Грузовых и Олферия Ивановича плотно соседствовали, кроме отмеченных случаев,— в Покровском Дятилинском погосте Водской пятины⁶³, в Околорусье, Воскресенском и Карачунском погостах Шелонской пятины⁶⁴.

Отсюда я делаю вывод, что Грузовы наследуют в ловатской волостке ту ее часть, которая прежде входила во владения Тимофея, не решая пока вопроса о конкретных генеалогических связях Грузовых с Тимофеем. Что касается Орины, то ее доля восходит к отчине Семена, прямым потомком которого она и была.

Для дальнейших наблюдений следует особо отметить, что к моменту боярского «вывода», т. е. к середине 80-х годов XV в., были живы участники полюбовной раздельной грамоты Василий Федорович и его племянник Василий Степанович Забелин.

3. Шенкурская волостка

В духовной Остафьи Онаньинича шенкурская волостка упоминается в целом, без обозначения ее топонимов:

«А что отцына моя и дедина моя, земля и вода за Волоком в Шенкурье, а в той земле мне з братом з Григорьем половина и в лесе, и в озерах, и в речках, и в ловищах, по володенью отца моего и дяди моего. Что прикупле отца моего, а то сыну моему цыста, по купным грамотам и по володенью отца моего. А з братом моим с Григорьем моя половина сыну моему цыста по роздельной грамоте, а Федору посаднику и его братаном другая половина... А что в Шенкурье вода и земля Яропугская не делна, и в том мне половина, а брату моему Григорью половина»⁶⁵.

Мы наблюдаем здесь ту же стадию процесса деления единой некогда дедины, что и на материалах по ловатской волостке времен Остафьи Онаньинича. Одна половина дедины принадлежала Онанье и его брату, другая — посаднику Федору и его племянникам. В единых руках обе боярщины, следовательно, были у деда Онаньи, который одновременно был и дедом посадника Федора. Замечу также, что упомянутый без имени дядя

Онаны, — по-видимому, не Семен, доли которого в шенкурской волостке вообще нет (Остафья пишет: «Мне з братом з Григорьем половина..., а Федору посаднику и его братаном другая половина»), а Борис: от него Остафья унаследовал и челядь, упомянутую в другой части духовной («А что мои челяди дерноватой, что досталось отцу моему у дяди у Бориса в отдел...»). Упомянутся в духовной и «прикупли» Онаны.

В связи с этими прикуплями следует коснуться еще одного сюжета духовной. Выше уже приведена цитата из нее о том, как «Новгород пожаловал отца моего и меня и дал грамоту на Валжане». Четвертая часть этого пожалования была продана за 120 руб. посаднику Александру Фоминичу, который послал на свое место Тимофея Прокопьевича. Если «валжане» — испорченное «важане», жители Ваги, т. е. Шенкурья (а не Поволжья, где новгородских владений не было), а о каких-либо пожалованных землях духовная ничего не говорит, думаю, что речь здесь идет не о земле, а о пожаловании откупа судебного или фискального характера.

В духовной Федора Остафьевича унаследованная им от отца земля описана детально (нумерация позиций ниже введена для удобства дальнейших сопоставлений):

[1] Раибалское село и Нижняя Едма к Раибалскому селу, от Огашки речки по ручей промежь Едмами Верхние и Нижние, а тех сел едмища, и ловища, и пожни, и лесы, а то сыну моему Василью да жене моей Офимье;

[2] а Боровское село за рекою, и Неровское село, и на Поце село, и на Борку село, и Бор, и Верхняя Едма, а тех сел едмища, и ловища, и пожни, и лес, и полешной лес на Поце и на Шеньги, по отца моего грамотам, и по владенью отца моего и по моему, а то сыну моему Степану;

[3] и на Плесе Степанцово село, а то к Бору, от Ивашкова села сто копен к Степанцову селу, от Ивашкова села к Раибале в Шолаше треть по грамоте, а полешии лес, а то детям моим усто волце;

[4] а в Яропуге Михайлово село и Верхние поля промежь Турковым селом и Зеновым, а то к Боровскому селу Степану;

[5] а Ивашково село в Яропуге, Бураково селцо, за озером селцо Половица, а то к Раибале Василью;

[6] Дмитриево село, Ондрейково село за озером, а то Степану;

[7] а тех сел пожни, и страдная земля, и паства, а то по селам; а Еропугское озеро, и Керга озеро, и Целм озеро, а то им вопце, по купной грамоте по Васильеве; и Кергаская речка, и Юмзе озеро, и Номзенга река по обе стороны, и лесы, а то детям моим вопцы усто, по купной грамоте по Васильеве;

[8] а на Тарне села мои: Федорково село, другаго Федърка Лукина село, Половитцкое село, Ившинское селцо, а то к Раиболе Василью;

[9] Андреиково село, Ескино село, Кириковых два села, а то к Бору сыну Степану;

[10] а tych сел пожни, и едмища, и страдные земли, и лес, и ловища, а то детям моим вопце, по отца моего владенью, и по рукописанью, и по моему владенью, а то детям моим»⁶⁶.

Раздел волостей, зафиксированный духовной Федора Остафьевича, был, как мы уже знаем, подтвержден после смерти Степана Федоровича полюбовной грамотой сына последнего — Василия Степановича и Василия Федоровича. Для сравнения воспользуемся уже употребленным цифровым обозначением позиций раздела.

По полюбовной раздельной грамоте «досташетца Василью Федоровичю в отдел по любви от братана от своего от Василья Степановичя»: «...а за Волоком в Раибале болшей двор и Нижняя Едма по Огашку реку, а от Огашки реки по ручьи, кои промежи двема Едмами [1]; а в Яропуге Ивашково село, Бураково селце и за озером Половничкое селце [5]; а на Тарне Федорково село, другаго Федорка Лукино село, Евшиньское село [8]; а на речке Лепшиньское село Куряткова, Кюпречево село, а третье, где Семенко живал Опашин [?] ... А ловища, и пожни, и страдомые земли, и лес, а то к тым селам по старине, ис которого села которьи места делали [7, 10]. А в тьи села Василью Степановици не въступатци.

А против тех сел досташетца Василью Степановичю земля и села, отцина его и дедина:

...за Волоком, за рекою за Вагою, Климово село, Перевоское село, Лучкино село, на Круглом Борку селцо; а в Яропуге Михаля Калоева село, сына его Степанцево селче, Ондreja рыболова село, на Литвинове горе село и Верхняя Едма Вахрушево, а межа ручьем, кои ручей промежи двема Едмами [2, 3, 4, 6]; и на Тарне Куликово село, Ескина Комълова село, Евсеиково село, Телково селце [9]... А tych всих сел пожни, и ловища, и страдо-

мые земли, и леса, а то к тым селам по старине, ис которого села где делали [7, 10]. А тьи села досташетца Василью Степановичю от дяди своего в отдел. А в тьи села Василью Федоровичю не вступатци... А в Раибале у святого Борисо-Глеба, а то им вопце, на погосте... А озера и реки за Волоком, а то им вопце; [...]се, где Балзн живет, а то село им по половинам [7, 10, 3?]»⁶⁷.

Некоторые топонимы, названные в духовных, на современной карте не отыскиваются, но те, которые известны, локализуются с большой плотностью. Владения Федора Остафьевича расположены на реках Поче, Шенге, Шолаше, Тарне. Райбола и Едма находятся в левобережье Ваги, в 4—5 км севернее г. Шенкурска. Поча и Шенга — правые притоки Ваги; Поча впадает в нее чуть ниже, а Шенга — чуть выше Шенкурска. Тарна — приток реки Ледь, впадающей в Вагу слева, севернее Шенкурска, а река Шолоша — левый приток Ваги южнее Шенкурска.

Вся эта территория входит в состав Шенкурского погоста, как он обозначен в мировой грамоте старосты Азика с Василием Матфеевичем. Ввиду особой важности этого документа, самого древнего в комплексе «шенкурских актов», приведу его здесь целиком:

«Се би чолом староста Азика, и Харагинец, и Ровда, и Игнатец, приехав от своеи братьи, князю Офонасью на Василья на Матфеева. А наставиле подвоискии и, не идучи к суду, и урядилися рядом. А боле Шенкурскии погост и земли Шенкурского погоста до Ростовских меж, до Ваимуги вверху до Яноозера, а от Яноозера прямо в Пезу, а тьи земли Василью и в веки. А взяле Азика с своею братьею у Василья дватцать тысячь белки на тых землях, где ни есть Шенкурского погоста. А завод тым землям по Семенгу реку, а по другую сторону Ваги выше Паденге по вытеклым руцеи, и Паденга река с устья по обе стороны вверху до Сулонской межи по великой камень, а Шенга река с устья по обе стороне вверху до Розмовой, а Понца река по обе стороне. А хто будет вкупился в ту землю в том заводе, а те знают своих продавчов в тых кунах. А что Шенкурского погоста и земли, и воды, и леса лешнии, и реки, и лешнии реки, и мхи, и озера, и соколя гнезда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василью себе и своим детям в веки. А пополонка дал Василеи десять рублей. А на то рядци и послуи: **Леонтеи Остафьевичь, Еремеи Кривцов, Терентеи**

Водовиков, Нозарья Воиславлиць. А хто наступит на сии ряд, даст князю и посаднику дватцать гривен золота»⁶⁸.

Грамота датируется по упоминанию в ней князя Афанасия. Единственным в Новгороде князем с таким именем в XIV—XV вв. (в эпоху употребления рубля) был родной брат великого князя Юрия Даниловича, выполнявший функции княжеского наместника в 1316 и 1318 гг. и умерший в 1322 г.⁶⁹

Северная граница Шенкурского погоста, согласно этому документу, определялась «ростовскими межами» и проходила по Ваймуге, Яноозеру и Пезе. Вопреки мнению А. Н. Насонова, считавшего, что здесь имеется в виду река Ваймуга — приток Емцы, отстоящий от Шенкурска более чем на 150 км к северу⁷⁰, в грамоте подразумевается известная по сотным грамотам начала XVII в. одноименная речка, которая протекает неподалеку от Шенкурска, у реки Ледь. Пеза — приток Тарны⁷¹.

Эта линия действительно была «ростовской межой», поскольку непосредственно к северу от нее располагались ростовские земли, в чем легко убедиться, обратившись к судным «Спискам двинских земель» 70-х годов XV в.: «Емьская гора да Ледь река с верховия до устия по обе стороны, а от устия от Ледского по Вазе вниз Шоговар Боярьской наволоок до усть Сюмы, а по другой стороне Ваги от устья от Ледского Кошкара, Малонда, Карчала с наволоком; а от Сюмы по Вазе вниз по обе стороне Ваги от устия Сметанин наволоок, Онтрошиев наволоок, Белый Песок, Тавно озеро, да Сюмач, да Сенго со всеми угодии, — то была вотчина княжа Иванова Володимировича Ростовского. А искал тех земель Левонтеи Дедов на Василии на Степанове да на брате на его на Василии Тимофееве»⁷². Князь Иван Владимирович Ростовский известен только по родословным книгам, но его старший брат Константин, о котором упоминает летопись, умер в 1415 г.⁷³ Надо полагать, что еще в начале XV в. низовья Ваги от устья Леди и все течение Леди принадлежали ростовским князьям. Южная граница этих владений идентична северной границе новгородского Шенкурского погоста, как она описана в грамоте Азики и Василия Матфеевича.

Южная граница Шенкурского погоста обозначена реками Семенгой и Паденгой «до Сулонской межи». Современная карта знает в 25 км южнее Шенкурска левый приток Ваги — Паденгу и правый приток Ваги — Сель-

менгу, устья которых расположены одно против другого. Южнее Паденги протекает река Суланда — приток впадающей в Вагу Пуи.

Что касается западной и восточной границ погоста, они определяются бассейнами рек Паденги, Шенги и Почы (Понцы) (возможно, не до верховьев, а до не уловимых ныне топонимов). Примерные границы Шенкурского погоста вполне достоверно нанесены на карту Л. А. Зарубиным⁷⁴. К его выводам возможно сделать небольшую поправку. По раздельной Василия Федоровича и Василия Степановича, Василию Федоровичу, в частности, достаются «на речке Лепшинское село Куряткова, Кюпречево село, а третье, где Семенко живал Опашин», не упомянутые в духовной Федора Остафьевича. Эти села расположены на речке Лепше, верховья которой находятся близ верховьев Леди, т. е. на территории, показанной Зарубиным за западным рубежом Шенкурского погоста. Думаю, что это новоприобретение связано с захватом у ростовских князей: в «Списке двинских земель» говорится, что «Леди реки верховие с лесы, и с пожнями, и со всеми угодьи» было отнято новгородцем Иваном Васильевичем у ростовских вотчинников⁷⁵.

И Поча, и Тарна, и Шелаша, на которых располагались земли Онаньиничей, так же как и Шенга, находятся внутри описанных выше границ Шенкурского погоста, который в первой четверти XIV в. был куплен как единое владение Василием Матфеевичем. Ссылки в духовной Федора Остафьевича на «купную грамоту Васильеву», несомненно, имеют в виду именно это приобретение Василия Матфеевича, который, следовательно, оказывается общим предком и Онаньи, и посадника Федора Тимофеевича с его братьями. Поскольку Федор Тимофеевич уже в 1385 г. был новгородским посадником, время деятельности его отца Тимофея возможно относить к середине XIV в., а деда — к первой половине XIV в. Не были Василий Матфеевич этим дедом? В крайнем случае, это прадед Федора Тимофеевича и Онаньи.

Так как Шенкурский погост в процессе наследственных разделов оказался в собственности разных линий рода Василия Матфеевича, но, кроме того, к моменту его покупки Василием Матфеевичем «в том заводе» были и другие «вкупившиеся» владельцы, нам следует теперь обратиться к другим материалам по землевладению в этом погосте.

В этой связи естественный интерес представляют новгородские бояре, носившие прозвище Шенкурских. Писцовые книги знают с этим прозвищем Исака Семенова Шенкурского и Офимию Семенову жену Шенкурского как владельцев земель в Водской, Шелонской и Бежецкой пятинах⁷⁶. Отношения между этими двумя лицами зафиксированы в данной грамоте Исака Семеновича Богословскому Важскому монастырю, отражающей в то же время их присутствие на Ваге в качестве землевладельцев (Богословский монастырь расположен в 16 км к северу от Шенкурска):

«Се аз Исак Семеновичь и моя осподарыни мати Офимья, по наказу родителей своих, отца моего и деда, дал есми в Мидлеше две деревни, а на Пинешке дал есми три деревеньки в дом великому Ивану Богослову и Трием Святителем — Василью Великому, Григорью Богослову и Ивану Златоустому, в монастырь игумену и братие во общину с всеми угоды, куды ходила коса и секира, по старине и в веки, да молят бога о здравии государей великих князей и о нашем, а отошедших света сего поминуют за упокой»⁷⁷.

Очевидно, что документ относится к первым годам присоединения Новгорода к Москве, непосредственно предшествующим боярскому «выводу», коль скоро в нем говорится о здравии великих князей. В летописи Исак Семенович Шенкурский упомянут под 1475 г., когда он вместе с другими новгородскими боярами встречал Ивана III во время его «мирного похода» на Новгород⁷⁸. Будучи сведен, Исак Шенкурский получил земли в Костромском уезде и стал родоначальником дворянского рода Шенкурских. В Разрядной книге 1475—1598 гг. он упомянут под 1524 г.⁷⁹

Отца Исака звали Семеном Васильевичем. Летопись рассказывает о нем под 1446 г., когда он вместе со своим отцом Василием Шенкурским и воеводой Михаилом Яковлевичем ходил с трехтысячной заволоцкой ратью на югру и после поражения спасался бегством вместе с отцом⁸⁰. «Список двинских земель» 70-х годов XV в. называет отчество Василия Шенкурского — Степанович. Рассказывая о Кулойских землях на Ваге, этот документ сообщает, что те земли «искал Васко Горло, староста кулойской, на Васильевых детех на Степанова на Семене да на Иване»⁸¹. Еще раз в том же «Списке» «Семен Васильев сын Степанова» упоминается в связи с земля-

ми на Кокшенге⁸². Иван Шенкурский с титулом новгородского посадника известен летописцу под 1475 г., когда он во Влукоме встречал Ивана III во время «мирного похода»⁸³.

Самый знаменитый из Шенкурских — Василий Степанович. Упомянутый в летописи, как уже отмечено, впервые под 1446 г., он в том же году как посадник послан в Москву целовать крест захватившему великокняжеский стол Дмитрию Шемяке⁸⁴. В 1456 г. Василий Степанович едет в Волок, безуспешно пытаясь отговорить Василия Темного ходить на Новгород, а затем, после поражения, принимает участие в подписании Яжелбицких докончаний⁸⁵. В качестве славенского посадника он участвует также в тяжбе с Иваном Губаревым⁸⁶.

Знает этого человека и агиография. Имею в виду «Житие Варлаама Важского» (иначе Пинежского или Шенкурского), основателя Богословского Важского монастыря, в котором говорится о том, что в миру Варлаам был посадником Василием. Начало его деятельности житие относит к 1426 г., а кончину — к 19 июня 1467 г. Житие приписывает Василию-Варлааму основание Пинежского градка «во участии своем в Заволочии на высоте горы, вскрай великия реки Ваги, на речке на Пиняжки именуемой; прозванием же нарекова граду тому Пенежский градок имянуемой, тогда бо бе по рекам и по урочищам градки малые именовашеся»⁸⁷.

В числе «шенкурских актов» имеется грамота новгородского посадника Василия Степановича, датированная в списке XVI в. 6960 (1451/52) годом, Богословскому Важскому монастырю на села по рекам Ваге, Большой и Малой Пинежкам и на остров Онтрофьев:

«Се дасть посадник Великого Новагорода Василей Степановичь в дом святаго Иоана Богослова, в опцей монастырь на Пинешку, игумену Серапиону и всей братии, или хто по нем инои игумен будет у святаго Иоана Богослова, в общежительство село Ковыцово, и [с] страдными землями и с пожнями, и другое село Овсяникова, [с] страдными землями и с пожнями, и третье село Лухановское Степыцово, и [с] страдными землями и с пожнями. А межа той земли: по Болшей Пинешке реке вверх левая сторона от устья и до верховья, от Болшей реки Пинешки от устья вниз по Ваге до Меншей реки Пинешки, по Меншей реки Пинешке вверх правая сторона от устья и до верховья; а в гору межа до Нагорской

межи, или где ни будет тых сел земле и пожни на Ваге, и в Лум озере участки тых сел, и лешebníи леса тых сел и всякие ловища тых сел. Да еще придад остров Онтрофьев весь, что есми у Обакуна купил. А то церкви святому Иоану Богослову в обитель общежительство игумену, хто ни будет у святаго Иоана Богослова, держати ему общее житие. А цернцев игумену держати, как его сила иметь. А цернцов держати в монастыре, хто игумену люб. А игумену и цернцем, живуци в монастыре святаго Иоана Богослова, собин им не держати. А поидет игумен прочь из манастыря, ино ему дати суцет цернцам. А посаднику Василью Степановичю, ни его жене, ни его детем не вступатись в тьи села, ни в тьи земли, ни в тьи ловища, ни в пожни, ни в остров Онтрофьев и в веки, и ни в цернцев, ни в страдники в цернески, ни в селяне в цернескии; ни прикащиков посадницим Васильевым, ни слугам, ни христианом не въступатись ни во что же в манастырское, ни обидети. А хто почнет вступатись или обидети домовное святаго Иоана Богослова по сеи по данои грамоте, а на то бог и святыи Иоан Богослов. А случится дело манастырскому человеку с посадницим человеком с Васильевым, ино судит игумен с посадницим с Васильевым прикащиком. А игумену половников посадницих Васильевых неотхожих людей не приимати»⁸⁸.

Перед нами учредительная грамота, которая касается не только вклада в монастырь земель, но и его внутреннего распорядка. Василий дарит земли из своей отчины, но также придает и остров Онтрофьев, купленный им у Обакуна. Вряд ли этот остров удержался за монастырем. Согласно «Списку двинских земель» «Онтрошиев наволоок» некогда принадлежал князю Ивану Владимировичу Ростовскому, составляя часть его волости Емская гора⁸⁹. Вся волость после поражения Новгорода в 1456 г. была передана великому князю, и в ней сидели кормленщики — сначала Левонтий Вралев, затем Власий Фрязинов, князь Иван Согорский, Ушак Арбужевский и, наконец, Григорий Перфушков⁹⁰. Эти земли искал Левонтий Дедов «на Василии на Степанове, да на брате его на Василии на Тимофееве»⁹¹, затем при том же Левонтии Иван Васильевич отнял «Онтропиев остров с пожнями и с пашною землею»⁹².

Сохранилась также дапная грамота Ивана Васильевича в Богословский Важский монастырь:

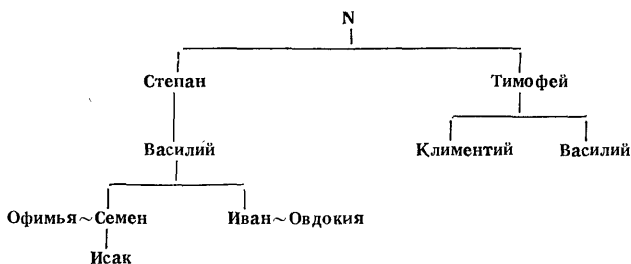
«Се яз Иван Васильевич с своею женою Евдокеею дал есмь в дом святого Иоанна Богослова и Трех Святитель в свой монастырь во общину по своим родителям в поминание за упокои, а за себе и за свою семью бога молити, два села на Паденге, что ми дал дядя мои Климент Тимофеевич, игумену Серапиону и старцем, или кто по нем иные игумен будет. А те села ведает игумен и старци, а кунщики мои с тех селян кун не берут и иных никаких пошлин, ни приказщик мои к ним не въезжает, ни перевар не иет, ни пошлин не емлет, ни биричь ими не наряжает, опроче городного дела, а ведают те селяне дело монастырьское. А дана грамота в лето 6978-го февраля 2»⁹³.

Поскольку грамота датируется 1471 г. (февраль мартовского 6978 г. соответствует уже не 1470, а 1471 г.), она, говоря о родителях Ивана как об уже умерших, подтверждает житийное сообщение о смерти Василия Степановича в 1467 г. Однако она дает также возможность установить нескольких родственников бояр Шенкурских.

Как видим, у Ивана Васильевича, сына Василия Степановича Шенкурского, был дядя Климентий Тимофеевич. «Список двинских земель» называет «братом» Василия Степановича некоего Василия Тимофеевича. Разные отчества говорят о том, что они были не родными, а двоюродными братьями. Если это так, то и Климентий Тимофеевич приходится (как родной брат Василия Тимофеевича) двоюродным дядей Ивану Васильевичу.

Приведенная здесь информация может быть выстроена в генеалогическую таблицу (схема 9).

СХЕМА 9

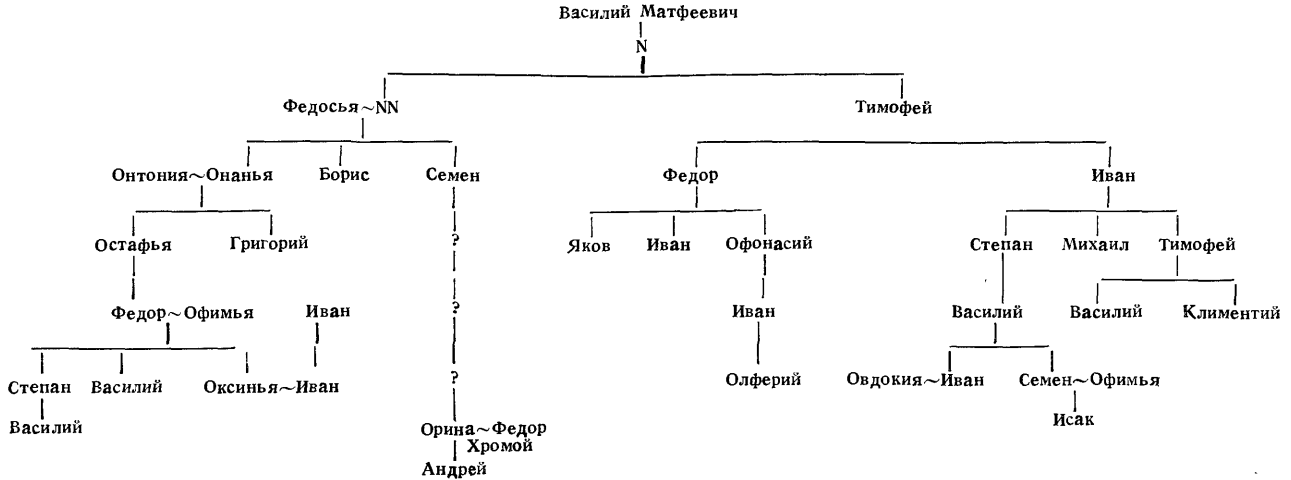
Уже схема 9 делает очевидной неправомерность идентификации Василия Степановича Забелина и Василия Степановича Шенкурского. Последний умер в 1467 г., к

моменту боярского «вывода» относится деятельность его внука Исака, — тогда как Василий Степанович Забелин был жив и в начале 80-х годов XV в. Поэтому признание Ивана Васильевича внуком Степана Федоровича и правнуком Остафьи Онаньинича, на котором настаивает Ю. С. Васильев⁹⁴, не выдерживает критики.

Вместе с тем не вызывает сомнения принадлежность Шенкурских к потомству боярина начала XIV в. Василия Матфеевича, поскольку земли на Пинежках и на Паденге составляют часть Шенкурского погоста. Разумеется, допустимо предполагать, что они могут вести начало и от каких-то владельцев, «вкупившихся» в Шенкурский погост ранее Василия Матфеевича, однако само их прозвище Шенкурскими указывает на ведущую роль земле-владения Шенкурских в этом районе и, следовательно, говорит об их принадлежности к потомству Василия Матфеевича.

В поисках общих предков Степана и Тимофея обратимся к летописям, имея в виду существование этих предков в хронологических рамках конца XIV — первой половины XV в. и помня об их связи с заволоцкими делами. Под 1401 г. Новгородская I летопись рассказывает о нападении на Двинскую землю великокняжеской рати, которое было отбито Степаном Ивановичем, его братом Михаилом и Микитой Головной, добившимися успеха, «скопив около себе важан»⁹⁵. Под 1393 г. летописи сообщают о том, что «новгородци взяша у князя великого Устьюг город, Устижно и много волости поимаша» под предводительством боярина Тимофея Ивановича⁹⁶. Предположив в Степане, Михаиле и Тимофее родных братьев, мы в рассказе о битве в Торжке 1372 г. найдем и Ивана Тимофеевича, убитого во время этого сражения⁹⁷.

Разумеется, эти звенья реконструируются предположительно, поскольку никаких прямых генеалогических указаний летописные рассказы не дают. Однако, излагая косвенные свидетельства, мы все время помним о том, что шенкурская волость находится в руках кровнородственных владельцев, имеющих общего предка в лице боярина первой половины XIV в. Василия Матфеевича. Коль скоро Шенкурские не являются потомками Остафьи Онаньинича, владея иными частями шенкурской купли Василия Матфеевича, они должны быть более близкими родственниками посадника Федора Тимофеевича.

Включение изложенных материалов пополняет общую генеалогическую таблицу (схема 10).

Мы видим, что загадочными братьями Федора Тимофеевича оказываются Степан, Михаил и Тимофей, родоначальники Шенкурских.

В особом рассмотрении нуждается проблема связи потомков Василия Матфеевича с своеземцами XVI—XVII вв. Едемскими. Точкой соприкосновения боярского и своеземческого родов является Едма, которой перед «выводом» владели Василий Федорович и его племянник Василий Степанович Забелин. Напомню, что Ю. С. Васильев идентифицирует своеземца XVI в. Ивана Васильевича Едемского с сыном Василия-Варлаама Шенкурского, а Василия Шенкурского — с Василием Степановичем Забелиным⁹⁸. Н. В. Мятлев предполагал другую генеалогическую связь, выводя Едемских от дяди Василия-Варлаама Шенкурского, также идентифицированного им с Василием Степановичем Забелиным, т. е. от Василия Федоровича⁹⁹. Оба исследователя ссылаются в своих построениях на синодик рода Едемских конца XVII в., однако не цитируют его. Между тем именно привлечение данных этого синодика позволяет найти правильное решение вопроса.

Выше установлено, что Василий Степанович Забелин и Василий-Варлаам Степанович Шенкурский — разные люди и очень дальние родственники, а «шенкурские акты» поэтому не составляют единого комплекса, а образуют две группы: документы Онаньиничей, сохранившиеся в копийной книжке своеземца Ивана Васильевича Едемского и в доме Левачева, с одной стороны, и данные грамоты Шенкурских из архива Богословского монастыря, с другой. Вкладчик Богословского монастыря, сын Василия-Варлаама Иван Васильевич не имел никакого отношения к землевладению в Едме, а идентификация его с Иваном Васильевичем Едемским, предпринятая Ю. С. Васильевым, неверна и потому, что синодик Едемских называет Ивана Васильевича «Иваном Васильевым сыном Федорова своеземцем»¹⁰⁰. Но Иван Васильевич Шенкурский был внуком Степана, а не Федора.

По-видимому, учитывая это показание синодика, Мятлев посчитал Ивана Васильевича Едемского сыном Василия Федоровича и внуком Федора Остафьевича. Такое предположение представляется, на первый взгляд, более продуманным, так как именно Василий Федорович

духовных и раздельной был одним из землевладельцев в Едме. Однако и оно не выдерживает столкновения с показаниями синодика. Согласно его данным своеземец Иван Васильевич Едемский, принявший перед смертью схиму под именем Иона и оказывающийся самым ранним Едемским в записях синодика, умер в 1574 г.¹⁰¹ Это согласуется со свидетельством другого документа. В 1552 г. была выдана «Жалованная грамота царя Ивана Васильевича приказчику Шенкурского городка, своеземцу Ивану Васильевичу сыну Федора Едемского»¹⁰². Но Василий Федорович духовной и раздельной грамот — деятель еще независимого Новгорода, доживший до боярского «вывода». Как участник семейного раздела он упоминается в духовной Федора Остафьевича, иными словами — в документе 60-х годов XV в. В раздельной Василия Федоровича с Василием Степановичем Забелиным прямо сказано об отсутствии у него детей. Если даже допустить, что у него родился сын Иван после совершения раздела с Василием Степановичем, такому сыну к моменту смерти окажется по меньшей мере 90 лет. Слабость построения Мятлева более чем очевидна.

После всех этих сопоставлений подытожим известные нам факты. Василий Федорович духовной и раздельной — деятель XV в. Он дожил до «вывода» и числится среди сведенных новгородцев. Как долго и где он жил после «вывода», нам не известно. Однако перед «выводом» он был жителем Нутной улицы в Новгороде. Центром его шенкурских владений, в состав которых входила и Верхняя Едма, является Боровское село (о других его селах этой боярщины в духовной Федора Остафьевича говорится: «а то к Бору», «а то к Боровскому селу»). О наличии у него детей источники не знают, но незадолго до «вывода» их у него определенно не было. Иван Васильевич Едемский впервые упоминается в документе 1553 г. и доживает до 1574 г. Существуют только два возможных аргумента в пользу их связи. Во-первых, Иван Васильевич Едемский — владелец Едмы; во-вторых, в его руках находятся списки «старых купчих крепостей» и, вероятно, самые грамоты на земли, частью которых он владеет. Разрыв между «выводом» и документально зафиксированным началом деятельности своеземца Ивана Васильевича, достигающий 70 лет, препятствует его признанию сыном боярина Василия Федоровича, хотя отца Ивана Едемского звали так же.

Судя по фамилии, Едемские были владельцами Едмы, но не большого двора в Боровском селе. Располагать же комплексом более ранних документов они могли и не будучи потомками новгородских бояр; наделение земель новых владельцев вполне могло сопровождаться и передачей им старой документации, подобно тому как вкладам земли в монастырь сопутствуют не только сами данные, но и предшествовавшие им купчие и духовные грамоты. Важно и то, что синодик Едемских возводит их только к Федору Едемскому и не называет его предков. Коль скоро древние документы в XVI—XVIII вв. хранились у Едемских, будь последние потомками Федора Остафьевича, Остафьи и Онаньи, имена этих лиц должны были бы также отложиться в синодике.

4. Кокшенгская волостка

В духовной Остафьи Онаньинича кокшенгская волостка описана в целом, без выделения топонимических деталей: «А что отцына наша на Кокшенгском погосте, земля и вода, и лес, а в том мне с своим братом з Григорьем и з дядею с Семеном половина, а посаднику Федору и его братаном другая половина; а в нашей половине Кокшенского погоста Семену половина, а мне и брату моему Григорью другая половина; а в нашей половине з Григорьем мне две чясти, а брату моему Григорью треть»¹⁰³.

Кокшенгская волостка в момент составления этого документа находится на том же этапе семейного раздела, что и шенкурская. Половина ее была в руках семьи Онаньи и его брата Семена, другая половина — у посадника Федора Тимофеевича и его братанов. Отличие лишь в том, что дядя Семен в шенкурской волостке доли не имел.

Топонимические уточнения дает духовная Федора Остафьевича:

«...А что отцына моя на Кокшенге

[1] у святого Федора по церковной стороне села мои въверх до Конядернина рецки, от Конядернине рецке по великой камень до острога, на Пополотцка за Кокшенгою по ручей, от Савкина вниз по Кокшенге по обе стороны до Пряслищина наволока, против Конядернине рецке, а тых земель и страдные земли, и пожни, и полешной лес, и едмища, и ловища, а то сыну моему Василью усто, по грамотам;

[2] а на Заечье реке два села, третье Петроково, а тех сел леса, и пожни, и полешие леса, и ловища, а Петрокова по грамотам, а в Хавденицах села мои до Плоской лужи, а тех сел пожни, и леса, и полешной лес, и страдные земли, и ловища, и едмища, а то Василью;

[3] а от Плоской лужи Нагорские села, а тех сел пожни, и страдные земли, и лес, и ловища, а то сыну моему Степану;

[4] а на другой стороне Поцы села мои и в Мадовеси до Салниковы речке, а тех сел пожни, и страдные земли, и леса, и полешной лес, и ловища, а то сыну моему Василью;

[5] от Салникове речке до святого Спаса, где ни есть, а тех сел пожни, и страдные земли, и леса, и полешной лес, и ловища, а то сыну моему Степану;

[6] а у святого Спаса Большое село да Илькинское, опроцы села Григорьева, и за Григорьевым селом и в наволоке, где ни есть, а тех сел пожни, и леса, и полешные леса, и страдные земли, и ловища, а то сыну моему Степану, по менной грамоте;

[7] у святого Спаса на погосте отцына моя и дедина, а то детям моим Степану и Василью по половинам, до Медвежьи речке»¹⁰⁴.

В полюбовной раздельной грамоте Василия Федоровича и его племянника Василия Степановича произведенный здесь раздел подтверждается. Для удобства сопоставления воспользуемся теми же цифровыми обозначениями позиций раздела.

«И досташется Василью Федоровичю в отдел по любви от братана от своего от Василья Степановичя:

...а на Заячьи реке два села, третье Петроково [2]; на Кокшеньги у святого Федора в пустыне, по ручьи, которой течет под монастырь святого Федора, а от того ручья вниз по Кокшенге села [1]; в Хавдиницах села по Плоскую лужу [2]; в Мадовеси села от Почы реки до Салникове речке [4]. А тьи села досташетча Василью Федоровичю от братана своего от Василья Степановичя в отдел. А ловища, и пожни, и страдомые земли, и лес, а то к тым селам по старине, ис которого села которые места делали. А в тьи села Василью Степановичю не вступати.

А против тых сел досташетча Василью Степановичю земля и села, отцина его и дедина:

...и на Кокшенги в пустыне у святого Федора по ручей, которой ручей под монастырь течет, от того ручья по Кокшенге вверх села до Конядерниной речке [1]; а от Плоской лужи по Высокой горе села и за Омелфой речкой до Поци реки [3]; а от Салникове речке до святого Спаса села, где ни есть, отчина наша [5]; а у святого Спаса Большое село да Илькинское село, опроче церковного села Григорьева, а за Григорьевым селом в наволоке села, где ни есть [6]. А тых всех сел пожни, и ловища, и страдомыи земли, и лесы, а то к тым селам по старине, ис которого села где делали. А тьи села досташетца Василью Степановичю от дяди от своего в отдел. А в тьи села Василью Федоровичю не вступатци. А на погосте у святого Спаса, а то им въпце [7].»¹⁰⁵.

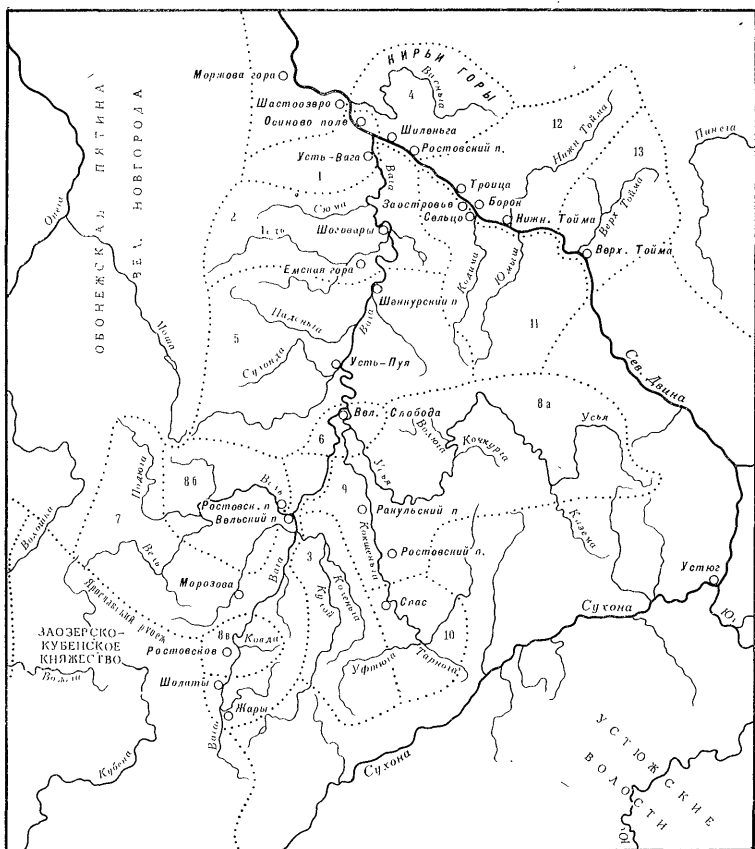
Имеется только одно уточнение против духовной Федора Остафьевича. Земли на Кокшенге до Конядерниной речки были завещаны Василию Федоровичу, но по отдельной они, как кажется, поделены между ним и его племянником. Добавлю к этому, что другое уточнение коснулось владения в Шенкурском погосте. Согласно духовной Федора Остафьевича земли на Плесе и в Шолаше находились в довольно сложном совместном, вернее — не до конца разделенном владении: «и на Плесе Степанцово село, а то к Бору, от Ивашкова села сто копен к Степанцову селу, от Ивашкова села к Раибале в Шолаше треть по грамоте, а полешии лес, а то детям моим усто вопце»¹⁰⁶. Между тем, по отдельной, эти земли находятся в единоличном владении Василия Степановича: «и на речке Русаново село, Нестерово село, Степачево село; и на Плесе Большое село, что над Шолошей»¹⁰⁷. Компенсацией Василию Федоровичу, по-видимому, послужили лепшинские села у верховьев Леди, о которых в духовной Федора Остафьевича не говорится вообще.

Существует возможность предполагать, вопреки мнению Ю. С. Васильева¹⁰⁸, что дедина Остафьи Онаньинича в Кокшенгском погосте имеет более древние корни, нежели в Шенкурском. По свидетельству К. Ф. Калайдовича, у проф. Ф. Г. Баузе была погибшая в московском пожаре 1812 г. рукопись «Шенкурский пролог», написанная в Новгороде в 1229 г. михайловским дьячком Давидом «в храм Спаса за Волок в Шенкурье» по приказанию некоего Остафьи Васильевича¹⁰⁹. Если эти сведения точны, их связь с родом Остафьи Онаньинича

обозначена местом изготовления Пролога в Михайловской церкви, которая была приходским храмом этого боярского рода. Однако храм Спаса, как мы только что видели, находился не в Шенкурье, а в соседнем с ним Кокшенгском погосте, где, таким образом, предки Остафьи Онаньинича владели землями уже в XIII в. Впрочем, такое предположение не может не быть сомнительным: если Пролог называется «Шенкурским» и даже локализует кокшенгскую церковь в Шенкурье, значит он не мог быть составлен ранее приобретения Шенкурского погоста Василием Матфеевичем, а Ф. Г. Баузе или К. Ф. Калайдович ошиблись в дате по крайней мере на столетие. Не мог ли Остафья Васильевич быть сыном Василия Матфеевича?

Описанные выше владения Остафьи Онаньинича на Кокшенге составляют четверть погоста, другая его половина находится в руках посадника Федора Тимофеевича и его братьев, а четверть — у дяди Остафьи Семёна. Чтобы получить представление о целом, попытаемся обозначить границы Кокшенгского погоста. Необходимые для этого материалы даёт «Список двинских земель» 70-х годов XV в., показывающий очертания пограничных с Кокшенгой волостей.

Из этого документа выясняется, что «Веля да Пезма реки по обе стороны от устья и до верховей и до Ярославского рубежа и с малыми речками, которые в них втекли,— Тяврэнга, Подвига, Шоноша, Синегга, слободка Морозова, слободка Косткова,— то земли были князи Ивановы Александровича Ростовского... А от устья Кулоя вверх по Вазе до Ярославского рубежа, по реке по Терменге вверх и по Двинце вверх Жары, Липки, Шолаты,— то земли были князи Ивановы Александровича Ростовского... А Каменная гора по реке по Кокшенге, по обе стороны Кокшенги до устья Пукюма, Савкино, Ракулка, Пустынка..., а земли то были князи Ивановы Александровича Ростовского... А река Колуи от устья и до верховья по обе стороне, да волок от Кокшенги,— то была отчина князя Иванова Володимировича Ростовского»¹¹⁰. Показания «Списка двинских земель» были проанализированы с историкогеографической точки зрения Л. А. Зарубиным, карту которого я и воспроизвожу. Исследователь различает новгородский Кокшенгский погост и ростовскую Кокшенгу, в которой новгородцами в XV в. были произведены захваты земель¹¹¹.

Важская земля в XIV—XV вв. (по Л. А. Зарубину):

1 — Усть-Вага; 2 — Емская гора на Ваге; 3 — Кулой; 4 — Кирьи горы; 5 — Шенкурье; 6 — Великая слобода; 7 — Земли новгородского владыки; 8 а, б, в — Устьянские волости; 9 — Кокшеньга Ростовская; 10 — Кокшеньга Новгородская; 11 — Кодима, Юмыш; 12 — Новгородские владения на верхней Двине; 13 — Верхняя Тойма.

Участки Онаньиничей находились и в новгородской, и в ростовской Кокшенге.

Не располагая сведениями о других землевладельцах Кокшенгского погоста, мы знаем, однако, что среди них были потомки посадника Федора Тимофеевича и его братьев. Косвенные сведения о них дает тот же «Список

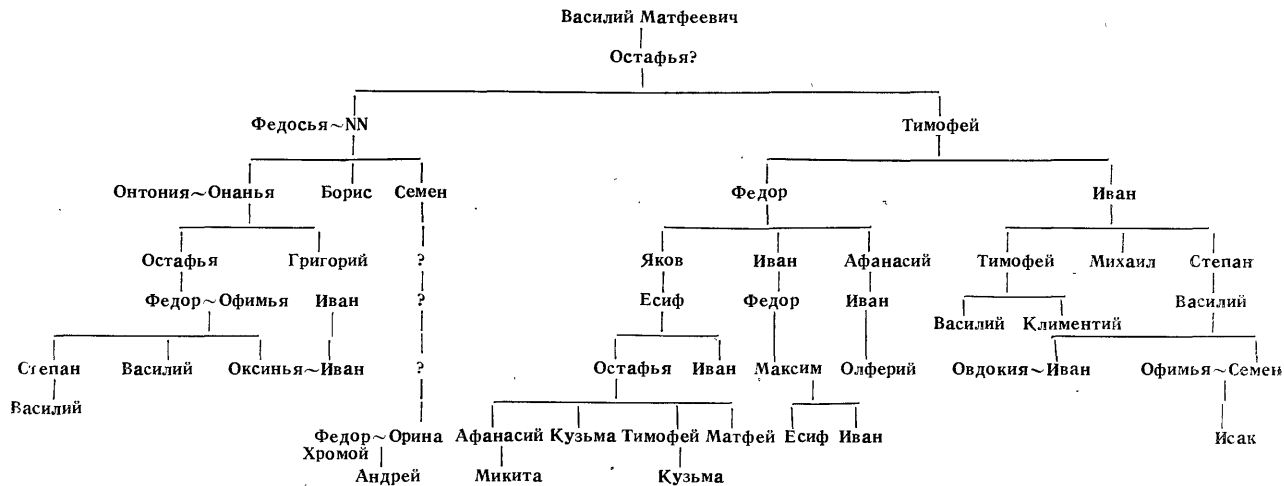
двинских земель», перечисляющий имена новгородских бояр, участников захвата ростовских вотчин. Естественно думать, что такие захваты осуществлялись в первую очередь с прилегающих территорий теми землевладельцами Кокшенгского погоста, которые прочно сидели в соседних с ростовскими вотчинах. Так, мы уже видели, что ростовская вотчина на нижней Ваге Емская гора была захвачена сначала Василием Степановичем Шенкурским и его двоюродным братом Василием Тимофеевичем, вторично же на нее вторгся сын Василия Степановича — Иван Шенкурский. Все эти лица владели землями в соседнем с Емской горой Шенкурском погосте.

Те же имена мы встречаем и при описании захватов ростовских вотчин, соседних с Кокшенгским погостом. Сын Василия Степановича Шенкурского Семен участвует в захвате Каменной горы на Кокшенге и земель по реке Кулой, сам Василий Степанович — участник захвата Великой слободы, находившейся в тех же местах и бывшей «отчиной великих князей из старины оброчной»¹¹².

Вместе с тем в этом списке фигурирует еще ряд имен, выступающих в весьма любопытном генеалогическом контексте.

Активными участниками захватов оказываются «Иван Есипов сын Яковль», участвовавший в захвате Каменной горы на Кокшенге, и «Есип Федоров внук Малово», захвативший также Каменную гору и земли на Кулое¹¹³. Добавлю к этому, что в другом «Списке двинских земель» дважды упоминается Федор Малый, который в одном случае вместе с Заецем, а в другом — вместе с Труфаном Сарским передавал двинские волости великому князю¹¹⁴. Очевидно, что речь идет о передаче этих земель Василию Темному после Яжелбицкого мира, коль скоро только сына Труфана — Константина Труфановича Сарского застают писцовые книги¹¹⁵, а сам Труфан Сарский идентифицируется с тысяцким Трифоном Юрьевичем, который известен по акту 1459—1460 гг.¹¹⁶

«Иван Есипов Яковль» — сын Есипа и внук Якова. В схеме 10 имеется только один Яков — сын посадника Федора Тимофеевича. От него предположительно мы можем вести генеалогическую цепочку, завершающуюся именем Ивана Есиповича. Однако эта цепочка имеет еще одно разветвление. Рассматривая материалы по ловат-

ской волостке Онаньиничей, я предположил, что Офонасий Остафьевич Груз принадлежал к потомству Федора Тимофеевича или его братанов и был сыном Остафьи Есифовича, новгородского воеводы, упомянутого в летописном рассказе 1435 г. Обнаружив теперь внука посадника Федора Тимофеевича — Есифа Яковлевича, мы, по-видимому, находим и то недостающее звено, которое связывает Грузовых с Федором Тимофеевичем.

Сложнее установить происхождение Есипа, внука Федора Малого. Мы не знаем ни имени отца Федора Малого, ни имени отца Есипа. Попытки отыскать Федора Малого в других источниках порождают следующую догадку. Будучи новгородским приставом по отводу великому князю Василию двинских земель и землевладельцем на Кокшенге, Федор Малый представляется человеком, весьма авторитетным в северных делах. Между тем единственный Федор соответствующего времени, известный в источниках в указанном качестве, — воевода «каянской рати», ходивший войной на реку Ии и пожертвовавший по этому поводу в Соловецкий монастырь колокол¹¹⁷. Что касается внука Федора Малого — Есифа, не известного нам по отчеству, но жившего, очевидно, в последний период новгородской независимости, то его можно попытаться найти среди бояр Есифов этого времени. Под 1475 г. в рассказе о встрече Ивана III летопись упоминает двух Есифов — Есифа Григорьевича и Есифа Максимовича¹¹⁸. Первый отпадает по той причине, что он был старым человеком, появившимся в документах еще в 40-х годах XV в.¹¹⁹; во встрече великого князя в 1475 г. участвует уже не он сам, а его сын Никита. Другой же Есиф — Есиф Максимович — в указанный момент был одним из новгородских тысяцких, иными словами, находился еще не на самой высокой ступени своей политической карьеры.

Можно предположить, что Есиф Максимович является внуком Федора Малого, что Федора Малого звали Федором Ивановичем и что он был сыном Ивана Федоровича и внуком Федора Тимофеевича. Каким бы шатким это построение ни выглядело, оно находит подтверждение в сведениях о землевладении Есифа Максимовича. Согласно Переписной оброчной книге Деревской пятины деревни «Есиповские Максимова» общим объемом в 38 обож находились «в Курском присуде, в Налючском погосте»¹²⁰, т. е. именно там, где располагались земли Федора

Остафьевича. И хотя основной массив земель в Налюче был приобретен Федором по купным и менным грамотам, мы уже убедились, что часть налючских владений, оказавшаяся перед «выводом» в руках Василия Степановича Забелина, восходит к древней части его вотчины.

В этой связи несомненный интерес представляет еще одно имя. В захвате Великой слободы вместе с другими боярами участвовал некий Иван Максимович ¹²¹. Этот человек известен нам как душеприказчик Федора Остафьевича (еще одним его душеприказчиком был хорошо известный нам Иван Офонасьевич). Важным связующим для всех этих лиц обстоятельством является то, что все они — славенские посадники и, следовательно, жители Славенского конца Новгорода. В докончальной грамоте Славенского конца с Иваном Губаревым, которую я датирую 50-ми годами XV в., список кончанских посадников открывается именами Ивана Максимовича, Василия Степановича и Федора Остафьевича ¹²².

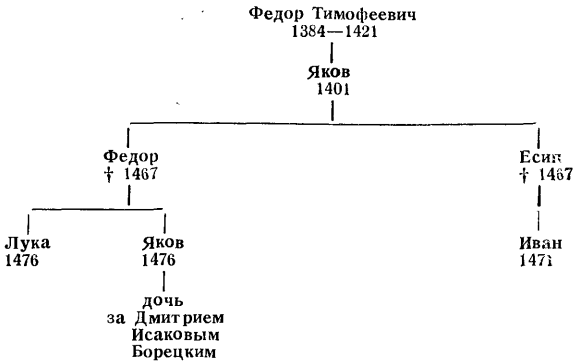
С учетом этих дополнений общая генеалогическая таблица приобретает вид, отраженный в схеме 11.

Познакомимся теперь с общим списком бояр, осуществлявших захваты земель, соседних с Шенкурским и Кокшенгским погостами. В низовьях Ваги, как уже отмечено, «искал тех земель Левонтеи Дедов на Василии на Степанове да на брате на его на Василии Тимофееве», Заостровья искал «Олешко Меркуриев на Якове на Федорове, да на Василии Селезене», земли на Веле и Пежме с притоками, верховье Ваги, бассейн Терменги и Двиницы были захвачены архиепископом Ионой, волости на Каменной горе на Кокшенге искал «Федко Летунов на Михайлове сыне на Тушина на Григории, да на Лошинского приказщике на Ереме, да на Иване на Офонове, да на Иване на Есипове сыне на Яковля, да на Семене на Васильеве сыне на Степанова, да на Есипе на Федорове внуке на Малово», Великую слободу искал «Лука Строганов на Михаиле на Туче, да на Иване на Максимове, да на Иване на Офонове, да на Офонове на Остафьеве, да на Василии на Степанове», волости на Кулое «искал Васко Горло, староста кулоиской, на Васильевых детех на Степанова на Семене да на Иване, да на Иване на Офонове, да на Федоре, да на Малово внуке на Есипе»; наконец, вторичный захват Емской горы и прилегающих земель был осуществлен Иваном Васильевичем ¹²³.

Почти все эти лица нам хорошо известны. Мы видим среди участников захватов: Шенкурских — Василия Степановича и его детей Ивана и Семена, его двоюродного брата Василия Тимофеевича; потомков посадника Федора Тимофеевича — Офонаса Остафьевича Грузова, Ивана Офонасьевича, Ивана Максимовича, Есифа (внука Федора Малого) и Ивана Есифовича Яковлева внука; кроме того, еще нескольких бояр. Оставим в стороне захваты архиепископа Ионы, а также захваты Якова Федорова и Василия Селезня в Заостровье (последнее находилось на берегу Двины к востоку от Шенкурского погоста и экспроприровалось, по-видимому, не из Шенкурья), сосредоточившись на составе захватчиков в тех землях, куда вторгались представители рассматриваемого боярского рода. Кроме уже названных только что бояр, мы найдем здесь лишь Григория Михайловича Тучина, его отца Михаила Тучу и Лошинского (упомянут приказчик последнего).

О Лошинском удобнее будет сказать в следующем разделе главы. Что же касается Тучиных, то писцовые книги не демонстрируют других случаев сочетания их землевладения с землевладением потомков Василия Матфеевича. Поэтому правильнее будет не настаивать на их родственной связи с последними.

Здесь же следует рассмотреть отвергаемое мной построение Мятлева относительно потомков сына посадника Федора Тимофеевича — Якова. «О потомках его, — пишет указанный исследователь, — дает нам подробные сведения так называемая «Летопись Авраамки», из которой мы узнаем, что он имел двух сыновей — посадника Федора Яковлевича и Есипа Яковлевича, скончавшихся в поветрие 1467 года ¹²⁴, и внуков — тысяцкого, а потом посадника Луку Федоровича и посадника Якова Федоровича ¹²⁵, упоминаемых при описании событий 1476 года ¹²⁶. Последний имел дочь, бывшую в замужестве за сыном знаменитой Марфы Борецкой — Дмитрием Исаковым ¹²⁷. Внуком Якова Федоровича, несомненно, был и Иван Есипов сын Яковль, упоминаемый, как мы видели, в судейских списках Двинских в числе совладельцев Своеземцевых, Офонасовых и Лошинского» ¹²⁸. Это построение Мятлева выражается генеалогической таблицей (схема 12).

Вывод Мятлева представляется мне совершенно произвольным. Документальные известия о Федоре Яковлевиче начинаются с середины 30-х годов XV в. В должности тысяцкого он известен как один из авторов двух грамот Великого Новгорода ганзейским городам, составленных в июле 1436 г.¹²⁹ К 1446 г. он уже был посадником: летописец под этим годом рассказывает о новгородском посольстве в Москву к Дмитрию Шемяке, членами которого были посадники Федор Яковлевич и Василий Степанович¹³⁰. В 1456 г. в должности посадника он принимал участие в заключении Яжелбицкого мира¹³¹. Также будучи посадником, он в 1459 г. сопровождал владыку Иону на поставление в Москву¹³². Под 1462 г. в летописи записан следующий небезынтересный для нас рассказ: «Тои же зимы, месяца декабря в 7, на Волосове улицы, возле церкви святого Василья загореся двор Васильев Козин от поварне, и иныя пожже, и двор посадничь Федора Яковлича, и двор сына его Лукин тысяцкого на Добрыни улицы, и иныя пожже»¹³³. Под 1466 г. летописец сообщает о смерти посадника Федора Яковлевича 8 сентября; тогда же умер и его брат посадник Есиф Яковлевич¹³⁴, о котором иных летописных и актовых сведений не имеется.

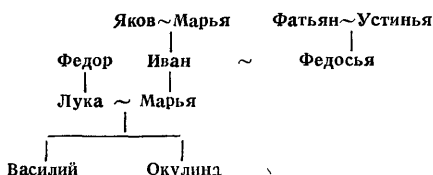
О сыне Федора Яковлевича Луке, который, как мы только что видели, в 1462 г. был тысяцким, известно, что в 1471 г. он уже как посадник участвовал в заключении Коростынского мира¹³⁵, был посадником в 1472, 1475, 1476 и 1478 гг., под последней датой он вел заключительные переговоры с Иваном III¹³⁶. В писцовых книгах опи-

сан большой массив его земельных владений в Деревской, Шелонской и Бежецкой пятинах¹³⁸, не имеющий никаких точек соприкосновения с вотчинами достоверных потомков посадника Федора Тимофеевича.

В списке 1633 г. сохранилась данная с именем Луки Федоровича: «От Луки Федоровича жены его Марьи. А что пожни мои и села мои морские, а тое сама отдала святому Спасу на Соловки. И кто буди игумен и священники, и вы, оспода, напишите деда моего Якова и Фатьяна, Марью и Устинью, и батка моего Ивана, и матку мою Федосью, и мужа моего Луку, да и мене Марью да детей моих: сына моего Василья, дочь мою Окулину. Пишите, осподо, нас вседеную»¹³⁸.

В последнем издании грамот эта данная датирована суммарно XV веком, а идентификация Луки Федоровича в нем не предпринималась. Думаю, что Марья этого документа — жена тысяцкого, а затем посадника Луки Федоровича. В грамоте, несомненно, речь идет о распоряжении личной долей имущества Марьи, т. е. той частью семейного землевладения, которая была принесена ею Луке Федоровичу в качестве приданого. На это указывает состав поминаемых родственников Марьи, который может быть представлен генеалогической таблицей (схема 13).

СХЕМА 13

Поминаются только родственники Марьи, в том числе ее предки и с отцовской, и с материнской стороны, но не предки мужа. В грамоту-синодик не внесено даже имя Федора — отца Луки. Такая данная, скорее всего, может быть связана лишь с обстоятельствами, непосредственно предшествовавшими боярскому «выводу», если конфискация земель Луки Федоровича не затрагивала личной собственности его жены.

Что касается Якова Федоровича, то под ним Мятлев понимает Якова Короба, поскольку именно Короб был дедом Ивана Дмитриевича Борецкого¹³⁹, а следовательно, дочь Короба была замужем за сыном Исака и Марфы

Борецких — Дмитрием. Между тем Яков Короб был вовсе не Федоровичем, а Александровичем, что следует из прямого указания летописи и летописного списка посадников: «Василии Александрович, брат его Яков Короб»¹⁴⁰. Федоровичем Якова Короба ошибочно называет Московский летописный свод конца XV в.¹⁴¹; путая его с его современником — посадником Яковом Федоровичем, фигурирующим в летописных рассказах 1471—1478 гг.¹⁴² Повествование о встречах Ивана III в 1475 г. различает Якова Короба и Якова Федоровича¹⁴³.

Таким образом, не существует никаких документальных свидетельств о том, что умершие в 1466 г. Федор и Есиф Яковлевичи были сыновьями Якова Федоровича и внуками Федора Тимофеевича. Напротив, мнению Мятлева имеются существенные противопоказания. Федор Тимофеевич в посадничестве был представителем Славенского конца, со Славном связаны и все остальные потомки Василия Матфеевича, но, как мы уже выяснили, Федор Яковлевич и его сын Лука жили не на Торговой, а на Софийской стороне, на Добрыне улице, т. е. в Людском конце Новгорода. Я ничего не могу сказать о месте жительства Якова Короба, однако родной его брат Василий Александрович Казимир (так же, как и Борецкие) — житель Неревского конца Софийской стороны: на Козмодемьянской улице находился принадлежавший ему большой сад, который даже в 80-х годах XVI в. сохранял название «Казиминова сада»¹⁴⁴.

Другая генеалогическая цепочка Мятлева «Федор Тимофеевич — Яков — Есиф — Иван» совпадает с нашей, однако включенный в нее Мятлевым Есиф Яковлевич, брат Федора Яковлевича, — лишь двойной тезка нашего Есифа Яковлевича.

5. Прочие волостки

Духовная Остафьи Онаньинича называет еще несколько волосток, к которым имеет отношение только его семья, но не Федор Тимофеевич со своими братьями:

«[1] А что отцына моя и дедина моя в Ясеничах и в Лошичах земля, а в том мне половина з братом з Григорьем, а дяде Семену половина. А что земля и вода в Летме, а в том мне з братом з Григорьем половина, а дяде Семену половина; а старая грамота Ясенической земли у Семена. А что купля отца моего Онаньина и Семе-

нова в Ясеничах земля, а то мне з дядею с Семеном по купным грамотам, и по серебру, и по отца моего рукописанью; а купные грамоты той земли у Семена вси, а не виноваты Семену ничим же. А что есми утягали з дядею своим с Семеном Онисима земчя в той Ясенической земли, а та грамота утягальная у Семена...

[2] А что земля наша отцына на Сне и в Рокитне, мне з братом з Григорьем половина, а Семену половина.

[3] А что бабе нашей Федосьи купля в Подберезьи Киселево село, а то ми з братом з Григорьем напол, а Семену то не надоби.

[4] А что купля отца моего Яковково село Тавруева, то сыну моему чисто по купным грамотам отца моего, а Семену и Григорью то не надоби...

[5] А пожня на Быстрои, а в том мне з братом з Григорьем половина, а Семену другая половина.

[6] А в Машкове болоте, в пожнях, и в колу, и в малом колцу, мне з братом з Григорьем осмая часть»¹⁴⁵.

В духовной Федора Остафьевича число этих волосток уменьшилось:

«[1] ..а что в Бежицах земля моя отцына в Ловъщацах, а то детем моим по половинам;

[6] а Машкова болота и кол на Рогу, Ивану Ивановичю половина, а детям моим другая половина, а то им по половинам;

[5] на Быстром пожня, а то им по половинам...

[3] А что село мое в Торжку Киселевское, а то дал есми зятю своему Ивану и дочери своей Оксинье, и вы в то, дети мои, не вступайтеся.

А что грамоты мои земные и рукописанья, а то детем моим вопце, опроче менной грамоты Васильевы»¹⁴⁶.

Последняя фраза, по-видимому, разъясняет отсутствие в духовной Федора Остафьевича волосток «на Сне и в Рокитне» и «Яковкова села Тавруева». Напомню, что Федор Остафьевич не только по купным, но и по менным грамотам приобретал земли на Поле — в Налючах и на Сомшине, доставшиеся потом Василию Федоровичу. Местонахождение Тавруева села мне установить не удалось. Что касается волостки на Сне, — несомненно, имеется в виду река Сна (или иначе Цна) в Деревской пятине; по течению этой реки расположен Посонский погост¹⁴⁷. В Посонском погосте имеется и деревня Рокитно¹⁴⁸, для которой, к сожалению, не указано имя ее сведенного владельца. Можно предположить, что обмен был произведен

между Федором Остафьевичем и Хмелёвыми, поскольку Никифор Хмелев к моменту «вывода» владел волостками и в Посонском погосте, и в Курском присуде ¹⁴⁹.

Раздельная грамота Василия Федоровича и Василия Степановича еще больше сузила число принадлежавших им волосток:

«[5] ...а пожня горочкая на Быстрои, а то им по половинам,

[6] и болото Машково и кол на Рогу, а то им по половинам» ¹⁵⁰.

Это уменьшение разъяснено еще в духовной Федора Остафьевича, в которой село Киселевское передано за дочерью Федора Оксиньей в приданое ее мужу Ивану Ивановичу (3). Исчезновение из состава волосток земель в Ясеничах и Ловшичах (1) ¹⁵¹ оказывается странным только на первый взгляд. Согласно духовной Федора Остафьевича «Машково болото и кол на Рогу» делятся по половинам, одна из которых уходит в приданое за Оксиньей, а другая остается за сыновьями Федора, тогда как волостка в Бежицах и Ловшицах завещана только сыновьям. Между тем раздельная грамота, не упоминая ловшицкой волостки, числит Машково болото целиком за сыновьями Федора Остафьевича. Надо полагать, что после составления духовной Федора было сделано уточнение, в силу которого к Оксинье перешла ловшицкая волостка, что было компенсировано возвращением угодий в Машковом болоте и на Рогу. Затрудняюсь указать местоположение Машкова болота, но Ясеничи и Ловшичи были отысканы еще Мятлевым, идентифицировавшим их с Есеницким и Лошинским станами в Бежецком Верхе ¹⁵². В духовной Остафьи Онаньинича Ловшичи обозначены как «Лошичи»; по-видимому, такое написание более правильно. В этой связи Мятлев сделал очень осторожное предположение о том, что фамилия или прозвище новгородского боярина Лошинского происходит от владения им землями в Лошинском стане ¹⁵³. Для нас этот вопрос приобретает особый интерес, поскольку мы уже видели, что Лошинский действовал через своего приказчика и на Кокшенге, причем его отношение к Онаньиничам остается неясным.

О Лошинском нам известно сравнительно немного. Он вместе со своим «сестричичем» Федором участвовал во встречах Ивана III в 1475 г., затем был обвинен в измене и схвачен великим князем, отправившим его «за приста-

вы» в Москву. Во время последнего похода на Новгород в 1478 г. великий князь Иван III останавливался в селе Лошинского в Паозерье¹⁵⁴. Летопись называет Лошинского Иваном Ивановичем, а «Житие Михаила Клопского» ошибочно Иваном Семеновичем, описывая его тяжбу с Олферием Ивановичем Офонасовым из-за Куритцкого погоста в Паозерье¹⁵⁵, если только в этом рассказе не имеется в виду отец Ивана Ивановича Лошинского. Иван Иванович Лошинский идентифицируется с посадником последнего периода новгородской независимости Иваном Ивановичем, которого список посадников в Ермолинской летописи называет братом Якова Селезнева¹⁵⁶. Поскольку в писцовых книгах Яков Селезнев носит отчество Васильевич, надо полагать, что Иван Иванович Лошинский был его не родным, а двоюродным братом или братаном, т. е. племянником.

Приведенные материалы решают проблему. Ведь зять Федора Остафьевича, мужа его дочери Оксиньи, звали Иваном Ивановичем, и он, как это доказывается выше, получил в приданое Лошичи и другие земли в Бежецком Верхе. Очевидно, этот зять и был Иваном Лошинским.

* * *

Изложенными материалами по существу реконструируется значительное боярское гнездо, подобное клану Мишиничей в Неревском конце, но на этот раз связанное со Славенским концом Торговой стороны. Разветвленный боярский род, восходящий к единому предку — жившему в первой половине XIV в. Василию Матфеевичу, во времена, непосредственно предшествовавшие новгородскому «выводу», делится на две основные линии. Одна идет от Онаньи и прекрасно документирована комплексом земельных документов четырех поколений ее представителей. Эта линия располагает городскими дворами на Нутной улице, в той ее части, которая относится к приходу церкви Михаила архангела на Михайловой улице. Другая линия, идущая от Тимофея, дает начало потомству посадника Федора Тимофеевича, в том числе знаменитым политическим деятелям последнего этапа новгородской независимости — Грузовым, Ивану Офонасову и его сыну Олферию. К той же ветви рассмотренного боярского рода принадлежат Шенкурские. Во всех доступных изучению

случаях городское землевладение этих бояр локализуется в Славенском конце.

В отличие от усадеб Мишиничей городские дворы потомков Василия Матфеевича не исследовались археологически, хотя, по-видимому, уже открыты в ходе раскопок.

Не исключено, что небольшой участок патронимии потомков посадника Федора Тимофеевича подвергся раскопкам в 1977—1978 гг. На Дубошине раскопе, находящемся в пределах застройки древней Нутной улицы, в слое XV в. были найдены берестяные грамоты № 540 и 543, обе фрагментированные¹⁵⁷. Первая — крестьянское челобитье Дублан своему господину (имя оборвано), жалоба на самоуправство «дворан», передавших воеводам в Порхове три коробки овса. Вторая адресована посаднику, имя которого не сохранилось. Между тем в районе Порхова известны только три деревни, жителями одной из которых могли быть «Дублане»: Дуброва в Порховском околгородье, Дубровка в Смолинском погосте и Дубско в Михайловском погосте на Узе¹⁵⁸. Последняя перед «выводом» принадлежала Никольскому монастырю в Неревском конце и не может нас интересовать. Две другие были тогда же собственностью Никольского на Лядке монастыря, расположенного в истоке Жилотуга, т. е. в ближайших окрестностях Славенского конца, а из них Дубровка (Смолинского погоста) — совместной собственностью указанного монастыря и Олферия Ивановича Офонасова, хорошо известного нам сына Ивана Офонасова, жившего на Нутной улице.

В 1979 г. при раскопках усадьбы XV в., находившейся на перекрестке Славной и Нутной улиц, в 140 м от Дубошина раскопа была найдена костяная прикладная печать с надписью «Олферьева печать», которую возможно считать принадлежавшей Олферию Ивановичу Офонасову¹⁵⁹. Принимая во внимание то, что оба раскопа (Дубошин и Нутный) находятся в 250 м от церкви Михаила архангела, мы можем предположительно говорить о весьма обширном комплексе усадеб, принадлежавших потомкам Василия Матфеевича на Нутной улице.

Поскольку исследование этого комплекса археологическим путем только началось, для выяснения взаимосвязи владельцев входящих в него усадеб достаточно перспективным оказалось обращение к традиционным письменным источникам, в первую очередь к материалам землевладельческих актов. Сами по себе эти акты могут

способствовать лишь постановке проблемы. Методически новым представляется мне совместное рассмотрение актовых данных с показаниями писцовых книг о тех вотчинах, которые названы в актах как родовое имущество. Такой прием продемонстрировал возможность и надежность использования нескольких достаточно характерных для писцовых книг ситуаций. Во-первых, в тех случаях, когда перечисляются владельцы «вопчих» сел или погостов, следует пытаться выяснить, не является ли такое «вопчее» владение результатом семейных наследственных разделов, т. е. предполагать до окончательной проверки наличие родственных связей между совладельцами. Во-вторых, если соседство определенной группы лиц повторяется в нескольких погостах, предположение о родственной связи таких лиц также оказывается вполне естественным.

Иными словами, сама судьба земельных участков, переходящих из рук в руки в ходе наследования, должна стать и уже становится источником генеалогического построения.

Мне представляется, что изложенный методический прием обладает большими возможностями, позволив в будущем исследовать подобные процессы и при отсутствии актовых материалов — тщательным анализом данных писцовых книг, как старого, так и нового письма. Последнее обстоятельство следует особо отметить, поскольку оно полезно при наличии дефектов в материалах старого письма. Очевидно, что во многих случаях новому, московскому землевладельцу давались в поместье земли сведенных новгородцев не по административному признаку, а в объеме всей старой вотчины, хотя бы и разбросанной по разным пятинам. Пример этому мы уже наблюдали, рассматривая судьбу владений Федора Хромого.

¹ ГВНиП. М.; Л., 1949, с. 279—280, № 279.

² Там же, с. 166—168, № 110.

³ Там же, с. 169—171, № 111.

⁴ Там же, с. 277—278, № 278.

⁵ Там же, с. 280—281, № 280.

⁶ Там же, с. 282, № 281.

⁷ Там же, с. 282—283, № 282.

⁸ Действительно, в ГКЭ имеется копия XVIII в. с этого документа (там же, с. 280, № 280).

⁹ Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813, с. 188;

- Мясников М. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Вага.— Северный архив. СПб., 1827, ч. 27.
- ¹⁰ ЛОИИ, по опис. Барсукова № 32, II; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, № 110, VI, VII, XI; 257, I; 260, I; 409, I, II.
- ¹¹ Для П. М. Строева была изготовлена еще одна копия (ЛОИИ, Собр. рукоп. книг, № 584). В этой копии после текста мировой грамоты старосты Азики имеется помета: «Купчая крепость в списке старинного письма сохранилась на Ваге в доме Едемских, потомков Своеземцевых».
- ¹² А не к И. Ф. Розову, как думает Ю. С. Васильев (Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 291). Розов, как видно из его помет, высказывался только по вопросам датировки актов.
- ¹³ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами.— Известия Русского генеалогического общества, СПб., 1909, вып. 3, с. 36—60.
- ¹⁴ Там же, с. 52—53.
- ¹⁵ См., например: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 282—286.
- ¹⁶ Васильев Ю. С. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле XV—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971, с. 11.
- ¹⁷ Аграрная история Северо-Запада России, с. 291.
- ¹⁸ ГВНиП, с. 166—168, № 110.
- ¹⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, см. Именной указатель посадников.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, с. 217—220.
- ²³ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1882, стб. 285—286; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976, с. 106.
- ²⁴ Мятлев поименовал отца Онаньи и Семена Федором, не приведя по этому поводу никаких аргументов.
- ²⁵ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 49.
- ²⁶ ГВНиП, с. 169—171, № 111.
- ²⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники, см. Именной указатель посадников.
- ²⁸ ПСРЛ. СПб., 1889, т. 16, стб. 212.
- ²⁹ Там же. СПб., 1853, т. 6, с. 201; Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1961, вып. IX, с. 384.
- ³⁰ ПСРЛ, т. 16, стб. 224.
- ³¹ НПЛ. М.; Л., 1950, с. 417.
- ³² ГВНиП, с. 172, № 112. О дате документа см.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 291—292, 320.
- ³³ ГВНиП, с. 277—278, № 278.
- ³⁴ НПК. СПб., 1862, т. 2, стб. 600—601.
- ³⁵ Там же, стб. 616—617.
- ³⁶ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 38—43.
- ³⁷ НПК. СПб., 1868, т. 3, стб. 222. Федор Хромой здесь назван «Федором Ивановым сыном Микифорова Хромым», а также «Пали-

- ногиным» (там же. СПб., 1910, т. 6, стб. 56, 58, 307, 408, 569, 706, 798). У него был сын Андрей (там же, стб. 818).
- ³⁸ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 42—43.
- ³⁹ НПК. СПб., 1905, т. 5, стб. 221—223.
- ⁴⁰ Там же, т. 2, стб. 682—683.
- ⁴¹ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли, 1. Шелонская пятина: Списки селений. М., 1914, с. 220, 227, 231, 238, 248, 277.
- ⁴² ПСРЛ. СПб., 1901, т. 12, с. 164; М.; Л., 1949, т. 25, с. 306.
- ⁴³ Там же, т. 16, стб. 198.
- ⁴⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 289—290.
- ⁴⁵ Изборник: Сборник произведений литературы древней Руси. М., 1969, с. 428.
- ⁴⁶ НПЛ, с. 404, 407.
- ⁴⁷ Там же, с. 413; ГВНиП, с. 98—100, № 60.
- ⁴⁸ ГВНиП, с. 35, № 19. О дате грамоты см.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 257—267.
- ⁴⁹ НПЛ, с. 402.
- ⁵⁰ Там же, с. 472; ПСРЛ. Л., 1929, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 626; СПб., 1910, т. 23, с. 166.
- ⁵¹ НПЛ, с. 329; Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 47.
- ⁵² ПСРЛ. СПб., 1859, т. 8, с. 165—166; т. 6, с. 201—202; т. 25, с. 289—290, 305.
- ⁵³ Там же, т. 6, с. 201—202; т. 25, с. 304.
- ⁵⁴ Там же, т. 6, с. 201—202; т. 25, с. 304, 306, 307; ГВНиП, с. 119—120, № 73.
- ⁵⁵ ГВНиП, с. 148, № 90. О жене и сыне Офонасия Остафьевича узнаем из записи XV в. в Сиподике, принадлежавшем Новгородскому Лисицкому монастырю: «Месяца октября в первый день Покрова святяя богородицы обед Марьин Офонаса Остафьевича посадника, обед вечныи на память себе и своим родителем, а служити игумену и священникам по мнх родителях, обедня собором, а братья на трапезе бочька квасу слащого, Марьи за здравье и ее сыну Микити з женой и з детми» (ЦГАДА, Типогр., № 141, л. 87; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ.— Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г., М., 1916, т. II, с. 289). В писцовых книгах бывшие владения Офонаса Грузова упомянуты только в Бежецкой пятине (в книге 1545 г.), тогда как Никите Грузову принадлежат большие массивы вотчин в Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятинах. Поэтому очевидно, что Офонас Остафьевич не дожил до боярского «вывода», упоминание же его земель в Бежецкой пятине (НПК, т. 6, стб. 387, 490, 494) является реликтовым.
- ⁵⁶ ПСРЛ, т. 6, с. 201—202; т. 25, с. 305.
- ⁵⁷ НПЛ, с. 417.
- ⁵⁸ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905, ч. 1, с. 228.
- ⁵⁹ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 42—43.
- ⁶⁰ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 237—238.
- ⁶¹ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 46.
- ⁶² Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 18, 41.

- ⁶³ НПК, т. 3, стб. 608, 633—634.
- ⁶⁴ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 219—220, 248, 405—406.
- ⁶⁵ ГВНиП, с. 166, № 110.
- ⁶⁶ Там же, с. 169—170, № 111.
- ⁶⁷ Там же, с. 277—278, № 278.
- ⁶⁸ Там же, с. 279—280, № 279.
- ⁶⁹ НПЛ, с. 94, 96, 335, 336, 338, 457.
- ⁷⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 106—108, 189.
- ⁷¹ Аграрная история Северо-Запада России, с. 292.
- ⁷² АСЭИ. М., 1964, т. III, с. 32, № 16.
- ⁷³ ПСРЛ. СПб., 1846, т. 1, с. 234.
- ⁷⁴ Зарубин Л. А. Важская земля в XIV—XV вв.—История СССР, 1970, № 1, с. 182—184.
- ⁷⁵ АСЭИ, т. III, с. 33, № 16.
- ⁷⁶ НПК, т. 3, стб. 686, 688; т. 5, стб. 289; т. 6, стб. 16—23, 870—871.
- ⁷⁷ ГВНиП, с. 282—283, № 282.
- ⁷⁸ ПСРЛ, т. 6, с. 201; Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник, с. 384.
- ⁷⁹ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 70. Его дети названы в Тысячной книге: «Замятня да Семенко Исаковы дети Шенкурского. Замятин сын Иванец. Андрей да Матюшко да Иванец Васильевы дети Шенкурского» (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950, с. 151; см. также: Васильев Ю. С. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле, с. 11).
- ⁸⁰ НПЛ, с. 425.
- ⁸¹ АСЭИ, т. III, с. 32, № 16.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ ПСРЛ, т. 6, с. 201; т. 25, с. 304—305.
- ⁸⁴ Там же. СПб., 1848, т. 4, с. 126.
- ⁸⁵ Там же, т. 8, с. 145—146; т. 25, с. 274; ГВНиП, с. 39—44, № 22—24.
- ⁸⁶ ГВНиП, с. 172, № 112.
- ⁸⁷ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности.— В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 241—243; Житие преподобного Варлаама Важского. М., 1887.
- ⁸⁸ ГВНиП, с. 280—281, № 280.
- ⁸⁹ АСЭИ, т. III, с. 32, № 16.
- ⁹⁰ Там же, с. 31, № 16.
- ⁹¹ Там же, с. 32, № 16.
- ⁹² Там же, с. 33, № 16.
- ⁹³ ГВНиП, с. 282, № 281.
- ⁹⁴ Васильев Ю. С. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле, с. 11; Аграрная история Северо-Запада России, с. 291.
- ⁹⁵ НПЛ, с. 396.
- ⁹⁶ Там же, с. 386; ср.: ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 374; т. 5, с. 245. Тимофей Иванович в 1388 г. сопровождал в Москву на поставление владыку Иоанна (НПЛ, с. 382).
- ⁹⁷ НПЛ, с. 372.
- ⁹⁸ Васильев Ю. С. Феодалное землевладение и хозяйство в Важской земле, с. 11; Аграрная история Северо-Запада России, с. 291.
- ⁹⁹ Мятлев Н. Родство Квашниных с новгородцами, с. 52.
- ¹⁰⁰ Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И.

Щукина, составленная А. И. Яцимирским. М., 1897, вып. 2, с. 223, 228.

- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² *Вулих Е.* К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества.— Журнал Министерства народного просвещения, 1914, июль, с. 162—163; *Кашианов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 2.— В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 140, № 674.
- ¹⁰³ ГВНиП, с. 166—167, № 110.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 170—171, № 111.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 278, № 278.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 169—170, № 111.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 278, № 278.
- ¹⁰⁸ Аграрная история Северо-Запада России, с. 293 — схема «Рост землевладения бояр Едемских на Ваге в XIV—XV вв.»
- ¹⁰⁹ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка, стб. 99.
- ¹¹⁰ АСЭИ, т. III, с. 32—33, № 16.
- ¹¹¹ *Зарубин Л. А.* Важская земля в XIV—XV вв.
- ¹¹² АСЭИ, т. III, с. 32—33, № 16.
- ¹¹³ Там же, с. 32, № 16.
- ¹¹⁴ Там же, с. 31, № 16.
- ¹¹⁵ НПК. СПб., 1886, т. 4, стб. 344.
- ¹¹⁶ ГВНиП, с. 151—153, № 96; *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, с. 99, 102, 132—134, 228, № 757.
- ¹¹⁷ ГВНиП, с. 311, № 327.
- ¹¹⁸ ПСРЛ, т. 6, с. 201; т. 25, с. 305.
- ¹¹⁹ ГВНиП, с. 118—119, № 72.
- ¹²⁰ НПК, т. 2, стб. 644—649.
- ¹²¹ АСЭИ, т. III, с. 32, № 16.
- ¹²² ГВНиП, с. 172, № 112; *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 291—292, 320.
- ¹²³ АСЭИ, т. III, с. 32—33, № 16.
- ¹²⁴ ПСРЛ, т. 16, стб. 219.
- ¹²⁵ Там же, стб. 211.
- ¹²⁶ Там же, т. 12, с. 164—166.
- ¹²⁷ Там же, с. 166.
- ¹²⁸ *Мятлев Н.* Родство Квашинных с новгородцами, с. 55—56.
- ¹²⁹ ГВНиП, с. 109—112, № 66, 67.
- ¹³⁰ ПСРЛ. СПб., 1848, т. 4, с. 443; т. 16, стб. 189.
- ¹³¹ ГВНиП, с. 39—44, № 22—24.
- ¹³² ПСРЛ, т. 16, стб. 198.
- ¹³³ Там же, стб. 211.
- ¹³⁴ Там же, стб. 219.
- ¹³⁵ ГВНиП, с. 44—48, № 25—27.
- ¹³⁶ ПСРЛ, т. 8, с. 169; т. 6, с. 200, 203—204, 209—214, 219; т. 25, с. 292, 304—308, 313, 315, 322, 329.
- ¹³⁷ НПК, т. 3, стб. 486—488, 490, 495, 542, 564, 567, 702, 793, 853, 953; т. 4, стб. 47, 49, 102, 103, 247; т. 5, стб. 3, 16, 21, 24, 32, 53, 137, 177, 182, 183; т. 6, стб. 38, 277, 278, 280, 281, 343, 384—390, 597, 670, 713, 714, 717—720, 801, 831.
- ¹³⁸ ГВНиП, с. 310—311, № 325.
- ¹³⁹ ПСРЛ, т. 6, с. 17.
- ¹⁴⁰ Там же, т. 23, с. 166; т. 6, с. 200 («посадници новгородстци Василен Казимер, да брат сго Яков»).

- ¹⁴¹ Там же, т. 25, с. 307; т. 6, с. 16—17; ср. там же, с. 204.
- ¹⁴² Там же, т. 6, с. 200, 203—205, 209—216, 219; т. 25, с. 289—290, 304—308, 313—314, 316—317, 322.
- ¹⁴³ Там же, т. 6, с. 200—201; т. 25, с. 304. Яков Федорович встречал Ивана III 15 ноября на Волме, а Яков Короб — 16 ноября в Васильеве селе Волмановского.
- ¹⁴⁴ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г./Предисловие и редакция С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 174.
- ¹⁴⁵ ГВНИП, с. 167, № 110.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 171, № 111.
- ¹⁴⁷ НПК. СПб., 1859, т. 1, стб. 50—71.
- ¹⁴⁸ Там же, стб. 84.
- ¹⁴⁹ Там же, стб. 56, 58—59; ср. т. 2, стб. 634, 636.
- ¹⁵⁰ ГВНИП, с. 278, № 278.
- ¹⁵¹ В духовной Федора Остафьевича Ясеничи не названы, однако контекст «... а что в Бежицах земля моя отцына и Ловъщацах» позволяет утверждать, что мы имеем дело с дефектом списка, в котором слова «в Ясеничах» пропущены случайно, на что указывает наличие немотивированного союза «и» перед словом «Ловъщацах».
- ¹⁵² Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. СПб., 1869, т. 1, с. 9; *Замысловский Е. Е.* Извлечения из переписных книг (1676—1682 гг.).— *Летопись занятий Археологической комиссии за 1878—1881 гг.*, СПб., 1888, вып. 8, отд. 2, с. 193—196; *Мятлев Н.* Родство Квашниных с новгородцами, с. 48.
- ¹⁵³ *Мятлев Н.* Родство Квашниных с новгородцами, с. 54—55.
- ¹⁵⁴ ПСРЛ, т. 12, с. 159, 163—164, 178; СПб., 1848, т. 4, с. 18, 33, 204; т. 8, с. 182; т. 25, с. 304—308. Еще в 1476 г. Иван III останавливался «в Ракомли, в дворе Лосницкого, над Волховом, за три версты от Великаго Новагорода, близко Юрьева монастыря», а в 1478 г. стоял «у Троицы» в селе Лошинского. Троица и Ракома — существующие и сегодня села.
- ¹⁵⁵ Изборник: Сборник произведений литературы древней Руси, с. 424—427.
- ¹⁵⁶ ПСРЛ, т. 23, с. 166.
- ¹⁵⁷ *Янин В. Л., Колчин Б. А., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция.— В кн.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 45.
- ¹⁵⁸ НПК, т. 4, стб. 317, 320, 446—448; т. 5, стб. 65—66, 263, 285, 384, 569, 576.
- ¹⁵⁹ *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция.— В кн.: Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 40.

ОДИН ИЗ КЛАНОВ «ПРУССКИХ» БОЯР

Попытаемся реконструировать одно из боярских гнезд, опираясь на только что изложенный методический прием.

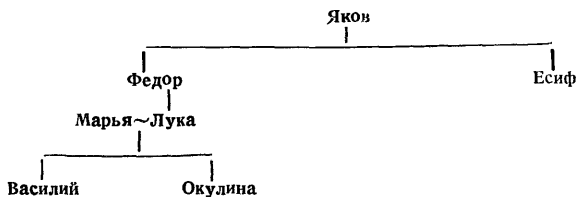
Выше уже цитировался летописный рассказ 1462 г.: «Тои же зимы, месяца декабря в 7, на Волосове улицы, возле церкви святого Василья загореся двор Васильев Козин от поварне, и иныя пожже, и двор посадничь Федора Яковлича, и двор сына его Лукин тысячкого на Добрыни улицы, и иныя пожже»¹. Посадник Федор Яковлевич умер 8 сентября 1466 г. во время эпидемии одновременно со своим братом посадником Есифом Яковлевичем².

Комплекс летописных и актовых сведений о Федоре Яковлевиче дает некоторое представление о его политической карьере. Еще в июле 1436 г. он был тысяцким, а к 1446 г. — посадником; с тем же титулом он принимает участие в событиях 1456 и 1459 гг.³

Сын Федора Яковлевича Лука, занимавший пост тысяцкого в 1462 г., уже как посадник участвовал в заключении Коростынского мира 1471 г., а затем в той же должности упоминается под 1472, 1475, 1476 и 1478 гг.⁴ Сохранилась в позднем списке грамота его жены Марьи, из которой следует, что у Луки и Марьи были дети Василий и Окулина⁵.

Эти материалы могут быть обобщены в генеалогической таблице (схема 14).

СХЕМА 14

В писцовых книгах подробно описано обширное землевладение Луки Федоровича в Шелонской, Деревской и Бежецкой пятинах ⁶, но они называют также и брата Луки Федоровича — Якова: «Погост Николской Молдинской Воскресеньского монастыря из Горончарского конца, дал им князь великий слоботку у озера у Кезодра Лукинские да Яковлевские Федоровых... А старых деревень в той слободке 25 и с припускными двема деревнями, а обеж в них 29...» ⁷ Волость Костова в Бежецкой пятине почти целиком принадлежала братьям Федоровичам, причем Лука владел там 96 без четверти обжи, а Яков — 96 с четвертью обжи, т. е. равными долями ⁸. Яков Федорович известен в источниках, связанных с событиями последних лет новгородской независимости. Будучи посадником, он в 1471 г. был пленен москвичами во время Шелонской битвы ⁹, в 1475 г. принимал участие в боярских встречах Ивана III, а в конце 1477 — начале 1478 г. вместе с Лукой Федоровичем вел последние переговоры Новгорода с Иваном III ¹⁰.

Между тем постоянным соседом Федоровых по землевладению оказывается Григорий Тучин. Боярщинки Григория Тучина расположены бок о бок с боярщинками Луки Федорова в Заверяжье, Шепецком, Дремяцком, Сутоцком, Дретонском погостах Шелонской пятины ¹¹, в Деревской пятине ¹², а в Бежецкой пятине волостка Маги — млевское владение «Григорьевской жены Тучина» Марьи описывается совместно с погостом Коства Луки и Якова Федоровичей ¹³. Это постоянное соседство позволяет предположить, что оно возникло в ходе родственных разделов и что поэтому Тучин и Федоровы восходят к общему предку. Попробуем проверить такое предположение.

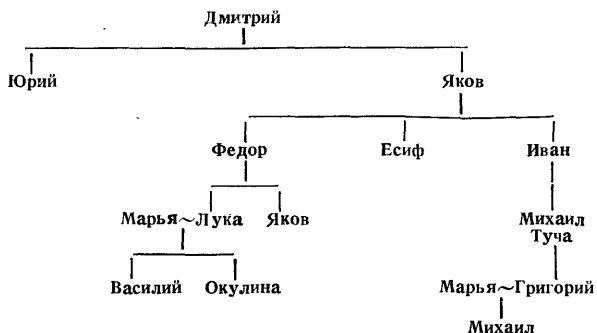
Летопись называет Григория Тучина Григорием Михайловичем ¹⁴. В 1475 г. он был посадником и принимал участие во встрече Ивана III новгородскими боярами ¹⁵. В писцовых книгах упоминается его жена Марья и сын Михаил Григорьевич ¹⁶. Летописи знают отца Григория Тучина — посадника Михаила Тучу, который был взят в плен Василием Темным во время Яжелбицкого поражения Новгорода в 1456 г. ¹⁷ Упоминается Михаил Туча и в акте, датированном 1456—1457 гг. ¹⁸ Путем сопоставления с летописными списками посадников устанавливается отчество Михаила Тучи — Иванович ¹⁹.

Связь между Тучиными и Федоровыми позволяет установить существование в Новгороде в первой половине XV в. двух политических деятелей, носивших одно и то же отчество. Один из них — уже известный нам Федор Яковлевич, к 1436 г. занимавший должность тысяцкого. Другой — Иван Яковлевич, избранный на посадничество около 1421 г.²⁰ Признав Федора и Ивана Яковлевичей братьями, мы обнаружим среди бояр Людина конца (Волосова и Добрыня улицы, на которых жили Федор Яковлевич и Лука Федорович, находятся в Людином конце Софийской стороны) и их отца Якова Дмитриевича.

В 1421 г. Яков Дмитриевич был одним из послов Новгорода на Наровском съезде с немцами²¹, а тринадцатью годами раньше, под 1408 г., летопись сообщает: «Поставиша братенице Юрьи посадник Дмитриевич, брат его Яков церковь камену Чюдѹ архистратига Михаила в Хонех, в Аркажи монастыри»²². В 1962 г. я высказал предположение о том, что Юрий Дмитриевич был представителем Славенского конца²³, однако А. С. Хорошев доказал, что этот боярин и церковным строительством, и политической деятельностью прочно привязан к Людину концу. В частности, Аркаж монастырь, в котором строили церковь братья Юрий и Яков Дмитриевичи, был родовым монастырем живших на Прусской улице бояр Михалкиничей, род которых известен с XII в.²⁴

Приведенные материалы дают возможность построить генеалогическую таблицу (схема 15).

СХЕМА 15

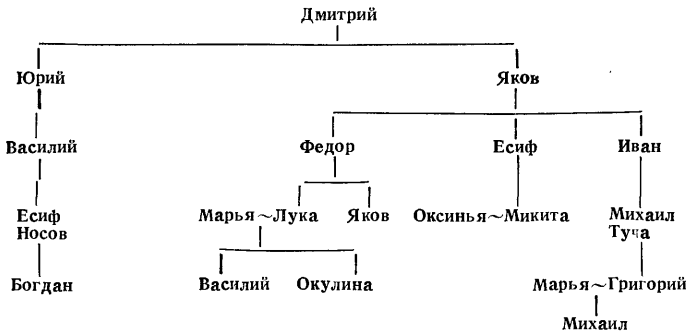
Еще одно плотное соседство с волостками Федоровых следует отметить для владений крупнейшего новгородского вотчинника Богдана Есифова. К примеру, в Шелон-

ской пятине земли Богдана Есифова находились бок о бок с землями Луки Федоровича в Заверьяжье, Фроловском, Дремяцком, Сутоцком, Лосском погостах²⁵, а с землями Григория Тучина — в Заверьяжье, Сумерском, Голинском, Дремяцком и Сутоцком погостах²⁶. Богдан Есифович известен как посадник с 1448 г.²⁷ В 1475 г. он принимал участие во встрече Ивана III новгородскими боярами, а в 1476 г. по жалобе Полинарьиных был схвачен Иваном III и увезен в Москву²⁸.

В одном случае писцовые книги дают прозвище Богдана Есифовича — Носов²⁹, что позволяет связать его линией восходящего родства с посадником Есифом Васильевичем Носовым, убитым в Русе 3 февраля 1456 г. во время сражения новгородцев с Василием Темным³⁰. Отец Есифа Носова, таким образом, назывался Василием, но он был также и посадником, поскольку в акте 40-х годов XV в. Есиф Васильевич, бывший тогда новгородским послом к великому князю литовскому Казимиру, называется «сыном посадничим»³¹. Отца Есифа Васильевича возможно идентифицировать только с посадником 30-х годов XV в. Василием Юрьевичем³². Однако летописцу хорошо известен участник столкновения с москвичами на Двине в 1417 г. «Василии Юрьевич, сын посадницъ»³³, отец которого может быть отождествлен только с посадником Юрием Дмитриевичем: в начале XV в. в Новгороде было лишь два посадника Юрия, но у второго — Юрия Онцифоровича, — как мы уже знаем, не было сына Василия.

Назовем еще одно имя. Совладелец Луки и Якова Федоровичей в погосте Коства была Оксинья Микитина жена Есифова³⁴. Летопись знает боярина Микиту Есифова, отца которого звали Есифом Григорьевичем³⁵. Но Оксинья никак не могла быть женой этого летописного Микиты Есифовича. В писцовых книгах Деревской пятины описаны его владения, и, следовательно, он был жив к моменту старого письма³⁶. Однако в той же книге имеется описание и вотчин Оксиньи Микитиной жены Есифова³⁷, мужа которой, таким образом, к тому же моменту в живых уже не было. Едва ли мы ошибемся, признав на этом основании Оксинью невесткой, а Микиту Есифова — сыном умершего в 1466 г. Есифа Яковлевича.

С этими дополнениями генеалогическая таблица приобретает вид, отраженный в схеме 16.

Наблюдения над комплексом боярщинок Луки и Якова Федоровичей, а также Григория Михайловича Тучина позволяют предпринять еще несколько генеалогических построений.

Постоянным их соседом по землевладению оказывается Кузьма Феофилатов, вотчины которого расположены, в частности, в Заверяжье, Голинском, Фроловском, Щепецком, Сумерском, Которском, Дремяцком, Сутоцком и Турском погостах Шелонской пятины³⁸, т. е. всегда (за исключением Турского погоста) бок о бок с уже известными нам вотчинниками. Логично поэтому предположить, что Кузьма Феофилатов находился в родстве с боярами Людина конца, ведущими свое происхождение от Юрия и Якова Дмитриевичей.

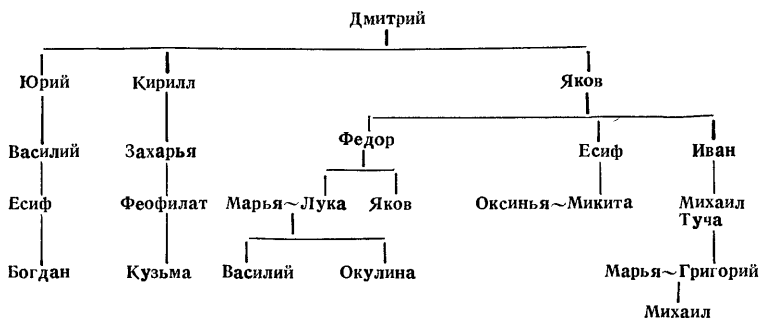
Кузьма Феофилатович в летописи упоминается как участник встречи Ивана III в 1475 г.; он также участник пира великого князя 30 декабря того же года у посадника Феофилата Захарьинича — в этом случае летопись сообщает, что он был сыном Феофилата Захарьинича. Сам Кузьма также владеет посадничьим титулом³⁹.

Феофилат Захарьинич как посадник участвует в утверждении документов Коростынского мира в 1471 г., он также представляет Новгород вместе с другими посадниками в ходе последних переговоров с Иваном III в 1478 г.⁴⁰ Под 1462 г., когда Феофилат еще не был посадником, летопись рассказывает о пожаре его двора, указывая и местонахождение этой усадьбы: «Того же лета месяца августа 26, ноши час 6, на Прусской улице възгорся огонь от Фефилатова двора и Захарьина, и погоре по

обе стороны Прусской улицы и за Михаил святыи, а храм святого архистратига Михаила огоре»⁴¹.

Отец Феофилата Захарья может быть отождествлен только с боярином Захарьей Кирилловичем, избранным на посадничество в 1423 г.⁴², а отец последнего — с посадником Кириллом Дмитриевичем, который упоминается впервые под 1397 г. как новгородский посол к великому князю Василию Дмитриевичу⁴³, а затем под 1403 и 1409 гг. как степенный тысяцкий⁴⁴; к 1414 г. относится известие о смерти Кирилла Дмитриевича уже в должности посадника⁴⁵. Нет оснований сомневаться в том, что Кирилл Дмитриевич был братом Юрия и Якова Дмитриевичей, коль скоро его наследники владеют землями в тех же массивах, где расположены и вотчины наследников Якова Дмитриевича. С учетом этих данных расширяется и наша генеалогическая таблица (схема 17).

СХЕМА 17

Коль скоро мы познакомились с боярским родом, связанным местом своего жительства с Людиным концом и Прусской улицей, рассмотрим сведения о ближайших соседях уже известных нам бояр. Прежде всего нуждаются в сопоставлении два летописных эпизода. Под 1434 г. Новгородская I летопись сообщает: «Тои же осени поставиша церковь камену в Околотке Иоанн Златоуст, на старой основе, посадник Григории Кирилович и Есиф Ондrejaнович Горошкова внук»⁴⁶. В 1463 г., согласно Летописи Авраамки, «месяца августа 28, на память святого Моисея Мурина, сгореша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Ондrejaнова, и вся гребля дворы хрестьянска, и две церкви огореша: храм святого Иоанна Предтеци и храм святей Богородици Ведения...»⁴⁷.

Нет сомнения в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же участке Новгорода. Церковь Иоанна Златоуста стояла в Детинце (Околотке) возле Златоустовской башни, т. е. против ближайшего к Детинцу конца Чудинцевой улицы. Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи был отделен от нее только кремлевской стеной. Он значится стоящим на Чудинцевой улице в «Описании семи новгородских соборов» XV в.⁴⁸; летопись под 1402 г. рассказывает, что «поставиша чюдиньцевци церковь камену Усекновение главы святого Иоанна Предтеца»⁴⁹. Лучшее представление о местоположении этой несохранившейся церкви дает Чиновник Софийского собора XVII в.: «Бывал ход к Иякову брату господню на Добрыню улицу, в Воскресенские ворота к Чюдинцеве улице, и на молебне поют, идуче, 1-ю статью Троицы да Иякову Боровицкому. И статие бывает, вышед, у Земляных ворот, на площади против храма Усекновения главы Иоанна Предтечи»⁵⁰. Иными словами, церковь Усекновения стояла на площади Земляного города, между Воскресенскими воротами Детинца и воротами, выводящими из Земляного города. Что касается Введенской церкви, то она стояла «по конец Прусской улицы, над рвом»⁵¹, около Покровской башни Детинца (соседней с Златоустовской), где с конца XVI в. существовал Введенский вывод Земляного города с глухой Введенской башней⁵².

К этому небольшому участку городской территории привязана деятельность Есифа Ондrejaновича, Горошко-ва внука, который сначала участвует в совместном строительстве с посадником Григорием Кирилловичем, а спустя три десятилетия оказывается соседом Есифа Григорьевича. Возникает предположение о том, что Есиф Григорьевич был сыном Григория Кирилловича.

О Есифе Григорьевиче известно, что в 1448 г. он был степенным посадником⁵³. Больше сообщений сохранилось о Григории Кирилловиче. В 1417 г. он вместе с братом Гаврилой участвует в столкновении с княжескими боярами в Заволочье⁵⁴. В 1428 г. вместе с Исаком Андреевичем Борецким обороняет Порхов от Витовта. В 1435 г. Григорий Кириллович был одним из руководителей новгородского похода на Ржеву. В 1436 г. новгородцы посылают его на отвод земли в Бежецкий Верх, а в зиму с 1436 на 1437 г. — послом к литовскому князю Сигизмунду⁵⁵. Хорошо известен серебряный ковш этого посадника, сохранявшийся в ризнице Троице-Сергиева монасты-

ря, с надписью: «А се ковш посадника новгородского Григорья Кюриловича»⁵⁶. Летописный рассказ 1428 г. сообщает прозвище Григория Кирилловича — Посахно.

Родственно связующим звеном между Есифом Ондrejaновичем Горошковым и Григорием Кирилловичем Посахно оказывается боярин Кирилл Ондrejaнович, который в 1402 г. поставил «3 отрок, придел у святого Михаила на Прусской улице»⁵⁷, а в зиму с 1410 на 1411 г. умер, приняв перед смертью монашеский чин⁵⁸.

Таким образом, все эти лица встают в очевидную генеалогическую связь (схема 18).

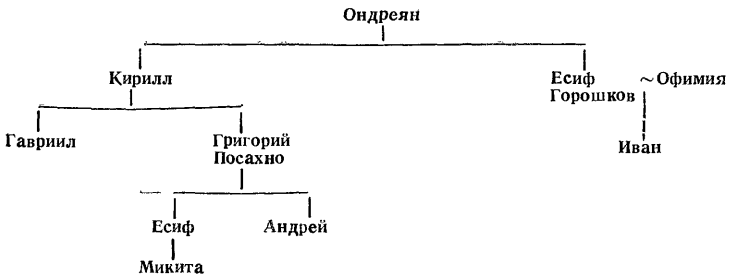
СХЕМА 18

В 1434 г. Есиф Горошков строил церковь вместе со своим племянником, а в 1463 г. жил рядом со своим внучатым племянником. Чтобы довести эту линию до момента боярского «вывода», заметим, что писцовые книги знают еще одного сына Григория Посахно — Андрея Григорьевича Посохнова⁵⁹, а у Есифа Григорьевича был сын Микита, которого называет летописный рассказ о встрече Ивана III в 1475 г.⁶⁰ и знают писцовые книги⁶¹. Точно так же в летописном рассказе 1475 г. известен «Иван Есипов сын Горошкова»⁶², который фигурирует в писцовых книгах как «Иван Есипов Горошков»⁶³. Но в тех же книгах мы отыщем без труда мать Ивана Есифовича — Офимию, жену Есифа Горошкова, которая была крупнейшей вотчинницей⁶⁴.

С этими дополнениями генеалогическая таблица приобретает вид, отраженный в схеме 19.

Вернемся, однако, к Кириллу Ондrejaновичу. Кроме приведенных фактов о нем известно, что он был сыном посадника⁶⁵, а также «внуком Захарьиным»⁶⁶. Это дает возможность идентифицировать его отца с посадником Ондrejaном Захарьиновичем, о котором летопись сообщает под 1359 г.: «отъяша посадничество у Вондrejaна Захарьинача не весь город, токмо Словеньский конец, и

даша посадничество Силивестру Лентиёву»⁶⁷. От 1372 г. сохранилась вечевая грамота, к которой среди других печатей привешена булла посадника Ондреяна⁶⁸. В 1358 г. Ондреян Захарьин вместе с Данилой Кузминым поставили церковь 12 апостолов в Загородском конце⁶⁹.

Летописный список посадников называет братом Ондреяна Захарьинича посадника Есифа Захарьинича⁷⁰. При первом упоминании этого боярина в летописи указывается, что он был жителем Софийской стороны: «въсташа 3 конце Софеиской стороне на посадника Есифа Захарьинича, и звонивше веце у святеи Софеи, и поидоша на двор его, акы рать силная, всякыи во оружьи, и взяша дом его, и хоромы розвезоша; а Есиф посадник бежа за реку в Плотничьскыи конецъ. И въста за него Торговая сторона вся»⁷¹. Эти события произошли в 1388 г. Еще раз у Есифа Захарьинича отнимают посадничество в 1394 г.⁷² В 1398 г. он был членом новгородского посольства к великому князю Василию Дмитриевичу⁷³, в 1405 г. занимал посадничью степень⁷⁴, а в 1409 г. умер⁷⁵.

Под 1411 г. Новгородская I летопись упоминает в числе руководителей новгородских полков, ходивших к Выбору, «Офноса Есифова, сына посадника»⁷⁶. Это лицо около 1419 г. получило посадничий титул, зафиксированный в летописи, актах и летописном списке посадников⁷⁷, однако для нас сейчас наиболее важным оказывается то, что его отец тоже был посадником: в начале XV в. в Новгороде был только один посадник Есиф — Есиф Захарьинич, сыном которого, следовательно, и был Офонасий.

Летописный список посадников содержит еще одно существенное для нас генеалогическое указание: «Василей Есифов, брат его Свекла Офноса»⁷⁸. Коль скоро сре-

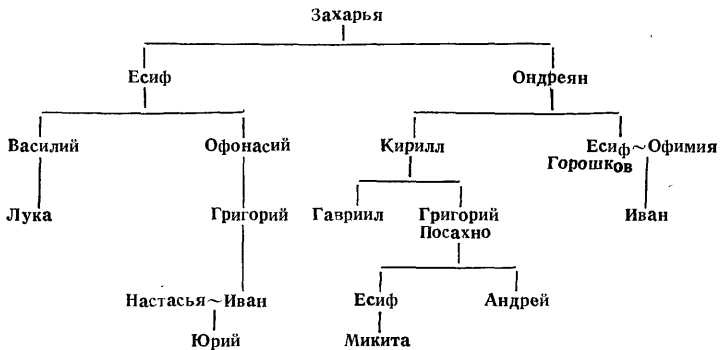
ди новгородских посадников не было еще одного Офанасия Есифовича, легко устанавливается, что его братом и другим сыном Есифа Захарьинича был Василий Есифович, политическая карьера которого отчасти отражена в источниках. В 1405 г. он был тысяцким⁷⁹, оставаясь на этом посту и в 1410 г., и в начале 1416 г.⁸⁰, но в 1418 г. он уже был степенным посадником⁸¹. Как посадник он известен и в 1421 г.⁸²

Менная грамота архиепископа Евфимия с Никольским Вяжищским монастырем называет имя сына Василия Есифовича:

«Се аз преосвященный архиепископ Великого Новгорода владыка Еуфимии дал еси в дом святого Николы на Вяжища в Обонежье в Шунги и Вироозеро. И то приказал Лука Васильев, сын посадничь, в Обонежьи в Шунги и Вирозерскую землю, чим владели посадник новгородцкии Василей Есифович и сын его Лука, игумену Якиму и всем старцам. А взял господин владыка Еуфимии противу того у игумена Якима и у всех старцов землю в Тесове, в Демьяницах, что приказала Василиста Богданова жена в дом святого Николы на Вяжища, да пожню на Оредежи. А поминати игумену Якиму святого Николы по посадники по Василии Есифовичи, и по Луке, и по Василисте, и по Ульяне. А на то послухи: владычен чашник Петр Клементиевичь и владычен столник Есиф Захарьевичь»⁸³.

Существует возможность установить и потомство Афанасия Есифовича вплоть до момента боярского «вывода». Писцовые книги знают одну из богатейших вотчинниц «Настасью Иванову жену Григорьева Офонасьева»⁸⁴ и ее сына Юрия Ивановича⁸⁵. Настасья и ее сын Юрий названы также в акте как жертвователи в Никольский Вяжищский монастырь⁸⁶. Предположив восхождение Ивана Григорьевича к Офонасию Есифовичу, мы получим расширение генеалогической таблицы (схема 20).

Схема 20 прекрасно подтверждается наблюдениями над вотчинами тех бояр, именами которых она замыкается. Офимия Горошкова и Настасья Иванова принадлежат к двум разным ветвям рода. Их мужья находятся в троюродном родстве, наследуя в то же время разные части одной и той же «дедины». Каким бы наследственным разделам эта дедина ни подвергалась, если Иван Григорьевич — двоюродный племянник Есифа Ондrejaновича, то мы в каких-то случаях вправе ожидать, что их бо-

ярщинки окажутся в соседской связи. Действительно, такая связь существует и может быть продемонстрирована плотным соседством вотчин Офимии Горошковой и Настасьи Ивановой в Сабельском, Успенском Хрепельском и Григорьевском Льешском погостах Вотской пятины⁸⁷.

Еще одно расширение схемы 20 дает опубликованное В. И. Корецким судное дело начала XVI в. между Ширяем Завалишиным и своеземцами Васильевыми и Михайловыми детьми о спорных землях между реками Мандрегой и Сарой в Пиркиничском погосте Обонежской пятины⁸⁸. Завалишин получил здесь в поместье бывшую вотчину «Ностасьинскую Ивановы жены Григорьева» Кондуши. Он претендовал на Кондушскую волость «со всем по старине, что к ней ни потягло», между тем как своеземцы выставили купчую своего деда Михаила Васильевича и отца — Василия Михайловича на спорный участок, приобретенный ими в свое время у Савелия Богданова. Показаниями «старожильцев» выяснилось, что земля у тяжущихся сторон «вопчая, а межа в ней не бывала ис старины». Писцовая книга 1563 г. подтверждает, что имение Завалишиных Кондуши действительно по старому письму числилось за женой Ивана Григорьевича — Настасьей; знает она и потомков названных выше своеземцев, именуя их Тяполковыми⁸⁹.

В купчей грамоте XV в. говорится:

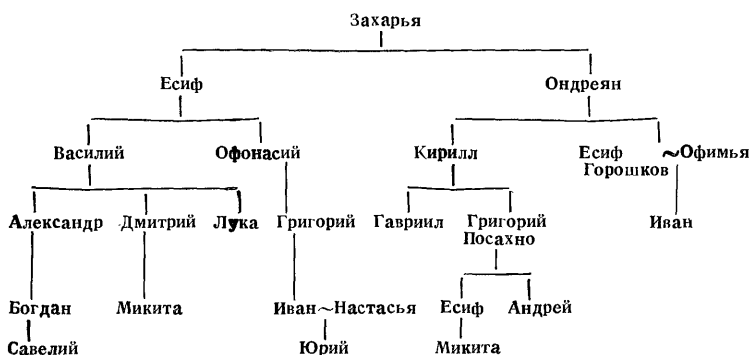
«Се купили Михаило Васильев сын и сын его Василей у Савелья у Богданова землю в Пиркиничах в Чим-

кинском селцы четвертую часть, и в Колупове четвертую часть, и в Лахти в Сидорове селе четвертью часть, и у святого Ильи полосной земли четверть, и на ручью в Лукине сиденьи осмая часть. А тех сел полевая земля, и лешая, и пожни, и полишой лес, и ловища, и в большом колу в Пиркиничях тридцать сажень участка, а в приколках в Лахтинских, что ловил Сидор Глухгов, ино во всем том четверть, и на ручью по Лукиным ловищам и в колах, и в озерах осмая часть, а на Осиновом острове четверть ужища, а на Каноме реке страдамая земля и пожни, на Клемцове наволоке страдамая земля и пожни, а на Яндебы реки по обе стороны страдамая земля и пожни, и полешой лес, у Яндебского порога приколки, ино во всем том четверть, а по Мандреги реки страдамая земля и пожни, и по Саре реки страдамая земля, и на Тенинской наволоки пожни, и на Негимжьмы реки по обе стороны страдамая земля и лешая, а в тое села и страдамая земля и пожни осмая часть, а в Шамельничах, в Лявкоринской земли осмая часть, а на Пачине селищи осмая часть. А с тех сел ходила секира, соха и коса, и ловища, и тонища, и лучевая вода поездная и во всей Богданове части половина без вывета. Дал Михайло Васильев сын и сын его Василей Савелью Богданову на тех землях полтретьятцать рублей да конь в два рубли. Купил себе и своим детем в веки. А куды владел Богдан и сын его Савелии, и туды владети Михайлу и сыну его Василию и его детем в веки. А на то послуси: Максим Ларивонов, Павел Тимофеев, Иван Федоров, Игнатеи Васильев, Иван Онтонов»⁹⁰.

Савелий Богданов, упоминаемый в правой и купчей грамотах, хорошо известен в писцовых книгах как вотчинник Водской и Шелонской пятин⁹¹. Однако «старожильцы» правой грамоты начала XVI в. знают о нем то, что не зафиксировано в писцовых книгах: «А купил ту землю дед их Михайло и отец Василей у Савелья у Богданова у Кавского». Семья с такой фамилией встречается и в писцовых книгах, которые знают в Бежецкой пятине вотчинников-совладельцев Богдана Александровича и Микиту Дмитриевича Кавских⁹². Летописные списки посадников называют также в хронологическом контексте 50-х годов XV в. посадника Александра Кавского⁹³, который идентифицируется с посадником Александром Васильевичем⁹⁴.

Принимая во внимание отмеченное документами наличие у Луки Васильевича земель в Шунге и на Вир-озере в Толвуге⁹⁵, а также соседство с ним посадника Дмитрия Васильевича Глухова, владельца вотчин в Толвуйской земле (рядом с Шунгой)⁹⁶, и, наконец, отсутствие межи между владениями Кавских и Настасьи Ивановой жены Григорьева, мы получаем возможность расширить генеалогическую таблицу (схема 21).

СХЕМА 21

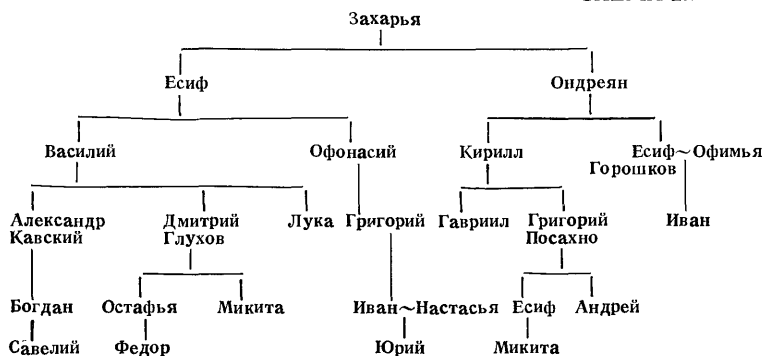

Источники знают еще одного Кавского — Порфирия. Под 1408 г. Новгородская II летопись сообщает: «В то же лето постави Перфирей Кавский деревянную церковь святого Николу на Папоротне и монастырь устрои»⁹⁷. В Новгородской IV летописи основатель этого монастыря (находившегося в 50 верстах от Новгорода) именуется Перфирием Инамским или Иномским⁹⁸, что не порождает противоречия, поскольку фамилия Инамского происходит, как справедливо отметил Корецкий, от Инемского озера в вотчине Настасьи Ивановой в Пиркиничах⁹⁹. Парфей Кавский известен и в летописных списках тысяцких как деятель второй четверти XV в.¹⁰⁰ Затрудняюсь определить место Порфирия в схеме 21. Возможно, он идентифицируется с Перхурием Васильевичем, покупателем земли у игумена Никольского Чухченемского монастыря Юрия¹⁰¹. Его можно было бы признать сыном Василия Есифовича, но такая идентификация сомнительна, поскольку эта купчая относится ко времени не ранее середины XV в.¹⁰²

Еще одно расширение схемы 21 дает обращение к землевладению Глуховых. Писцовые книги уже не заставят Дмитрия Васильевича Глухова, известного как деятель середины XV в.¹⁰³ Однако в них хорошо известен Федор Остафьевич Глухов, владевший землями в Водской и Шелонской пятинах¹⁰⁴. В Обонежской пятине ему принадлежали вотчины в Никольском погосте в Шунге (103 обжи)¹⁰⁵, в Ильинском погосте в Веницах на Ояти (14 обеж)¹⁰⁶, в Спасском погосте в Кижих (11 обеж)¹⁰⁷, в Егорьевском погосте в Толвуе (8,5 обжи)¹⁰⁸, в Никольском погосте в Ярославичах (размер не известен)¹⁰⁹.

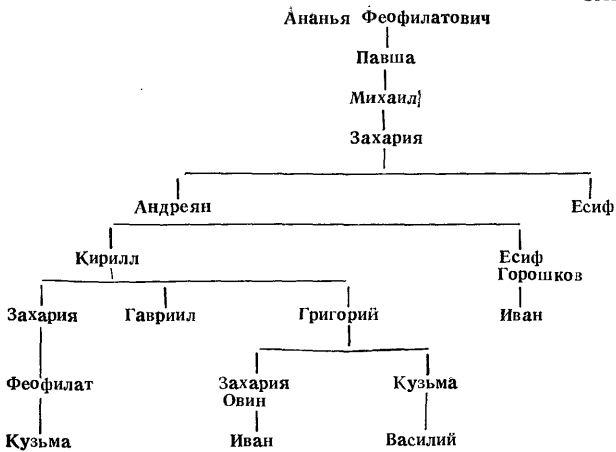
Родство Федора Остафьевича с Дмитрием Васильевичем Глуховым устанавливается свидетельством вкладной грамоты архиепископа Феофила 1473—1474 гг. Никольскому Вяжищскому монастырю на церковь Николы в Шунге¹¹⁰; деньги для пополнения этого вклада были взяты у Остафьи Дмитриевича, а в числе свидетелей вклада обозначен и уже известный нам Микита Дмитриевич, что пополняет генеалогическую таблицу (схема 22).

СХЕМА 22

В 1958 г. В. Н. Бернадский опубликовал «Предположительную генеалогию Захарьиных (Горошковых, Феофилатовых, Овиновых)»¹¹¹, которая, однако, не была сопровождена аргументацией (схема 23).

Разумеется, было бы весьма заманчиво провести восходящую линию от Ондreja и Есифа Захарьиновичей к посаднику 1316—1334 гг. Захарии Михайловичу, к несомненному отцу последнего — Михаилу Павшиничу, посадничавшему с конца XIII в. до смерти в 1316 г. («Михаило Павшинич, сын его Захарии»¹¹²), к вероятному

его деду Павше Онаньиничу, посаднику 1268—1273 гг., и также вероятному прадеду — Онани Феофиатовичу, известному только посадничьим спискам в хронологических контекстах середины XIII в. Однако никаких аргументов в пользу этой версии, кроме плотницкой принадлежности Захарии Михайловича и Михаила Павшинича¹¹³, отыскать не удастся, пока мы остаемся в кругу традиционных источников. Смущает полувековой разрыв между деятельностью Захарии Михайловича и его предполагаемого сына Есифа Захарьинича. Впрочем, брат Есифа — Ондrejaн посадничал уже в 1354 г., что делает предложенную Бернадским версию происхождения Ондrejaна и Есифа Захарьиничей возможной.

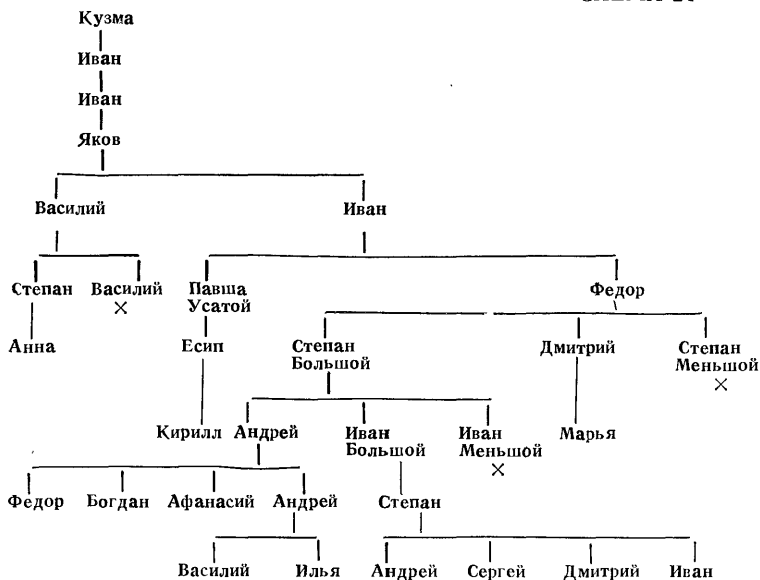
Ошибочным в построении Бернадского является отнесение линии «Кузьма — Феофилат — Захария — Кирилл» к потомству Кирилла Ондrejaновича. Мы уже видели, что основоположником этой линии был другой боярин — Кирилл Дмитриевич. Так же неверно реконструировано потомство Григория Кирилловича Посахно: Овины никакого отношения к рассмотренной семье не имеют. Связывая их с потомством Захарии Михайловича, исследователь опирался, по-видимому, на плотницкую принадлежность Овиных. Однако такой аргумент неправомерен. Если действительно Ондrejaн и Есиф Захарьиничи ведут свое происхождение от плотницких посадников Павши, Михаила и Захарии Михайловича, то в XV в. плотницкую

принадлежность могло сохранить только потомство Есифа Захарьинича, также бывшего плотницким посадником. Все потомство Ондreja Захарьинича показаниями источников связано с Софийской стороной Новгорода.

Наиболее значительным документом для генеалогической истории новгородских бояр с Прусской улицы является поколенная роспись стольников Федора, Богдана, Афанасия и Андрея Андреевичей Кузминых-Караваевых, стольника Ивана Васильевича Фефилатьева и Степана и Василия Андреевичей Фефилатьевых, поданная в Разрядный приказ 26 марта 1686 г.¹¹⁴ Согласно этой росписи, публикуемой в Прилож. к настоящей главе, Кузмины-Караваевы и Фефилатьевы ведут происхождение от крупнейших бояр заключительного этапа новгородской независимости — соответственно от Ивана Кузмина и Кузмы Фефилатова; последние же находились в отдаленном родстве между собой, восходя к общему предку.

Изложенное в росписи поколенное исчисление потомков Ивана Кузмина (Кузмины-Караваевы) может быть изображено в виде генеалогической таблицы, включающей членов этой семьи с середины XV до конца XVII в. (схема 24; здесь и в схеме 25 знаком X обозначается отсутствие потомства).

СХЕМА 24

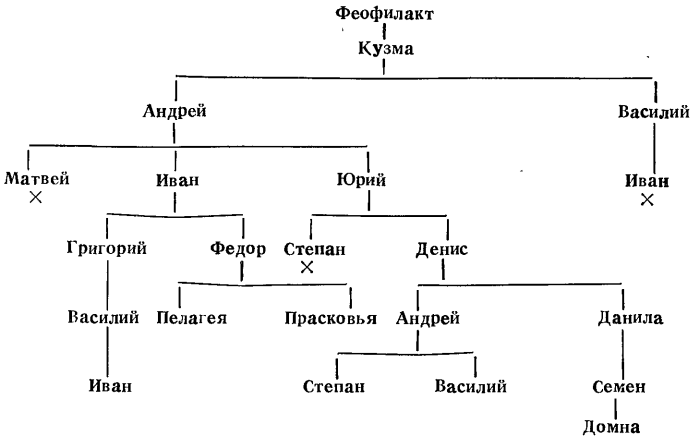
Нет оснований сомневаться в точности этих сведений. Относительно Ивана Кузмина известно, что в 1475 г. он, будучи новгородским посадником, принимал участие во встрече Ивана III во время его «мирного похода» на Новгород, в 1477 г. приезжал в Москву искать суда у великого князя, а в 1479 г. просился на службу к Ивану III¹¹⁵. Под 1475 г. он назван зятем посадника Захарии Григорьевича Овина. В момент заключения договора Новгорода с Казимиром IV в 1470—1471 гг. Иван Кузмин еще не был посадником, договорная грамота упоминает его как «сына посаднича»¹¹⁶.

Внук Ивана Кузмина — Яков Иванович Кузмин действительно записан как сын боярский третьей статьи по Владимиру в Тысячной книге, а в Дворовой тетради по Владимиру фигурируют его дети «Васька да Иванец»¹¹⁷. Разрядные книги отмечают, что Я. И. Кузмин с 1556 г. был «в приказе», а в 1564—1565 гг. — на Олатыре¹¹⁸. Сын Якова Ивановича Василий, согласно разрядным книгам, в 1577 и 1579 гг. наместничал в Болхове, в 1586 г. — в Белеве, участвуя в походе в передовом полку, в 1588 и 1590 гг. был воеводой на Терке, в 1594 г. — на Олатыре, в 1595—1596 гг. — в Арзамасе, в 1597 г. послан в Тулу раздавать жалование, а в 1598 г. во время похода Бориса Годунова в Серпухов и на Тулу был воеводой у наряда¹¹⁹. Внук Якова Степан Васильевич Кузмин в 1583 г. назначен головой передового полка в Казанском походе, а в 1596 г. послан воеводой на Тару¹²⁰.

Как видим, эти сведения не расходятся с данными родословной росписи, которая дает хронологическую канву и для следующих поколений семьи. У Степана Васильевича и его брата Василия сыновей не было, и в этой линии родословие Кузминых пресеклось, но деятельность двоюродного племянника Степана Васильевича — Степана Большого Федоровича относится к царствованию Михаила Федоровича. Сын Степана Большого Андрей — современник Алексея Михайловича. Дети Андрея действуют при Алексее Михайловиче и в конце XVII в. — при Иване и Петре Алексеевичах.

Перечисленное в росписи потомство Кузмы Фефилатова (Фефилатьевы) группируется в генеалогическую таблицу (схема 25).

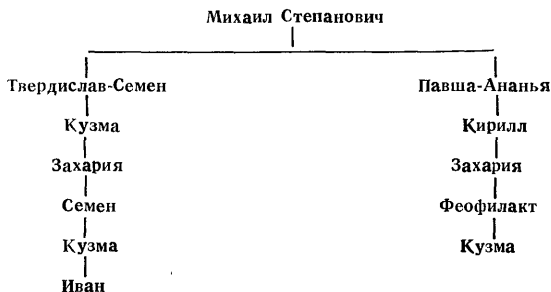
Летописи знают основателя этой семьи — Кузму Фефилатова, который упоминается под 1475—1476 гг., когда он вместе со своим отцом встречал Ивана III, а затем

участвовал в пире, данном великому князю¹²¹. Его отец Феофилакт Захарьинич участвовал в последних переговорах Новгорода с Иваном III в 1478 г., будучи посадником, но не дожил до боярского «вывода», коль скоро старое письмо писцовых книг знает только его сына Кузму¹²². В разрядных книгах фигурируют Иван Фефилачев под 1583 г. и Юрий Фефилачев под 1588 г.¹²³, — внуки Кузмы, а также сын Ивана Андреевича — Григорий, который в 1609 г. был послан в Касимов, а в 1620 г. был воеводой в Сургуте¹²⁴. Согласно росписи, брат Григория Ивановича Федор и сын — Василий Григорьевич — современники Алексея Михайловича, тогда как представители следующего поколения, будучи инициаторами росписи, действуют при Иване и Петре Алексеевичах.

Нас, однако, больше занимают те сведения поколенной росписи, которые касаются периода новгородской независимости. В этих хронологических пределах генеалогическая таблица Кузминых и Фефилачевых по родословию представлена в схеме 26.

Сведения об Иване Кузмине выше уже приведены, в частности — и сообщение договорной грамоты Новгорода с Казимиром IV о том, что Иван Кузмин был посадничьим сыном. Родословная роспись называет его отца Кузмой Семеновичем. Такого посадника не знают ни летописный рассказ, ни новгородские акты XV в., однако в дополнениях Комиссионного списка к перечню новго-

родских посадников фигурирует и посадник Кузма Семенович¹²⁵, чем подкрепляется справедливость показаний родословца.

Семен Захарьинич и Захария Кузмич в источниках не известны. Их место в схеме 26 позволяет отнести время их деятельности к первой половине XV в. и второй половине XIV в. Зато хорошо известен Кузма Твердиславич. Боярин с таким именем в 1331 г. сопровождал на хиротонисание архиепископа Василия, затем в том же году был взят в плен Гедимином. В 1338 г. новгородцы посылали его в Швецию для заключения мира, а в 1340 г.— к великому князю Семену Ивановичу с жалобой на насилия. В 1347 г. на съезде с Магнусом он был задержан шведами и выменен из плена в 1350 г.¹²⁶

Что касается Твердислава-Семена Михайловича, то новгородские летописи неоднократно упоминают боярина и посадника Семена Михайловича, жившего в последней трети XIII в. В 1273 г. он по приказу Новгорода добивался у князя Василия Ярославича возвращения новгородских волостей, в 1280 г. получил посадничество, будучи выведен из Ладоги, в 1282—1284 гг. проявлял себя как сторонник Андрея Александровича в борьбе последнего с Дмитрием, в 1284 г. был победителем шведов на Неве, в 1286 г. лишился посадничества, в 1287 г. его двор подвергся разграблению во время восстания, а сам он в том же году после непродолжительной болезни умер¹²⁷. Знает летопись и Михаила Степановича, который в 1255 г. добился посадничества, а в 1257 г. был убит¹²⁸.

Однако составитель родословца, безусловно, ошибался, объявляя Михаила Степановича (отца Твердислава-Семена) выходцем «из прусов» и основоположником рода Кузминых и Фефилатьевых. В Новгороде в последней

трети XII в., т. е. столетием раньше, жил другой Михаил Степанович, который в 1176 г. поставил на Прусской улице церковь архангела Михаила, в 1180 г. получил посадничество, снова был посадником в 1186—1189 гг., в 1198 г. участвовал в посольстве к Всеволоду III, в 1203—1205 гг. еще раз посадничал, а в 1206 г. умер, приняв перед смертью пострижение в Аркаже монастыре под именем Митрофан¹²⁹.

Он, подобно Михаилу Степановичу последней трети XIII в., был отцом Твердислава, который впервые упоминается под 1206 г. как строитель церкви Симеона Столпника в Аркаже монастыре, в 1207 г. получил посадничество, вторично — в 1216 г., в третий раз — в 1219 г. Двукратное его столкновение с князем подробно описано в летописи, которая изображает его ставленником Прусской улицы, всякий раз встающей на его защиту. Его связь с Прусской улицей обозначена и строительной деятельностью Твердислава, который вместе с Федором (названным в списке посадников братом Твердислава) строит в 1219—1224 гг. церковь Михаила на Прусской улице и придел к ней во имя Трех отроков. В 1220 г. Твердислав отказался от посадничества и тайно от родных постригся в Аркаже монастыре¹³⁰.

Летопись знает сына Твердислава Михайловича — Степана, который в 1215 г. был послом к князю Ярославу Всеволодовичу, а в 1230 г., «роспревшись» с посадником Водовиком, после бегства последнего получил посадничество. В 1243 г. он умер и был с почетом погребен в Софийском соборе. В летописном сообщении о его смерти исчислено время занятия им должности посадника — в 13 лет без 3 месяцев; здесь же он называется внуком Михалки¹³¹.

Смыкая все эти сведения с показаниями родословца, мы получим следующую хронологическую таблицу поколений:

1. Михалко Степанович — уп. с 1176 г., ум. в 1206 г.
2. Твердислав Михалкович — уп. с 1206 до 1224 г.
Федор Михалкович — уп. в 1219—1224 гг.
3. Степан Твердиславич — уп. с 1215 г., ум. в 1243 г.
4. Михаил Степанович — уп. в 1255 г., ум. в 1257 г.
5. Твердислав-Семен Михайлович — уп. с 1273 г., ум. в 1287 г.
6. Кузма Твердиславич — уп. с 1331 по 1350 г.
7. Захария Кузмич
8. Семен Захарьинич
9. Кузма Семенович — уп. в середине XV в.
10. Иван Кузмич — уп. в 1470—1478 гг.

Мне представляется, что ритм поколений здесь закономерен, давая в среднем 30 лет на поколение.

Другая линия потомков Михаила Степановича, ведущая к Фефилатьевым, вызывает существенные подозрения относительно ее полноты. Как уже отмечено, Кузма Феофилатов упоминается в летописи под 1475—1476 гг. Его отец Феофилат Захарьинич, не доживший до боярского «вывода», был посадником в 1471 г., когда участвовал в утверждении документов Коростынского мира, и в 1478 г. во время последних переговоров Новгорода с Иваном III. Под 1462 г., когда Феофилат еще не был посадником, летописец, рассказывая о пожаре его двора, указывает и местонахождение этой усадьбы на Прусской улице ¹³².

Отец Феофилата Захарья, как уже показано выше, может быть отождествлен только с боярином Захарией Кирилловичем, избранным на посадничество в 1423 г., что теперь подтверждено прямым указанием родословия, а отец Захарии Кирилловича — с посадником Кириллом Дмитриевичем, который упоминается впервые под 1397 г. как новгородский посол к великому князю Василию Дмитриевичу, а затем под 1403 и 1409 гг. как степенный тысяцкий; к 1414 г. относится известие о смерти Кирилла Дмитриевича уже в должности посадника. Родословие называет Кирилла сыном не Дмитрия, а Павши-Анания, что является безусловным нонсенсом. Если бы родословие было право, то Кирилл, живший еще в начале XV в., оказался бы внуком посадника середины XIII в. Счевидно, что именно на это место росписи Фефилатьевых приходится существенный пропуск.

Вызывает подозрение и указание родословца на то, что Павша-Анания был сыном Михаила Степановича. Летопись знает боярина Павшу Ананьинича, который посадничал в 1268—1274 гг., затем был лишен степени и удалился в Кострому, после чего в том же 1274 г. он был снова призван на посадничество, но вскоре умер ¹³³. Известен и посадник Анания, лишенный степени в 1255 г. по требованию князя Александра Невского и умерший в 1256 г. ¹³⁴ Посадничий список XV в. называет его Ананией Феофилатовичем, указывая отчество, не известное в других источниках ¹³⁵. Пренебречь этим указанием было бы неправильно. Так же неправильно было бы искать источник сведений составителя списка XV в. в желании связать Ананию с позднейшими Фефилатьевыми: протограф

списка, в котором уже было отчество Анании «Фефилатович», составлялся в 20-х годах XV в., когда родоначальник Фефилатьевых Феофилат Захарьинич еще не родился¹³⁶.

Между тем, если Павша Ананьинич был сыном Анании Феофилатовича, то он, естественно, не мог быть сыном Михаила Степановича. В то же время обращает на себя внимание важное обстоятельство, что Твердислав Михалкович в 1219—1224 гг. вместе с братом Федором строит придел Трех отроков к церкви Михаила архангела на Прусской улице. Имена Трех отроков — Анания, Азария и Мисаил. Логично высказать предположение, что эта постройка посвящена какому-то Анании — члену семьи ее строителей. Не был ли Анания только что родившимся сыном Федора Михалковича? Последний Феофилатом мог называться в монашестве. Уход в монастырь в начале XIII в. стал традиционным в этой семье, а смена имени Федор на Феофилат канонична.

Выстраивая предположительную цепочку поколений (Михалко Степанович — Федор-Феофилат Михалкинич — Анания Феофилатович — Павша Ананьинич), мы можем продолжить ее еще одним именем. На рубеже XIII—XIV вв. в Новгороде известен боярин Михаил Павшинич, посадничавший в 1309—1311 гг. и убитый в 1316 г. в битве под Торжком¹³⁷. Признав его сыном Павши Ананьинича, мы сократим разрыв в показаниях родословца, ограничивая его с одной стороны 1316 годом, когда погиб Михаил Павшинич, а с другой — 1397 годом, когда впервые упоминается Кирилл Дмитриевич. Этот разрыв соответствует примерно трем поколениям.

Заполнению разрыва способствует обращение к одному документу XV в. Как уже отмечено, у Кирилла Дмитриевича были два брата — Юрий и Яков, построившие в 1408 г. каменную церковь Чуда архангела Михаила в Аркаже монастыре. Поскольку это был родовой монастырь Михалкиничей XII—XIII вв., строительство в нем Дмитриевичей в XV в. подтверждает их принадлежность к тому же боярскому роду.

Яков Дмитриевич в 1421 г. участвовал в новгородском посольстве на Наровском съезде с немцами¹³⁸. Около того же года на посадничество был избран его сын Иван Яковлевич¹³⁹, а в 1436 г. другой его сын Федор Яковлевич занимал должность тысяцкого¹⁴⁰, став позднее посадником. О том, что он был жителем Людина конца, го-

ворит летописное сообщение 1462 г.: «Тои же зимы, месяца декабря в 7, на Волосове улици, возле церкви святого Василья загореся двор Васильев Козин от поварне, и инья пожже, и двор посадничъ Федора Яковлича, и двор сына его Лукин тысячкого на Добрыни улици, и инья пожже»¹⁴¹.

От Якова Дмитриевича сохранились шесть актов — пять купчих и одна данная грамота Михайловскому Архангельскому монастырю на владения в Неноксе, на Княжеострове и на реке Сюзме¹⁴². П. В. Голубовский датировал данную 1445 годом на том основании, что она составлена «по благословиению пресвященного архиепискупа новгородцкого владыки Еуфимия», а Евфимий посетил Заволочье в 1445 г.¹⁴³ Остальные пять актов датируются в издании близким к указанной дате временем, поскольку в трех из них речь идет о выкупе Яковом Дмитриевичем земель, отданных затем монастырю по данной грамоте. Полагаю, что основания столь узкой датировки несерьезны: для составления данной ни Якову Дмитриевичу, ни архиепископу не было нужды находиться в Заволочье. Документ может относиться скорее к 20-м годам XV в., т. е. ко времени владычества Евфимия I (1424—1429 гг.).

В данной имеются следующие строки: «А хто буде игуменом или попом, и вы творите память по Дмитреи, по Марьи, по Ондреи, по Федосьи, по Данили, по Огруфини, по Тарасьи, по Федори, по Михаили, по Василисти, по Ульяне, по Якове и Ульяни и по их племени. А сих памятеи не заложите»¹⁴⁴. Последними в этой памяти указаны имена самого вкладчика и его жены, первыми же, надо полагать, — имена отца и матери вкладчика. Кому же принадлежат остальные имена? Можно догадываться, что старшим родственникам, предкам Якова Дмитриевича и их женам.

Обращение к летописи обнаруживает группу тесно взаимосвязанных лиц, живших в XIV в. и имевших те же имена, какие указаны в поминальной части данной Якова Дмитриевича. С 1335 г. известен новгородский посадник Федор Данилович, строивший тогда каменный острог на Торговой стороне. В 1338 г. он в той же должности возглавлял поход под Орехов. К 1342 г. относится известный конфликт между Онцифором Лукиничем и Матфеем Козкой, с одной стороны, и посадником Федором с Ондрешкой, с другой, из-за гибели в Заволочье

Луки Варфоломеевича. В 1348 г. Федор Данилович, также будучи посадником, стал одним из инициаторов спора о вере со шведским королем Магнусом, а затем одним из руководителей войны с Магнусом. 16 июня 1351 г. посадничество было отнято у Федора, после чего «того же лета выгониша новгородци из Новагорода Федора посадника и брата его Михайлу, и Юрья, и Ондреяна, а домы их розграбиша, и Прусскую улицю всю пограбиша; а Федор и Михайло и Юрьи и Ондреян побегоша в Псков, мало побывши, поихаша в Копорью»¹⁴⁵. Относя прежде братьев Даниловичей к Славенскому концу, я ориентировался на местоположение построенной при Федоре Даниловиче каменной стены 1335 г.¹⁴⁶, однако его упоминание в этом случае носит характер хронологического указания; более основателен факт разграбления Прусской улицы в ходе восстания против Даниловичей, локализирующий их на Прусской улице.

Михаил Данилович был воеводой в походе на немцев в 1350 г., на следующий год он, как только что было рассказано, подвергся изгнанию, но снова упоминается под 1380 г. как участник новгородского посольства к великому князю Дмитрию Ивановичу в Москву. Осенью 1392 г. «преставися посадник Михайло Данилович, приимши мнишьский чин»¹⁴⁷.

Известен в Новгороде и посадник Данила, фигурирующий в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326—1327 гг. и в грамоте Новгорода на Двину, датируемой именем Ивана Калиты 1328—1341 гг.¹⁴⁸ Хронологическое соотношение имен позволяет догадываться, что Данила, посадивший в 20-х годах XIV в., был отцом Федора и Михаила Даниловичей. Не был ли его сыном и Андрей (Ондрешко), активно выступивший вместе с Федором Даниловичем против Онцифора Лукинича?

Контекст данной Якова Дмитриевича не противоречит такому предположению. Если Дмитрий и Марья — отец и мать Якова Дмитриевича, то Андрей и Федосья — его дед и бабка, а Данила и Огруфена — прадед и прабабка. В таком случае перечисленные подряд Тарасий, Федор и Михаил — боковые родственники, а Василиса и Ульяна — жены двух из этих родственников. В этой связи любопытный результат дает попытка идентификации Тарасия. Человек с таким именем не известен в летописном рассказе, но фигурирует в списках новгородских

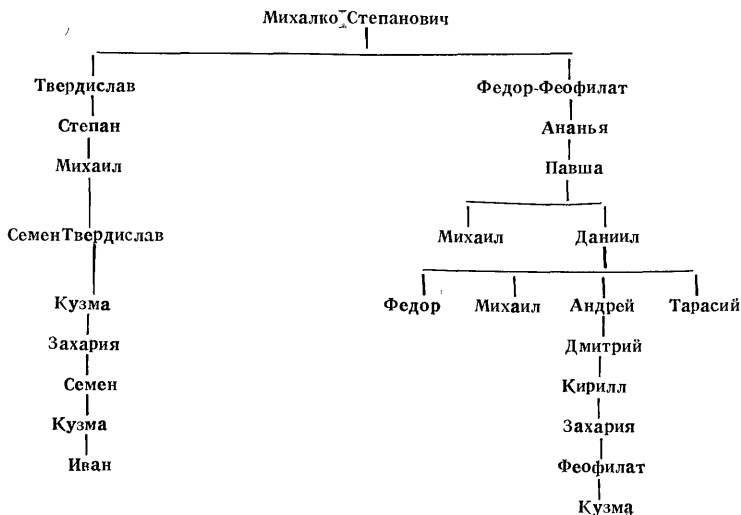
архимандритов в хронологическом контексте, относящем его деятельность к 30-м годам XIV в.¹⁴⁹ Если этот монах действительно был родным братом Федора, Михаила и Андрея, у него и не должно было быть жены.

Опираясь на свидетельство родословца о восхождении линии Фефилатьевых к Павше и на хронологическое соотношение рассмотренных выше лиц, решаюсь предложить следующую хронологическую таблицу поколений:

1. Михалко Степанович — уп. с 1176 г., ум. в 1206 г.
2. Федор-Феофилат Михалкинич — уп. в 1219—1224 гг.
3. Анания Феофилатович — уп. в 1255 г., ум. в 1256 г.
4. Павша Ананьинич — уп. с 1268 г., ум. в 1274 г.
5. Михаил Павшинич — уп. с 1309 г., ум. в 1316 г.
Данила (Павшинич) — уп. в 1326—1328 гг.
6. Андрей (Данилович) — уп. в 1342—1351 гг.
Федор Данилович — уп. с 1335 по 1351 г.
Михаил Данилович — уп. с 1350 г., ум. в 1392 г.
7. Дмитрий Андреевич
8. Кирилл Дмитриевич — уп. с 1397 г., ум. в 1414 г.
9. Захария Кириллович — уп. в 1423 г.
10. Феофилат Захарьинич — уп. с 1462 г., ум. после 1478 г.
11. Кузма Феофилатович — уп. в 1475—1476 гг., дожил до старого письма.

Общее родословие ранних предков Кузминых-Караваевых и Фефилатьевых представлено в схеме 27.

СХЕМА 27

Значение схемы 27 чрезвычайно велико. С ее помощью становится возможным объединить те частные родословия «пруссских» бояр, которые были получены до привлечения поколенной росписи Кузминых-Караваевых и Фефиладельцев. Напомню, что выше обоснованы два таких частных родословия — потомков Дмитрия (в том числе Кавских, Посохновых, Горошковых) и потомков Захарьи (в том числе Носовых, Тучиных, Фефиладельцев). Поколенная роспись показывает, что оба этих родословия являются ветвями одного генеалогического древа, у основания которого стоит имя Павши Ананьиича. Поскольку в ближайшей родственной связи с Павшей находятся и потомки Твердислава Михалкинича, в единую генеалогическую таблицу потомков Михалки объединяются десятки известных в разнородных источниках бояр (схема 28).

Некоторые заново установленные выше факты принадлежности бояр к определенным концам Новгорода требуют коррективов к системе посаднического представительства от концов, изложенной прежде¹⁵⁰.

Наиболее существенным оказывается признание двойного представительства не от Славенского, а от Плотницкого конца; такой порядок установился после реформы 1354 г. В таблицах 1, 2 мы учитываем установленный уже в работе 1962 г. и подтвержденный сейчас факт особой родственной связи бояр Прусской улицы с боярами Плотницкого конца. Как отмечалось выше, в 1388 г. посадник Есиф Захарьиич, живший на Прусской улице, вызвал беспрецедентный гнев всех жителей Софийской стороны и нашел защиту в Плотницком конце. Эти прусско-плотницкие связи проявлялись и раньше, поскольку отец Есифа и потомок прусского боярина Михалки Степановича Захария Михайлович до 1333 г. представлял от Торговой стороны. Проявляются эти связи и позднее; например, в 1404—1409 гг. плотницким посадником был внук Захарии Михайловича Кирилл Ондrejaнович, который, однако, возобновлял придел Трех отроков к церкви Михаила архангела на Прусской улице. В 1410—1415 гг. плотницким посадником был Григорий Богданович, отец которого Богдан Обакунович в 1390—1397 гг. представлял в посадничестве Прусскую улицу¹⁵¹. Двойное представительство Плотницкого конца кажется более закономерным, нежели предполагавшееся ранее двойное представительство

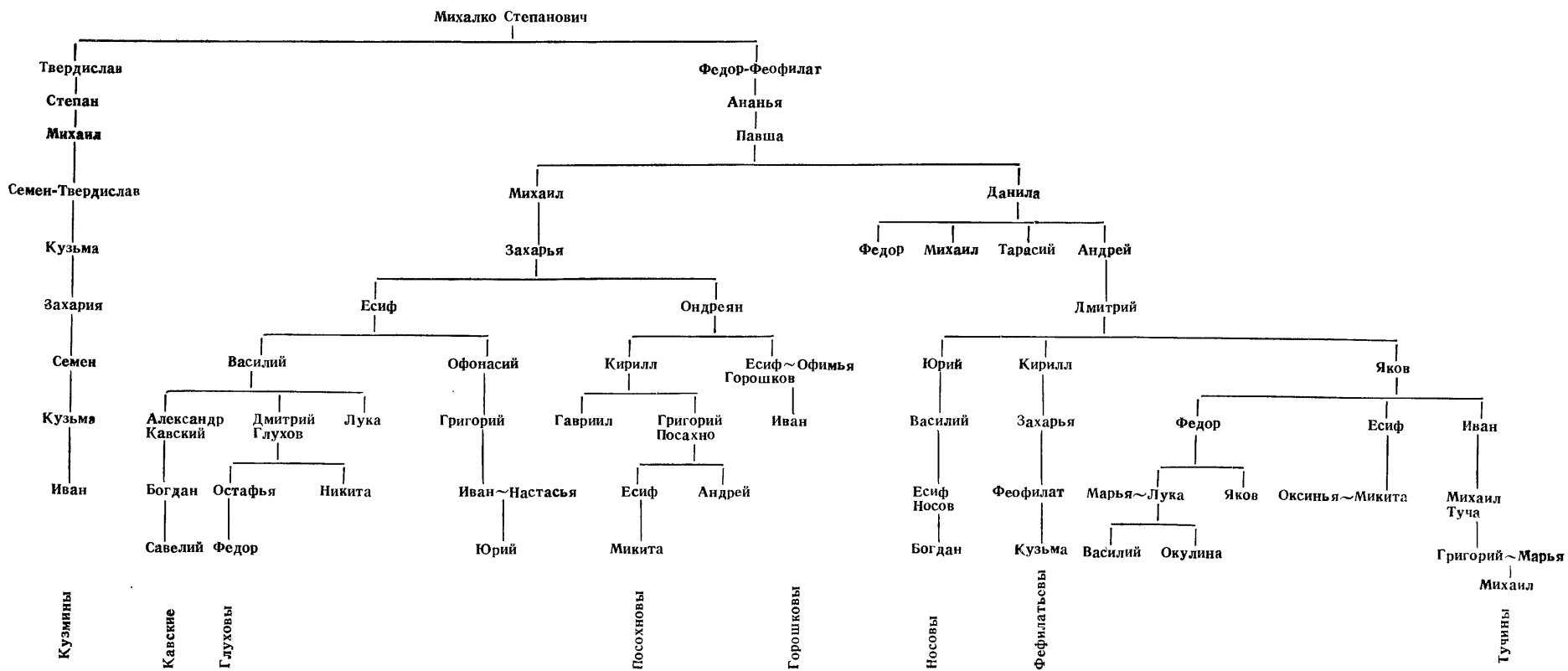
Таблица 1

Территориальное представительство в новгородском посадничестве
1316—1354 гг.

Год	Неревский конец	Прусская улица	Торговая сторона	
1316	Варфоломей Юрьевич	Семен Климович	Захария Михайлович	
1317	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1318	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1319	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1320	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1321	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1322	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1323	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1324	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1325	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1326	Варфоломей Юрьевич		Захария Михайлович	
1327	Варфоломей Юрьевич		Данила	Захария Михайлович
1328	Варфоломей Юрьевич		Данила	Захария Михайлович
1329	Варфоломей Юрьевич	Федор Ахмыл	Захария Михайлович	
1330	Варфоломей Юрьевич	Федор Ахмыл	Захария Михайлович	
1331	Варфоломей Юрьевич	Федор Ахмыл	Захария Михайлович	
1332	Матфей Козка	Федор Ахмыл	Захария Михайлович	
1333	Матфей Козка		Захария Михайлович	
1334	Матфей Козка		Захария Михайлович	
1335	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1336	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1337	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1338	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1339	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1340	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1341	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1342	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1343	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1344	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1345	Матфей Козка	Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1346		Федор Данилович	Евстафий Дворянинец	
1347	Федор Юрьевич	Федор Данилович		
1348	Федор Юрьевич	Федор Данилович	Александр Дворянинцев	
1349	Федор Юрьевич	Федор Данилович	Александр Дворянинцев	
1350	Онцифор Лукинич	Федор Данилович		
1351	Онцифор Лукинич			
1352	Онцифор Лукинич	Яков Хотов		
1353	Онцифор Лукинич	Яков Хотов		
1354	Онцифор Лукинич	Яков Хотов		

ство Славенского конца, поскольку именно к XIV в. относится резкое, стремительное расширение Плотницкого конца за Федоровский ручей. Надо полагать, что ведущая роль в освоении этих новых территорий городской застройки принадлежала боярству Прусской улицы.

Предложенные таблицы территориального представительства в новгородском посадничестве имеют следующие отличия от ранее опубликованных. До 1354 г., т. е. до реформы Онцифора Лукинича, не существовало особых посадников Славенского и Плотницкого концов, а Торговая сторона была представлена одним лицом. Та-

ким образом, вплоть до середины XIV в. высший республиканский орган формировался на основе паритетного участия трех древнейших центров Новгорода, соответствующих двум первоначальным ядрам Софийской стороны и одному Торговой стороны¹⁵². Посадником Неревского конца в 1332—1345 гг. оказался Матфей Козка (ранее я считал его представителем Прусской улицы), Данила (1327—1328 гг.) и Федор Данилович (1335—1350 гг.) посадничали от Прусской улицы, а не от Славенского конца, как предполагалось ранее.

Реформа Онцифора Лукинича конституировала посадничество из шести представителей, по три от Софийской и Торговой сторон, однако, как уже отмечено, двойное представительство на Торговой стороне принадлежало Плотницкому, а не Славенскому концу. Достоверный хронологический ряд славенских посадников остается без изменений: Сильвестр Лентиевич (1355—1380 гг.), Федор Тимофеевич (1385—1421 гг.). Однако посадники другого «славенского» (по А. С. Хорошеву) ряда, естественно, получают иную принадлежность: Иван Федорович (1355—1356 гг.) представлял Неревский конец, Михаил Данилович (1372—1392 гг.) — Прусскую улицу, Тимофей Юрьевич (1393—1409 гг.) — Неревский конец, Иван Александрович (1410—1417 гг.) — Плотницкий конец. Без изменений остается на значительном протяжении достоверный ряд плотницких посадников: Ондриан Захарьинич (1355—1384 гг.), Есиф Захарьинич (1387—1409 гг.), но, поскольку преемником последнего был только что упомянутый Иван Александрович, предполагавшиеся ранее на эту роль посадники Фома Иванович (1409 г.), Фома Есифович (1410—1411 гг.) и Кирилл Дмитриевич (1414 г.) оказываются представителями Прусской улицы. Второй ныне реконструируемый ряд плотницких посадников состоит из относимых ранее к Неревскому концу Юрия Ивановича (1355—1380 гг.), Василия Ивановича (1384—1403 гг.), Кирилла Андреяновича (1404—1409 гг.) и отнесенного прежде к Прусской улице Григория Богдановича (1410—1415 гг.).

На Софийской стороне без изменений остался один хронологический ряд «пруссских» посадников: Александр Семенович, Яков Хотов, Григорий Якунович, Богдан Обакунович, Александр Фоминич. В другом их хронологическом ряду установление «прусской» принадлежности Михаила Даниловича (1372—1392 гг.) позволило

Таблица 2

Территориальное представительство в новгородском посадничестве 1355—1415 гг.

Год	Неревский конец	Людин и Загородский концы			Плотницкий конец			Славенский конец	
1355	Иван Федорович	Иван Семенович	Александр Семенович	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1356	Иван Федорович	Иван Семенович	Александр Семенович	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1357		Иван Семенович	Александр Семенович	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1358		Иван Семенович	Александр Семенович	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1359		Иван Семенович	Александр Семенович	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1360	Микита Матфеевич	Иван Семенович	Александр Семенович	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1361		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1362		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1363		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1364		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1365		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1366		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1367		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1368		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1369		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1370		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1371		Иван Семенович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1372		Михаил Данилович	Яков Хотоз	Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1373		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1374		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1375		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1376		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1377		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1378		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1379		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1380		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич	Юрий Иванович	Сильвестр	Лентиевич	
1381		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич				
1382		Михаил Данилович		Ондрейян	Захарьинич				
1383		Михаил Данилович	Григорий Якунович	Ондрейян	Захарьинич				
1384	Василий Федорович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Ондрейян	Захарьинич	Василий Иванович			
1385	Василий Федорович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Ондрейян	Захарьинич	Василий Иванович	Федор Тимофеевич		

выяснить, что ранее отнесенный к Прусской улице Василий Федорович (1384—1392 гг.) в действительности был неревским представителем. Как уже отмечено, преемником «прушанина» Юрия Дмитриевича были Фома Иванович, Фома Есифович и Кирилл Дмитриевич, а не Григорий Богданович. Больше всего изменений — в списке неревских посадников, который формируется теперь в основном из новых имен: Иван Федорович (1355—1356 гг.), Микита Матфеевич (1360 г.), Василий Федорович (1384—1392 гг.), Тимофей Юрьевич (1393—1409 гг.).

Одним из важных подтверждений принципиальной правильности новой схемы можно считать установление в ней места Микиты Матфеевича, неревская принадлежность которого определяется тем, что он был сыном Матфея Козки и внуком Варфоломея Юрьевича. В старой схеме Миките Матфеевичу места не находилось, что заставило меня подозревать недостоверность летописного рассказа о его избрании на посадничество в 1360 г.¹⁵³

Приложение

Родословная роспись Кузминых-Караваевых и Фефилатьевых

ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, оп. 18, д. 88, л. 1—8.

л. 1 Подали сию родословную свою и роду своему пок[о]ленную роспись стольники Федор, Богдан, Афонас[ей], Андрей Андреевы дети Кузмины Короваевы да стольник Иван Васильев сын да Степан да Василей Андреевы дети Фефилатьевы, и списки з грамот великих государей под[али за под]писью, которые остались после разор[енья] и большого пожара, кроме грамот и наказов, которые у стольника у Степана Иванова сына Кузмина Короваева, а Степан воеводою на Олатыре.

Род Кузминых и Фефилатьевых новгор[о]дских, до новгородского взятия владельцев больших степенных посадников. Пришел ис Прусские земли князь Михайла Степанович Прусской до взятия новгородского в Великий Новгород и в Новгороде крестился. А про выезд князь Михайла Степановича Прусского, родственника Кузминых и Фефилатьевых и про большое их посадничество свидетельствует в Великом Новгороде в старых кн[игах] и у Троицы в Сергиеве монастыре в записно[й] книге и в старинном родословье и на Москъве и во многих домах в старинных книгах и в родословцах; и на выезд князь Михайла Степановича Прусского, родственника Кузминых и Фефилатьевых, то явное и свидетельство.

А у князь Михайла Степанови[ча] Прусского два сына. Первой Твердислав, а по крещению имя Твердиславу Семен, // другой Павша, а по крещению имя Павше Ананья. И от

Семена Твердислава Михайловича повелися Кузмины, а от Ананьи Михайловича от Павши Фефиладельцы.

А у Семена Твердислава Михайловича у князь Михайлова сына Степановича Пру[ского] сын Кузма, у Кузмы сын Захарей, у Захар[ья]сын Семен, у Семена сын Кузма, у Кузм[ы]сын Иван. А в приход великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Новгороду Иван Кузмич в то время был в вотчине своей в Яму городе на Немецком рубеже. И про то в походе великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и во взятъе новгородком в летописце ведомо. А у Ивана Кузмича Иван же сын, а был он, Иван Иванович, после взятъя новгородского на Москве в боярех. А у Ивана Ивановича сын Яков, а написан Яков Иванович Кузмин в Тысечной книге по указу великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. И про то в Розряде ведомо. Да по указу ж великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Яков Иванович был воеводою на Олатыре. А у Якова Ивановича два сына Василей да Иван.

А у Василья Яковлевича Кузмина указал великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии взять из двора его дворовых ево людей и испоместить писцу Дмитрею Китаеву, а кто [им]яны и прозванием Василья // Яковлевича ^{л. 3} Кузмина многия ев[о лю]ди взяты и испомещены, и про то в писцовой книге Дмитрея Китаева написано имянно. А про писцовую книгу Дмитрея Китаева в Великом Новгороде ведомо. Да Василей же Яковлевич Кузмин по указу великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии был полковым воеводою в Казани, а ведомо про то полковое воеводство в Казани тех годов по делам и в грамотах, которыя присыланы от великого государя царя и велик[ого] князя Ивана Васильевича всеа Русии в Казань к Микифору Чепчюгову, и с тех грамот списки под росписью Ивана Чепчюгова ныне в Розряде. Да по указу ж великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Василей Яковлевич Кузмин в Болхове был наместник, и посылан на Сокол, и на Соколе взят был в Литву в полон, и был в полону шесть лет. А по указу великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии Василей же Яковлевич был наместник и воевода в Белеве, и ходил из Белева полковым воеводою, и был в объезде в городе в Китае, и воеводою был на Терке; и про терское воеводство ведомо на Терке тех годов по делам. Да как великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии стоял в Серпухове против крымского царя, а Василей Яковлевич // был в то время воеводою у наряду да посылан к государеву делу в Казань. И про то ведомо в Казани тех годов по делам. Да полковым воеводою ходил из Нижнева Волга[ю] в Чебаксары, и про то ведомо в Нижнем Новгороде тех годов по делам; да посылан на Тулу в тульской розряд во все города жалованья роздавать.

А у Василья Яковлевича сын Степан да Василей бездетен. А у Степана Васильевича дочь Анна, а сыновей не было. А по указу великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии Степан Васильевич был воеводою в Сибири на Таре, и про то воеводство ведомо на Таре в Сибири тех годов по делам. А по указу великого государя царя и великого

князя Бориса Федоровича всеа Русии был воеводою ж Степан Васильевич на Терке, и терские грамоты ныне у нас, родственников, а списки под сею росписью. Да Степан же Васильевич сидел у государских дел на старом земском дворе да встречал дацкого короля посла.

А у Ивана Яковлевича два сына Павша Усатой да Федор. У Павши сын Есип, у Есипа сын Кирила бездетен. У Федора Ивановича дети Степан Большой да Дмитрей да Степан Меншой бездетен. А по указу великого государя царя и великог[о] князя Михаила Федоровича всеа Русии Степан Большой Федорович был воеводою во Рже//ве Володимерове, и про то в Розряде ведомо.

А у Степана Большова Федоровича дети Андрей да Иван Большой да Меншой Иван бездетен. А Ондрей Степанович по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайлович[а] всеа Великия и Малыя и Белья Росии са[мо]держца был в Суздоле и в Юрьеве для збору салдат и для сыску беглых людей и крестьян, и про то ведомо в Розряде.

А у Ондрея Степановича дети Федор, Богдан, Афонасей, Андрей. А Федор Андреев сын по указу ж великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца был в Великом Новгороде для збору и высылки на службу ратных людей, и про то ведомо в Розряде. Да во сто девяностом году по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев он же, Федор, послан в Пермь Великую для царственных дел, и про то в Розряде ж ведомо. А Офонасей Андреев сын во сто девяносто первом и втором годех по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев был в Суздоле сыщиком и межевщиком, и про то в Розряде и в Помесном приказе ведомо.

А у Андрея Андреева сына дети Василей, Илья. А у Ивана Большова Степановича сын Степан. А у Степана Иванова сына дети Андрей, Сergyей, Дмитрей, Иван.

4. 6 А у Дмитрея Федоровича дочь // Марья, сыновей не было.

А сей род писан Кузминых от Семена Твердислава Михайловича, от князь Михайлова сына Прусского Степановича. А что они ж, Кузмины, стали писатца в Розряде и в писмах Кузмины Короваевы, и то по указу против челобитья для отличения, что есть иных родов Кузмины. А сего роду Кузминых толко что писано в сей росписи выше сего.

А у другава князь Михайлова сына Степановича Прусского у Павши у Ананьи Михайловича сын Кирила. У Кирилы сын Захарей, у Захарья сын Фефилакт, у Фефилакта сын Кузма, у Кузмы дети Андрей да Василей. У Андрея дети Матвей, Иван, Юрья; Матвей бездетен. А у Ивана дети Гри[го]рей да Федор. А Григорей Иванович по указу великого государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии был воеводою в Касимове, и про то ведомо в Касимове тех годов по делам да по указу великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии. Григорей же Ива[но]вич был

воеводою на Саратове, а та грамота у нас, родственников, а список под сею росписью. А у Григорья Ивановича // сын Василей, а Василей Григорьевич по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца был во многих городах воеводою, а грамоты и росписныя списки у нас, родственников, а списки под сею росписью. Да Василей же Григорьевич [посы]лан в Чернигов и в Путивль и в-ыные города з денежным жалованьем к дворяном и к детям боярским. И про то ведомо в Розряде.

А у Василья Григорьевича сын Иван.

А другой сын Ивана Андреевича Федор, а был он, Федор Иванович, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца воеводою на Короче, и про то ведомо в Розряде. А у Федора Ивановича две дочери Полагаея да Прасковья, а сыновей не было.

А у Юрья Андреевича дети Степан да Денис; Степан бездетен, а у Дениса дети Андрей да Данила. У Андрея дети Степан да Василей. У Данила сын Семен, у Семена дочь Домна, а сыновей не было.

А у Василья Кузмича сын Иван бездетен. А по указу великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии написан Иван Васильевич в Тысечной книге, и про то в Розряде ведомо.

А сей род писан // Фефилатьевых от другога князь Михайлова ж сына Степановича Прусского от Павши Анапьи Михайловича. И сего роду Фефилатьевых только что писано в сей росписи выше сего.

На л. 1 об.: 194-го марта в 26 день пода[ли] стольники Федор Кузмин Кор[оваев] да Иван Васильев сын Фефилатьев.

По сставам л. 1 об.—8 об. и после текста на л. 8 скрепы разными почерками:

К сей росписи [Афо]насей Кузмин Короваев и в места брата своего родного Федора по ево веленью руку приложил.

К сей росписи Богдан Кузмин Короваев руку приложил.

К сей росписи Андрей Кузмин Короваев руку приложил.

К сей росписи Иван Фефилатьев руку приложил.

К сей росписи Степан Фефилатьев и в место брата своего роднова Василья руку приложил.

¹ ПСРЛ, СПб., 1889, т. 16, стб. 211.

² Там же, стб. 219.

³ ГВНиП. М.; Л., 1949, с. 109—112, № 66—67, с. 39—44, № 22—24; ПСРЛ, СПб., 1848, т. 4, с. 443; т. 16, стб. 189, 198.

⁴ ГВНиП, с. 44—48, № 25—27; ПСРЛ, СПб., 1859, т. 8, с. 169; СПб., 1853, т. 6, с. 200, 203—204, 209—214, 219; М.; Л., 1949, т. 25, с. 292, 304—308, 313, 315, 322, 329.

⁵ ГВНиП, с. 310—311, № 325.

⁶ См. примеч. 137 к гл. III.

⁷ НПК, СПб., 1910, т. 6, стб. 831.

⁸ Там же, стб. 384—400.

- 9 ПСРЛ, т. 8, с. 165—166; т. 25, с. 290.
- 10 Там же, т. 6, с. 200—201, 209—219; т. 8, с. 187—198; т. 25, с. 313—314, 316—317, 322.
- 11 *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, 1. Шелонская пятина: Списки селений. М., 1914, с. 3, 5, 99, 100, 154, 175, 254.
- 12 НПК. СПб., 1868, т. 3, стб. 793.
- 13 Там же, т. 6, стб. 386—387.
- 14 ПСРЛ, т. 6, стб. 208; т. 25, с. 304—306, 312.
- 15 Там же, т. 6, с. 200—201; т. 25, с. 304.
- 16 НПК, т. 6, стб. 306, 357, 364, 368.
- 17 ПСРЛ, т. 8, с. 146; т. 16, стб. 195; т. 25, с. 275; Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 53; М., 1955, вып. 2, с. 49, 141.
- 18 Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977, т. 1, ч. 1, с. 84—85; *Янин В. Л.* К хронологии новгородских актов Василия Темного.— В кн.: *Археографический ежегодник за 1979 год* (в печати).
- 19 *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 290.
- 20 Там же, с. 258—259.
- 21 НПЛ. М.; Л., 1950, с. 413; ГВНиП, с. 99—100, № 60.
- 22 НПЛ, с. 400.
- 23 *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 218—219.
- 24 *Хорошев А. С.* Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре.— *Вестник Московского университета. Сер. IX. История*, 1966, № 2, с. 77—82.
- 25 *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 3, 29, 154—155, 175, 262.
- 26 Там же, с. 3, 16, 117, 154—155, 176.
- 27 ГВНиП, с. 119—123, № 73.
- 28 ПСРЛ, т. 6, с. 200—201, 205; т. 25, с. 305—306.
- 29 НПК. СПб., 1886, т. 4, стб. 5; ср. т. 3, стб. 25.
- 30 ПСРЛ, т. 8, с. 146; т. 16, стб. 195; т. 25, с. 275; Псковские летописи, вып. 1, с. 53; вып. 2, с. 49, 141.
- 31 ГВНиП, с. 115—116, № 70.
- 32 Там же, с. 88, № 132.
- 33 НПЛ, с. 407.
- 34 НПК, т. 6, стб. 396.
- 35 ПСРЛ, т. 6, с. 200—201; т. 25, с. 305.
- 36 НПК, т. 3, стб. 823, 856, 858.
- 37 Там же, стб. 2, 4, 196, 202, 204, 217, 220, 232, 235—237, 242, 243, 246, 250, 256, 263, 267, 269—271, 275, 278, 553, 554, 562, 566, 756, 766, 781, 784, 788, 791, 792, 795.
- 38 *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 5, 16, 29, 99, 117, 144, 155, 175, 179.
- 39 ПСРЛ, т. 6, с. 200, 204; т. 25, с. 304.
- 40 ГВНиП, с. 44—48, № 25—27; ПСРЛ, т. 6, с. 209—219; т. 8, с. 187—198; т. 25, с. 313—314, 316—317, 322.
- 41 ПСРЛ, т. 16, стб. 210.
- 42 *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 379.
- 43 НПЛ, с. 390.
- 44 ПСРЛ. СПб., 1848, т. 4, с. 145; ГВНиП, с. 87, № 49.
- 45 НПЛ, с. 405; ПСРЛ. СПб., 1848, т. 4, с. 114. Сообщение о смерти посадника Кирилла Дмитриевича содержится и в записи на «Сборнике 1414 г.»: «В лето 6922 написана бысть книга си к святому Володимиру церкви благословением владыце [Антоня], повелением Сидора Кюпрянова ... [т] Матфея Кусова. А хто сю книгу оукра-

деть, да будет проклят. Сеи зимы месяца ноября в 17 пострижеса владыка [Антон] в скиму и маслом мазая в монастыри на Деревяницы по сеи днии, а посадник Кирило Дмитриевич преставися». Имя Антона в обоих случаях написано позднее, по разуре (*Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, вып. 2, с. 86, № XVIII).

⁴⁶ НПЛ, с. 417.

⁴⁷ ПСРЛ, т. 16, стб. 214.

⁴⁸ *Никольский А.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI в.— В кн.: Вестник археологии и истории. СПб., 1898, вып. 10, с. 80; *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 112.

⁴⁹ НПЛ, с. 397.

⁵⁰ *Голубцов А.* Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899, с. 45.

⁵¹ Временник ОИДР, М., 1856, кн. 24, Смесь, с. 28.

⁵² *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого.— МИА, М., 1952, № 31, с. 120—121.

⁵³ ГВНиП, с. 117—119, № 72.

⁵⁴ НПЛ, с. 407.

⁵⁵ Там же, с. 417—419; ПСРЛ, т. 8, с. 94; СПб., 1913, т. 18, с. 170; М.; Л., 1949, т. 25, с. 248.

⁵⁶ *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952, с. 130, № 214.

⁵⁷ НПЛ, с. 397. Согласно Новгородской III летописи он — строитель каменной церкви в Варварином монастыре в Людином конце в том же 1402 г. (Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 249).

⁵⁸ НПЛ, с. 402.

⁵⁹ НПК, т. 3, стб. 252, 264, 639, 658, 659, 662, 666, 668, 677, 681, 691, 694, 696, 706, 763, 790, 892, 896, 899—901, 903, 939, 941—942; т. 4, стб. 50; т. 5, стб. 3, 16, 27, 29, 146, 341, 419, 420, 424, 425; т. 6, стб. 213, 215, 216, 221, 399—409, 411—416, 421, 445, 447, 450, 452—456, 609, 611, 616, 727—729, 742, 745, 746, 748, 769, 771—774, 795, 801—803, 817.

⁶⁰ ПСРЛ, т. 6, с. 200—201; т. 25, с. 305.

⁶¹ НПК, т. 3, стб. 823, 855, 858; т. 6, с. 396.

⁶² ПСРЛ, т. 6, с. 200—201; т. 25, с. 305.

⁶³ НПК, т. 4, стб. 545; СПб., 1905, т. 5, стб. 12, 18; т. 6, стб. 269, 274, 344, 355, 359, 362, 390, 392, 431, 435, 459, 462, 598, 666, 697, 777, 809, 811.

⁶⁴ Там же. СПб., 1859, т. 1, стб. 27, 29, 32, 515; т. 3, стб. 13, 120, 138, 145, 146, 220, 228, 445—447, 796, 800, 801, 803—807, 809, 812—814, 893, 895, 899, 900, 910, 911, 925, 926, 929, 931, 942, 943; т. 5, стб. 8, 12, 16, 18, 25, 94, 145, 146, 290.

⁶⁵ ГВНиП, с. 164—165, № 107, 109.

⁶⁶ ПСРЛ. СПб., 1848, т. 4, с. 97.

⁶⁷ НПЛ, с. 366.

⁶⁸ ГВНиП, с. 32, № 17.

⁶⁹ ПСРЛ, т. 16, стб. 88.

⁷⁰ НПЛ, с. 472.

⁷¹ Там же, с. 382.

⁷² Там же, с. 386.

⁷³ Там же, с. 393.

⁷⁴ ГВНиП, с. 85—86, № 48.

⁷⁵ НПЛ, с. 401.

⁷⁶ Там же, с. 402.

- ⁷⁷ ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 427; ГВНиП, с. 288—289, № 286—287; НПЛ, с. 472.
- ⁷⁸ НПЛ, с. 165.
- ⁷⁹ ГВНиП, с. 85—86, № 48.
- ⁸⁰ Там же, с. 88, № 50; НПЛ, с. 402, 406.
- ⁸¹ НПЛ, с. 410.
- ⁸² Там же, с. 413; ГВНиП, с. 99—100, № 60. Степенным посадником Василий Есифович снова был в 1423 г., о чем можно судить из сообщения в окончательной редакции Забелинской летописи: «В лето 6930 поставиша церковь камену Воскресение Христово в Павлове монастыри на Павлове улицы в Великом Новеграде, на Торговой стороне, в Славенском конце, при великом князе Василии Дмитриевиче Московском и всеа Руси и при митрополите Фотее всеа Руси, и при владыце Феодосии новгородским наречением, а не свершением. А строители тое церкви каменные быша: князь Иван Иевлич, да степенной посадник Василий Есипович, да тысяцкой Козма Терентьевич. И тое церкви они, строители, передаша села вечно по себе, и по своих душах, и вечного ради поминовения родителей своих» (*Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, с. 104—105). Цитированное сообщение способно породить иллюзию того, что перечисленные строители жили в Славенском конце, что особенно касается «князя» Ивана Иевлича, поскольку упоминание посадника и тысяцкого может служить указанием лишь хронологического порядка. Между тем Иван Иевлич был жителем Загородского конца: в 1418 г. во время восстания был разгромлен его двор на Чудинцевой улице (НПЛ, с. 409). Сравнение приведенного текста с первоначальной редакцией Забелинской летописи разъясняет вопрос: «В лето 6931 совершены были в Великом Новгороде 3 церкви каменных: Воскресение Христово в Павлове монастыри и Воскресение Христово у Благовещения в монастыри, Иоанна Милостиваго в Людине конци» (*Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII в., с. 104). Последние две церкви связаны с «пруссским» боярством Софийской стороны, и сведения о строителях, очевидно, относятся к ним, будучи ошибочно связаны с другим храмом при очередном редактировании текста.
- ⁸³ ГВНиП, с. 292, № 292.
- ⁸⁴ НПК, т. 3, стб. 113, 118, 120, 121, 125, 138, 140, 151, 422, 539, 540, 542, 566, 568, 640, 670, 675, 763, 791, 793, 823, 825, 853, 856; т. 4, стб. 112; т. 5, стб. 21; т. 6, стб. 85, 88, 89, 223, 225—227, 618, 619.
- ⁸⁵ Там же, т. 5, стб. 21.
- ⁸⁶ ГВНиП, с. 304—305, № 314.
- ⁸⁷ НПК, т. 3, стб. 113, 120, 121, 125, 138, 140, 145, 146, 151, 796, 800, 801, 803—807, 809, 812—814, 823, 825.
- ⁸⁸ *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв.— В кн.: Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969, с. 288—290, Прилож., № 2; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967, с. 485—490.
- ⁸⁹ Писцовые книги Обонешской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930, с. 77—78, 85.
- ⁹⁰ *Корецкий В. И.* Новый документ о Великом Новгороде.— Советские архивы, 1967, № 1, с. 110; *Он же.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты, с. 289.
- ⁹¹ НПК, т. 3, стб. 191, 215—217, 244, 258, 270, 276, 278, 288, 297, 322; т. 5, стб. 57, 229.
- ⁹² Там же, т. 6, стб. 63, 65.

- ⁹³ НПЛ, с. 165, примеч.
- ⁹⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 34.
- ⁹⁵ ГВНиП, с. 292, № 292.
- ⁹⁶ Там же, с. 147, № 90; с. 293, № 294.
- ⁹⁷ ПСРЛ. СПб., 1841, т. 3, с. 134; М., 1965, т. 30, с. 192.
- ⁹⁸ Там же. СПб., 1841, т. 3, с. 234.
- ⁹⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., с. 78; *Корецкий В. И.* Новый документ о Великом Новгороде, с. 111.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23, с. 166.
- ¹⁰¹ ГВНиП, с. 249, № 227.
- ¹⁰² Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, с. 80—81.
- ¹⁰³ ГВНиП, с. 119—124, № 73 (1448 г.), с. 125—126, № 74 (1450 г.), с. 150—151, № 95 (1448—1454 гг.), с. 290—293, № 290, 291, 294 (до 1456 г.); Псковские летописи, вып. 1, с. 49 (1448 г.).
- ¹⁰⁴ НПК, т. 3, стб. 450, 603, 608, 630, 636, 797—799; т. 5, стб. 10, 11, 113, 114, 131.
- ¹⁰⁵ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг., с. 1—6. Или 115, 75 обжи (ср. там же, с. 147—151).
- ¹⁰⁶ Там же, с. 47—48, 246—247.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 126.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 138.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 250—251.
- ¹¹⁰ ГВНиП, с. 305, № 315.
- ¹¹¹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в., ч. 1.—Учен. зап. Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, Л., 1958, т. 138, с. 151; *Он же.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 159.
- ¹¹² НПЛ, с. 472.
- ¹¹³ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 379, 381.
- ¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, оп. 18, д. 88. Выражаю сердечную благодарность М. Е. Бычковой, обнаружившей этот документ и предоставившей его мне для издания.
- ¹¹⁵ ПСРЛ, т. 6, с. 200, 219; т. 8, с. 183, 197, 198; т. 25, с. 304, 309, 322.
- ¹¹⁶ ГВНиП, с. 130, № 77. Сведения о землях Ивана Кузмина см.: НПК, т. 1, стб. 385, 392, 394, 395; т. 3, стб. 186, 187, 209, 219, 221, 249, 250, 258, 260, 262, 266, 776, 777, 780; т. 4, стб. 27, 28; т. 5, стб. 2, 16, 17, 74, 108, 121, 125, 144, 148, 270, 272, 274, 301, 419, 422, 424; т. 6, стб. 72, 78, 281, 283, 284, 286, 287, 672, 680, 696.
- ¹¹⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950, с. 70, 155.
- ¹¹⁸ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 159, 213.
- ¹¹⁹ Там же, с. 288, 292, 381, 384—386, 388, 399, 400, 436, 486, 494, 505, 516, 523, 524, 530.
- ¹²⁰ Там же, с. 336, 514.
- ¹²¹ ПСРЛ, т. 6, с. 17, 200, 204; т. 25, с. 304, 307.
- ¹²² Там же, т. 6, 209—219; т. 25, с. 304, 306—307, 313—314, 316—317, 322; НПК, т. 2, стб. 638, 640; т. 3, стб. 278, 280—283, 291, 295, 296, 301, 311, 312, 320, 329, 332, 844; т. 4, стб. 10, 50, 115, 116, 118; т. 5, стб. 4, 16, 21, 25, 32, 33, 141, 301; т. 6, стб. 1071.
- ¹²³ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 339, 393.
- ¹²⁴ Там же, с. 339; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976, т. II, вып. 2, с. 248, 323, 341.
- ¹²⁵ НПЛ, с. 165.
- ¹²⁶ Там же, с. 343, 349, 350, 352, 359, 360, 362.
- ¹²⁷ Там же, с. 164, 322, 324—326, 456, 472.

- ¹²⁸ Там же, с. 81, 82, 164, 308, 309, 472.
- ¹²⁹ Там же, с. 35, 36, 38, 39, 45, 50, 164, 224, 226, 228, 230, 246.
- ¹³⁰ Там же, с. 50—54, 57—60, 63, 164, 247—249, 251, 253, 257—262, 267.
- ¹³¹ Там же, с. 54, 69, 70, 79, 164, 253, 276, 278, 297, 446, 452, 472.
- ¹³² ПСРЛ, т. 16, стб. 210.
- ¹³³ НПЛ, с. 87, 90, 164, 318, 321, 322, 455, 472.
- ¹³⁴ Там же, с. 81, 82, 164, 308, 309.
- ¹³⁵ Там же, с. 164, 472.
- ¹³⁶ О дате протографа посадничьих списков см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 14—43.
- ¹³⁷ НПЛ, с. 92—94, 164, 472.
- ¹³⁸ Там же, с. 413; ГВНиП, с. 99—100, № 60.
- ¹³⁹ НПЛ, с. 472; *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 258—259.
- ¹⁴⁰ ГВНиП, с. 109—112, № 66—67.
- ¹⁴¹ ПСРЛ, т. 16, стб. 211.
- ¹⁴² ГВНиП, с. 196—199, № 145—150.
- ¹⁴³ *Голубовский П. В.* Новые издания и исследования по древнейшему периоду русской истории.— Университетские известия, Киев, 1906, № 2, с. 8—9; ГВНиП, с. 198, № 148.
- ¹⁴⁴ ГВНиП, с. 198, № 148.
- ¹⁴⁵ НПЛ, с. 164, 346, 348, 356, 359, 360, 362, 472.
- ¹⁴⁶ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 182.
- ¹⁴⁷ НПЛ, с. 361, 362, 376, 385, 461, 472.
- ¹⁴⁸ ГВНиП, с. 27, № 14; с. 142, № 85.
- ¹⁴⁹ НПЛ, с. 475; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 139—140.
- ¹⁵⁰ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 214—215, 218—219, 222—223, 236—237, 242—243; *Хорошев А. С.* Боярское строительство в новгородском Аркаже монастыре.
- ¹⁵¹ «Богдан Обакунович, сын его Григорий» (НПЛ, с. 472).
- ¹⁵² *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород, с. 217—221.
- ¹⁵³ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 202.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
СВОЕЗЕМЦЕВ

1. Род своеземцев
с новгородской улицы Рогатицы

Более ста лет тому назад была впервые издана рядная грамота Федора Онкифовича с Матфеем Ивановичем, которая странным образом не привлекла со стороны исследователей того внимания, какого она заслуживает в связи с историей землевладения последнего периода самостоятельности Новгорода. Это невнимание сказалось даже в датировке документа, только суммарно относимого к XV в., а также в неверной трактовке одного из содержащихся в нем имен, которое — будь оно воспринято правильно — дает нужное толкование запечатленному в грамоте процессу движения земельной собственности. Документ сохранился в пергаменном подлиннике, правда, уже утратившем печать, и его оригинальность, следовательно, избавляет комментатора от сомнений, неизбежных при работе с поздним списком¹.

Рассмотрим последовательно информацию, содержащуюся в этой рядной.

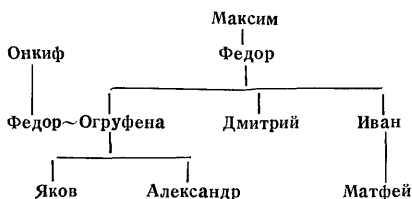
«Се рядил рядом Федор Онкифович и его жена Огруфена и их дете Яков и Олександр с Матфеем с Ивановичем про землю Федора Максимовича [и] про дядевщину про Дмитриевщину: опосля Федорова живота и Огруфенина отца, Матфеева деда, Федору Онкифовичю и его жене Огруфени и их детем Якову и Олександру выделить Матфею Иванову шестая часть изо всеи земле ис Федорове очине и дядевщине Дмитриевщини, из болшого двора из Хохульского и малых селець, из Деревеньской земле из болшого двора и малых селець, ис полевой земле и из лешей. И Федор Онкифовичь и его жена Огруфена, их дети Яков и Олександр даша Матфею Иванови за все ти земле, Федора Максимовичя отцину и за дядю Федорова за Дмитриевево отцину, за

болшей двор за Хохульской и малые селца, и за Деревьскую землю, и за болшей двор, и за малые селца, и за полевую землю, и за лешую землю даша Матфею Ивановичю за ты за вси земле, где ни есть Федора Максимоичя отцина и земля дяди Федорова Дмитриева отцина, опрочи Защижья и Хомутка, даша Матфею Феютиньское село и Кеиковьское село, а tych сел полевый земле, и леший, и ловища, и хмелища, и бортища...»

Начальная часть документа вводит в существо рядной. Разберемся сначала в родственных связях упомянутых в ней лиц. С одной стороны в рядной выступает семья Федора Онкифовича, который женат на Огруфене и имеет от нее двоих сыновей — Якова и Александра. С другой — Матфей Иванович, внук Федора Максимоича. У Матфея Ивановича был еще дядя, которого издатели грамоты называют Федором Дмитриевичем. Между тем, если отца Матфея звали Иваном Федоровичем, значит и его дядя был Федоровичем. В самом деле, этот дядя всякий раз фигурирует в однородном контексте «Федорова Дмитриева отцина», позволяющем прочесть его имя и иначе — Дмитрий Федорович. Поскольку жена Федора Онкифовича Огруфена была дочерью того же Федора Максимоича, она, таким образом, приходится родной сестрой Дмитрию и Ивану Федоровичам и теткой Матфею Ивановичу (возможен альтернативный вариант, который требует дополнительных доказательств: Матфей Иванович мог быть внуком Федора Максимоича по матери, не известной нам по имени, на которой был женат его отец Иван).

Вся эта система взаимоотношений может быть выражена в генеалогической таблице (схема 29).

СХЕМА 29

Коль скоро составление рядной вызвано смертью Федора Максимоича («опосля Федорова живота»), но одним из объектов рядной оказывается и наследство его сына Дмитрия Федоровича («Дмитриевщина»), то надо

полагать, что Федор Максимович пережил своего сына Дмитрия и «Дмитриевщина» вернулась в отчину. Заметим также, что к моменту составления документа уже не было в живых и еще одного сына Федора Максимо- вича — Ивана, поскольку договор заключается не с ним, а с Матфеем Ивановичем.

Смерть Федора Максимовича поставила вопрос о судьбе его отчины (как и о судьбе «Дмитриевщины»). Из этого наследства Матфею Ивановичу причитается шестая часть («опрочи Защижья и Хомутка»). Рядная и выделяет эту часть, назначая Матфею «Фенютинское село и Кеиковское село». За Огруфеной и Федором Он- кифовичем остаются большой Хохульский двор и малые сельца, а также большой двор в Деревской земле и ма- лые сельца там же.

Попытаемся прежде всего локализовать владения, перешедшие к Матфею Ивановичу. Переписная оброч- ная книга Деревской пятины, составленная около 1495 г., знает в Сытинском погосте, на восточном берегу Ильменя, своеземца Матюка Иванова, владевшего сле- дующими деревнями:

«Д. Кийков: дв. Степанко Нестерков, дв. Ивашко Онаньин, сын его Ивашко ж, сеют ржи пол-6 коробьи, а сена косят пол-40 копен, 2 обжы. Д. Панино: дв. Грид- ка Парфенов, дв. Фомка Михалев, сеют ржи 4 коробьи, а сена косят 20 копен, пол-2 обжы.

А в вопчей деревне в Заполье, на Матюкове четвер- ти: дв. сам Матюк, сеет ржи 7 коробей, а сена косит 100 копен, 2 обжы; а тринадцать жеребьев в той деревне великого князя, что была владычня. Д. Ушаково пуста; писана была обжею, а земли под нею на пол-обжы. Д. Фенютино пуста; писана была 2 обжами, а земли под нею на обжу.

А по старому писму четыре деревни; а дворов в них и с теми, что в вопчей деревне, семь; а людей десять че- ловек, а обож семь. И убыло два двора, а людей четыре человека.

А по новому писму четыре деревни и с пустыми две- ма деревнями; а дворов в них и с тем, что в вопчей де- ревне, пять; а людей в них шесть человек, а обож семь, а сохи две с третью»².

Как видим, обе определенные рядной Матфею Ива- новичу (Матюку Иванову) деревни — Кийков и Феню- тино — действительно перешли к нему, но, кроме них,

Матфей владеет здесь же и другими деревнями. В Кийкове и Фенютине старое письмо числит за Матфеем 4 обжи, тогда как всего у Матфея имеется 7 обож. Учитывая отраженный писцовой книгой процесс запустения этих владений, надо полагать, что остальные земли Матфея не приобретены им после составления рядной, а в более раннее время унаследованы от отца — Ивана Федоровича (в состав его отчины входят, таким образом, деревни Панино, Ушаково и четверть Заполья). Само по себе наличие в этом массиве уже существовавших ранее владений Матфея, по-видимому, и было причиной выделения ему доли в рассматриваемой рядной именно в указанном массиве. Поскольку Матфей по рядной получает 4 обжи, а его доля составляет шестую часть наследства, общий объем последнего, распределяемого рядной, следует исчислять в 24 обжи (остальные 20 обож — за Огруфеной с мужем).

Следующий далее текст рядной определяет границы выделенных Матфеем владений:

«А обод той земле Матфеевы от Микитиных детей земле межи по Велткасьи реки вниз до Клементиевых детей межи до Босоволковых, и з Велткасьи реки по березовую границу от Овинцева села, от Федорове земле, и з березовой границы на каменую границу, с каменной границы в грановитую и березовую границу, и з березовой границы (на березовую границу, з березовой границы) ³ на вязовую границу, с вязовой границы на орелеи дуб межи бортеи и вязовой границы, с вязовой границы к двумя бортемь, а две борте в Федорову половину, а ото дву бортеи въ еловую границу, изъ еловой границы в каменую границу, с каменной границы да в улицю межи поль через лющик на осиновую границу, с осиновой границы на березовую границу, на дубовую границу, з дубовой границы на осиновую границу, с осиновой границы на еловую границу, с еловой границы на березовую границу, с березовой границы дрянъ к мостку, а от мостку дрянъ к Микитина сына межи, по делной грамоте по Федорове и по Митине, в клен с клена по брод, от броду вверх по Хохули реки до Микитиных детей межи...»

Описание межи Матфеевых владений называет некоторых соседей Матфея, среди которых упомянут сам Федор Онкифович («от Овинцева села, от Федорове земле», «а две борте в Федорову половину»), по также Кле-

ментьевы дети Босоволковы, Микитины дети и отдельно Микитин сын; с отцом последнего (Митин=Микитин) Федор Максимович в свое время составлял дельную грамоту. Уже цитированная переписная книга называет среди своеземцев Сытинского погоста Олешку и Куземку Микитиных. Среди Олешкиных владений были дворы в «вопчей» деревне Хохол на реке Хохули⁴, где рядная обозначает межу Микитиных детей. Что касается Клементьевых детей Босоволковых, то писцовая книга знает в Сытинском погосте владения сведенных детей Климентия Босоволкова — Кирилки (деревня Радол), Митрофана (деревня Радол) и Июдки (деревня Грива)⁵.

Продолжим цитирование рядной:

«А на болотах в пожнях даше Федор Матфею и его жена Огруфена в Максимове жару треть; а в иныи болота и в пожне Матфею не вступатся в Федорове и в Огруфенины [и] их детей, и Федору и Огруфены [и] их детем в Максимов жар не вступатся. А перевесища и котцища, а то им вопци. А ведати Матфею своя шестая часть, володети Матфею Ивановичю тою шестою частью, тыми селы Фенютины и Кеиковы, тых сел полевыми земли и лешими, и хмелищами, и ловищами, и бортищами в том ободе, по Дмитрееву рукописанью, и по Максиму рукописанью, и по Онкифорову рукописанью, и по старым грамотам, и по рядным, и по делным. А дал Федор Матфею в Максимове жару треть пожен в болоте, володети Матфею по деда своего володеныю и по Федорову...»

Здесь требует обсуждения вопрос, почему на болотах в пожнях Матфею выделена не шестая часть, а треть. Матфей является юридическим наследником только своего дяди Дмитрия; единственной прямой наследницей Федора Максимовича была его дочь Огруфена. «Дмитриевщина», вернувшаяся после смерти Дмитрия Федоровича в отчину, как это очевидно, составляла треть отчины, из нее половина (т. е. именно шестая часть отчины) полагалась Огруфене, другая же половина — Матфею. Между тем трехкратное упоминание «Максимова жара» (а не «Дмитриева жара») можно толковать лишь однозначно: Дмитриев жар полностью перешел к Огруфене и Федору Онкифовичу, а Матфей компенсировался повышенной долей из Максимова жара. Другое трудное место — «Онкифорово рукописанье». Решительно не допускаю, что здесь подразумевается отец Федора Онки-

фовича (Иакинфовича), который, естественно, не мог иметь никакого отношения к распределяемому наследству родственников своей невестки. «Онкифор» (Онцифор, Онисифор) — еще один родственник Матфея Ивановича. Вернемся к нему ниже.

«А еще даше Федор и его жена Огруфена и дети Матфею Ивановичю на Вешере село Навещалци свои две части, и пожне, и лес того села, и котел пивной, да двое платья — за Федоров живот и за Еремеев; что ни есть Федорова живота и Еремеева, а то Федору и его жене и его детемь Якову и Олександру все без вывета...»

Как видим, в составе распределяемого наследства была также доля некоего Еремея, еще одного родственника Матфея Ивановича, владения этого Еремея в свое время перешли к Федору Максимовичу, оставаясь юридически обособленными. Огруфена с Федором Онкифовичем после смерти Федора Максимовича унаследовали в Навещалцах на Вешере две части — Федорову и Еремееву, но передают их Матфею Ивановичу, оставляя за собой все остальное наследство Федора и Еремея. Равенство Федоровой и Еремеевой частей может свидетельствовать о том, что они были родными братьями, или о том, что Еремей был дедом Огруфены по матери, т. е. тестем Федора Максимовича.

«А не вступатся Матфею в Федоровы и в Огруфенины и их детей в Яколи и в Олександровы села на Хохули, в болшей двор и во околныи села, в Лодыгино село, и в Березнек, и Овинчево село, и в Зарецьи, ни за Хохулеи, и на Студеньски село, и Фомкино село, и Пепелниково село, и Падишино село, и половина Тылова села, и Ушаково село по реку; в Деревях на Ксоци болшей двор, и околныи села в Залядиньи, и на Руке, и на Горке, и на Новенке, где ни есть в Ксочском погосте; а то Федору и его жене и его детем, а в тось Матфею не вступатся. А володети Федору и его жене Огруфене и их детем Якову и Олександру по Федорову рукописанью, а по Максимову рукописанью, и по Дмитрееву рукописанью, и по Онкифову рукописанью, и по старым грамотам и по делным. А коли понадобятся Матфею Федорово рукописанье, и Максимово рукописанье, и Дмитреєво рукописанье, и старьи грамоте рядныи и делныи, ино Федору Онкифовичю положити на говорку и на суд по правому слову, кое у него [...]»⁶.

В подробном исчислении унаследованной от Федора Максимовича доли Огруфены и Федора Онкифовича названы два земельных массива, расположенных в разных, далеко отстоящих один от другого районах Деревской пятины.

Первый массив находится в Сытинском погосте, на восточном берегу Ильменя. Писцовая книга знает здесь ряд деревень Федора Онкифова (которые все после новгородского «вывода» были отданы Иваном III в поместье Гавриле Салареву) и прежде всего деревню Хохол, в которой в конце XV в. находился двор самого Гаврилы Саларева, «а в нем дворник его Филка». Вряд ли возможно сомневаться, что это и есть бывший «большой двор на Хохули» Федора Онкифовича. В Хохле Федору Онкифовичу принадлежала половина деревни, другая ее половина была владением Федора Фатьяновича Дервяжкина.

Кроме Хохла, писцовая книга здесь же перечисляет другие деревни Федора Онкифовича: Лодыгино, Ушаково, Овинцево, Студенец, Фомкино, Падишино, Новинка, Пепелниково. Поскольку среди деревень Сытинского погоста нет ни Заречья, ни села «за Хохулей», то полагаю, что эти термины в рядной служат гидронимическими членениями земельного массива, а не обозначением населенных пунктов. Любопытно, что деревни Падишино, Новинка и Пепелниково имеют в писцовой книге пояснение: «дохода нет, село ново», что отражено и в общем итоге: «и прибыло две деревни да починок»⁷. Как видим, рядная была составлена после старого письма, коль скоро «новые села» Падишино и Пепелниково уже фигурируют в ней. По старому письму объем владений Федора Онкифовича в Сытинском погосте исчисляется в семь деревень, «а дворов в них одиннадцать, а людей в них одиннадцать, а обож десять». Сравним список рядной со списком писцовой книги:

Рядная	Писцовая книга
Хохуль	Хохол — 2 двора, 2 человека, 2 обжи
Лодыгино	Лодыгино — 2 двора, 2 человека, 2 обжи
Березнек	
Овинчево	Овинцево — 2 двора, 2 человека, 2 обжи
Студеньски	Студенец — 1 двор, 1 человек, 1 обжа
Фомкино	Фомкино — 2 двора, 2 человека, 1 обжа
Пепелниково	Пепелниково — «село ново»
Падишино	Падишино — «село ново»
Половина Тылова	
Ушаково	Ушаково — 1 двор, 2 человека, 1 обжа

Сложение цифр второго столбца дает следующий результат: 6 деревень, 10 дворов, 11 человек, 9 обож. Очевидно, что в писцовой книге пропущена одна деревня с одним двором и одной обжой. Такой деревней не мог быть Березнек, который и по старому, и по новому письму включал два двора, двух человек и две обжи, но по писцовой книге числится за своеземцем Алексейкой Вьюковым, поповым сыном⁸. Эта деревня, следовательно, еще до «вывода» ушла из владений Федора Онкифовича. Полагаю, что речь может идти о вообще пропущенной в писцовой книге половине деревни Тылова. Если это так, то первоначальный объем владений, полученных Огруфеной и Федором Онкифовичем в Сытинском погосте (учитывая и деревню Березнек), равен 12 обжам.

Выше я предположил, что общий объем распределяемого по рядной наследства равен 24 обжам и что из них на долю Огруфены с мужем досталось 20 обож. Следовательно, во втором массиве им должно принадлежать по той же рядной еще 8 обож. Проверим это предположение. Рядная называет следующие деревни «в Деревях на Ксоци», т. е. в Оксочском погосте Деревской пятины, на реке Волме: «на Ксоци болшей двор, а околныи села в Залядиныи, и на Руке, и на Горке, и на Новенке, где ни есть в Ксочском погосте». Писцовая книга все эти пункты знает и числит именно за Федором Онкифовичем; после «вывода» они стали принадлежать Михаилу Дмитриевичу Корсакову. Первым в ней называется «сельцо Заскочы: а в нем дв. Михалев, а в нем сам живет» (1 обжа). Очевидно, что это и есть бывший «большой двор на Ксоци». Затем следуют Залядинье (3 обжи), Лука (2 обжи), Горушка (1 обжа), Новинка (1 обжа)⁹. Сложив эти цифры, мы действительно получаем 8 обож.

Однако перечисленными пунктами не исчерпываются владения Федора Онкифовича в Оксочском погосте. Кроме показанных в рядной, писцовая книга называет еще следующие деревни: Городище, Городище ж, Лука ж, Заполие, Зачерение, Новина, Туромчи, Горушка ж. Сверх того в самом Оксочском погосте на Федоровом жеребье был непахотный двор, в котором жил церковный сторож. Помимо исчисленных 8 обож эти деревни оцениваются по старому письму еще в 13 обож¹⁰.

Очевидно, что мы имеем дело в этом случае со старым земельным владением Федора Онкифовича, кото-

рое могло быть его собственной отчиной или перейти к нему по брачному контракту как приданое за Огруфеной. При выяснении этого обстоятельства имеются определенные сложности, суть которых состоит в следующем.

Федор Онкифович, кроме перечисленных земель в Оксочском погосте, владел еще землями в соседнем Усть-Волмском погосте. В соответствующем описании он называется Федором Онкифовичем Немым. Поскольку это прозвище отсутствует в текстах писцовых описаний по Сытинскому и Усть-Волмскому погостам, можно было бы сомневаться в идентификации Федора Онкифовича Немого с уже известным нам Федором Онкифовичем. Однако писцовые книги знают и сына Федора Немого — Якова Немого¹¹, а это дает совпадение уже в трех поколениях, делая идентификацию несомненной.

В Усть-Волмском погосте Федору Онкифовичу принадлежат бездоходная деревня Городок и три жеребья в «вопчей» деревне Усть-Волме (3 обжи)¹². Четвертым жеребьем в ней владел Васюк Ондrejaнович Онкифов, который, кроме того, был владельцем деревень Савино и Олхово в Усть-Волмском погосте и деревни Сухлово в Оксочском погосте¹³. Писцовые книги знают и братьев Васюка Ондrejaновича — Исака, Петрушу, Костю, Степанка и Елизарца. Сам Васюк и Исак были сведены Иваном III, остальные братья сохранили свои небольшие владения и числятся в писцовой книге своеземцами¹⁴. Плотное соседство Федора Онкифовича с сыновьями Ондrejaна Онкифовича и даже наличие жеребьев и того, и других в «вопчей» деревне, казалось бы, говорит о том, что Федор и Ондrejaн Онкифовичи были родными братьями, а те деревни Оксочского и Усть-Волмского погостов, которыми Федор Онкифович владел еще до смерти Федора Максимовича, составляли его собственную отчину. Однако «Онкифорово рукописание» фигурирует в числе документов, регулирующих и права Матфея Ивановича, к чему отец Федора Онкифовича не мог иметь никакого отношения. Полагаю по этой причине, что указанные деревни как принадлежащие Федору Максимовичу и его роду были получены Федором Онкифовичем в качестве приданого за Огруфеной, а до того они были разделены между Федором Максимовичем и Онкифом по дельным грамотам, что и отразилось в ряд-

ной. В таком случае загадочный Онкиф (отец Ондreja-на) мог быть дядей Федора Максимовича.

«А что двор на Рогатицы Яколь, а той двор Матфею по Федорову рукописанью...»

В цитированной фразе рядной появляется новое имя — некоего Якова. Этот Яков жил в Новгороде на улице Рогатице, двором его затем владел Федор Максимович, завещавший указанную усадьбу не Огруфене, а Матфею Ивановичу. Мы уже убедились в том, что рассматриваемая здесь рядная была составлена после старого письма, и поэтому должны искать Якова среди жителей Рогатицы середины или первой половины XV в. В этой связи несомненный интерес представляет купчая грамота Никольского Островского монастыря у Карпа Васильева на двор с хоромами на Рогатице, датируемая серединой XV в.¹⁵ В этом документе, в частности, упоминается «Марья Окинфова жена», но важнее для нас сейчас упоминание среди послухов — жителей «великой улицы Рогатицы» — некоего Максима Яковля. Если Федор Максимович владел двором Якова, не был ли Максим Яковль отцом Федора, а Яков — его дедом?

«А стояти им за тыи земле за Федоровщину и за Дметреевщину кунами и людми с одинаго, Матфею класти своя шестая часть кун. А потом не вступатся Матфею в Федорову землю и в двор в городи въ Еремеев, ни в землю, ни в живот въ Еремеев, ни на Шолони в болшей двор, ни в малыи селца, ни в Ублаз, ни на Солоници, ни на Мелници, ни на Грохотове, ни на Крупци, ни на Подубровьи, ни в Дорогоспици, ни на Короцини, ни на Пшаги в большем дворе, ни в Васильевых седеньи, ни на Прудисах, по купным грамотам по Федоровым, что купил Федор у Кузме и у Матфея, и по даным, за Русои на Полесте, и двор на Рогатици Еремеев, где ни есть Еремееве земле и пожни; а в то Матфею не вступатся, ни в ыное ни во что же, ни иного ничего же не надобе Матфею до Федора, ни до его жене Огруфене, ни их детем не надобе до Матфея вступатся в Матфееву шестую часть, что дали Фенютино село и Кеиково село, не надобе им вступатся за межю, ни в ыное ни во что ж. А Матфею не надобе вступатся на тыи межи в тых земле, ни в села в Федоровы, ни в Огруфенины, ни их детей въ Якови и в Олександровы, которые села в сеи рядной грамоте имени лежать, а в то ся Матфею не вступатся...»

Рассматриваемая часть рядной грамоты снова называет Еремея и подробно описывает массив его владений, перешедший в руки Федора Онкифовича и Огруфены. Отметим прежде всего несколько важных обстоятельств. Поскольку по смерти Федора Максимовича остались лишь два городских двора (оба на Рогатице) — Яковлев и Еремеев, но Яковлев, принадлежавший, по высказанному выше предположению, деду, затем отцу и, наконец, самому Федору Максимовичу, завещан не дочери, а внуку Федора Максимовича, т. е. единственному наследнику по мужской линии, можно догадываться, что унаследованный Федором Онкифовичем и Огруфеной Еремеев городской двор был частью имущества жены Федора Максимовича, т. е. матери Огруфены. Выше уже высказано предположение о том, что Еремей был тестем Федора Максимовича. На юридическую обособленность «Еремеевых владений» указывает тот факт, что Матфею Ивановичу не принадлежит в них никакой доли. Его шестая часть исчисляется только от отчины самого Федора Максимовича, расположенной в Сытинском и Оксочском погостах. И в то же время какие-то — пусть эфемерные — права на часть еремеева наследства Матфей может заявить, коль скоро рядная специально оговаривает отсутствие этих прав и даже определяет размер символического откупного («село Навещалци свои две части, и пожне, и лес того села, и котел пивной, да двое платья — за Федоров живот и за Еремеев»). Так могло случиться только при условии, что еремеево имущество, перешедшее к его дочери (не известной нам по имени жене Федора Максимовича) как приданое, в таком же качестве наследуется дочерью Федора Максимовича. Не исключено, что братья Огруфены были рождены Федором Максимовичем в другом браке.

Как видно из описания еремеевых земель, они расположены в Шелонской пятине, на самой Шелони, в том числе в ее низовьях (река Пшага — левый приток Шелони в ее нижнем течении). Именно здесь писцовые книги знают и земли Федора Онкифовича Немого, которые на Шелони группируются в два массива. Первый — в Илеменском погосте, где деревни Корчман, Дорогостицы (ср. Дорогоспицы рядной с Дорогостицами современной карты) и Заклинец оценивались в 7 обож¹⁶. Другой массив — в Струпинском погосте, описание которого практически не сохранилось, но Переч-

невая книга числит здесь за Федором Немым 15 обож¹⁷. Замечу, что к Струпинскому погосту относилась Пшага, а в пределах его территории современные карты знают деревню Солоницко (ср. с Солоницей рядной). Можно не сомневаться, что основное число деревень, обозначенных в рядной как «Еремеевы земли», локализуется в указанном районе, достаточно обширном. Писцовая книга знает также деревню Загорье, принадлежавшую Якову Федоровичу Немому в Порховском окологородье¹⁸, т. е. на той же Шелони.

Добавлю к этому, что река Вешера (не путать с известной Вишерой!) протекает на территории Илеменского погоста¹⁹, а ведь именно на Вешере находилась деревня Навещалци, в которой Федор Онкифович выделял жеребьи Матфею Ивановичу.

Не вполне ясно, какого Федора (и применительно к каким пунктам) купчие грамоты имеются в виду в рядной. Не исключено, что земли по купчим приобретал здесь Федор Максимович. В таком случае находит объяснение и та компенсация «за Федоров живот и за Еремеев», которая выплачивается Матфею Ивановичу на Шелони. Что касается земли, полученной по данным грамотам за Русой на Полисти, то писцовая книга именно на Полисти, в Околорусье, знает деревню Коровино (2 обжи), принадлежавшую Федору Онкифовичу Немому²⁰.

«А сеи рядной грамоте Матфею на помощь своей братьи не положить Кузме и Григорью...»

Вряд ли существуют основания предполагать в Кузме и Григории родных братьев Матфея Ивановича или каких-то его ближайших родственников, иначе они имели бы и соответствующую долю в разделе наследуемого имущества. Поскольку речь здесь идет о возможном покровительстве, думаю, что подразумеваются влиятельные должностные лица.

«А что была приговорная грамота Матфею с дедом с Федором и з зятем Федором, а тую грамоту подраша...»

Очевидно, что новая рядная отменяет прежний документ, составленный еще при жизни Федора Максимовича и содержащий принципиальную договоренность о долях раздела имущества после смерти Федора Максимовича.

«А что отоиму на болоте у Матфея в Максимове жару в Матфееве трети, ино Федору наплатить по своим

пятым частем тым же болотом; а отоиму у Федоре в болоте в Максимовых полосах, ино Матфею наплатити по своей шестой части тым же жаром...»

Смысл приведенного места достаточно ясен. Слово «жар» в употребленном здесь значении отсутствует в словарях, как древнего, так и живого языка, но оно может означать только пожню на болоте. В том же значении оно употреблено еще в одной грамоте конца XIV в.²¹ В. И. Даль приводит синоним слова «клюк-ва» — «жаровика», «жеревика», очевидно, производного от «жар»²². Поэтому неправ Л. А. Дмитриев, переводящий это слово как «пашня под паром»²³, равно как неправоммерно предложенное в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» толкование: «участок леса, выжженный под пашню»²⁴. Слово «отоим» также неизвестно, но Даль дает иную форму того же понятия: «отъемок» — отрезанная рекой часть берега, отмыв, отмой, оторва²⁵. Выделение болотных пожен, площадь которых зависит от степени влажности почвы, разной в дождливые и засушливые годы, должно было всякий раз корректироваться в зависимости от конкретных погодных условий.

«А на то рядци: с Федорове половине тысяцкой новгородчкои Павел Лукиничь, да Василеи Ондrejaнович, Олексе Лукиничь, Борис Микифоровичь; а с Матфеее половине Иван Олександровичь, Лутьян Левонтиевич. А хто сеи ряд поруши, и он дасть князю и владыци гревну золота, а виноватыи правому другую гревну золота».

Состав свидетелей может служить для социальной характеристики участников рядной. Они не принадлежат к боярству, поскольку список свидетелей возглавлен не посадничьим именем, а именем тысяцкого, представлявшего в системе новгородского управления интересы житых, купечества и черных людей в целом. Тысяцкий Павел Лукинич известен в других источниках как Павел Телятев. В рассказе Московского свода конца XV в. и Воскресенской летописи о Шелонском взятии 1471 г. он ошибочно назван посадником²⁶. В 1475 г. как тысяцкий он участвует во встрече Ивана III во время его «мирного похода» на Новгород²⁷. Тысяцким был и его брат Федор Лукинич Телятев, также принимавший участие во встрече 1475 г.²⁸ К моменту «вывода» Павел Телятев умер, поскольку в писцовых книгах фигурирует уже не он, а его сын Матфей Павлович Телятев. Показательно,

что ни один из рядцов, кроме Павла Лукинича, бывшего боярином, во встрече 1475 г. не участвовал, что само по себе подтверждает их небоярское состояние.

Выше было замечено, что рядная Федора Онкифовича несколько моложе старого письма. В то же время она, несомненно, относится еще ко времени новгородской независимости, поскольку в ней упомянут новгородский тысяцкий, а гарантом сделки названы князь и владыка в полном соответствии с порядком оформления земельных актов XV в. до инкорпорации Новгорода в состав Московского государства. Из этого наблюдения можно было бы сделать вывод о составлении старого письма еще в республиканское время. Однако хорошо известно, что старое письмо во многих случаях уже не фиксирует не доживших до «вывода» вотчинников, числа их земли за их наследниками, хотя сами эти вотчинники в 1478 г. еще были живы. По-видимому, старое письмо следует характеризовать как комплекс кадастровых документов, основу которого составляли фискальные списки еще республиканского времени. Этот комплекс не был результатом единовременной переписи, а находился в движении, корректируясь изменением обстоятельств, связанных с состоянием вотчин и их владельцев. На протяжении всех 80-х годов и части 90-х годов XV в. в Новгороде производятся многократные конфискации, «вывод» был многоступенчатым, как и раздача в поместье конфискованных земель, что исключало саму возможность единовременной переписи, которая была впервые проведена в середине — второй половине 90-х годов, когда была достигнута определенная стабильность.

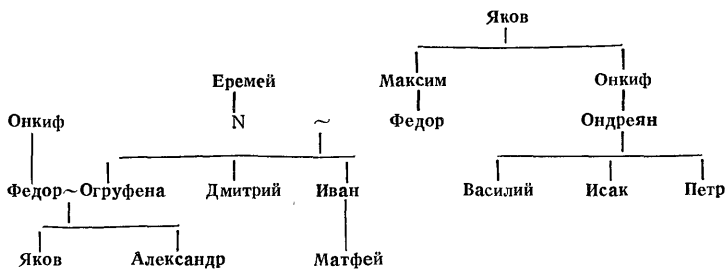
Летописи, по-видимому, знают еще одного человека из числа свидетелей рассматриваемой рядной. В рассказе о «мирном походе» Ивана III в 1475 г. на участке движения великого князя в районе Волмы описываются следующие его стоянки. 14 ноября Иван III был в Ожегах на Хориве (Софийская II летопись дает разночтение: «на Хирове»). Деревня Ожегово числится в Неретцком погосте, земли которого располагались у северного берега Валдайского озера²⁹. 15 ноября Иван III был встречен новгородцами на Волме. Река Волма, левый приток Мсты, впадающий в ее среднем течении, протекает в 50 верстах от Неретцкого погоста. 16 ноября великий князь был «в Васильеве селе Волмановского», 17 ноября — «на Усть Волны во Влуком». Очевидно, что, если конеч-

ным пунктом движения по Волме было ее устье, остановки 15 и 16 ноября сделаны в каких-то пунктах ее, по крайней мере среднего и нижнего течения.

Из вотчинников Василиев, связанных землевладением с Волмой, только один может быть идентифицирован с летописным Василием Волмановским. Для такого отождествления он должен отвечать одному условию: владеть участками в самом центре погоста Усть-Волме, что и определяет его прозвище, и на средней Волме. Только Василий Ондrejaнович (Васюк Ондrejaнович Онкифов писцовых книг) владеет одновременно жеребьем в Усть-Волме и деревней Сухлово в Оксочском погосте на средней Волме. Но он не принадлежит к боярству, поскольку не участвует в официальных встречах с великим князем.

Подводя итог рассмотренным фактам, мы можем расширить приведенную выше генеалогическую таблицу (схема 30).

СХЕМА 30

Мы не рассмотрели, однако, еще одно обстоятельство. В разделе оставшегося после смерти Федора Максимова имущества исчисление доли Матфея Ивановича ведется по всему комплексу отчины Федора Максимова, «опрочи Защижья и Хомутка». Земли в Защижье и в Хомутке не фигурируют и в той доле, которая остается за Огруфеной и Федором Онкифовичем. Почему не упомянуты эти земли?

Местность Защижье находится на крайнем востоке Помостья, в Бежецкой пятине, на реке Сорогоже, левом притоке Мологи. Там же известен и починок Хомутница³⁰. Среди землевладельцев этой территории действительно нет ни Матфея Ивановича, ни Федора Онкифовича. Однако в целом состав тамошних землевладельцев в

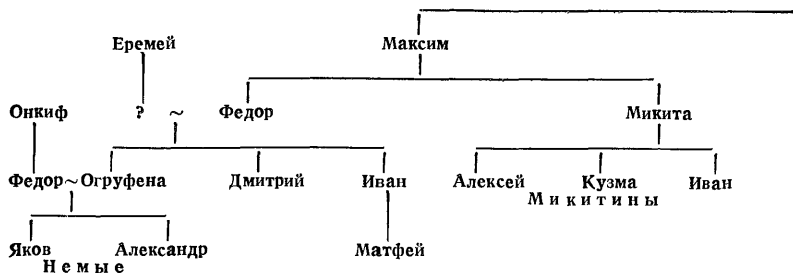
высшей степени любопытен. Прежде всего мы обнаруживаем здесь своеземцев Олешку, Куземку и Ивашку Митиных детей. С Олешкой и Куземкой Микитиными мы уже знакомы как с соседями Федора Онкифовича и Матфея Ивановича по Сытинскому погосту. Здесь они называются «Митиными», однако такое же разночтение известно нам и по рядной («а от мостку дрянь к Микитина сына межи, по делной грамоте по Федорове и по Митине»). Никаких других владений этих лиц, кроме описанных в Сытинском погосте и в Защижье, писцовые книги не отмечают. И это их двойное соприкосновение перестает удивлять, когда в писцовой книге Бежецкой пятины мы прочтем: «В Сорогошине ж в Защижье в Покровском погосте деревни Олешковы да Куземкины да Ивашковы Митиных детей Максимова своеземцев»³¹.

Таким образом восстанавливается еще одно звено потомков Максима Яковлевича. У Максима было два сына — Федор и Микита, а у детей Федора Максимовича — двоюродные братья, сыновья Микиты Максимовича: Олексей, Кузма и Иван. Зная размер их владений, мы можем реконструировать историю земельного наследования отчины Максима. В Сытинском погосте Микитины владели в общей сложности 11 обжами, а в Защижье — 11,5 обжи. Следовательно, их отцу Миките принадлежали 22,5 обжи. К потомкам Федора Максимовича перешли следующие надель. По рядной в Сытинском и Оксочском погостах Огруфена и ее муж Федор Онкифович получают 20 обож, а Матфей Иванович — 4 обжи. Кроме того, Федором Онкифовичем в Оксочском и Усть-Волмском погостах получено было ранее в приданое 16 обож, а Матфей Иванович унаследовал от отца 3 обжи, что в сумме составит 43 обжи. Сложение итоговых цифр определяет размер отчины Максима в 65,5 обжи. Иными словами, одному из сыновей (несомненно, старшему) Максим завещал две трети своей отчины, а другому — только треть. Некоторая неточность исчисления третей и была, по-видимому, причиной передачи какого-то участка земли в Защижье и в Хомутке в более позднее время детям Микиты.

Однако этим выводом не исчерпываются наблюдения над составом землевладельцев Защижья. Среди них обнаруживаются еще две семьи, демонстрирующие точно такое же соприкосновение с семьей Федора Максимовича. Первая из них — Босоволковы.

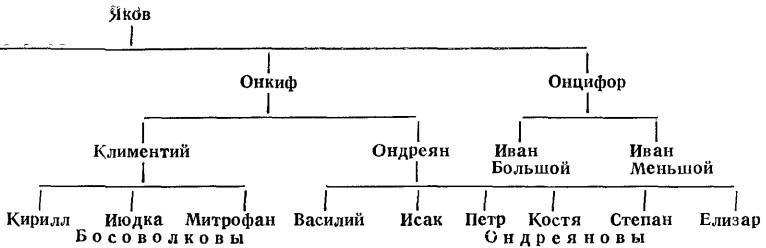
Писцовая книга Бежецкой пятины знает в Защижье деревни Кирилла и Иуды Клементьевых детей Босоволковых, общий объем землевладения которых исчисляется здесь в 38 обеж³². Но Босоволковы оказываются владельцами деревень еще в двух погостах Новгородской земли: в Сытинском, где им принадлежит 4 обжи³³, и в Оксочском, где они владеют 4 обжами³⁴. В Сытинском погосте совладельцем Кирилла был еще один его брат — Митрофан. Никаких других владений Босоволковых писцовые книги не знают, и отмеченный факт соприкосновения этой семьи с семьей Федора Максимовича тем более показателен, что в Новгородской земле на территории ее пятин существовало 358 погостов³⁵, однако волости и той, и другой семьи расположены всякий раз бок о бок в трех далеко друг от друга находящихся погостах. Сложение приведенных цифр реконструирует объем владения Клементия, выражающийся в 46 обжах.

Эту цифру хочется сравнить с объемом владений Ондrejaна Онкифовича, постоянного соседа Федора Максимовича по Оксочскому и Усть-Волмскому погостам. Напомню, что в Ондrejaне Онкифовиче я предположил двоюродного брата Федора Максимовича. У детей Ондrejaна Онкифовича числилось: за Исаком — 2 обжи (в Оксочском погосте), у Василия — 3 обжи (1 в Оксочском, 2 в Усть-Волмском погостах), у Петруши — 1 обжа (в Оксочском погосте), у Кости — 4 обжи (2 в Оксочском, 2 в Усть-Волмском погостах), у Степанка — 6 обеж (4 в Оксочском, 2 в Усть-Волмском погостах), у Елизарца — 4 обжи (2 в Оксочском, 2 в Усть-Волмском погостах)³⁶; всего — 20 обеж, что и составляет их отчину. Если объем владений Клементия равен 46 обжам, а объем владений Ондrejaна 20 обжам, то эти цифры выстраиваются в ту же пропорцию, что и цифры, характеризующие владения родных братьев Федора и Микиты Максимовичей (2 : 1). Отсюда я делаю предположение, что Клементий Босоволков (или Босоволк?) был братом Ондrejaна Онкифовича, получившим две трети отчины, тогда как Ондrejaном была унаследована одна треть. Реконструируя по этим данным объем отчины самого Онкифа, мы получим 66 обеж — цифру, абсолютно равную владению Максима (65,5 обжи). Думается, что тем самым подтверждено и высказанное выше предположение о том, что Максим и Онкиф были родными братьями и что Босоволковы также принадлежали к рассматриваемой семье.

Вторая семья, владевшая землями в Сытинском, Оксочском погостах и в Защижье (и только в этих местах), — Опарины. Состояние их владений в Защижье лучше всего характеризуется писцовой записью 1551 г.: «Да в Сорогошине ж царевы великого князя пустоши, отписные, что их отписали прежние писцы в Покровском погосте в Сурогишине же в волости дву Иванцов Онцифоровых детей Опарина пустоши, а остались за делом у Олеси да у Офони у Корниловых: пустошь Горка, 2 вобжи; пуст. Горяшино, пол-4 обжи; пуст. Нива, обжа, в Бору у Лужи, у прудов, Токи словут; а ныне ти пустоши стоят пусты же, а запустили лет с 30, и не пашет их никто, а лесом поросли великим, а бывали те пустоши за Степаном за Нечяевым. И всех пустошей 3, а обеж в них пол-7, а сошного писма 2 сохи с полутретью»³⁷. Особый наш интерес к этой семье определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, плотным ее соседством с землями Федора Максимовича. Во-вторых, тем, что среди документов, регулирующих наследственные права потомков Федора Максимовича, фигурирует некое «Онцифорово рукописанье», а Опарины, как только что выяснилось, были Онцифоровичами.

Мы уже знаем, что в Защижье Опарины владели 6,5 обжи. Объем их земель в Оксочском погосте равен 32 обежам (15 обеж у Ивашки Онцифорова Меньшого и 17 обеж у Ивашки Онцифорова Большого Клыкова)³⁸. В Сытинском погосте им принадлежала 31 обжа (21 у Меньшого, 10 у Большого)³⁹. Общий объем их отчины, т. е. владений их отца Онцифора, достигает, таким образом, 69,5 обжи, что дает принципиальное совпадение с цифрами, характеризующими владения Максима (65,5 об-

жи) и Онкифа (66 обож). Поэтому мы приходим к логическому предположению не только о том, что родными братьями были Максим и Онкиф, но и отец Опариных — Онцифор. Отчина их отца Якова определяется сложением всех трех массивов и выражается в цифре 202 обжи.

Общий итог наблюдений, изложенных в этой главе, может быть выражен в генеалогической таблице (схема 31).

Если изложенные выше наблюдения правильны, то мы оказываемся свидетелями динамического процесса движения земельной собственности на протяжении трех-четырех поколений одной семьи новгородских житейных людей в середине — третьей четверти XV в. Поначалу Яков владеет обширными волостками в Сытинском, Оксочском, Усть-Волмском погостах и в Защижье общим объемом в 202 обжи. Это владение наследуется по трем его сыновьями Максимом, Онцифором и Онкифом. В следующем поколении возникает реальная опасность резкого измельчания наследуемых долей, которая в известной степени преодолевается пропорциональным делением наследства в соответствии со старшинством наследников. Старший сын Максима Федор получает две трети отчины, младший Микита только треть. На следующей ступени наследования процесс измельчания владений практически необратим. На долю большинства представителей этого нового поколения приходится минимум земель, превращающий их владельцев в своеземцев, еще остающихся феодалами, но уже собственноручно обрабатывающих заметную часть своих владений. Городские дворы сохраняются лишь в руках старших

братьев, тогда как младшие оседают в деревенских дворах на своей запашке.

Вместе с тем в незначительной степени наблюдается и процесс некоторого укрупнения владений, их дальнейшей концентрации, примером чему может служить возникновение достаточно заметного землевладения Федора Онкифовича Немого. Федор Онкифович не имел собственной земли до женитьбы на дочери Федора Максимовича — Огруфене. Женитьба приносит ему в качестве приданого 16 обож в Оксочском и Усть-Волмском погостах и еще 22 обжи на Шелони, унаследованные Огруфеной от матери и деда по матери — Еремея. Смерть шурина, а затем тестя приносит Федору Онкифовичу еще 20 обож в Сытинском и Оксочском погостах, что в общей сложности образует владение в 58 обож. Легко заметить, что образование этого сравнительно крупного владения происходит путем отторжения в другой род заметной доли наследственного имущества потомков Максима Яковлевича, оставляя в мужской линии этой семьи жалкие 7 обож, которыми владеет внук Федора Максимовича — Матфей Иванович, ставший своеземцем Матюком Ивановым.

2. Наследники Моисея берестяных грамот № 519—521

Весьма любопытную картину открывает сравнение с материалами лицевых книг найденного в 1974 г. в Новгороде при строительных работах берестяного черновика завещания некоего Моисея (берестяные грамоты № 519—521) ⁴⁰. На двух листах бересты (грамоты № 519, 520) содержится текст самого завещания:

«Се аз раб божии Мосии пишу рукописание при своем животе. А приказываю живот свой детем своим, Сосенскую землю и Засосенскую землю, по деловой грамоте, и Зашелонскую землю, где Матфею и Тарасииним детем, а ту мне треть, и во Вшашской земле. И Кромиски земли свою треть, и на Вышкове свою треть. А вышковский грамоте за Юриемь за полъм за Илиинским. А сосенский грамоте за Тарасииними дедми. И Пожарскую землю, а грамоти за Лукой за Степановим. А дети свои приказываю Василию Есифовицю и Максиму Васильевицю, и осподе своеи, роду племяни своему. Аже нь будеть остатка детей моих, ино мой участок Заше-

лонской земле святому Николе на Струпини. А Сосёнская земля Тарасниним детем. А Скутовеская земля Матфею и его братану Григорию. А Кромеская и Вышневская земля святей Богородици на Дубровни. А Пожарская земля тесту моему Костянтину. // А двор мой в городе, а пожня на Глушици, а другая за Городищем, а то Даниловим детем. А не виноват есмь никому ницим, развие богу дущою. А на то бог послух и отец мой душевней игумен Демид святого Николе и поп Офнос святей Богородице».

На третьем листе (грамота № 521), послужившем оберткой черновику духовной, — несколько записей, в том числе набросок любовного письма, записка об ограблении автора документа, которое произошло «межи Горками и Горками на Бору», и фрагментированный список должников, получивших от автора зерно; в этом списке упомянута деревня Гусли. Не исключено, что список должников предназначался для включения в завещание.

Предварительное изучение этих документов, результаты которого изложены в их публикациях, установило, что принадлежащие Моисею земли находились в двух погостах Шелонской пятины — Струпинском и Дубровенском, а общий их объем был мизерным — около 4—5 обож. Что касается даты комплекса, то она суммарно определяется началом XV в. по упоминанию одного из душеприказчиков Моисея — Василия Есифовича, который в 1405—1416 гг. был новгородским тысяцким, а с 1416 по 1421 г. упоминается как посадник. Мнение о том, что Моисей был жителем Порхова, высказанное в тех же публикациях, теперь представляется спорным. Оно было основано на том, что вблизи Новгорода отсутствует топоним Глушица, который, однако, зафиксирован вблизи Порхова. Между тем в документе 1617 г. удалось обнаружить упоминание озера Глушица около Никольского Липенского монастыря⁴¹, т. е. за Городищем, где была и другая подгородная пожня Моисея. Комплекс грамот найден около церкви Ильи на Славне, что соответствует упоминанию в духовной Моисея ильинского попа Юрия. Поэтому под «городом» нужно понимать Новгород.

Продолжим далее начатое исследование этих документов. Как очевидно из текста духовной, Моисей во всех случаях (кроме Пожарской земли) владел третью

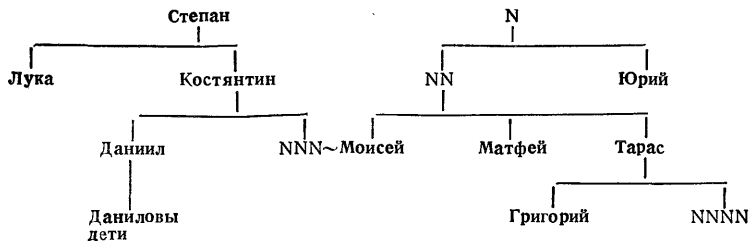
участков. Две остальные трети в Сосенской, Засосенской, Зашелонской и Вшашской землях в Струпинском погосте, а также в Кромиской и Вышковской землях в Дубровенском погосте принадлежали Матфею и Тарасьиным детям. Пожариская земля целиком находилась во владении Моисея и была, по-видимому, получена им в приданое за женой, поскольку он завещает ее в случае смерти детей своему тестю Костянтину. Упоминаемая в грамоте Скутовская земля, как я предположил, тождественна Засосенской или Вшашской земле.

Существуют еще Даниловы дети, которым в случае смерти собственных детей Моисей завещает свой городской двор и подгородные пожни. Однако Даниловы дети, принадлежа к числу его ближайших родственников, коль скоро они наследуют двор, не имеют доли в третьем владении Моисея. Скорее всего, городской двор также был получен Моисеем в приданое, а Даниловы дети — племянники его покойной жены (она в завещании не упоминается вовсе).

Следует заметить, что в массиве владений Моисея, Матфея и Тарасьиных детей исходным является владение в Струпинском погосте, поскольку грамоты на него («сосенские грамоты») находятся у Тарасьиных детей. Надо полагать, что это дельные грамоты, определяющие те трети наследства, одной из которых владеет Моисей. Земли в Дубровенском погосте, также разделенные по третям, были некогда частью более значительной волости, другая доля которой принадлежит ильинскому попу Юрию, хранящему и подлинные документы, касающиеся этого раздела. Что касается Пожариской земли в Дубровенском погосте, то она, по-видимому, досталась Моисею в приданое после того, как была поделена между тестем Моисея Костянтином и Лукой Степановым; у последнего хранится и соответствующая дельная грамота.

Генеалогическое взаимоотношение Моисея с другими лицами, упомянутыми в его завещании, при равенстве владений по третям может быть реконструировано (схема 32).

У нас, вероятно, нет возможности установить имена и судьбу детей Моисея и других его ближайших потомков, поскольку завещание отделено от писцовых книг промежутком почти в столетие. Однако выяснить судь-

бу его владений к моменту составления старого письма мы можем и должны.

К сожалению, подробное описание Струпинского погоста конца XV в. не сохранилось; из 161 обжи этого погоста в случайно уцелевшем отрывке писцовой книги 1498 г. описано только 13 обиж. Однако из Перечневой книги известен полный состав бывших землевладельцев этого погоста. Описание Дубровенского погоста сохранилось полностью.

Полагаю, что мы должны начать со сравнения списков старых землевладельцев обоих погостов, чтобы выделить из их состава тех, которые владели участками в Струпинском и в Дубровенском погостах одновременно. Таких известно несколько человек: 1) земцы Васюк и Ивашко Остафьевы владели в Струпинском погосте 3 обжами и, кроме того, за Васюком были в оброке две тони на Шелони, принадлежавшие ранее Олферию Шимскому и Гриде Микулину Нагаткину; в Дубровенском погосте Васюк Осташов «с Шолоны из Струпинского погоста» владел тремя деревнями объемом в 4,5 обжи; 2) Гридя Микулин Нагаткин владел в Струпинском погосте 10,5 обжи; в Дубровенском погосте Микуле Нагаткину принадлежали 27 деревень общим объемом в 38 обиж; кроме того, Микуле Нагаткину принадлежали 1,5 обжи в Ручайском погосте, а Гриде Микулину Нагаткину — 2 обжи в Околорусье, 7 обиж в Офремовском и 3,5 обжи в Воскресенском погостах; 3) 4 обжами в Струпинском погосте владел Иван Васильевич Кобылкин; в Дубровенском погосте ему принадлежало 5 деревень общим объемом в 6,5 обжи; ему же принадлежали небольшие участки в Паозерье, Коростынском и Сутоцком погостах⁴².

Обращение к конкретным фактам землевладения сразу же устанавливает, что Васюк Остафьев (Осташов)

является дальним наследником Моисея берестяных грамот. В Дубровенском погосте ему принадлежит часть деревни Вышково и — что еще важнее — деревни Овинец и Пожарища. Последняя из них, как мы уже видели, находилась в полном распоряжении Моисея, получившего ее в приданое, и не делилась им с ближайшими родственниками.

Совладельцем Васюка Остахова в Вышкове оказывается Микула Нагаткин, в числе принадлежавших которому деревень имеется также Кромско и Гусли в Дубровенском погосте. В Струпинском погосте Гриде Микулину Нагаткину принадлежала часть деревни Сосна на Шелони.

Землевладение Ивана Кобылкина никаких точек соприкосновения с землями Моисея не обнаруживает.

Таким образом, если Васюк и Ивашко Остаховы являются прямыми дальними наследниками Моисея, то в Нагаткиных опознаются дальние наследники и потомки Матфея или Тарасьиных детей.

Возможно отметить определенные черты сходства землевладения Моисея и его родственников с землевладением Федора Максимовича и его родственников, хотя объем владений семьи Моисея сравнительно невелик. Землевладение Моисея находится на той же стадии наследственного раздела. Если он и его братья располагают каждый по трети отчины, то и волостки их отца не составляли первоначального массива земельной собственности этой семьи, поскольку она была поделена им с попом Юрием. Первоначальная вотчина стала собственностью семьи при деде Моисея, которого надо квалифицировать как житего. Точно так же и вотчина житего Якова, возникшая при нем, ко времени Федора Максимовича подверглась двукратному семейному разделу.

¹ Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866, № 330; ГВНИП. М.; Л., 1949, с. 179—181, № 122.

² НПК. СПб., 1862, т. 2, стб. 492—493.

³ Слова в скобках вписаны между строк другими чернилами.

⁴ НПК, т. 2, с. 491—492.

⁵ Там же, стб. 483—484.

⁶ Здесь, в конце приводимого текста, стерты 3 или 4 буквы.

⁷ НПК, т. 2, стб. 489—490.

⁸ Там же, т. 2, стб. 492.

⁹ Там же, стб. 315—318.

¹⁰ Там же.

- ¹¹ Там же. СПб., 1885, т. 4, стб. 216; СПб., 1905, т. 5, с. 66.
- ¹² Там же, т. 2, стб. 326—328.
- ¹³ Там же, стб. 284, 326—328.
- ¹⁴ Там же, стб. 283, 322—324, 350, 351.
- ¹⁵ ГВНИП, с. 175—176, № 117. Датировка основывается на упоминании в купчей никольского игумена Сергия, который по другим документам (там же, с. 173, № 114; с. 178, № 120) был современником посадника Ивана Лукиничя. Последний был избран между 1435 и 1438 гг. и владел посадничьим титулом до смерти около 1471 г. (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 380). Фигурирующий в той же купчей улицкий староста Климентий Иванович в документе 1466 г. называется купеческим старостой (ГВНИП, с. 127—129, № 76). Если купчая относится к 60-м годам XV в., то время деятельности отца Максима Яковлевича — Якова соответствует середине или первой половине XV в.
- ¹⁶ НПК, т. 5, стб. 175, 181.
- ¹⁷ Там же, стб. 35.
- ¹⁸ Там же, т. 4, стб. 216; т. 5, стб. 66.
- ¹⁹ Там же, т. 5, стб. 172.
- ²⁰ Там же, стб. 45; СПб., 1910, т. 6, стб. 282.
- ²¹ ГВНИП, с. 165, № 108.
- ²² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 535.
- ²³ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 192.
- ²⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978, вып. 5, с. 75.
- ²⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, с. 471.
- ²⁶ ПСРЛ. М.: Л., 1949, т. 25, с. 289; СПб, 1859, т. 8, с. 165—166; ср.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 298.
- ²⁷ ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 200—201; т. 25, с. 305.
- ²⁸ Там же. СПб., 1910, т. 23, с. 166 (список новгородских тысяцких, в котором имеются имена Павла и Федора Лукиничей). Заметим, что часть владений Телятевых была в Усть-Волмском погосте.
- ²⁹ НПК. СПб, 1859, т. 1, стб. 337.
- ³⁰ Там же, т. 6, стб. 422—438.
- ³¹ Там же, стб. 441, 760.
- ³² Там же, стб. 433, 439, 441, 460, 758—759, 777.
- ³³ Там же, т. 2, стб. 483—484.
- ³⁴ Там же, стб. 285—286.
- ³⁵ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 98.
- ³⁶ НПК, т. 2, стб. 283—284, 322—324, 326—328, 350—351.
- ³⁷ Там же, т. 6, стб. 800.
- ³⁸ Там же, стб. 293—299.
- ³⁹ Там же, стб. 469—472.
- ⁴⁰ *Янин В. Л.* Комплекс берестяных грамот № 519—521 из Новгорода.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 30—39; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 112—122.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, оп. 1, 1617 г., д. 7, л. 252.
- ⁴² *Андрияшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, 1. Шелонская пятна: Списки селений. М., 1914, с. 180—181, 424—425, 469, 477—478, 481.

ГРАМОТЫ МАРТЕМЬЯНОВЫХ

Вывод о том, что часть новгородских бояр могла сохранить свои волости и после «вывода», был сделан Н. Н. Покровским в 1956 г. и подробно обоснован им в книге, опубликованной в 1973 г. Материалом для этого вывода послужила группа двинских актов, связанных с семьей Мартемьяна. «Несомненно,— пишет Покровский,— что история привилегированного боярского землевладения на Двине окончилась с присоединением Двинской земли к Московскому княжеству... В то же время эта история показывает, что конфискация земель новгородских бояр на Двине осуществлялась не сразу; земли некоторых боярских родов (возможно, менее враждебных Москве) продолжали сохраняться за ними еще в 90-х годах XV в., видимо, в качестве своеземческих владений. Возможно, что в числе своеземцев были и потомки двинских бояр»¹.

Поскольку это построение ниже критикуется, приведем основные положения аргументации Покровского. «Федоровы — известный боярский новгородский род, члены которого владели землями в новгородских пятинах и неоднократно бывали посадниками². Издавна известны также богатые земельные владения этого рода в Заволочье. В конце XIV — начале XV в. Федоровы совместно с двумя другими крупными новгородскими боярами владели там целым Терпиловым погостом. Примерно в это время Андрей, дядя Василия Федорова, отдал по духовной свои Заволоцкие земли Спасо-Хутынского монастырю, у которого они были затем куплены посадником Иваном Даниловичем. Позднее эти земли были за 100 руб. выкуплены у Ивана Даниловича Василием Федоровичем и Мартемьяном Александровичем с братьями (владения в Соломбале, Ижме, Лодме, Уне и других местах). Мартемьян с братьями продолжали

расширять свои владения на Двине путем мелких покупок³.

Дошедшая до нас духовная грамота Мартемьяна ярко рисует хозяйство этого крупного боярина, жившего в Новгороде на Боркове улице. Духовная перечисляет владения Мартемьяна в новгородских пятинах и на Двине; часть этих владений перешла к нему от отца и деда, часть была куплена им самим⁴.

Наконец, не позднее 1478 г. дети Мартемьяна и их дядя Яков Александров сын разделили свои земли в Заволочье с Настасьей (женой Степана Есипова, совладельца Федоровых в Терпиловом погосте)...

Наибольший интерес для нас представляет тот факт, что земли, упоминаемые в этой деловой, остались за детьми Мартемьяна и после присоединения Двины к Московскому княжеству. До нас дошла датированная 16 февраля 1491 г. деловая грамота своеземца Амоса Иванова с Семеном и Варфоломеем Мартемьяновыми детьми и пятью братьями Федоровыми (видимо, родственниками Мартемьяновых)... После 1491 г. сведения о земельных владениях Федоровых-Мартемьяновых на Двине обрываются»⁵.

Документы времени новгородской независимости, на которые ссылается Покровский, изданы. К их числу относятся шесть актов, публиковавшихся на протяжении XIX—XX вв. и фигурирующих все вместе в публикации 1949 г.⁶

Удобнее всего такой обзор начать со знакомства с рядной Василия Федорова, его детей и братанов с посадником Иваном Даниловичем о выкупе у него Андреева участка за Волоком в Соломбале, Ижме, Лодме и Уне:

«Се срядися Василии Федорове и его дети, и его братане Олександрове дети, Мартемьяне, и Иване, и Ондреяне, и Якове с посадником с новгороцкым с Ываном с Даниловицомъ про учясток дяде своего, про Ондреев, что купил посадник Иван Даниловиць у игумена святого Спаса и у всех церенцев учясток Ондреев, дяде их, за Волоком в Соломбале Яковцев остров и Карпцев остров, и в Соломбале, что в Соломбале напол, и в Ыжме, что с Федором напол, и в Лодме, что с Федором напол, и в Уне, и в солоных местех в отцине его четвертая часть, и в лесе, и в воде в отцине его четвертая часть. И взя посадник Иван Даниловиць на том у Василья и у его братанов, у Олександровых детей, на Ондрееве учястке в

Соломбале, чим Ондреи володелё, сто рублей, что купил Иван Даниловиць у черенцев святого Спаса. А боле потом не надоби посаднику Ивану Даниловицю, ни черенцам святого Спаса въступатись в Соломбале за Волоком в Ондреев учясток. А что рядней грамоте у Ивана у посадника с Васильем, а те грамоте посадник Иван подраше. А что грамоту взял посадник Иван бесудную на Олександра с детми и на Василья, а ту грамоту посадник Иван подраше. А что пожня Латиперт, а та пожня знати Ивану по своей исправе, а Василью и его братанам, Олександровым детем, положити свои исправе. А потом не надоби посаднику Ивану Даниловицю, ни игумену святого Спаса с Хутина, ни черенцам до Василья, ни до его детей, ни до его братанов, до Олександровых детей, в том орудьи, в Иванове купле в посадници, ничто же; ни Василью, ни его детем, ни его братанам, Олександровым детем, не надоби до посадника до Ивана до Даниловиця, ни до игумена святого Спаса с Хутина, ни до черенцов в том орудьи ничто же. А на то рядце с обе половине: тысяцкы Олександр Игнатъевиць, Яков Дмитриевиць, Иван Дмитриевиць, Сава Ермолиницъ, Иеве Кузmine, Нефедья Парфееве. А у печати стоял в братьи своей место в Мартемьяново и в Иваново и во Ондрианово брат их Якове, а Васильево место у печати стоял сын его Остафий. А хто сии ряд поруши, дасть князю и владыце десять гривен золота»⁷.

Этот документ сохранился в пергаменном подлиннике. В списке XVII в. известна отпись Ивана Даниловича Спасо-Хутынского монастырю о подтверждении прав на его участок, купленный у Хутынского монастыря:

«Се взяша игумен Василии, и поп, и черницы, и все стадо святого Спаса отпись у Ивана Даниловича. Что купил Иван Данилович у владыки у Иванна, и у архимандрита у Варлама, и у игумена у Василия, и у всего стада святого Спаса Ондриев участок за Волоком, села и земли, и лесы, и воду, и ловища, и соляные места, и весь Ондреев участок без вывета, по Андрееву рукописанию и по своей купной грамоте, а тым владети Ивану и его детем и в веки. А что опричь того в Ондрееве рукописаньи вопчеи земли и куне, что на Четмаше взял Федор десять тысячъ белки или Еме полтысячи по Ондрееву рукописанью, а игумен Василии, и поп, и все чернецы даша Ивану даную новую, с Ондреева рукописания список, за Варламовою печатью; а рукописание Андреево у игумина

и у всех чернецов святого Спаса на полатех. А к сени отписи приложил Иван Данилович печать свою»⁸.

В последнем издании двинских актов отпись Ивана Даниловича датирована концом XIV — началом XV в. на основании упоминания архиепископа Ивана (1388—1414 гг.) и посадника Ивана Даниловича (назван под 1411 г. в Новгородской I летописи среди воевод новгородских), а рядная Василия Федорова — началом XV в. как документ несколько более поздний, нежели отпись.

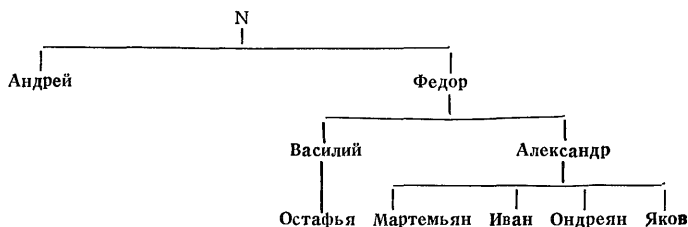
Иван Данилович впервые упомянут в приписке 1400 г. к Прологу церкви Козмы и Демьяна как боярин, живший на Козмодемьянской улице⁹. Других летописных сведений о нем действительно нет, кроме сообщения 1411 г., когда он еще не был посадником¹⁰; однако он и не мог получить степень ранее 1415 г. Как показано в главе IV этой работы (см. табл. 2), Иван Данилович был преемником Юрия Онцифоровича, представляя в посадничестве Неревский конец. Юрий умер в самом начале мартовского 6925 г., т. е. весной 1417 г., но перед смертью он был «нем год и 3 месяца»¹¹⁻¹². Следовательно, его паралич и смена посадников приходится на зиму 1415/1416 г. Владыка Иван сошел с кафедры 20 января 6922 г., т. е. уже в 1415 г.¹³ Что касается архимандрита Варлаама, то он упоминается под 1410 и 1419 гг.¹⁴ В 1398 г. новгородским архимандритом был Парфений¹⁵, но между Парфением и Варлаамом архимандритствовал еще и Мефодий¹⁶. Все эти факты датируют отпись Ивана Даниловича временем до начала 1415 г., но не позволяют углубить ее датировку в XIV в. Упомянутая в отписи печать Ивана Даниловича, по-видимому, была личной, прикладной, так как право пользования вислой свинцовой печатью принадлежало в Новгороде лишь высшим должностным лицам республиканской администрации, к числу которых в момент составления отписи Иван Данилович еще не относился, если только отпись не была у него взята в более позднее время, когда совершалась рядная Василия Федорова.

Рядная Василия Федорова как документ, уже титулующий Ивана Даниловича посадником, относится ко времени не ранее 1416 г. Ее младшая дата уточняется упоминанием в ней в качестве рядца тысяцкого Александра Игнатьевича. Последний как тысяцкий фигурирует в летописи под 6923 г. 11 августа указанного года, т. е. в 1415 г., он возводил на сени только что избранного

владыку Самсона, а 23 февраля, т. е. уже в 1416 г., с тем же титулом Александр Игнатьевич отправился с Самсоном на поставление к митрополиту¹⁷. К той же дате тяготеет грамота Великого Новгорода магистру Ливонского ордена, в которой Александр Игнатьевич поименован тысяцким¹⁸. Однако имеется документ, суммарно датируемый 1416—1421 гг., в котором Александр Игнатьевич действует уже как посадник¹⁹. Следовательно, датировка рядной Василия Федорова замыкается в пределах 1416—1421 гг.

Рядная Василия Федорова указывает взаимоотношения упомянутых в ней родственников (схема 33).

СХЕМА 33

Сохранившаяся в списке XVII в. купчая Мартемьяна и его братьев у Местилы и его брата Ивана на их вотчину Вежища ничего не дает для расширения этой родословной.

«Се купи Мартемьян и его братья у Местиле и у его братья у Ивана Вежища, отчину ево, вечно себе одерень и своеи братья. А дасть Мартемьян и его братья рубль. А на то послухи: Григорей Семеновичь да Пантелеи Иванович»²⁰.

Зато духовная Мартемьяна содержит ряд новых имен:

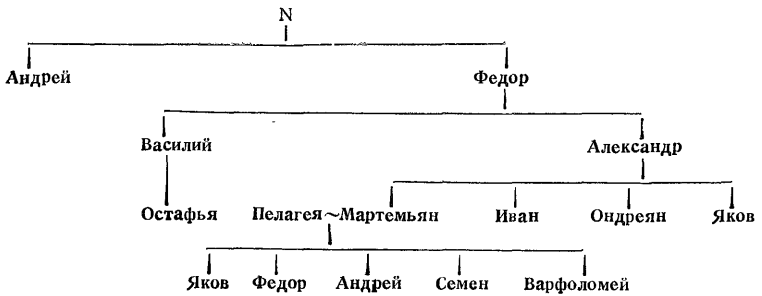
«Во имя отца и сына и святого духа. Се аз раб божии Мартемьян пишу сие рукописание при своем животе. Да приказываю живот свой жене своей Пелагеи и детям своим Якову, и Федору, и Андрею, и Семену, и Орфоломею. А животом есми з братиею своею с Иваном, и с Ондрейном, и с Яковом в розделе. А что отцина моя, земля и вода, и прикупля отца моего за Волоком и в Волоцкой земле, на Озерцах и на Дятелчах, и то приказываю жене своей Пелагеи и детям своим свою четверть, по отца моего по владенью, и по старым грамотам, и по делним

грамотам же, тья земли и воды моя четвѣрть дѣтемъ моимъ чиста. А что мнѣ далъ дѣдъ мой Федоръ на Кегостровѣ село Новошильское и землю Кулагоранскую на томъ островѣ, а то село и землю Кулагоранскую приказываю дѣтемъ своимъ, по дѣда своего по данои грамотѣ Федоровѣ и по рукописанью, то село и земли дѣтемъ моимъ чисто. А вы, братья моя, в то село и в земли не вступаитеся. А что меня подарилъ Левонтеи Обакумовичъ Калцынымъ островкомъ малымъ одерень, и язъ ему далъ противо того островка сорокъ куней. А тотъ островокъ Калцынъ приказываю дѣтемъ же своимъ по даные грамотѣ и по моему владенью, и дѣтемъ моимъ чисто. А вы, братья мои, в тотъ островокъ не вступаитеся. А дворъ свой и огородъ тотъ и огородъ на Боркевѣ улице приказываю по купнымъ грамотамъ и по делные грамоты, что зъ братомъ моимъ съ Яковомъ по половинамъ, дѣтемъ моимъ чисто. А что куны дѣда моего Федора и отца моего Александровы, по дѣда моего рукописанью по Федорову, и по отца моего рукописанью по Олександрову, и по дѣда моего рукописанью по Федорову же, в Волоцкой земли на Телчяхъ на погостѣ сорокъ рублей да сто и осмьдесятъ гривен, а в техъ кунахъ приказываю свою четвѣрть дѣтемъ своимъ чисто. А взяти мнѣ у Даниле у Родионова сына на Дятелицахъ рубль, а у Федора у Борисова сына на Озерцахъ рубль, у Михайле у Михайлова сына у Местилова полтина да пять гривен. А иные куны мои по жеребьѣмъ дѣтемъ моимъ чисты. А челядь свою пошл[ую] неотхожую приказываю женѣ своей и дѣтемъ своимъ. А не виноватъ есми никому ничемъ, разве богу душею. А на то послухъ и отецъ мой духовной попъ Афонасей, служительъ святаго Архангела Михаила. А хто сие рукописание переступитъ, сужуся язъ с нимъ предъ богомъ в день страшного суда»²¹.

Подтверждая родственные связи, известные по рядной Василия Федорова, духовная Мартемьяна называетъ имена его жены Пелагеи и дѣтей — Якова, Федора, Андрея, Семена и Варфоломея (схема 34).

Весьма значительна съ генеалогической точки зрѣнія рядная и дельная грамота Якова Александровича и его братановъ Мартемьяновичей съ Настасьей Степановой дочерью и ее дѣтьми Иваномъ и Александромъ, сохранившаяся в списке 1535 г.²²

Согласно этому документу, совершается полюбовный, безъ суда, разделъ между указанными семьями участков, «что искала Настасья и ее дѣти, Иване и Олександре,

на Якове на Олександрове и на его братанах, на Федоре и на Семене, и на их братии, на Мартемьяновых детях, Заволощкой земли, и воде и кун, по отца своего рукописанью по Степанову». Из текста документа видно, что речь идет о родственном разделе. Участки, закрепляемые за Настасьей, остаются у нее «по Степанову владению»: «А владети Настасьи и ее детем Ивану и Олександру теми землями, и тонями, и пожнями, и лесами по Степанову владению, и по Степанову рукописанию, и по грамотам, и по сей по рядной и по делной грамоте и в веки и их детем». Однако и земли, принадлежащие Якову Александровичу и его братанам, дополнительно утверждаются за ними по тому же «Степанову владению»: «А владети Якову Олександровичю и его братанам Федору и Семену и их братии, Мартемьяновым детям, теми землями, и тонями, и пожнями, и лесами по Степанову владению, и по Степанову рукописанию, и по грамотам, и по сей рядной и делной и в веки и их детем». Грамота называет отчество Степана — Есипович: «А что дал Степан Есиповичь Ондрейяну и Якову сорок рублей, а то серебро Ондрейяну и Якову и в веки по Степанову рукописанию. А что запись Степанова в том серебре в сороки рублей у Настасьи, а та запись Настасьи подрати».

Я не указываю дат купчей Мартемьяна и его духовной, поскольку эти два документа не содержат безусловных датирующих признаков. Что касается рядной Якова Александровича с Настасьей, то для ее датировки возможно опереться на имена рядцов и послухов: «А на то рядцы и послуши с обе половины: Офонос Микулин, Олександр Климентьев, Иван Петров, Федор Михайлов, Митрофан Иванов, Мартемьян Федоров, Игнатей Олек-

сандров». Офонос Микулинич как представитель житых участвовал в утверждении документов Яжелбицкого мира 1456 г.²³ Александр Клементьевич был представителем от житых при заключении Коростынского мира 1471 г.²⁴, в 1475 г. участвовал во встрече Ивана III, а в 1478 г. представлял житых во время последних переговоров Новгорода с великим князем²⁵. От Федора Михайловича сохранилась духовная грамота, датируемая именем архиепископа Ионы 1459—1469 гг.²⁶ На этом основании можно считать, что рядная тяготеет к 60-м или началу 70-х годов XV в.

Как уже говорилось выше, до нас дошла деловая грамота своеземца Амоса Иванова с Семеном и Варфоломеем Мартемьяновыми детьми, датированная 16 февраля 1491 г., публикуемая к Прилож. к настоящей главе²⁷. Этот документ дает еще один определенный хронологический ориентир для размещения трех более ранних актов между 20-ми и 70-ми годами XV в.

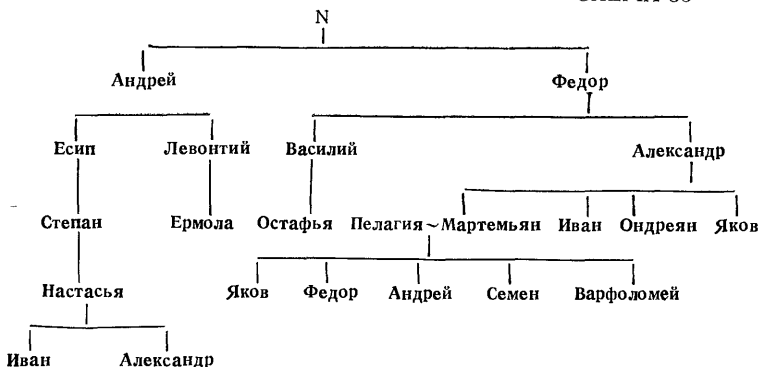
Для того чтобы разобраться во взаимоотношениях участников раздельной грамоты, необходимо привлечь еще один документ, связанный с интересующей нас семьей, — жалованную грамоту новгородского веча сиротам Терпилова погоста, сохранившуюся в списке XVII в.:

«Господину посаднику новгородцкому Василью Микитиничу, тысяцкому новгородцкому Овраму Степановичю и всему господину Великому Новгороду, на вѣце на Ярославле дворе. Се били челом Степан Есиповичь и его братья: Андреян Олександровичь, и Ермола Левонтиевичь, и Остафей Васильевич, что они емлют у наших сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине. И посадник, и тысяцкой, и весь господине Великой Новгород даша грамоту жалованную, на вѣце на Ярославле дворе, сиротам Терпилова погоста: давати им поралье посаднице и тысяцкого по старым грамотам, по сороку бел, да по четыре сева муки, по десяти хлебов. А хто крестьянин Терпилова погоста в Двинскую слободу воидет, ино ему, мирянину, тянути в Двинскую слободу. А который двинянин слободчанин почнет жити на земле Терпилова погоста, а той потянет потугом в Терпилов погост. А цем владел Савелеи Григорьевичь и его братья, землею и водою, и лесы, и полешии места солоними в Унской губе, и всякими ловищами, и им тем владети и детям их. А хто сю грамоту переступит, и даст Новгороду сто рублев»²⁸.

Датировка этого документа, предложенная в его публикации 1949 г. временем около 1411 г., неверна. Она основывается на упоминании Аврама Степановича в источниках под указанным годом без обозначения его должности. Однако Василий Микитинич, титулованный в грамоте посадником, впервые занял этот пост только с 1416 или 1417 г., а совмещение на степени посадника Василия Микитинича с тысяцким Аврамом Степановичем датируется второй половиной 1422 — началом 1423 г.²⁹ И. М. Людин также называет наиболее возможной датой документа время около 1423 г.³⁰

Грамота сиротам Терпилова погоста называет братьями Ондrejaна Александровича и Остафью Васильевича, что абсолютно соответствует действительности: названные лица, уже хорошо нам известные, были двоюродными братьями, происходя от общего деда — Федора. Однако их же братьями в этом документе называются еще Степан Есипович и Ермола Левонтьевич. Предположить в них двоюродных братьев Ондrejaна и Остафьи невозможно: Василий Федорович (отец Остафьи) делит свою землю только с братанами — сыновьями Александра; следовательно, других родных братьев, кроме Александра, у Василия Федоровича не было. Значит, Степан Есипович и Ермола Левонтьевич приходились ему троюродными братьями и были внуками того самого «дяди Андрея», о котором говорится в рядной Василия Федорова, а раздельная Якова Александровича с дочерью Степана Есиповича Настасьей ликвидирует давнее спорное дело, возникшее еще при разделе владений между Андреем и Федором. Изложенные материалы дополняют генеалогическую таблицу (схема 35).

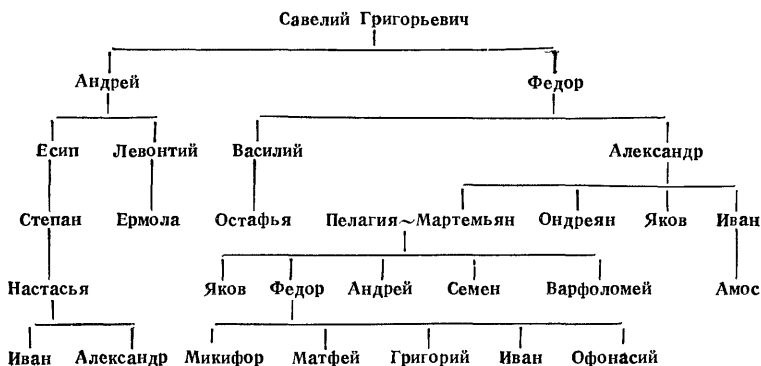
СХЕМА 35

Расшифровывается и родоначальник этой семьи — загадочный N. Права братьев на Терпилов погост жалованная грамота возводит к Савелию Григорьевичу, который может соответствовать только отцу Андрея и Федора.

Наконец, еще одно расширение генеалогической таблицы дают материалы деловой грамоты 1491 г. Участниками раздела в ней оказываются следующие лица: «Се rozdелишась делом Мартемьяновы дети: Семен и Вахромеи; Федоровы дети: Микифор, и Матвей, и Григореи, и Иван, и Офонасеи — с Амосом с Ивановым землями, и водами, и животы, и коньми, и дворы, и дворища по жеребью», причем принцип раздела состоит в равенстве доли Амоса Иванова с долей всех остальных участников раздела вместе взятых: «в том Семену и Вахромею и Федоровым детем половина, а Омосу другая, и всякие угодыя везде, то им по половинам». Этот принцип определяет безусловное место всех перечисленных здесь лиц в генеалогической системе рассматриваемой семьи. Федоровы дети — племянники Семена и Варфоломея Мартемьяновичей; вся эта группа родственников — потомки и наследники Мартемьяна Александровича. Владельцем паритетной доли оказывается сын родного брата Мартемьяна Ивана Александровича — Амос. Разделение в 1491 г. вотчины Александра Федоровича пополам означает также, что к этому времени уже умерли, не оставив потомков, Ондриян и Яков Александровичи, а также дети Мартемьяна — Яков и Семен. Итог наблюдений может быть представлен генеалогической таблицей (схема 36).

СХЕМА 36

Недавно генеалогическая реконструкция интересующей нас семьи была предложена А. И. Копаневым, который дополнил ее и более поздними звеньями вплоть до начала XVII в.³¹ В принципиальной своей части она совпадает с нашей, хотя Копанев не использовал показаний грамоты сиротам Терпилова погоста, в силу чего линии Федора и Есипа представлены им раздельно, т. е. без возведения к общему предку, наличия которого исследователь не отрицает. Возражения вызывают лишь две детали реконструкции Копанева. Федора и Андрея (рядной Василия Федоровича) он считает дядьями Александровых детей, т. е. родными братьями Александра Федоровича, тогда как рядная недвусмысленно утверждает, что Андрей был дядей Василия Федоровича (следовательно, и Александра), а делящий с ним отчину по половинам Федор — отец Василия и Александра. Кроме того, Копанев выводит линию Амосовых от Ивана — сына Настасьи, а не от Ивана Александровича. Аргументом оказывается то обстоятельство, что Иван Александрович якобы жил в первой половине XV в. и между ним и Амосом Ивановичем отсутствует целое поколение. Это неверно. Сам исследователь в генеалогической таблице относит Ивана Александровича к середине XV в., в чем он, безусловно, прав, поскольку родной брат Ивана Яков фиксируется документом третьей четверти XV в. Допустив, что Амос Иванов — внук Настасьи, мы не получим ответа на вопрос, почему же ему тогда достается половина отчины Александра Федоровича (другая половина которой принадлежит Мартемьяновичам).

Вернемся к построению Н. Н. Покровского. Называя рассмотренную семью Федоровыми, он ссылается на С. А. Тараканову, говоря, что члены этого рода «владели землями в новгородских пятинах и неоднократно бывали посадниками». На указанной при этом странице 99 в книге Таракановой упоминается посадник Яков Федоров с перечислением его владений, описанных в писцовых книгах. Но Яков Федорович — посадник 70-х годов XV в. — никакого отношения к семье Мартемьяновых не имеет; его происхождение исследовано выше, в главе IV. Другая ссылка Покровского на страницы 31 и 82 издания «Грамот Великого Новгорода и Пскова» имеет в виду договорную грамоту великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом 1371—1372 гг. и упоминание «грамоты, о которой Новьгород говорит, за Олексеевой владыц-

нею печатью и за посадницею Васильевои Федоровица и тысяцкого Богъдана Обакуновича» в Нибуровом мире 1392 г.³² В первом из этих документов фигурирует в качестве посла к Дмитрию Ивановичу боярин Василий Федорович. Очевидно, что Покровский идентифицирует посадника Василия Федоровича с Василием Федоровым — дядей Мартемьяна Александровича, коль скоро в издании связанных с ними документов они датированы концом XIV — началом XV в.

Такая идентификация неправомерна. Посадник Василий Федорович впервые с этим высоким титулом упоминается летописью под 1386 г., но он умер еще в 1392 г. и был погребен в монастыре святого Николы³³, тогда как Василий Федоров рассматриваемых актов спустя четверть века после его кончины заключал рядную со Спасо-Хутынским монастырем.

Неправомерны и некоторые другие предложенные Покровским определения, касающиеся в первую очередь социальной характеристики интересующей нас семьи. Относительно духовной Мартемьяна указанный автор пишет, что она «перечисляет владения Мартемьяна в новгородских пятинах и на Двине». Между тем ни в этой духовной, ни в других документах, связанных с той же семьей, не упомянуто ни одного участка земли, какой находился бы за пределами весьма локальной двинской вотчины. Способно ввести в заблуждение упоминание Борковой улицы, под которой и издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова», и вслед за ними Н. Н. Покровский понимают Боркову улицу в Неревском конце Новгорода. «Дошедшая до нас духовная грамота Мартемьяна, — пишет Покровский, — ярко рисует хозяйство этого крупного боярина, жившего в Новгороде на Боркове улице». В духовной Мартемьяна Боркева улица упоминается в следующем контексте: «А двор свои и огород тот и огород на Боркове улице приказываю по купным грамотам и по делные грамоты, что з братом моим съ Яковом по половинам, детем моим чисто». По смыслу контекста, на Боркове улице Мартемьян не жил, а имел огород. Однако важнее то, что никаких оснований связывать «Боркову улицу» с Новгородом нет.

Улица — не только городское понятие. Игумен Николаевского Чухченемского монастыря Василий завещал монастырю в своей Урвановской земле «подли улицию полоса земли Кузнечовская»³⁴. Кондрат у Степана Прок-

шина купил «двор и дворище, горнеи земли дви поляньки и притереб за улицею»³⁵. В рядной Федора Онкифовича при описании межи его земель в Сытинском погосте называется, в частности, «улица межи поль»³⁶. Особое внимание обратим на купчую Максима Попова Фалелеева, купившего двор, «а межа тому двору от улицы по Петровых детеи межую по тын до Борковъскую межую, и по Конанову межую по тын до Борховъской межи»³⁷. Последний пример особенно наглядно показывает, что «Боркева улица» совсем не обязательно должна идентифицироваться с известной улицей Неревского конца Новгорода.

Окончательно доказывает местонахождение двора Мартемьяна не в Новгороде, а в его вотчине на Двине деловая грамота 1491 г. По этому документу, все наследство Мартемьяна подвергается новому родственному разделу. Но в ней, как и в духовной Мартемьяна, о тех же двух дворах и огородных местах говорится так: «А на Уне досталось Семену и Вахромею и Федоровым детем двор и дворище у Клементя Великого, и задворье, и огород. А против того двора досталось Омосу двор, и дворище заднее, и огород, где Омос живет, против кострища».

Единственный случай принадлежности возможному члену этой семьи участка, находящегося на территории новгородских пятин, указан Ю. С. Васильевым, который обратил внимание на принадлежность части деревни Заполье (5 обож) в Покровском Озеретцком погосте Копорского уезда Водской пятины своеземцу Омосу Иванову Заволочанинову³⁸. Вполне вероятно, что эта писцовая запись, сделанная около 1500 г., имеет в виду известного нам Амоса Иванова — племянника Мартемьяна Александровича, однако копорское владение Амоса не связано с его отчиной, а является новоприобретением московского времени.

Таким образом, оказываются неверными основные тезисы существующей в литературе сословной характеристики Мартемьяновичей и их предков. Эта семья не связана родственными узами с новгородскими посадниками, не владеет во времена новгородской независимости землями за пределами двинской волости, не имеет никаких дворов в Новгороде. Уже этих данных достаточно для утверждения о том, что Мартемьяновичи и их предки никогда не принадлежали к боярству вопреки гипнозу неверной социальной атрибуции³⁹.

Вместе с тем не вызывает сомнений феодальная сущность землевладения Мартемьяновичей. В начале XV в. двоюродные и троюродные братья Степан Есипович, Ондриан Александрович, Ермола Левонтьевич и Остафья Васильевич — правнуки Савелия Григорьевича, владевшего целым погостом, делят этот погост между собой на правах наследников своего прадеда. Вотчинники Мартемьяновичи владеют и людьми, о чем говорится в духовной Мартемьяна: «а челядь свою пошл[у]ю неотхожую приказываю жене своей и детям своим», а также в вечаевой грамоте владельцам Терпилова погоста, регулирующей порядок извлечения государственных доходов — «поралья посадничего и тысяцкого» — с крестьян-сирот, пахавших земли своих вотчинников. Дальнейшее дробление вотчины ведет к естественному измельчанию владельческих участков, превращая их хозяев в своеземцев. Следовательно, мы наблюдаем процесс, аналогичный тому, который продемонстрирован судьбой семейства житых Яковлевичей, рассмотренной в предыдущей главе. Разница лишь в том, что Мартемьяновичи, не жившие в Новгороде, не попали в число сведенных новгородских вотчинников.

Приложение

Деловая грамота Мартемьяновых и Федоровых детей с Амосом Ивановым, 16 февраля 1491 г.

БАН, Арханг. собр., № 1192, л. 73—78 об.

Список з делной. Яс доложа великого князя тиуна Василья ^{л. 73} Петровича. Се разделишась делом Мартемьяновы дети: Семен и Вахромей; Федоровы дети: Микифор, и Матвей, и Григорей, и Иван, и Офонасей — с Амосом с Ивановым землями, и водами, и животы, и коньми, и дворы, и дворища по жеребью.

И досталося на Острове Семену и Вахромею и Федоровым детям двор и дворище у Климента святого, и половина задворья до Ефимова двора. А обод той земле от Двинки вверх Задворного болота ручьем в Дворовую курью и по курьи вниз от Кальцына островка к той же межи к верховью // Задворне-во болота. И за рекою на Кегострове деревня орамая ^{л. 73} ^{об.} а, земля и пожни.

А противо того досталось Омосу Иванову сыну по жеребью Есинская деревня и Калининская деревня двор^б и дворища.

^а Слово написано над строкой.

^б На поле другим почерком написано: осиноватик.

А обод той земли и пожням от той же Двинки в Задворное болото, а от Задворного болота ручьем в ту же Дворовую курью и по курьи вниз около Калининского наволока Двиною в Соелахту речку до верховья, свех Кирелахты реки на ивовой пень, с ивового пня на Манаков куток, на Ефимову пожню, с Манакова кута ж прямо на ручей, которой ручей лежит между

л. 74 Великою пожнею и Есинскою пожнею, // и тем ручьем до озера, а от озера прямо в ту ж Двинку, около Двинки до той ж межи. А в Задворье Омосу половина, от Шилова двора и с Ысакиным двором, а промеж дворов межи к Омосову задворью огорода десять сажен.

А на Наволоке земли и пожни, и на Великой пожни земли, и Кирьелахты земли и пожни, и на Петрове островке землишка и пожни, то по делной Семен и Вахромей и Федоровы дети с Омосом с-Ивановым по половинам, и межи поклали по пригожим местам. А поскотина им на Острове вопче. А что

л. 74 об. Семен и Вахромей и Федоровы дети с Омосом // деревни поделили по половинам, а досталось Семену и Вахромею и Федоровым детям деревня на Курострове, да на Лявлеострове деревня Онисимовская, да другая Трухновская деревня, а на Лисьеострове деревня Фалилеевская, да другая Окуловская, и в Похтокурьи земли и пожни, да в Рыболове курья деревня, да в Подракуле деревня Никифоровская. А менною землею и пожнями ровнятца.

А на Ижме Гришинская деревня, да на Лодье Елизаровская деревня, да другая Грихновская деревня, да в Студименском деревня Родивоновская, да в Борковском Денисовская

л. 75 деревня, да в Саздокурье // деревня. А Наволоцкие земли и Саздокурской земли, а то им ровнятся на лете ^в по половинам.

А на Долгом острове деревня, и в Ярокурье земля, и половина Бердова кута, и в Кошлахе пожня, и на Каренем земли и пожни, и Биричев кут, то досталось Семену и Вахромею и Федоровым детям. А против тех деревень досталось по жеребью Омосу Иванову сыну в Чюхченеме деревня, да на Лявлестрове деревня Патрушевская, да другая Маныдовская деревня, да конец Лисья острова деревня Гришинская, и в Похтокурье земля и пожни, и в Ширшеме пожни, да на Лисье ж

л. 75 об. острове // деревня в Нарьи Марьянская, да в Тоинокурьи деревня, да в Подракуле деревня Никифоровская. А менною землею и пожнями ровнятца.

Да на Ижме Максимовская деревня, да Захарьинская, да на Лодье Фофановская деревня, да другая Харшинская деревня, да Бабин наволоок, да в Студименском Олферовская деревня, да Бабин наволоок, да в Борисовском Артемьевская деревня, да в Чюболе на Наволоке деревня. А в Наволоцкой земли и Саздокурские земли, а то им ровнятца на лете по половинам.

Да в Скрылевском деревня и с опришными пожнями, а те

л. 76 деревни достались // Омосу Иванову.

А Веригин островок в Тоинокурской деревни, а половина Бердова кута к Марьянские деревни Климостровской, а в Малокурские пожни еся розделили: Семену и Вахромею и Фе-

^в Между этой строкой и следующей на полях написано: зри

дорovým детем половина, а пижняя от Николы; а Омосу досталася половина верхняя. А межа тем пожням по ручьем, которой ручей лежит посеред пожен, и по залазам, которые залазы стоят прямо того ручья.

А на Савине наволоке разделили пожни, и досталося Семену и Вахромею и Федоровым детем половина нижняя, от моря; а Омосу досталася половина верхняя, от Скрылевского, а межа // тем пожням по залазам, которые залазы стоят посеред пожни. А на Ковши острове досталося Семену и Вахромею и Федоровым детем Круглая пожня, а на наволоке Малая поженка. А Омосу досталося на Ковше острове Плоская пожня до Кошлахты. А Семену и Вахромею и Федоровым детем досталося за Борковским Круглая пожня, и на усть Черьякоме поженка. А против того Омосу досталося в Пестерех пожни, и Сумские пожни, и Варистьяхты пожни, а Родцкой земли на озерцах земля и пожни, и в Золотице земля и пожни, и на Зимней // стороне пожни, и на Летней стороне тони в Лавкохте, и на Двине тони, и на Исакове горе деревня. Во всем в том Семену и Вахромею и Федоровым детем половина, а Омосу другая половина.

л. 76
об.

л. 77

Ширшемские пожни, и Кудемские пожни, и в Красном пожни, в том Семену и Вахромею и Федоровым детем половина, а Омосу другая, и всякие угодыя везде, то им по половинам.

А в Уне досталося Семену и Вахромею и Федоровым детем двор и дворище у Клемента Великого, и задворье, и огород. А против того двора досталося Омосу двор, и дворище заднее, // и огород, где Омос живет, против кострища. А Семену и Вахромею и Федоровым детем досталося место и клеть в Верховье, у Большого Колодезя, где Омосов церень варит. А место в Верховьи у Двоих Колодезей, и на погосте место в дымной варнице, и на Новых Местех участок кострища у тех мест, в том Семену и Вахромею и Федоровым детям половина, а Омосу другая половина.

л. 77
об.

А в Летовой пожни от реки до Савонимского ручья, и в Уемском пожни, и на Кекусе пожни, то досталося Семену и Вахромею и Федоровым детем, а против // того досталося Омосу в Ысаинском наволоке пожни от Савонимского ручья да и до Ивового ручья, и на Кошки пожни, то Омосу. А в Бабыи реки пожни, а том Семену и Вахромею половина, а Омосу Иванову другая половина. А в Уне и в Унской губе пожни, и лесы, и рыбная ловля, и всякие угодыя в их участках, и то им все по половинам.

л. 78

А на то мужи великого князя: Василей Григорьев сын сотцкой, да Дмитрий Афонасьев сын Леонтьев, да Семен Зеновьев сын, да Микула Матфеев сын Гудке. А подлинную делную грамоту писал Мишюк Яковлев сын Березникова. Лета девят//десять девятого, февраля в шестый на десять день.

л. 78

У подлинной делные грамоты в конце печать на черном воску.

об.

- ¹ *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973, с. 162—164.
- ² *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939, с. 99; ГВНиП. М.; Л., 1949, с. 31, 82, № 16, 46.
- ³ ГВНиП, с. 186—187, № 130—131.
- ⁴ Там же, с. 195—196, № 144 (дата неизвестна).
- ⁵ *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения, с. 163—164.
- ⁶ ГВНиП, с. 146, № 89; с. 184—187, № 127, 130, 131; с. 195—196, № 144; с. 244—245, № 221.
- ⁷ Там же, с. 186—187, № 130.
- ⁸ Там же, с. 184—185, № 127.
- ⁹ См. примеч. 14 к гл. I настоящей работы. В той же главе показано, что тысяцкий Александр Игнатьевич, упомянутый как свидетель в рядной Василия Федорова, был также жителем Козмодемьянской улицы.
- ¹⁰ НПЛ. М.; Л., 1950, с. 402.
- ^{11—12} Там же, с. 407.
- ¹³ Там же, с. 405.
- ¹⁴ Там же, с. 402, 412.
- ¹⁵ Там же, с. 393.
- ¹⁶ Там же, с. 475.
- ¹⁷ Там же, с. 405—406.
- ¹⁸ ГВНиП, с. 91, № 53.
- ¹⁹ Там же, с. 96, № 58. О дате документа см.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 266.
- ²⁰ ГВНиП, с. 187, № 131.
- ²¹ Там же, с. 195—196, № 144.
- ²² Там же, с. 244—245, № 221.
- ²³ Там же, с. 39—44, № 22—24.
- ²⁴ Там же, с. 44—48, № 25—27.
- ²⁵ ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 201, 209, 212; СПб., 1859, т. 8, с. 187, 191; М.; Л., 1949, т. 25, с. 313, 316.
- ²⁶ ГВНиП, с. 241—242, № 217.
- ²⁷ БАН, Арханг. собр., № 1192, л. 73—78 об.
- ²⁸ ГВНиП, с. 146, № 89.
- ²⁹ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 266—267.
- ³⁰ *Людин И. М.* Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории московско-новгородских отношений XIV—XV вв.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1956, сб. 5, с. 285 и след.
- ³¹ *Копанев А. И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 73—91, генеалогическая таблица на с. 74.
- ³² ГВНиП, с. 31, № 16; с. 82, № 46.
- ³³ ПСРЛ. СПб., 1848, т. 4, с. 91, 99; 140; НПЛ, с. 385. Имеется в виду монастырь Николая Белого в ближайших окрестностях Неревского конца, поскольку Василий Федорович представлял в посадничестве указанный конец.
- ³⁴ ГВНиП, с. 216, № 176.
- ³⁵ Там же, с. 257, № 240.
- ³⁶ Там же, с. 180, № 122.
- ³⁷ Там же, с. 290, № 289.

- ³⁸ НПК. СПб., 1868, т. 3, стб. 725; *Васильев Ю. С.* К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв.— В кн.: Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976, вып. 1, с. 14.
- ³⁹ *Покровский Н. Н.* Актовые источники по истории черносозного землевладения, с. 163. Ср.: «Грамота устанавливает размер повинностей, идущих с погоста, принадлежащего новгородским боярам, в пользу государства» (*Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 59); «появление грамоты было вызвано жалобой бояр — владельцев погоста» (там же, с. 65; см. также с. 247, 287 и на с. 289 совершенно фантастическую родословную Мартемьяновичей); «в грамоте челобитчики указаны поименно, их классовая принадлежность не вызывает сомнений — все они бояре» (*Людин И. М.* Грамота о сиротах Терпилова погоста, с. 286).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ВОТЧИННОЙ СИСТЕМЫ
В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Выше рассмотрен ряд землевладельческих родословий, позднейшие звенья которых фиксируются сведениями писцовых книг и другими материалами конца XV в. В одних случаях последние представители семей новгородских вотчинников сведены со своих наследственных владений Иваном III после инкорпорации Новгорода в состав Московского государства, в других эти вотчинники сохраняют свои измельчавшие волостки, оставаясь их владельцами в качестве своеземцев.

Вопреки высказывавшемуся в литературе мнению о том, что после новгородского «вывода» на территории Новгородской земли могла сохраниться в виде мелких землевладельцев, сделавшихся своеземцами, часть бояр, мы, рассматривая именно те материалы, которые послужили основой для такого мнения, не подтвердили его справедливости. Боярские семьи были выведены из Новгорода полностью, будучи замещены московскими помещиками. Возникновение сословной категории своеземцев не связано с судьбами боярских вотчин. Всякий раз, знакомясь с происхождением своеземцев, мы убеждались в том, что основой их возникновения является измельчание в ходе наследственных разделов феодальных вотчин другой группы земельных собственников отнюдь не боярского происхождения.

Однако и в том, и в другом случае, прослеживая историю землевладения в глубь десятилетий, мы обнаруживаем, что еще в XIV в. земельная собственность новгородских феодалов существовала в более концентрированной форме, нежели накануне потери Новгородом независимости. В частности, это касается и небоярского землевладения. Если к последней четверти XV в. землевладение потомков жившего на Рогатице житего Якова расщеплено между двумя десятками его потомков, среди которых выделяются совершенно обособившиеся семьи

Опариных, Ондrejaновых, Микитиных, Босоволковых, Немых, а объем землевладения отдельных членов этих семей приравнивается обже, т. е. минимальному крестьянскому двору, то Яков был в свое время владельцем значительных массивов общим объемом в 202 обжи, распоряжаясь землями в Сытинском, Усть-Волмском и Оксочском погостах и в Защижье. Если к моменту подчинения Новгорода Москве двинская волостка Мартемьяновых в процессе родственных разделов превратилась в систему самостоятельных небольших владений лиц, находившихся в дальнем родстве между собой, то при общем предке всех этих лиц — Савелии Григорьевиче все эти владения составляли единый владельческий массив, в который полностью входил целый Терпилов погост, принадлежность которого одному лицу зафиксирована документально.

Очевидно, что это наблюдение противостоит попыткам видеть в своеземцах другой полюс феодальной системы — черносошных крестьян, вчерашних общинников, сделавшихся мелкими аллодистами в результате распада внутриобщинных связей. Писцовым книгам мелкая земельная собственность известна исключительно в форме своеземческих владений. Возражая С. Б. Веселовскому, писавшему, что измелъчавшие и обедневшие потомки крупных феодалов составляли самый значительный контингент мелких вотчинников, А. Л. Шапиро отметил: «Такое впечатление может создаться при изучении актового материала потому, что история боярской вотчины отражена в этом материале несравненно лучше, чем история крестьянского землевладения. Превращение же крестьян черной волости в мелких вотчинников по сохранившимся источникам очень трудно проследить. Нельзя забывать, что такое превращение было типично для ранних стадий формирования феодальных отношений и имеет большое значение для понимания генезиса феодализма. Поскольку в XV в. в Новгородской республике черные земли в основном уже были расхищены, переход черного крестьянства в разряд мелких вотчинников был явлением исключительным. Тем с большим вниманием мы должны присмотреться к соответствующим показаниям источников»¹. Примеры, приведенные далее Шапиро, не всегда убеждают в справедливости такого возражения. В качестве одного из них взяты двинские своеземцы Амосовы, происхождение которых, как мы уже убедились, было совершенно иным.

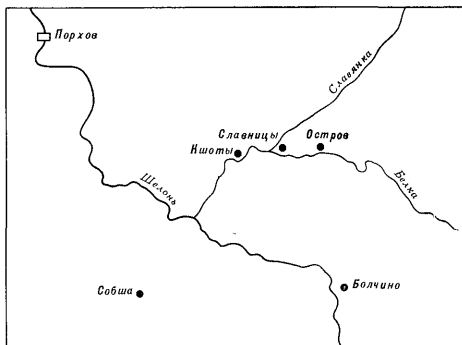
В то же время предположенный Шапиро как исключительный для XV в. процесс (оставляем пока в стороне раннюю стадию формирования феодальных отношений) представляется в какой-то степени обоснованным материалами Ильинского Иломанского погоста Корельского уезда Водской пятины (эти материалы приведены Шапиро), в котором рядом с чернокунцами, бывшими «за владыкою», жили мелкие вотчинники, которые сохранили свои земли и после конфискации Ивана III, получив наименование своеземцев. В прямую связь с этим наблюдением встает вывод А. М. Гневушева, поддержанный Б. Д. Грековым еще в 1914 г., согласно которому наряду с собственными владычными землями, пожалованными Софийскому дому или купленными им, существовал обширный фонд государственных земель, порученный Софийскому дому и владыке как организаторам государственной казны; земли этой категории и обозначались находящимися «за владыкою»²; архиепископ был как бы контролером доходов с этих земель.

Коль скоро это так, следует согласиться с тем, что «ко времени инкорпорации Новгородской республики в единое Русское государство в ней сохранились лишь незначительные остатки древнего общинного землевладения»³. Вся территория Новгородской земли за вычетом тех массивов, которые были «за владыкою», к этому моменту представляла собой систему феодальных вотчин, а остатки древнего общинного землевладения возможно искать лишь на территориях, бывших «за владыкою». Никем, к сожалению, не была проделана работа по определению объема собственных владычных земель и кормленческих волостей, бывших «за владыкою». Однако некоторое представление о масштабах распространения вотчинной системы к концу новгородской независимости дает сравнение следующих цифр. По подсчетам авторов коллективной «Аграрной истории Северо-Запада России», общий объем землевладения на территории пятин, как он определяется неполными материалами сохранившихся писцовых книг, равен примерно 46 тыс. обож, тогда как на долю владыки из этого количества приходится около 8 тыс. обож, т. е. около 17%. Если учесть, что немалую часть владычных земель составляли не кормленческие волости, а архиепископские вотчины, объем кормленческих волостей окажется много меньше этой цифры. Думается, что не будет преувеличением сказать о принад-

лежности к вотчинной системе не менее 90% земель, освоенных на территории пятин.

Существуют материалы, позволяющие проследить, как во второй половине XIV—XV в. государственные земли, бывшие «за владыкою», переливались в вотчинный фонд. В 1978 г. при раскопках боярского усадебного комплекса на юго-западном углу перекрестка древних Пробойной (Людина конца) и Черницыной улиц в слое рубежа XIV—XV вв. была найдена берестяная грамота № 568, представля-

ющая собой фрагментированный лист из записи, которая состояла из нескольких таких листов, поскольку обнаруженный текст, сохранившийся и первую, и последнюю строки, не имеет ни начала, ни конца: «...ька на Острове короб[ь]я соли. У Домана в Микулин... коробыи соли. У Голеди в Слав[н]ицахъ коробья соли. У ... на Кшетахъ полторы коробыи соли. У старосте на Кшета[хъ съ дру]жиною 3 коробыи соли. В Олисея на Кшетахъ полторы [коробь]и соли. У Кузме у Рядятина полкоробь[и] соли. У Родивана с ...ъ коробья соли. У Князя в Болъсине селе полторы короб[ь]и соли. У ...]кыта на Сопшахъ съ зятомъ коробья соли. У Ива[на]...» Конъектуры даны по расчету отсутствующих букв и общему смыслу текста. После слов «У Родивана с...» могло следовать: «сыномъ», «зятёмъ» и т. п.

Топонимы берестяной грамоты № 568.

Все населенные пункты, названные в грамоте, отыскиваются на современной карте. В нижнем течении реки Белки, впадающей в Шелонь справа в 13 км выше Порхова, находятся деревни: Кшоты (в 5 км выше устья Белки), Славницы (в 6 км выше того же устья), Остров (в 8 км выше того же устья). Болсино село, иначе Болчинский погост, расположено на правом берегу Шелони в 10 км выше устья Белки. Деревня Сопши (Собша) находится вблизи левого берега Шелони, в 5 км на юго-запад

от устья Белки. Не удалось обнаружить на карте лишь Микулино, которое, судя по очередности пунктов, должно находиться между Островом и Славницами.

Известны эти пункты и в писцовых книгах Шелонской пятины. Кшоты (в писцовой книге — Шкота), Славницы, Остров, Сопши — в Карачунском погосте, Болчино — центр соседнего с Карачунским Болчинского погоста⁴. Микулина нет в писцовых книгах, однако один из документов 1572 г. знает в Карачунском погосте деревню Митутино (0,5 обжи)⁵, возможно, идентифицируемую с Микулином. Особо отмечу, что выделение в административной системе Новгородской земли Болчинского погоста произошло уже в московское время. Еще в 1498 г. он течением Шелони делился на две части: восточная (в которой находится Болчино) принадлежала к Порховскому уезду (как и Карачунский погост), а западная — к Вышегородскому уезду. К 1539 г. это деление исчезло⁶. Поэтому нужно заключить, что в эпоху новгородской независимости все территории, названные в берестяной грамоте № 568, составляли административно цельную единицу, находясь в пределах одного погоста с центром в Болчине или в Карачуницах.

Казалось бы, сумма сведений, содержащихся в грамоте, достаточна для установления владельца всех этих деревень в конце эпохи новгородской независимости. Однако дело обстоит не столь просто. В писцовой книге 1498 г., которая сообщает сведения старого письма, давая указания о владельцах деревень времени самостоятельности, из описания 353,5 обжи, числящихся в Карачунском погосте, сохранились сведения лишь о 56,5 обжи; материалы по остальным, в том числе и по всем интересующим нас пунктам, утрачены. Сведения по Болчинскому погосту в этой книге сохранились: земли собственно погоста, т. е. Болчина села, принадлежали Олферию Ивановичу Офонасову и Остафию Болчинскому⁷.

В писцовой книге 1539 г. сохранилось описание только 63 обож Карачунского погоста, в том числе интересующие нас сведения по деревне Сопши, которая в момент составления письма принадлежала Семену Ивановичу Картмазову, получившему ее после братьев Олферия и Григория Картмазовых, а в новгородское время она, оказывается, принадлежала Ульяну Плюснину⁸.

Наибольшее количество сведений по названным в грамоте № 568 пунктам имеется в писцовой книге 1576 г.

В это время Кшоты (Кшеты) и Славница принадлежали Сумороку Караулову, а Остров — Ушатому Азарьеву⁹.

Между тем перечневая книга, составленная около 1498 г., сохранила по Карачунскому погосту сведения и о старых землевладельцах новгородского времени, и о первых помещиках московской поры, но без указания их конкретных поместий. Среди первых московских помещиков мы без труда обнаружим предков владельцев 1539 и 1576 гг. — Григория и Игната Ивановичей Картмазовых (Каркмазовых), Собину Караулова и Ушака Москотиньева. При этом выясняется, что Картмазовы получили земли сведенных новгородцев Ульяна Плюснина, Семена Бабкина и Тимофея Грузова, Караулов и Ушак Москотиньев — владычные земли¹⁰.

Таким образом, к моменту вывода новгородских землевладельцев пункты, названные в грамоте № 568, не составляли единого владельческого массива. Часть этих владений числилась за владыкой, другие части — за Олферием Офонасовым, Тимофеем Грузовым, Остафием Болчинским, Ульяном Плюсниним, Семеном Бабкиным. Из последних Олферий Офонасов и Тимофей Грузов, хорошо известные по летописным рассказам и писцовым книгам, были боярами и посадниками, связанными своей деятельностью со Славенским концом Новгорода. Ульян Плюснин, участвовавший во встрече Ивана III во время его «мирного похода» на Новгород в 1475 г., назван в летописи житьим. Среди житьих там же названо имя и одного из Бабкиных¹¹. Сведениями об Остафии Болчинском мы не располагаем.

Итог этих наблюдений можно было бы представить таким образом. В XIV в. все перечисленные в рассматриваемом тексте пункты находились в руках одного владельца, жившего на Черницыной улице, а затем перешли в руки разных новгородских феодалов из числа бояр и житьих, если бы не наличие в этом фонде владычных, т. е. черносошных земель. И в XIV, и в XV вв. такие земли продолжали находиться в движении, переливаясь в вотчинный фонд новгородских феодалов. Полагаю, что именно с таким случаем мы столкнулись, анализируя берестяную грамоту № 568, которая посвящена исчислению государственных доходов с черных волостей.

В пользу такого предположения говорит и сам характер этих доходов. Все перечисленные в грамоте крестьяне платят солью, которая отнюдь не добывалась в тех

местах на верхней Шелони, где они жили. В ходе археологической разведки по топонимам грамоты № 568, принятой студентами кафедры археологии МГУ С. З. Черновым и П. М. Алешковским, были получены сведения от местных жителей о том, что вплоть до XX в. соль туда доставлялась отхожим промыслом в район псковского Острова. Следовательно, мы сталкиваемся здесь с так называемой «копациной», хорошо известной по новгородским писцовым книгам, исчисляющим налог в пользу великокняжеского наместника, т. е. в государственную казну, с «копачей» — крестьян, не сидевших на запашке, а отходивших в центры солеварения¹².

Однако из сделанных наблюдений следует и еще один вывод. Расхищение остатков фонда черных земель в XV в., внедрение на эти земли владельческих волосток осуществлялось в первую очередь боярами и житейными людьми, а не порвавшими с общиной и неизвестно каким образом разбогатевшими чернокунцами. Не существует серьезных оснований думать, что в других погостах (например, в названном А. Л. Шапиро Ильинском Иломанском) этот процесс развивался как-то иначе.

* * *

XV век — время, когда основной массив черных земель уже освоен вотчинниками, и существо процесса движения земельной собственности в этот период состоит в том, что этот процесс оказывается вторичным относительно первоначального образования феодальной вотчины. Отличительной особенностью динамических процессов развития вотчины в XV в., следовательно, является именно перераспределение земли между вотчинниками. Неслучайным поэтому кажется отсутствие среди многочисленных новгородских поземельных актов XV в. документов, фиксирующих покупку земель у общины.

К какому же времени относится формирование вотчинной системы? Мне представляется, что постановка этой проблемы должна включать мысль о двух важных этапах развития феодальной собственности на землю на территории новгородских владений. Поскольку освоение феодалами черных земель было процессом длительным, до какого-то момента этот процесс не достиг тотального поглощения черных земель вотчинниками, и основные усилия феодалов были направлены к присвоению черных

земель. Однако необратимость процесса феодализации приводит в конце концов к тому, что фонд свободных земель практически прекращает свое существование, после чего начинается этап перераспределения земельной собственности между вотчинниками; расцвет этого этапа мы наблюдаем в XV в.

Таким образом, важной составляющей частью стоящей перед нами проблемы является необходимость датировать этот качественный скачок в развитии феодальной вотчины. Трудность здесь состоит в практическом отсутствии актовых материалов раннего—до середины XIV в.—времени. Тем не менее возможно опереться на сумму косвенных показаний разных источников, демонстрирующих определенную систему изменений в отношении новгородского общества к вотчинному землевладению.

1. Конституирование владычного контроля за поземельными сделками

Полагаю, что наиболее перспективным в этом отношении является изучение сфрагистических памятников, связанных с движением вотчинного фонда. Все подлинные поземельные документы Новгорода XV в., сохранившие печати, скреплены буллами владычных наместников. В одних случаях это именные буллы, характерные для двинского судопроизводства, в других — анонимные, с изображением на одной стороне богоматери, а на другой — креста. Особо остановимся на последней группе.

Содержание актов, сохранивших такие печати, наглядно показывает характер деятельности суда владычного наместника: подавляющее большинство документов, скрепленных буллой владычного наместника рассматриваемого типа, фиксирует различного рода имущественные, прежде всего поземельные сделки. Из 16 сохранившихся при документах таких булл 5 привешены к купчим грамотам¹³, 7 — к данным¹⁴ и 2 — к духовным¹⁵. Об остальных двух, привешенных к вечевым актам, в дальнейшем скажу особо.

Такие же, но утраченные сейчас печати были привешены к двум данным грамотам XV в. Сведения о них сохранились в старинных списках с этих документов. На копии XVI в. с данной Василия Степановича Богословскому Важскому монастырю имеется помета: «И домовую грамоту игумен Даниил повез в Москву [дани]цу за

печатью свинцовой, а на печати написан крест животворящий, а на другой стороне пречистые воплощение»¹⁶. Подобная помета сделана и на списке XVII в. с данной шунжан Петра Адкина с племенем и других церкви Николая в Шунге XV в.: «А у грамоты печати свенчатые, у обоих воплощение пречистые богородицы, а назади кресты»¹⁷. Указание на наличие таких же печатей имеется в списке с комплекса документов, сделанном в начале XVII в. с актов, принадлежавших Ивану Васильевичу Едемскому: «Писаны на хартиях, а печати оловяные, на печатях образ пречистыя богородицы честнаго ея Знамения, а на другой стороне животворящий крест»¹⁸.

В 1958 г. В. И. Корецкий опубликовал девять не известных ранее новгородских документов XV в.¹⁹ Сохранившиеся в копиях XVI в., они содержат описание скреплявших их некогда печатей. В восьми случаях описаны буллы, содержащие «на свинцу пречистая богородица воплощение» или «на свинцу пречистая богородица воплощение, а на другой стороне крест, а подпись Исус Христос». В числе этих актов — 6 данных, 1 духовная и 1 купчая.

Подобные буллы в большом числе известны из находок в земле в самом Новгороде и на Городище под Новгородом. Вместе с 16 сохранившимися при грамотах таких печатей к осени 1979 г. зафиксировано 111, причем оттиснуты они 44 парами матриц. Специальное изучение анонимных владычных булл обнаруживает, что они появляются впервые около рубежа XIII—XIV вв. и поначалу употребляются крайне редко — еще реже, чем немногочисленные именные буллы новгородских архиепископов. К этому раннему времени относится, в частности, один из двух случаев употребления анонимной буллы при вечевом документе — грамоте Новгорода Риге, составленной в 1303—1307 гг.²⁰ Надо полагать, что в это время владычные наместники представляли особу архиепископа в отсутствие последнего. Однако со времени архиепископа Моисея (1326—1330, 1352—1359 гг.) анонимные печати владычных наместников перестают быть редкими. Стилистическое сравнение этих булл с синхронными именными печатями архиепископов позволяет датировать те разновидности, которые, безусловно, относятся к середине — второй половине XIV в. К указанному периоду возможно отнести не менее 40 печатей, т. е. примерно столько же, сколько их датируется XV веком. Это значит,

что по крайней мере с начала второго архиепископства Моисея суд владычного наместника приобрел функцию регулятора поземельных отношений. С этого момента буллы владычных наместников употребляются для скрепления поземельных актов. Единственным исключением оказывается такая печать, привешенная к жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г.²¹, отразившая, как мне кажется, реликтовое сохранение наместником его первоначальной функции представительства от владыки в момент отсутствия архиепископа²².

Очевидно, что конституирование суда владычного наместника около середины XIV в. и наделение его функцией регулятора поземельных отношений отражает какой-то очень важный качественный этап развития вотчинной системы. Не совпадает ли это административное нововведение с началом перераспределения земельной собственности, иначе — с практическим завершением освоения основного фонда черных земель вотчинниками? Если это так, то мы находим и достаточно убедительное решение поднятого С. Н. Валком вопроса о времени, с которого начинается массовое употребление частного акта, поскольку лишь перераспределение земельного фонда вотчин чаще всего ставит вотчинников в положение контрагентов частного акта. Ведь частными актами являются все скрепленные буллами владычных наместников документы конца XIV—XV в., за исключением жалованной грамоты 1450 г.

Я не убежден в том, что более ранние документы сходного характера следует относить к тому же разряду. Из дошедших до нас в оригинале ни духовная Варлаама конца XII в., ни духовная Климента XIII в. не имеют следов прикрепления буллы²³; следовательно, они не проходили официального утверждения и остались лишь записями волеизъявления. Ничего не говорят о наличии печатей при оригиналах грамот списки с духовной Антония Римлянина первой трети XII в.²⁴, с ободной Луки Варфоломеевича на Тайбольскую землю первой половины XIV в. (до 1342 г.)²⁵, с мировой старосты Азики с Василием Матфеевичем 1315—1322 гг.²⁶ В последнем случае, правда, наличие печатей упомянуто в списке XIX в., однако этот список был сделан с копийной книжки начала XVII в., где слова о печатях относились ко всему комплексу переписанных в ней документов, а не конкретно к мировой грамоте Азики.

Способ оформления таких записей может быть продемонстрирован ободной грамотой Луки Варфоломеевича:

«Се купи Лука у Малуила, и у Олексия, и у старосты, и у Родиона, и у всей братии, и Пиккуя, и у Юрья, и у Жадислава, и у Андрея, и у Сердилия, и у Андрея Таибольскую землю одерень себе и своим детем, куди староста со всею своею братиею ногою постоял, страдамую землю, и пожни, и тонища, и ловища, и хмельники, и поля, и заполки, и страдамую землю, и гонейный лес, мхи, и болота, и воды — тое Луки все одерень. А завод тое земли по старым межам по Звею реку на Великий камень, от Великого камня на Долгий мох, на островок, а от островка на Ольховой ручей, по Ольховому ручью на глажевник, от глажевника по ручью по Вяду реку прямо в Великий порог, по Вяниды реке вверх до Никифоровы межи, от Никифоровы межи чрез Соколей мох в Сар-озеро, из Сар-озера на Долгий остров в Долгий мох на Глубокий ручей по Симкинскую межу в Салмаксу реку, по Салмаксы реке вверх до бродища до Колголемского, от бродища по Григорьеву ниву, по Головской мох чрез Пажской мох прямо к Черному лесу, возле Черного лесу до Зыбучего мху по Гажье озерко, от озерка на Великий мох вокруг Пажской губе на Кобылью гору, от Кобыльеи горы возле озера до Пцына камня прямо на озерка, от озерок на Перзуев ручей до Великого озера, подле Великого озера до Звей реке. А в том ободу нету Луки сябра никого же. А на то послуши: Козьма Никифоров, Артемии Корнильев котельник, Есип Гаврилов, Тимофеи серебряник, Волос, Юрьи Соболев, Фешко Федоров, Назарей Савин. А писал Василей, дьяк святого Дмитрея»²⁷.

Мы видим, что документ утверждается только ссылкой на послухов, без участия чиновников государственного аппарата. Мирская староста Азика заканчивается формулой: «А на то рядци и послуши: Леонтеи Остафьевичь, Еремеи Кривцев, Терентии Водовиков, Нозарья Воиславлиц. А хто наступит на сии ряд, даст князю и посаднику дватцать гривен золота». Последняя фраза говорит о том, что в первой четверти XIV в. поземельные сделки входили еще в компетенцию смесного суда князя и посадника, а не владычного суда. Однако в данном случае до суда дело не дошло. Хотя Азика и приехал от своей братьи к князю Афанасию «на Василья на Матфеева», но «наставиле подвоиский, и не идучи к суду и уря-

дились рядом». Очевидно, что актовое оформление сделки, т. е. утверждение ее через суд, ставшее вскоре обязательным, до поры до времени требовалось только в случае возникновения конфликта, не разрешимого мирным путем, что, по-видимому, и является основой употребления так называемых «бессудных грамот».

Замечу, что после перехода поземельных дел в компетенцию суда владычного наместника гарантийная формула «даст князю и посаднику» никогда больше не употребляется, закономерно сменившись формулой «даст князю и владыце»²⁸.

Мировая Азики и ободная Луки Варфоломеевича фиксируют покупки боярами обширных владений у сельских общин, т. е. относятся еще к тому этапу, когда шло первоначальное освоение свободных территорий. Разумеется, возникновение подобных сделок теоретически возможно и в более позднее время, коль скоро в незначительном количестве такие территории сохраняются и до момента инкорпорации Новгорода в состав Московского государства. Однако достаточно показательным оказывается уже отмеченное обстоятельство: ни одного акта покупки земли у общины среди сотен поземельных документов XV в. нет.

На особый характер первой половины — середины XIV в. в истории новгородской вотчинной системы указывают и все рассмотренные выше генеалогические материалы.

Меньше всего мы смогли узнать о сельском землевладении Мишиничей. Однако любопытно, что основной массив завещанных Ориной Колмову монастырю земель составлен волостью на Паше и в Тайболе, т. е. землями, купленными ее предком Лукой Варфоломеевичем во второй четверти XIV в.

Существенной основой землевладения Онаньиничей и потомков посадника Федора Тимофеевича, включая Шенкурских, является Шенкурский погост, купленный их предком Василием Матфеевичем в первой четверти XIV в., и Кокшенгский погост, присоединенный к семейным владениям несколько позднее, но в пределах того же XIV в. Однако и остальные владения этого рода подвергаются первым семейным разделам только в середине — второй половине XIV в., что говорит о недавнем возникновении этой крупной вотчины.

То же наблюдение может быть сделано и относительно феодалов небоярского происхождения с Рогатицы — Немых, Опариных, Босоволковых и других членов этого рода, которые являются участниками многочисленных семейных разделов нескольких достаточно обширных волосток, сохранявших свою целостность при их общем предке Якове, жившем не позднее первой половины XV в.

К XIV в. относится начало формирования вотчины Мартемьяновых. Целиком этой вотчиной владел Савелий Григорьевич — дед (или прадед) Василия Федоровича, действовавшего в 20-х годах XV в.

Во всех рассмотренных случаях мы видим, что достаточно характерным видом первоначального вотчинного владения было обладание значительной территорией, равной целому погосту или по крайней мере заметной части погоста, а чересполосица участков в некогда едином владельческом массиве возникает как следствие перераспределения земель в ходе наследственных разделов. Замечу кстати, что в тех случаях, когда первоначальная вотчина совпадает с погостом или с его значительной частью, обояривание черной волости не приводит к разложению общины, а, напротив, консервирует ее как систему разуба вотчинных и государственных доходов.

Если относительно землевладельцев небоярского происхождения можно уверенно говорить, что приобретение вотчины Савелием Григорьевичем или Яковом тождественно переходу этих лиц в сословие землевладельцев, очевидно, житых — из другого сословия — купеческого, ремесленного и т. п., то вопрос о возможной сословной трансформации Мишиничей и Василия Матфеевича достаточно сложен. Мы не смогли установить достоверных предков этих бояр. Сведения о Мишиничах восходят только к концу XIII в.; происхождение Василия Матфеевича, действовавшего в начале XIV в., остается пока неизвестным. Поэтому теоретически допустимо предполагать, что боярские роды Мишиничей и Василия Матфеевича вообще возникают только в конце XIII в. Иными словами, видимая изначальность их вотчин в начале XIV в. является частным фактом истории конкретных боярских родов, а не отражением более широкого процесса, характерного для вотчинной системы в целом. Можно

иначе формулировать эту проблему. Если Мишиничи только на рубеже XIII—XIV вв. становятся крупными вотчинниками, но их предки были боярами и в предшествующие столетия, то в чем тогда состояла экономическая основа боярства в это раннее время? Естественно, то же касается и рода Василия Матфеевича. Следовательно, перед нами стоит один из самых существенных вопросов новгородской истории — кто же такие были бояре?

2. Проблема пределов кастовости новгородского боярства

Общие наблюдения над историей новгородского боярства позволяют формулировать характеристику этого сословия следующим образом. Боярство составляло высший слой новгородского общества, владевший на протяжении всего периода существования республики правом занятия главной республиканской должности — посадника. Ни обладание купеческими капиталами, ни обладание значительными вотчинами не сообщало владельцу этих капиталов или этих вотчин права стать посадником, если он не был боярином. Следовательно, принадлежность к боярству не определялась экономическим положением человека или семьи, а зависела от другой причины. Поиски этой причины приводят к однозначному решению — новгородские бояре составляли непополняемую касту аристократов и были обязаны своей сословной принадлежностью только происхождением от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории, от той сословной верхушки, которая консолидировалась в замкнутую касту еще на протогосударственной стадии.

Эта характеристика достаточно давно сложилась в литературе, но она не является единственной. Ей противостоит высказываемое иногда мнение о том, что упоминаемые в летописи и других источниках копорские князья, Валиты и двинские бояре, якобы принадлежавшие к сословию бояр, были включены в него в XIV—XV вв., не имея связи с древнейшей аристократической основой новгородского боярства. Рассмотрим подробно эту проблему, прежде всего на материалах, касающихся копорских князей.

Под 1394 г. Новгородская I летопись, рассказывая о походе новгородцев на Псков, упоминает «князя Ивана

Копорейскаго»: «Того же лета ходиша новгородци ко Пскову ратью и стояша под городом неделю; и в то время учинися бои в заизде новгородцам с пскововици, и убиша ту князя Ивана Копорейскаго и Василья Федоровича, а иных паде с обе стороне бог весть; и отъидоша новгородци от города, а со пскововице в розмерьи»²⁹. Аналогичный рассказ содержится и в псковских летописях: «Того же лета, месяца августа в 1 день, приидоша новгородци ко Пскову ратью в силе велице, и стоаша у Пскова 8 дней, и побегоша прочь ночью посрамлени, милостью святых троица; тогда и князя Копорейскаго убиша Ивана, под Олгиною горою, и иных бояр много на Выбуте избиша, а иных изымаша, а порочная веретница и пушчичи, чим ся били, пометаша, при владыце Иване, при посаднике Еске, при тысячком Никитьи»³⁰.

Еще один копорский князь упомянут в летописных списках новгородских тысяцких: «Елисеи Костянтинович князь Копорейский»³¹. Относительно этого тысяцкого В. Н. Бернадский полагал, что он идентифицируется с тысяцким Олисеем, известным по документам 1371—1373 гг.³² Такое отождествление неверно: тысяцкий Олисей 1371—1373 гг. идентичен упомянутому в тех же списках прежде Елисея Костянтиновича Олисею Онаньиничу. Имя же Олисея Костянтиновича встречено в пергаменной грамоте Великого Новгорода о рассмотрении жалобы Бориса Кижанинова: «От посадника новгородского Олександра Фоминица и от тысяцкого Олисея Костянтиновица, от всего Великого Новагорода к рисков посадникам и ратманом и всим добрым людем. Послали есмя к вам Бориса Кижанинова про его обиду, и вы есте обыскали с местерем по крестному целованью»³³. Грамота сохранила и две вислые восковые печати с именами посадника и тысяцкого³⁴.

Датируется этот документ именем посадника Александра Фоминича Царько, умершего в 1421 г.³⁵, но владевшего посадничьим титулом еще в 1398 г., что зафиксировано записью в служебной Минее: «В лето 6906-е написана бысть минея сии к Рождеству Христову на сени повелением архиепископа владыце Ивана при посаднице Александре Цесари. В то время послаша новгородьци за Волок рать. А писал Григор Ярославецъ»³⁶.

О степенном посадничестве Александра Фоминича (а оно подразумевается грамотой о Борисе Кижанинове) известно под 1404 г., но тогда он руководил Новгородом

совместно со степенным тысяцким Кириллом Дмитриевичем, а не с Олисеем Костянтиновичем³⁷. Поэтому наиболее вероятной датой грамоты, упоминающей степенного тысяцкого Олисея Костянтиновича, является 1398 г.; когда Александр Фоминич также владел степенью, как это очевидно из записи в Минее³⁸.

Под 1435 г. Псковская I летопись упоминает несомненного сына Олисея Костянтиновича — Антипа: «Приехаша послы из Новагорода Антип Олексеев сын копорского князя от владыцы Великого Новагорода и Пскова Еуфимия и от всего Великого Новагорода»³⁹. Заметим, что Антип называется уже не копорским князем, а только сыном копорского князя.

Наконец, еще одно — самое раннее — свидетельство о копорских князьях содержится в летописях под 1386 г. в рассказе о походе на Новгород Дмитрия Донского: «И тогда поставиша новгородци острог, по спу хоромы, а князь Патрекеи Наримантович да князь Роман Юрьевичи с Копорскими князи бяше в городе»⁴⁰.

Кто же были «копорские князья», известные только в 80-х и 90-х годах XIV в., представители которых бывали магистратами Новгорода? Пытаясь ответить на этот вопрос, Н. И. Костомаров считал их кормлеными князьями, «называемыми копорскими потому, что им Копорье дано было для кормления»⁴¹. Против такой постановки вопроса решительно возражал В. Н. Бернадский, говоря, что «этот взгляд нужно признать ошибочным, основанным на поверхностном изучении источников». По мнению Бернадского, «в князьях копорских нужно видеть местных феодалов, руководителей воевод, имевших свою резиденцию в Копорье. Вероятно, наличием местных феодальных князей нужно объяснять и тот любопытный факт, что Гедиминовичам в «кормление» предоставлено было «пол-Копорья» — вторая половина Копорья была сохранена за копорскими князьями»⁴².

Построение Бернадского представляется мне весьма ответственным. Оно касается принципиального вопроса о пределах кастовости новгородского боярства. Выше было отмечено, что наблюдения над материалами общественно-политической истории Новгорода как будто ведут к мысли о непополняемости боярского сословия извне. Оно уходит корнями в древнюю племенную знать, расширяясь только наследственностью. Могла ли эта каста увеличиваться введением в нее местных, провин-

циальных феодалов — восточных или карельских — в эпоху, когда внутренняя жизнь Новгорода включала в виде постоянного фактора ожесточенную борьбу за власть кончанских боярских группировок, каждая из которых давно уже была консолидированной? Для правильного ответа на этот вопрос необходимо внимательно рассмотреть всю проблему княжеских кормлений в Новгородской земле, начав, однако, с истории возникновения самого Копорья.

Город Копорье был основан в 1240 г. «немцами» на месте древнего погоста: «Тои же зимы придоша Немци на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на них възложиша, а город учиниша в Копорьи погосте»⁴³. В 1241 г. вызванный новгородцами Александр Ярославич пошел «на город Копорью, с новгородци и с ладожаны и с Корелою и с Ижеряны и взя город; а Немци приведе в Новьгород, а инех пусти по своей воли; а Вожан и Чюдцю переветники извеша»⁴⁴.

В 1279 г. «испроси князь Дмитрии у Новагорода поставити собе город Копорью, и ихав, сам сруби». На следующий год «князь великии Дмитрии с посадником Михаилом и с большими мужи, шедши, обложиша город камен Копорью»⁴⁵. В 1282 г., утратив великое княжение, Дмитрий Александрович пытался обосноваться в Копорье, но встретил вооруженное сопротивление новгородцев и их союзника князя Довмонта⁴⁶. В 1297 г. «поставиша новгородци город Копорью»⁴⁷.

В 1333 г. в Копорье впервые упоминается кормленческая волость: «Сем же лете вьложи бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченому в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимиана, и присла в Новьгород, хотя поклонитися святеи Софеи; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позваша его к собе; и прииха в Новьгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крест к Великому Новуграду за один человек; и даша ему Ладогу, и Ореховьи, и Корельскии, и Корельскую землю, и половину Копорья в отцину и в дедину, и его детем»⁴⁸.

Принятие Нариманта Гедиминовича в качестве служилого князя произошло во время жестокого размирья Новгорода с Иваном Калитой, и политический смысл этой акции очевиден. Примирение с Москвой было достигнуто уже в следующем, 1334 году, что, по-видимому, и вызвало отъезд Нариманта в Литву, который, однако,

не сопровождался отказом от кормления. Во всяком случае, когда в 1338 г. на Водскую землю напали немцы, копорьянами руководил некий Федор Васильевич, «князь же Наримант бяше в Литве, и много посылаша по него, и не поеха, нь и сына своего выведе из Орехового, именем Александра, токмо наместник свои остави»⁴⁹. Наримантов наместник в Орешке упоминается в дальнейшем под 1347 г.⁵⁰

Следует обратить внимание на то, что уже к 1333 г. другая половина Копорья оставалась вне сферы власти Нариманта, т. е. ее статус был иным. Как уже отмечено, Бернадский в эту половину «испоместил» местных водских князьков, связывая с ними и титул копорских князей. Однако уже на этой стадии рассмотрения проблемы такое предположение кажется несколько противоречивым. Мы видели, что в 1279 г. Копорье строится как княжеский городок, в 1280 г. как совместное укрепление князя и посадника, т. е. как государственная крепость, в 1297 г. тоже как новгородское предприятие. Чтобы за частью этого городка закрепились какие-то иммунитетные права до того, как другая его часть была дана в кормление Нариманту, необходимо, следовательно, предоставление этих прав новгородским вечевым решением. Иными словами, весьма затруднительно допустить уже во второй половине XIII в. существование наследственных прав местных водских феодалов на Копорье или какую-либо часть этого городка. Скорее возможно предположить, что загадочная половина Копорья была дана кому-то в кормление до приглашения Нариманта, получившего вторую, еще свободную половину, или, что она приносила доход непосредственно республиканской казне Новгорода. Во всяком случае, особые иммунитетные права Копорья очевидны в середине XIV в., когда этот город дважды становится прибежищем рассорившихся с Новгородом посадника Федора Даниловича, его брата Михаила, Юрия и Ондreja в 1342 и 1350 гг.⁵¹

Не решаюсь связывать с Копорьем сообщение 1379 г.: «Тои же зимы прииха в Новьгород князь Литовьский Юрь Наримантович», поскольку цель посещения им Новгорода неясна⁵². Однако в 1383 г. «в Новьгород приихаша князь Патрикий Наримантович, и прияша его навгородци, и даша ему кормление: Орехов город, Корельский город, и пол-Копорьи, и Луское село»⁵³. Среди этих городов нет Ладоги, хотя отцу Патрикия она была

дана в 1333 г. «в отчину и в дедину, и его детем». По-видимому, в первой половине XIV в. взаимоотношения Новгорода со служилыми князьями основывались еще на вотчинном праве, а кормленческого статуса тогда не было.

В следующем, 1384 году у Патрикия возникает конфликт с жителями Орехового и Корельского городков: «приихаша городцане ореховци и корельскыи с жалобою к Новугороду на Патрикия на князя; и князь Патракии подъя Славно и смути Новъгород: и стаху славляне по князи, и поставиша веце на Ярославле дворе, а другое веце у святей Софеи, обои в оружьи, аки на рать, и мост великыи переметаша; нь ублюде бог и святая Софея от усобныя рати, но отъяша укнязя те города, а даша ему Русу и Ладогу»⁵⁴. Надо полагать, что не упомянутые в связи с этим конфликтом пол-Копорья и Луское село по-прежнему оставались в руках Патрикия.

Наиболее значительным представляется мне показание 1386 г., уже цитированное, согласно которому во время войны с Дмитрием Донским в Новгороде находился не только Патрикий Наримантович, но и князь Роман Юрьевич с копорскими князьями. Логика говорит, что, по крайней мере в это время, Новгород знал две системы параллельно существующих кормлений — Патрикия Наримантовича (в Русе, Ладоге и половине Копорья) и Романа Юрьевича с копорскими князьями (в указанный момент в Копорье, а также, возможно, в Ореховом и Корельском городках).

Между тем в 1388 г. «князь Лугвении Литовъскыи, нареченыи в крещении Семен, присла послы своя в Новгород Великыи, Овьгимонта и Братошу, хотя быти у них в Новегороде и сести на городкех, чем владел Наримонт», а в 1389 г. «приеха в Новъгород Великы князь Семен Олгердович Лугвении на пригороды»⁵⁵. Очевидно, что новым назначением кормленческих волостей восстановлена старая система «литовского кормления»: Наримант, а следовательно, и Лугвень-Семен владели Ладогой, Ореховом, Корельским городком, Корельской землей и половиной Копорья. Значит ли это, что одновременно была уничтожена и вторая система кормлений, числившаяся при Патрикии за князем Романом Юрьевичем «с Копорскими князьями»? Ответить на этот вопрос позволяет дальнейшая судьба кормленых князей.

Лугвень пользовался своей волостью до 1392 г. В 1390 г. «ходиша новгородцы со князем Семеном Олгердовичем на Псков ратью»⁵⁶. В 1392 г. «приходиша Немцы разбоем в Новгородския власти, и внидоша в Неву и взяша власти и села по обе стороны реки за три версты до городка Орешка. И князь Семен, собрався з городчяны, погна вслед их, иных изби, а иных приведе во град, а инии утекоша. И поиде князь Семен в Литву, а град остави»⁵⁷. В соединении с предыдущими известиями очевидно, что резиденция литовской кормленческой волости находилась в Ореховом.

После ухода Лугвеня, в 1393 г. «прииха князь Костянтин Белозерский в Новгород, и прияха его»⁵⁸. Казалось бы, князь Константин приглашен на место Лугвеня и его появление в Новгороде знаменует разрыв с Литвой. Но это вовсе не так. В том же 1393 г. «новгородцы, охвачая рать, выехаша на княжи волости воевать, а с ними два князя, Роман Литовский, Костянтин Иванович Белозерский, и воеводы новгородския, Тимофеи посадник Юрьевич, Юрьи Онцифорович, Василей Синец, Тимофеи Иванович, Иван Александрович, и взяша Кличен городок и Оустюжно, из Заволочья повоеваху с двиняны, взяша Оустюг городок и пожгоша»⁵⁹. В 1394 г. «ходиша новгородцы с своими князи, с князем Романом и с князем Костянтином, к Пскову ратью»⁶⁰. Никоновская летопись в том же сообщении называет князя Романа Литовским⁶¹.

Таким образом, система «литовского» кормления существует и после 1393 г., а в цитированных летописных рассказах фигурируют одновременно два служилых князя: Константин Иванович Белозерский и Роман Литовский. Если во втором из них очевиден преемник Лугвеня, то в первом логично угадывать преемника Романа Юрьевича.

Все составители указателей к русским летописям отождествляют Романа Литовского с Романом Юрьевичем, для чего не только нет оснований, но существуют прямые свидетельства тому, что это разные лица. Среди потомков Гедимины нет Романа Юрьевича. Единственный среди них Роман в хронологических рамках XIV в. — князь Роман Федорович, внук Ольгерда, о котором известно следующее. В 1387 г. его имя фигурирует на поручной записи за князя Олехна Дмитриевича. В 1394 г. для него был выдан доспех из королевского скарба.

В 1404 г. он получил грамоту на владение городом Кобрином и стал родоначальником князей Кобринских. Последнее известие о нем относится к 1411—1417 гг., когда он был при королевском дворе⁶². Что же касается князя Романа Юрьевича, то он еще в 1398 г. был убит на Шелони и погребен в Порхове⁶³.

О примерном местонахождении резиденции преемника Романа Юрьевича на кормлении — князя Константина Ивановича Белозерского возможно судить на основании данных о его деятельности по защите новгородских рубежей. В 1395 г. «приходиша Немци Свея к новому городку к Яме, и поихаша прочь, и князь Костянтин с городцаны иных изби, а инии убежаша»⁶⁴. В 1396 г. «пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескийи и Кюлоласкийи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелою гнася по них и язык изима и присла в Новъгород»⁶⁵. Построенная в 1384 г. каменная крепость Ям находится рядом с Копорьем, а оба города вблизи Карельского перешейка, с которым связаны события 1396 г.

Существование двух систем кормлений продолжается и после 1396 г. В 1397 г. «прииха князь Василии Иванович Смоленскийи в Новъгород, и прияша его». В том же году «прииха князь Патрикийи Наримантович в Новъгород, и прияша и»⁶⁶. Речь здесь идет об одновременном приглашении; если бы Патрикий сменил Василия Ивановича, об этом было бы сказано иначе. Замечу, что для составителя Московского летописного свода конца XV в. в факте одновременного приглашения в Новгород двух служилых князей не было ничего необычного, поскольку он оба известия объединяет: «князь Василей Иванович Смоленскийи и князь Патрекеи Наримантовичъ приехаша в Новъгород и прияша их новгородци»⁶⁷.

Временная ликвидация параллельных кормлений относится к 1404 г. и связана с приглашением в Новгород смоленского князя Юрия Святославича. Юрий находился в Москве в поисках защиты у великого князя от намерений Витовта захватить Смоленск, когда узнал о падении Смоленска в результате измены. «И то слышав князь Юрьи Святославичъ Смоленскийи, что град его взят бысть и все его великое княжение, и великаа его княгини отведена в полон в Литву, и князи и бояре, любящии его, выведены быша в полон в Литву, а инии разсточени, а иных смертною казнию казниша, и возкорбе

великою печалию в горести душа, поиде с Москвы в Великий Новъгород с сыном своим с Феодором и с князем Семеном Мстиславичем Вяземским и з братом своим с князем Володимером Святославичем. Новгородцы же приаша его в честь и даша ему 13 городов: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверьский, Корельский, Копорью, Тръжек, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городецъ. И целова крест князь Юрьи Святославич ко всему Новугороду и в живот и в смерть, который врази поидут на Новъгород ратью, боронитися от них князю Юрью с новгородцы с одного, а посадник новгородцкии Александр Фомич да тысяцкии Кирило Дмитриевичъ целоваша крест ко князю Юрью Святославичю за весь Великий Новъгород»⁶⁸. Юрий оставался новгородским служилым князем только два года. В 1406 г. «той осени отъиха из Новагорода князь Юрьи на Москву»⁶⁹.

В 1407 г. система параллельных кормлений, по-видимому, была возрождена. Об этом можно судить по сообщению Новгородской IV летописи: «В лето 6915. Приаша новгородци князя Данила и брата его Юрья и даша им Порхов. Того же лета прииха в Новгород князь Семеон Олгордович, и даша ему новгородци города, которые прежде сего были за ним»⁷⁰. Князь Даниил в 1408 г. возвратился в Псков⁷¹. Однако в следующие годы рядом с Семеном-Лугвением в качестве служилого князя оказывается сын Юрия Святославича Смоленского Федор. Когда 2 января 1412 г. король Ягайло, Витовт и Лугвень «въскинуша грамоты възметныи к Новугороду» после того как «Лугвень съеха в Литву и наместники сведе с пригородов новгородчких», то в числе литовских претензий к Новгороду было и то, что «над то надо все нашего ворога Юрьева Святославича сына Федора приняле есте». А Лугвень тако рече: «держале мя есте хлеборъмлением у себе, ино ноница братьи моеи старейшей, королю и Витовту, не любо, и мне не любо, занеже есмь с ниме один человек; а с мене челование долов». И князь Федор рече новгородцом: «о мне с Витовтом нелюбья не держите»; отъиха в Немце»⁷². Замечу, что незадолго до этого демарша Новгород предпринял безуспешную попытку вернуть Лугвеня на кормление⁷³.

Резиденция Лугвеня была, по-видимому, в Копорье: в 1411 г. «родися князю Лугвеню сын на Копорьи, а во крещеньи наречен Феодор»⁷⁴.

О судьбе кормленческих волостей после ухода Лугвеня ничего не известно до 1420 г., когда после разрыва с Василием Дмитриевичем в Новгороде укрылся его брат Константин, которого «прияша новгородци в честь. месяца февраля в 25, на сбор великыи, и подаваша ему пригороды, кои быле за Лугвенем, и бор по всей волости новгородчкои, коробеищину»⁷⁵. Помирившись с Василием, князь Константин Дмитриевич выехал из Новгорода в 1421 г.⁷⁶

И снова судьба кормлений остается неосвещенной до 1432 г., когда «той осени прииха в Новъгород князь Юрьи Семенович с своею княгинею из Литовской земли»⁷⁷. Ко времени Юрия Семеновича-Лугвеневича относится важное свидетельство его положения в Новгороде — надпись 1436 г. на панагиаре: «...створена бысть понагия сия повеленьем преосвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еоуфимия при великом князе Василье Васильевиче всея Роуси, при князе Юрье Лоугвенъевиче, при посаднике Великого Новагорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче»⁷⁸. В надписи назван только один служилый князь — Юрий, а не два, как можно было бы ожидать в том случае, если система параллельных кормлений сохранялась и в это время.

На какой-то срок Юрий Семенович уезжал из Новгорода, поскольку под 1438 г. снова рассказывается о его приезде: «В весну прииха в Новъгород князь Юрьи Семенович, марта в 3»⁷⁹. В 1440 г. новгородцы расстаются с ним: «князь Юрьи Семенович из Новагорода Великого выеха в Литву, и князь великыи Казимир дал ему отчину»⁸⁰. Спустя четыре года, в 1444 г. на кормление в Новгород приглашен литовский князь Иван Владимирович: «семтября 14 приехал князь Иван Володимирович в Новъгород на пригороды, на которых был Лугвень и сын его Юрьи по новгородскому прошению; а князь Юрьи Лугвенъевич поеха к Немцем, а Немцы ему путь не даша, и он отъеха на Москву»⁸¹.

Не исключено, что в этот период существовало и второе кормление, поскольку под 1445 г. рассказывается, что когда новгородцы под руководством князя Ивана Владимировича воевали с немцами, «а в то время в городе в Яме был князь Василен Юрьевич Суздальских князей».

В 1445 г. снова «приеха в Новъгород с Москвы князь Юрьи Лугвеньевич, и новгородци даша ему кормьление, по волости хлеб, а пригородов не даша; а князь Иван отъеха в Литву»⁸². История кормленческой волости на этом, по-видимому, не заканчивается, хотя более поздние служилые князья Александр Васильевич Черторыйский (1447—1455 гг.), Василий Васильевич Шуйский-Гребенка (1455—1478 гг.) и эфемерный Михаил Олелькович (1471 г.) упоминаются вне связи с пригородами.

В 1458 г. «месяца ноября в 1 день приеха из Литвы от короля Казимира королевичь в Великий Новъгород, и новгородци прияша его в честь; а с ним приехал посол короля Казимира пан Ондрюшко Исаковичь, и новгородъци добре почтивше и одаривше его, чисто отпустивше его в Литву к королю; а князю Юрью Семеновичю даша ему пригороды новгородчкьи: Русу, Ладогу, Орешек, Корельский, Яму, пол-Копорьи». Кормление продолжалось меньше года: «месяца августа князь Юрьи Семеновичь Литовский восхоте поехати в свою землю, и с своею княгинею и с своими бояры, и архиепископ владыка Иона и всь Великий Новъгород честь ему въздаша добре, и одариша его, и отпустиша въсвоися».

В 1464 г. «прияша новгородци князя Ивана Ивановича Белозерскаго»⁸³.

Возвращаясь к особо интересующему нас периоду 80-х и 90-х годов XIV в., когда действуют копорские князья, можно констатировать, что, по крайней мере с 1384 до 1397 г., кормления в Новгородской земле использовались для испомещения двух линий приглашаемых на них князей. Одна система связана с Литвой, откуда происходят сменяющие один другого князья Патрикий Нариманович, Семен-Лугвень Ольгердович, Роман Федорович. Представителем другой системы является князь Роман Юрьевич, а после него Константин Иванович Белозерский. Если литовские князья тяготеют к Ладоге, Корельскому городку и Орешку, а также получают половину Копорья, то Роман Юрьевич и Константин Белозерский тоже связаны с северо-западом: Ямом, Порховом и с тем же Копорьем.

Личность Константина Ивановича Белозерского уже привлекала внимание исследователей. Он идентифицируется с сыном погибшего на Куликовом поле Ивана Федоровича, бывшего сыном погибшего тогда же белозерского князя Федора Романовича⁸⁴. Однако единст-

венный русский князь конца XIV в., носивший имя Роман Юрьевич, — троюродный брат Константина, внук Василия Романовича Белозерского⁸⁵. Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с тем же родом белозерских князей.

Вступление белозерских князей на новгородскую службу во времена Дмитрия Донского представляется более чем закономерным. Во второй духовной Дмитрия Ивановича (1389 г.) Белоозеро называется куплей Ивана Калиты: «А сына своего, князя Андрея, благословляю куплею же деда своего, Белымозером со всеми волостями»⁸⁶. В духовных Ивана Калиты, Семена Гордого и Ивана Красного Белоозеро как московская отчина не упомянуто. Однако несколько белозерских волостей достались Дмитрию Донскому от княгини Федосьи — дочери Ивана Калиты; по завещанию Дмитрия, они остаются в распоряжении Федосьи до ее смерти, а затем должны перейти к княгине Дмитрия⁸⁷. Что касается завещанных Андрею Дмитриевичу частей белозерской отчины, то в летописи они обозначены так: «третьему сыну своему князю Андрею дать город Можаяск, а на Белоозере два города с всеми пошлинами, а неколи бысть Белозерское княжение великие»⁸⁸. Поскольку значительные части Белозерья и после Дмитрия Донского оставались во владении младших линий князей белозерского дома — Сугорских, Кемских, Шелешпанских, Ухтомских и др., история первоначальных вторжений Москвы в белозерскую отчину представляется следующим образом.

По-видимому, первым этапом внедрения Москвы на Белоозеро была уже упомянутая купля Ивана Калиты, которая могла быть совершена только у Романа Михайловича Белозерского, родившегося до 1293 г. (его отец умер в 1293 г.) и упоминаемого в 1339 г. Брат Романа — Федор Михайлович, бывший его предшественником на белозерском столе, в последний раз упомянут летописью под 1314 г., т. е. задолго до вокняжения в Москве Ивана Калиты. Этой куплей суверенные права белозерских князей не были ликвидированы. В 1339 г. Роман Михайлович ходил в Орду, т. е. был самостоятельным князем. В 1375 г. его сын Федор Белозерский во главе своего войска участвует в походе на Тверь. В 1380 г. он вместе с сыном Иваном погибает на Куликовом поле.

У Романа Михайловича было два сына — Федор Белозерский и Василий Сугорский. От последнего берут

начало все линии князей мелких уделов Белоозера, сохраняющих суверенитет и в XV в. Следовательно, у Федора Романовича Белозерского также была реальная отчина, бывшая основой его суверенитета. Такой отчиной, за вычетом владений Василия Сугорского и купли Ивана Калиты, оказывается территория, отданная в дальнейшем Дмитрию Донскому княгиней Федосьей. Мне представляются убедительными предложенные А. И. Копаневым аргументы в пользу того, что Федор Романович был женат на дочери Ивана Калиты Федосье, которая, следовательно, владела белозерской отчиной, унаследовав ее от мужа (и сына) в 1380 г.⁸⁹ С передачей этой отчины Дмитрию самостоятельность собственно белозерских князей ликвидируется, хотя у Федора Романовича был не только сын Иван, погибший вместе с ним в 1380 г., но и внук — уже известный нам Константин Иванович, о деятельности которого летопись знает и под 1408 г. Родословные книги прерывают эту линию рода белозерских князей на Иване Федоровиче, полагая, что «от тово род не пошел», и вступая, таким образом, в противоречие с летописью⁹⁰.

Коль скоро старшая линия князей белозерских в 1380 г. теряет самостоятельность и делается безземельной, вполне закономерным оказывается и то, что после 1380 г. князья белозерские обнаруживаются в качестве кондотьеров в Новгороде. Замечу также, что пока Константин Иванович Белозерский был ребенком, права старшинства в роду были усвоены старшим сыном Василия Романовича Сугорского Юрием и детьми последнего Давидом, Романом и Андреем, последними князьями, титуловавшимися белозерскими. От них пошли уже Белосельские, Андожские и Вадбольские князья⁹¹.

Как уже выяснено выше, Роман Юрьевич Белозерский был кормленным новгородским князем в 1386 г. и был связан с Копорьем. Константин Иванович Белозерский был на новгородском кормлении в 1393—1396 гг. и тоже связан с Водской землей. Не им ли принадлежала та половина Копорья, на которую не распространялась власть литовских служилых князей? И не они ли титулуются в Новгороде князьями копорскими? Обращает на себя внимание то обстоятельство, что имена обоих копорских князей, сохраненные летописью, могут быть поставлены в прямую связь с белозерскими князьями старших линий. В 1394 г. под Псковом погиб князь

Иван Копорский, но, согласно показаниям родословных книг, у Романа Юрьевича Белозерского имелся сын Иван⁹². Копорского князя, ставшего новгородским тысяцким, звали Олисеом Костянтиновичем. Не был ли он сыном Константина Ивановича Белозерского?

Если изложенные наблюдения правильны, ликвидация кормленческих прав белозерских князей в Новгороде должна была случиться в 1397 г., когда параллельное с литовским кормление было отдано в руки смоленского князя Василия Ивановича. С тех пор оно на сравнительно долгий срок остается за смоленскими князьями, в частности с 1404 по 1406 г. за Юрием Святославичем. Подозреваю, что и получившие Порхов в 1407 г. братья Даниил и Юрий Александровичи принадлежали к смоленской ветви князей, хотя Даниила Александровича указатели к летописям считают почему-то ростовским князем. В Родословной книге князей Даниила и Юрия Александровичей нет, однако Порховских князей как особый род она считает смоленским по своему происхождению⁹³. Следует отметить, что среди этих Порховских князей второй четверти XV в. имеется и Юрий, убитый под Суздалем⁹⁴, идентифицируемый с Юрием Александровичем.

Ликвидация кормленческих прав белозерских князей в 1397 г. и ориентация на Смоленск имела следствием переход этих союзников Новгорода на сторону Москвы. В 1398 г. новгородцы «пойдоша на князя великого волости на Белоозеро, и взяша белозерьскыи волости на щит, повоевав и пожгоша, и старыи городок Белозерьскыи пожгоша, а из нового городка вышедши князи белозерьскыи и воевода князя великого, и добиша чолом воеводам новгородчкым и всем воем. И взяша у них окупа 60 рублей, а полона поимаша бещисла, и животов поимаша бещисла»⁹⁵. Но эта переориентация должна была ликвидировать и титул копорских князей, что в действительности и произошло, поскольку в начале XV в. внук Константина Ивановича называется сыном копорского князя (каким был еще Олисей), а не князем.

Таким образом, изложенные материалы ведут к предположению, что копорские князья вовсе не были представителями местной, водской знати, а составляли группу белозерских князей, служивших в 80-х и 90-х годах XIV в. Новгороду после утраты суверенитета над своими родовыми уделами.

Нуждается в обсуждении еще один сложный вопрос. Если белозерские князья получили свою половину Копорья только после 1380 г., кому принадлежала она в более раннее время? Ведь еще в 1333 г. Нариманту достается только пол-Копорья. Значит, другая половина, отданная после 1380 г. белозерским князьям, тогда уже была занята. Разумеется, эта половина могла быть закреплена и за высшими государственными институтами Новгородской республики. Однако имеется возможность высказать иное предположение.

Летом 1970 г. на Городище под Новгородом была найдена фрагментированная свинцовая печать с изображением на одной стороне св. Георгия на коне и с надписью на другой, прочитанной при издании этой буллы как «Печать Романова [Ив]ано[вича]». Булла относится к первой четверти XIV в., изображение св. Георгия датирует ее временем великого и новгородского княжения Юрия Даниловича (1318—1322 гг.), а сочетание с этим изображением имени владельца печати говорит о том, что Роман был важным лицом в системе княжеской администрации Новгорода⁹⁶.

В 1976 г. еще один экземпляр печати, оттиснутый теми же матрицами, был найден на Городище новгородским краеведом Н. А. Чернышевым. Новая находка, отличающаяся великолепной сохранностью, дает возможность правильно прочесть ее надпись: «Печать Романова Михайловича». Обломок еще одного экземпляра такой же буллы был найден на Городище летом 1978 г. Несомненная принадлежность этой печати Роману Михайловичу Белозерскому позволяет утверждать, что он еще при Юрии Даниловиче был связан службой с Новгородом. Между тем эта новая находка помогает установить атрибуцию еще одной загадочной печати того же времени.

Имею в виду буллу с изображением на одной стороне св. Георгия на коне, а на обороте несущую надпись: «Печать князя Васильева»⁹⁷. Не находя аргументов для атрибуции этой надписи какому-либо князю Василию, я предлагал читать ее: «Печать князя, Васильева» — и относить не известному по другим источникам Василию, тиуну князя Юрия Даниловича. Прочтение на упомянутой выше булле имени Романа Михайловича заставляет вспомнить, что у Романа Белозерского был сын Василий Сугорский, старшие внуки которого, как

уже отмечалось, усвоили титул белозерских и были связаны с Новгородом в конце XIV в. Если эти атрибуции правомочны, то мы можем отметить традиционность службы белозерских князей Новгороду, их связь с Новгородом еще до вокняжения Ивана Калиты. Такая связь после белозерской купли Ивана Даниловича должна была еще более укрепиться. Но в таком случае не стала ли половина Копорья резиденцией служилых белозерских князей еще в первой четверти XIV в.? Тогда и титул князей копорских приобретает большую четкость⁹⁸.

Как видим, достаточно сложный вопрос о происхождении копорских князей решается так, как было предположено Костомаровым, а не Бернадским. Эти князья не имеют отношения к местной, водской знати. Однако и инкорпорация их в состав новгородского боярства остается для меня весьма сомнительной. Никто из копорских князей не избирался в посадники. Вершиной их магистратской карьеры было избрание Олисея Костянтиновича на пост степенного тысяцкого, т. е. представителя не бояр, а черного населения Новгорода, житых и купцов.

Что касается сущности термина «двинские бояре», то эта проблема хорошо изучена Ю. С. Васильевым, показавшим, что термины «двинской» и «важский» посадник обозначали лишь место посадничества новгородских бояр и что «известные нам источники по Двинской и Важской землям новгородского периода не дают права говорить о существовании двинских, местных бояр. За формулой «и на всех боярах на двинских» (и аналогичной ей) следует видеть новгородских бояр, имевших вотчины на Двине»⁹⁹.

Остается сказать несколько слов о Валитах. Летопись Авраамки, рассказывая о строительстве каменных фортификаций Порхова в 1387 г., называет одного из новгородских руководителей этого предприятия Ивана Федоровича — Иваном Валитом¹⁰⁰. Поскольку само имя Валит по-карельски означает «избранный», «выборный», С. С. Гадзяцкий, а вслед за ним А. И. Попов и В. Н. Бернадский склонны были относить Ивана Федоровича к крупным карельским вотчинникам. По мнению Попова, наименование «Валит» было не личным именем в собственном смысле слова, а, вероятнее всего, «чином», «титлом» или по крайней мере прозвищем. Бернадский подозревает в Иване Валите новгородского тысяцкого

1350 г., а позднее посадника¹⁰¹. Думается, что на столь зыбкой основе не следовало бы приходиться к построениям принципиального характера. Ведь никому не придет в голову связывать посадника Александра Фоминича, носившего прозвище «Цесарь», с византийскими императорами или золотоордынскими ханами. Однако дело не только в этом. Новгородская история знает лишь двух посадников Иванов Федоровичей. Иван Федорович Смятанка, избранный на этот пост в 1354 г., умер не позднее 1371 г.¹⁰² Более чем вероятно, что именно он был тысяцким в 1350 г., однако к моменту укрепления Порхова в 1387 г. его уже не было в живых. Другой посадник Иван Федорович — сын Федора Тимофеевича, избранный в 1416 г., также не имеет отношения к Ивану Валиту и к Карельской земле. Следовательно, никаких данных о боярстве Ивана Федоровича Валита вообще не имеется.

Таким образом, рассмотрев аргументы, противопоставлявшиеся мнению о непополняемости касты новгородских бояр, мы не смогли подтвердить их правильности и вернулись к той характеристике боярства, которая дана в начале настоящего раздела.

Это дает основание снова обратиться к проблеме крупной вотчины как характерной формы феодального землевладения еще в первой половине XIV в.

3. Крупная вотчина как предмет государственного пожалования

Чтобы проверить мысль о формировании вотчинной системы на основе крупного землевладения, обратимся к вотчинам, которые никогда наследственным разделам не подвергались, сохранив свою изначальную целостность. Очевидно, что именно такими вотчинами были монастырские владения. Воспользуемся примером крупнейшего в Новгороде Юрьева монастыря, с XIII в. ставшего резиденцией новгородского архимандрита. Подобно другим новгородским монастырям, Юрьев принимал в дар и мелкие земельные участки, о чем можно судить, например, по духовной Климента XIII в., завещавшего «два села с обильем, и с лошадьми, и с бортью, и с малыми селищи, и пнь и колода, одерень святому Георгию»¹⁰³. Однако характерны для Юрьева монастыря не такие вотчины.

В Шелонской пятине, кроме участка монастырских строений и подмонастырских угодий, Юрьев монастырь владел 37 обжами в Паозерье¹⁰⁴, небольшими участками в Голинском погосте¹⁰⁵, 248,5 обжи в Березском погосте (из 259,5 обжи, числившихся за погостом)¹⁰⁶, т. е. практически всем погостом, 11 обжами (из 619,5) в Которском погосте¹⁰⁷, 223,5 обжи (из 243,5) в Медведском погосте¹⁰⁸, т. е. практически всем погостом, 96 обжами (из 100) в Любынском погосте¹⁰⁹, т. е. практически всем погостом, 55 обжами (из 155) в Доворецком погосте¹¹⁰, т. е. третью этого погоста, 63,5 обжи (из 63,5) в Михайловском погосте на Полоной¹¹¹, т. е. всем погостом, небольшим участком в Русе¹¹², 67,5 обжи (из примерно 130) в Черенчицком погосте¹¹³, т. е. половиной погоста, 126 обжами (из 550) в Пажеревицком погосте¹¹⁴, т. е. почти четвертью погоста, 171,5 обжи (из 171,5) в Бельском погосте¹¹⁵, т. е. всем погостом, 22,5 обжи (из 353,3) в Карачунском погосте¹¹⁶. Всего в Шелонской пятине у Юрьева монастыря было, таким образом, 8 крупных вотчин; из них 5 равнялись целому погосту, 1 — половине, 1 — трети, 1 — четверти погоста.

В Деревской пятине Юрьеву монастырю принадлежала волостка объемом в 78 обеж (из 119) в Боженском погосте¹¹⁷, т. е. две трети погоста, 3 обжи в Холынском погосте¹¹⁸, 176 обеж в Черенчицком погосте¹¹⁹, волость Буец в 205 обеж¹²⁰ и волость Крупая в 266 обеж (частично расположенная в Бежецкой пятине)¹²¹.

В Водской пятине Юрьев монастырь владел одной деревней в 2 обжи в Климетцком Тесовском погосте¹²², 4 обжами в Косицком погосте¹²³, а также 248 обжами (из 412) в Богородицком Врудском погосте¹²⁴, т. е. двумя третями погоста.

В Бежецкой пятине у Юрьева монастыря владений не было (кроме части волости Крупой), в Заонежских погостах Обонежской пятинны — небольшие участки, полученные уже в московское время. Существовала еще земля Юрьева монастыря на Волоке, размер которой не известен¹²⁵.

Таким образом, на территории пятин возможно насчитать 13 крупных монастырских юрьевских вотчин, каждая из которых составляла единый хозяйственный массив. Пути образования подобных владений известны, поскольку сохранились акты, обосновывающие права Юрьева монастыря на две вотчины из числа названных

выше 13,— грамоты на погост Ляховичи и на волость Буец.

В 1815 г. впервые была издана сохранившаяся в списке грамота Всеволода на Терпужский погост Ляховичи:

«Се аз князь великыи Всеволод дал есмь святому Георгию Терпужьскыи погост Ляховичи с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати, а по Ловати на низ по конец Водоса, за рекою за Любытиною по большии мьхи, с больших мхов на връх межьника, с того межьника на Каменичища на усть Березна, со обе стороны межьник ввръх Березна, по обе стороны ввръх Березна на връх Глистьны по чистыи мох, от Морее с връх Глистьне на връх Робьи Ильмны, с връх Робьи на връх Лебединьца, с връх Лебединьца на връх Въздада, с верх Въздада на връх Городьни, на низ по одной стороне до Робьи. А то дал есмь святому Георгию во веки. А хто поступить, судиться со мною перед Георгиемъ в сии век и в будущи»¹²⁶.

Обилие в этом документе микропонимов, главным образом мелких ручьев, по верховьям которых была проложена межа пожалованного Юрьеву монастырю земельного участка, вероятно, послужило главной причиной того, что в литературе не было сделано ни одной обстоятельной попытки точно локализовать эту монастырскую волостку, хотя село Ляховичи на Ловати хорошо известно и в настоящее время. Поэтому остается совершенно неопределенным размер пожалования, знать который необходимо хотя бы потому, что само пожалование датируется очень ранним временем. Всеволод Мстиславич княжил в Новгороде с 1117 по 1136 г. Что касается конкретной даты документа, то аргументы в пользу его связи с княжеским пожалованием 1134 г. уже приводились¹²⁷.

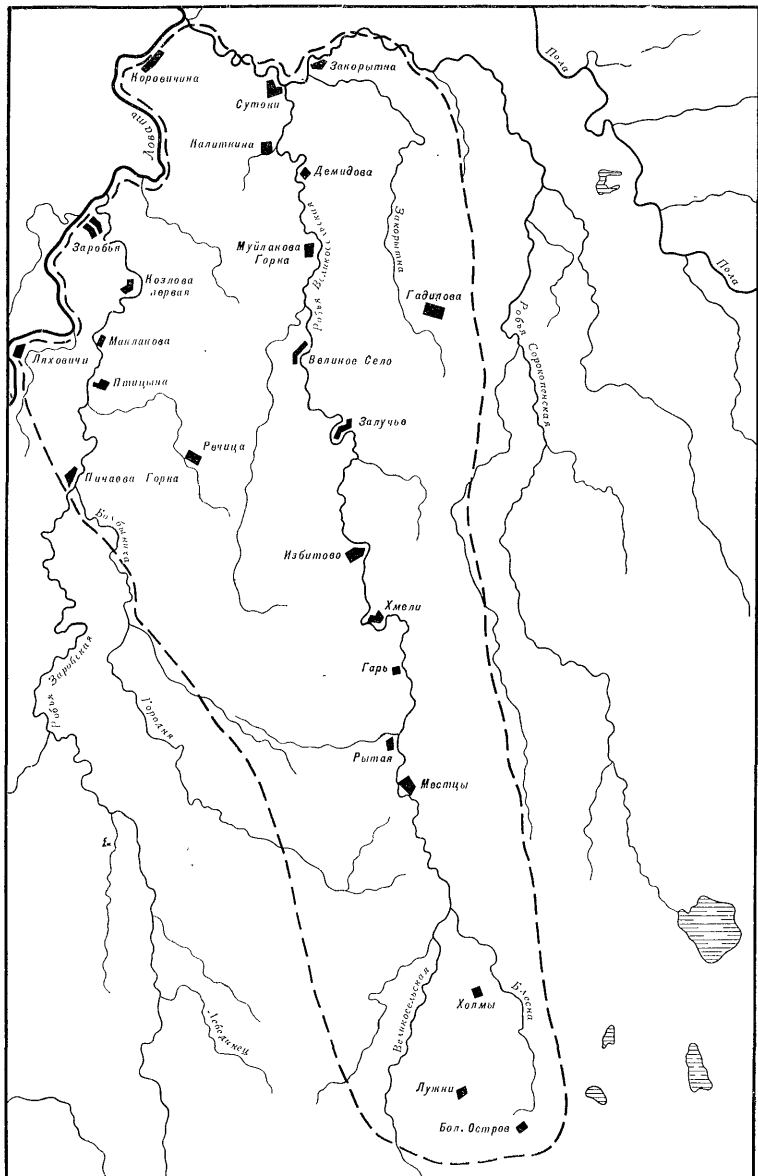
Для общей локализации юрьевской волостки на Ловати практически все необходимые сведения дает Переписная оброчная книга Деревской пятины, составленная около 1495 г., где подробно описана «в Курском присуде, в Черенчинском погосте» волость Юрьева монастыря, включающая следующие деревни (в скобках указывается число обож): Горка (5), Птицыно (7), Речица (3), Моклоково (6), Козлово (9), Бобошино (1), деревня на Усть Робьи (5), Ляховичи (17), Коровье Село (19), Калинкино (8), Демидово (6), Горка (4),

Великое Село (10), Залучье (5), Филимоново (2), Избитово (9), Хмелицы (4), Гарь (6), Остров (3), Луг (2), Холм (2), Местьцо (2), Рытая Гора (2), Голодилово (6), Сутоки (6), Закортение (7), деревня на Усть Робыи (3), починок Замошье («село ново, пашни нет») ¹²⁸.

До локализации этих пунктов важно представить себе общую гидрографическую ситуацию в местах их расположения. В районе деревни Ляховичи Ловать принимает в себя два заметных правых притока — Робыю Заробскую, устье которой находится между Ляховичами и Черенчицами, и Робыю Сорокопенскую (иначе Робыю Старовскую), устье которой расположено между Черенчицами и Рамушевом. У Робыи Сорокопенской имеется левый приток — Робыя Великосельская (иначе Робыя Сутокская Средняя), впадающая в Робыю Сорокопенскую примерно в 4—5 км от устья последней. Робыя Великосельская образована слиянием речек Блесны и Великосельской (последняя в настоящее время обозначается также как верхнее течение Робыи Великосельской). Протяженность Робыи Великосельской от места слияния указанных речек до ее устья — около 30 км. Все перечисленные реки, находящиеся в междуречье Ловати и Полы, текут с юга на север.

Первая группа пунктов, описанных в писцовой книге, расположена в нижнем течении Робыи Заробской, где находятся деревни Птицына, Маклакова, Козлова первая. Деревню Горки, с которой начинается описание юрьевской волости, по-видимому, следует идентифицировать с Пинаевой Горкой, также расположенной в низовьях Робыи Заробской — выше Птицына, а деревню на Усть Робыи — с селом Заробья, находящимся в устье Робыи Заробской. Несколько в стороне расположена деревня Речица, стоящая при ручье, который впадает справа в Робыю Заробскую. Не идентифицируется Бобошино, которое в XV в. было незначительным пунктом (пашенные земли этой однодворной деревни исчислялись в одну обжу, а с лугов снималось только 10 копен сена), однако по очередности описания ее надо локализовать в районе современного Заробья. Общая протяженность территории, на которой расположена перечисленная группа деревень, с севера на юг — 10 км.

Далее описание писцовой книги называет два села, находящиеся непосредственно на правом берегу Ловати, — Ляховичи и Коровье Село. Последнее иденти-

Ловатская волостка Юрьева монастыря.

фицируется с большой деревней Коровичина, расположенной неподалеку от устья Робы Сорокопенской. Расстояние от Ляховичей до Коровичиной — около 10 км.

Следующая группа деревень юрьевской волости своим местоположением связана с течением Робы Великосельской. Описание в писцовой книге ведется поначалу с севера на юг, против течения реки. На Робе Великосельской расположены следующие деревни: Калиткина (Калинкино в писцовой книге), Демидова, Муйлакова Горка (вторая деревня Горка писцовой книги), Великое Село, Залучье, Избитово, Хмели (Хмелици писцовой книги), Гарь. В этой группе не идентифицируется Филимоново, расположенное, согласно порядку описания, между Залучьем и Избитовом. В настоящее время между этими населенными пунктами расположено село Верхняя Сосновка, которое, возможно, и ведет свое происхождение от Филимонова писцовой книги.

После упоминания деревни Гарь описание переходит в верховья речек Блесны и Великосельской, где находятся деревни Остров (у истока Блесны), Лужки и Холмы (Луг и Холм писцовой книги; между Блесной и Великосельской), и снова возвращается в верховья Робы Великосельской, где расположены (южнее деревни Гарь) Местцы и Рытая.

Наконец, последняя группа деревень описана на речке Закорытне, впадающей слева в Робью Сорокопенскую в 1 км выше места впадения в нее же Робы Великосельской, а также в низовьях Робы Сорокопенской. Описание начинается с верховьев Закорытны, где находится деревня Гадилово (Голодилово писцовой книги). Сутоки расположены при впадении Робы Великосельской в Робью Сорокопенскую. Деревня на Усть Робы в этой группе, надо полагать, находилась при впадении Робы Сорокопенской в Ловать; в настоящее время такого населенного пункта не существует. Наконец, не идентифицируется починок Замошье; будучи помещен в конце описания как «село ново», он мог находиться в любой части юрьевской волости.

Очевидно, что группировка всех этих селений отражает и принципиальные рубежи юрьевских владений на рассматриваемой территории. Эти рубежи подтверждаются и уточняются выяснением принадлежности деревень, находящихся в непосредственном соседстве с юрьевской волосткой. Так, деревни на Робе Заробской выше Пинаевой Горы (Кузмино, Тарасово, Суцево)

принадлежали Олферию Ивановичу Офонасову¹²⁹. Сельцо Умычкино (Омычкино на современных картах) в устье Робьи Сорокопенской (но на правом ее берегу) — Григорию Арзубьеву¹³⁰. Деревня Баково на правом берегу Робьи Сорокопенской напротив Закорытны — Якову Коробу¹³¹. Все среднее течение Робьи Сорокопенской также находилось в руках иных владельцев: деревня Учно принадлежала Ильинскому монастырю с Прусской улицы¹³², деревня Сорокопенна — Якову Скомантову¹³³, деревни Суконниково, Растаны — Федору Ондрияновичу Веряжскому¹³⁴, деревни Кокорино, Стречна, Старая — Десятинному монастырю и Якову Коробу¹³⁵. Такая же разграничительная линия может быть проведена в районе правых притоков верхнего течения Робьи Заробской. Деревни Лебединец в верховьях одноименного ручья, Гадово в верхнем течении ручья Городня, Громково (Громово писцовой книги) на самой Робье Заробской принадлежали Хутынскому монастырю¹³⁶.

Эти сопоставления позволяют провести между юрьевской волостки XV в. следующим образом. От деревни Ляховичи она идет на север по правому берегу Ловати до впадения в нее Робьи Сорокопенской, затем по левому берегу Робьи Сорокопенской на восток, включая весь бассейн речки Закорытны, т. е. поворачивает здесь на юг. Далее она идет по водоразделу между Робьями Великосельской и Сорокопенской, включая в юрьевскую волостку весь бассейн Робьи Великосельской, в том числе и образующих ее верхнее течение ручьев Блесны и Великосельского. Отсюда межа поворачивает на север и проложена по верховьям правых притоков Робьи Заробской — Лебединца и Городни. По Болдынихе она спускается вниз до впадения этого ручья в Робью Заробскую, а отсюда идет к берегу Ловати у Ляховичей.

Сравнивая эту межу с той, что описана в грамоте князя Всеволода, мы получаем возможность идентифицировать отдельные участки последней, хотя за три с половиной столетия они частично изменили свои наименования. Прежде всего это касается самой административной системы. В конце XV в. юрьевская волостка входила в Черенчицкий погост, а деревня Ляховичи административного значения не имела. Не совсем понятно, почему в документе XII в. Ляховичи именуются «Терпужским погостом». В Новгородской земле в конце XV в. существовало два погоста со сходными наименованиями: Теребужский, но он находился в Ладожском

уезде Водской пятины¹³⁷, и Теребуновский, но он также был расположен вдали от рассматриваемой территории — в Помостье, у верховьев Волмы¹³⁸. Правда, на Ловати в 18 км выше Ляховичей существует деревня Теребыни. Не исключено, что она в XII в. являлась центром погоста, однако такое предположение нечем подтвердить.

От Ляховичей грамота XII в. прокладывает между «по Ловати на низ по конец Водоса, за рекою за Любытиною по большии мъхи». Ни топонимика писцовых книг, ни современная карта не знают ни Водоса, ни Любытины в интересующем нас районе. Однако само выражение «по конец Водоса» подразумевает, что у Водоса было и начало. Если, следуя очередности пунктов, началом Водоса считать устье Робыи Сорокопенской, то его концом придется признать тот пункт, где межа «за рекою за Любытиною» поворачивает на «большие мхи», иными словами — устье речки Закорытны. В таком случае Водосом в XII в. могло называться нижнее течение Робыи Сорокопенской от впадения в нее Робыи Великосельской и Закорытны, а рекою Любытиною — теперешняя речка Закорытна.

Следующий далее участок межи в грамоте XII в. описан так: «с больших мхов на връх межъника, с того межъника на Каменичища на усть Березна, со обе стороны межъник ввръх Березна, по обе стороны ввръх Березна на връх Глистьны по чистии мох». Действительно течение Закорытны и Робыи Сорокопенской разделяется большим болотом. Где-то там находился «межъник», от которого межа шла «на Каменичища на усть Березна». Поскольку Березно имело устье, следовательно, это был ручей или речка. В Робыю Сорокопенскую напротив деревни Кокорино впадает речка Кокоринка, очевидно, получившая свое название от деревни. Не исключено, что древнее имя этой речки сохранилось в наименовании стоящей на ней деревни Березовец. Владения Юрьева монастыря действительно ближе всего подходят к среднему течению Робыи Сорокопенской в устье Кокоринки: в 2,5 км от него расположена числящаяся по писцовой книге в составе юрьевской волости деревня Гадилово (Голодилово). Речка Кокоринка протяженностью около 14 км течет с юга на север параллельно Робые Великосельской, в 5 км к востоку от нее. Верховья этой речки находятся вблизи верховьев речки Блесны,

с которой поэтому следует идентифицировать «Глистьну» грамоты XII в. «Морея», находящаяся у «верха Глистьны», несомненно, отождествляется с Усть-Маревским десятком волости Морева, граничившим именно здесь с юрьевскими владениями¹³⁹.

Легко восстанавливается следующий участок границы — «от Морее с верх Глистьне на верх Робьи Ильмны, с верх Робьи на верх Лебединьца». Очевидно, что Робьей Ильмною в XII в. называли тот ручей, который теперь носит наименование Великосельского или признается истоком Робьи Великосельской. Верховья этого ручья расположены в непосредственной близости к верховьям Лебединца.

Наконец, также очевиден и последний участок межи — «с верх Лебединьца на верх Въздава, с верх Въздава на верх Городни, на низ по одной стороне до Робьи». Хотя ручей Въздав нам на современных картах не известен, однако, поскольку он находится между Лебединцем и Городней, это имя должно быть связано с одним из безыменных притоков Робьи Заробской между указанными ручьями. Заключительный участок межи указан по ручью Городне до Робьи. Городня, однако, впадает не непосредственно в Робью Заробскую, а в речку Болдыниху; только последняя является притоком Робьи. Мы видим, таким образом, что в древности не Городню считали притоком Болдынихи, а Болдыниху — притоком Городни.

Отмеченные изменения гидронимики достаточно закономерны. В настоящее время речки на рассматриваемой территории своими окончательными названиями обязаны возникшим на них деревням. Так, противоестественное имя Робья Заробская образовалось потому, что в устье этой реки возникло село Заробье (т. е. находящееся за Робьей). Однако еще в конце XV в. это село называлось деревней на Усть Робьи. Робья Великосельская получила свое название от деревни Великое Село, стоящей в ее среднем течении. Второе название этой речки — Робья Сутокская Средняя — происходит от расположенной в ее устье деревни Сутоки; Средней она стала потому, что находится между двумя другими Робьями — Заробской и Сорокопенской. Ручей Великосельский, очевидно, называется даже не от села, находящегося достаточно далеко от него, а от Робьи Великосельской, верхнее течение которой он по существу и

составляет. Ровья Сорокопенская получила свое название от деревни Сорокопенна в ее среднем течении. Другое название этой речки — Ровья Старовская — происходит от деревни Старая в ее верховьях. Ручей Кокоринка называется по деревне Кокорино в его устье. Ручей Закорытна приобрел название от стоящего в его устье села Закорытна (Закортение писцовых книг). Но это село находится за Ровьей Сорокопенской. Не называлась ли эта речка в древности Кортеньей или Корытной? Одноименная река известна в Шелонской пятине¹⁴⁰.

Гидрография XII в. в рассматриваемой местности восстанавливается предположительно в следующем виде. Ровья Заробская тогда называлась просто Ровьей, Ровья Великосельская — Ровьей Ильмой, Блесна — Глистной, Ровья Сорокопенская — Корытной, Кокоринка — Березной, Закорытна — Любытиной, низовья Ровьи Сорокопенской ниже владения в нее Закорытны и Ровьи Заробской — Водосом.

Оценивая размер и доходность волостки, пожалованной князем Всеволодом Мстиславичем Юрьеву монастырю, мы, естественно, можем сделать это (относительно доходности) лишь по состоянию на XV в. По старому письму в этой волости было 26 деревень с 145 дворами и 191 человеком взрослого мужского населения. Пашенные земли этого владения положены в 176 обож. Кроме того, в нем числился 21 непашенный двор, в котором жили 24 человека мужского населения.

К моменту составления нового письма в волости числились 27 деревень и починок с 160 дворами и 170 человеками мужского населения. Пашенные земли были положены в 159 обож. Кроме того, в волости числилось еще 30 непашенных дворов, в которых жили 36 человек, а также 126 копачей. В волости сеяли 307 коробей ржи и снимали с лугов 1495 копен сена. С непашенных дворов, к тому же, получалось денежного оброка 3 гривны и 5 денег новгородских, а копашины в пользу курского наместника — 2 рубля 5 гривен и 3 деньги новгородских¹⁴¹.

Общая протяженность волостки с севера на юг — около 40 км, а с запада на восток — около 20 км.

Приведенной характеристике волости Ляховичи я придаю большое значение, коль скоро она противостоит единственной в литературе попытке локализовать это дарение. Предпринявший эту попытку А. Л. Шапиро

пишет: «К тем же годам (1125—1137) относится жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи. Этот погост находился перед пожалованием в домениальном владении князя. В конце XV в. вместо погоста Ляховичи в писцовой книге фигурировал десяток Ляховичи в волости Велиля. В нем числилось 40 дворов. Поскольку монастырь не упустил из рук пожалованные волости, можно считать, что в XII в. тут было значительно меньше дворов. Таким образом, видимо, Ляховичи были небольшим княжеским владением. Жили в нем княжеские холопы — «люди» и содержались кони. Тут же были княжеские охотничьи и бортные угодья. Князь передавал монастырю земли «и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища». О пахотных же угодьях ничего не говорится»¹⁴².

Очевидна ошибка исследователя: десяток Ляховичи в волости Велиля не имеет никакого отношения к грамоте XII в., он находился не на Ловати, а совсем в другом районе Новгородской земли, где Юрьев монастырь вообще не располагал владениями.

Грамотой Всеволода монастырю передавались пахотные и сенокосные угодья в районе, наиболее богатом плодородными почвами. Предпринявший здесь археологические разведки Л. К. Ивановский особо отметил отличные качества тамошних угодий¹⁴³.

Другая грамота — на волость Буец, впервые изданная в 1818 г. Е. Болховитиновым, является одним из самых известных древнерусских документов хотя бы потому, что это древнейший русский акт, сохранившийся до наших дней в подлиннике:

«Се аз Мьстислав Володимирь сын, държа Руську землю, в свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами, и вено во ...кое. Да же который князь по моему княжению почьнетъ хотети отъяти у святого Георгия, а бог буди за тем и святая богородица, и ть святые Георгии у него то отимаеть. И ты, игумене Исаие, и вы, братие, донели же ся мир състоитъ, молити бога за мя и за мое дети, кто ся изоостанеть в манастыри, то вы темь дължны есте молити за ны бога и при животе и в сьмьрти. А яз дал рукою своею и осеннее полюдие даровное, полътретиядесяте гривьн святому же Георгиеви. А се я Всеволод дал есмь блюдо серебрно

в 30 гривн серебра святому же Георгиѣви; велѣл семь бити в не на обеде, коли игумен обедает. Да же кто запъртити или ту дань и се блюдо, да судит ему бог в день пришествия своего и тъ святыи Георгии»¹⁴⁴.

Вопреки отмеченной известности документа и он не был исследован с точки зрения историкогеографической, результатом чего явилось распространенное мнение о дарении Мстиславом и Всеволодом села, что, в частности, отразилось и в последнем систематическом издании новгородских актов¹⁴⁵.

В действительности Буец был обширной волостью, расположенной у верховьев реки Полы, на южной границе Деревской пятины. По данным писцовой книги конца XV в., «всех деревень в Буице по старому писму... и с погостом 96, а дворов в них 186, а людей в них 238 человек, а обож 205... А им же писано в той же волости 10 деревень пустых, а земли под ними на 8 обож»¹⁴⁶. Учитывая наличие в волостке Ляховичи на Ловати 30 непашенных дворов, в которых жили 36 человек, мы имеем право характеризовать оба дарения Всеволода Юрьеву монастырю как практически равновеликие и совершенно исключительные по своему объему.

Возникает естественный вопрос — не являются ли остальные 11 крупных вотчин Юрьева монастыря столь же ранним пожалованием на основе княжеского распоряжения? Полагаю, что правильный ответ на такой вопрос дает рядная грамота крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем о повинностях и дарах. Сельцо Робицици, «что было Юрьева ж монастыря», находится в Богородицком Врудском погосте Водской пятины, составляя часть значительной монастырской вотчины (общий объем которой был равен 248 обжам). «И по старому писму в том селце дворов 23, а людей в них 28 человек, а обож 27, а сох 9»¹⁴⁷. Около 1460 г. «христиане робиичане», регулируя свои отношения с юрьевским архимандритом Григорием, внесли в рядную грамоту следующую формулу: «А не почнут христьяне управливатися в тех успах и в тех пошлинах, ино уведается с ними архимандрит, и попы, и черенци по старым по княжим грамотам и по новгороцким»¹⁴⁸.

«Грамоты княжие и новгородские» — недвусмысленная формула смесного суда князя и посадника, совпадающая с гарантийной формулой мировой грамоты старосты Азики первой четверти XIV в.: «А хто наступит

на сии ряд, даст князю и посаднику дватцать гривен золота». Поскольку смешной суд конституирован в результате восстания 1136 г., жалование Юрьеву монастырю значительного массива земель в Богородицком Врудском погосте — акция не всеволодовского, а более позднего времени, предусмотренная обязательной формулой докончаний Новгорода с князьями XIII—XV вв.: «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости роздавати, ни грамот давати».

Относительно пожалований Юрьеву монастырю возможно высказать предположение, что основная их часть относится к тому времени, когда монастырь сделался резиденцией новгородского архимандрита — республиканского главы черного духовенства, который избирался на вече и вошел в состав вечевых магистратов, а это произошло в XIII в.¹⁴⁹

Таким образом, в XII—XIII вв. мы наблюдаем возникновение крупной вотчины на основе государственного пожалования. Хотя документы донесли до нас случаи жалования крупных земельных владений лишь духовным конгрегациям, вряд ли следует сомневаться в том, что этот способ образования вотчины был характерен и для частных лиц, в первую очередь бояр, а не только монастырей. Попробуем теперь датировать начало этого важного процесса.

4. Проблема княжеского домена и вопрос о начальном этапе формирования вотчинной системы

В отличие от А. Л. Шапиро, я не вижу принципиальной разницы между дарением Ляховичей и дарением волости Буец. Шапиро акцентирует внимание на передаче монастырю доходов с волости Буец и права их сбора в развитие предложенного им тезиса о том, что поначалу предметом княжеских пожалований была не земля, а получаемые князем с той или иной территории доходы¹⁵⁰. Соглашаясь в принципе с этой мыслью, я не вижу, что ее возможно аргументировать жалованными актами Всеволода. Грамота на Буец недвусмысленно утверждает, что передача доходов монастырю лишь дополняла дарение самой волости («отдати Буице святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами, и вено во...кое», «и осеннее полюдие даровьное»). Иными сло-

вами, мы наблюдаем здесь фиксацию безусловных имунитетных прав монастыря на основную часть доходов, связанных с владением пожалованной ему землей¹⁵¹.

Принципиальная разница существует не между этими двумя документами, а между ними, с одной стороны, и синхронной им грамотой князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, с другой¹⁵². Не буду останавливаться здесь на обосновании датировки этой грамоты 1134 годом, отсылая читателя к специальному исследованию этого документа¹⁵³. Существо дела состоит здесь в том, что в одно и то же время, до известного восстания 1136 г., в результате которого последовало изгнание князя Всеволода Мстиславича из Новгорода и конституирование смешанного суда князя и посадника, появляются два вида жалованных на землю грамот. В одних — грамоты на Буец, Ляховичи и княжью рель на Волхове под Новгородом — князь безраздельно распоряжается землей, жалует ее Юрьеву монастырю. В другой — данной Пантелеймонову монастырю — князь Изяслав Мстиславич «испрашивает» жалующие им земли «у Новгорода», «по благословению епискупа Нифонта».

Разница в принципе пожалования отчасти объясняется тем, что Всеволод, отдающий земли единолично, был новгородским князем, а его брат Изяслав — посторонним Новгороду лицом. Однако важнее другое обстоятельство. Несомненным представляется существование в Новгороде времени Всеволода разных фондов земель. Над одним фондом верховным распорядителем был князь, над другим — Новгород, т. е. вече. Естественно заключить, что к первому фонду относились земли княжеского домена, а ко второму — черные волости, находившиеся под государственным суверенитетом Новгорода.

Вопрос о княжеском домене традиционен в исследованиях раннего новгородского землевладения. Историки Новгорода согласны между собой в том, что княжеское землевладение в этой области древней Руси было значительным в силу самой специфики взаимоотношений князя и Новгорода в X — начале XII в. Коль скоро существовала устойчивая традиция испомещать на новгородском столе наследника киевского стола, для новгородского князя не было стимула к расширению новгородского домена. После восстания 1136 г. и окончательного утверждения принципа «вольности в князьях» тем более

этот стимул оказался подорван неустойчивостью персональной власти князя в Новгороде.

И тем не менее княжеский домен существовал на протяжении всего периода независимости Новгорода, о чем, в частности, говорит традиционная формула докончаний Новгорода с князьями середины XIII—XV в.: «А поже, что твое и твоих мужь пошло, то твое и твоих мужь; а новгородское Новугороду». Местоположение по крайней мере основных домениальных владений, сохранивших свой княжеский статус до конца существования новгородской независимости, известно.

Старое письмо писцовых книг застает княжеские волости Морева, Велила и Холмский погост, отличительной особенностью которых является их реликтовое административное деление на «десятки»¹⁵⁴. Между тем административная система Новгородской земли, основанная на делении ее по погостам, знает, кроме Моревы и Велилы, в конце XV в. еще несколько «волостей», а именно: Стерж, Лопастницы и Буец¹⁵⁵. Все они вместе с Моревой, Велилой и Холмским погостом составляют единый массив земель, расположенный в юго-западной части Деревской пятины, у южной границы Новгородской земли. Относительно волости Буец мы уже знаем, что она была пожалована князьями Мстиславом и Всеволодом Юрьеву монастырю. Что касается волостей Стерж и Лопастницы, то они целиком составляли вотчину Аркажа монастыря, основанного в 1153 г.¹⁵⁶ Полагаю, что обе эти волости были пожалованы князьями из состава их домениальных земель. В этой связи очень важно то, что и массив земель в Ляховичах на Ловати оказывается составной частью той же «волостной» территории, поскольку он непосредственно граничит с Моревой. По-видимому, именно здесь следует локализовать «Княжую сотню» Устава князя Ярослава о мостех, а не в южной части Шелонской пятины, как это предлагал сделать Б. А. Рыбаков¹⁵⁷.

Подтверждают эти наблюдения договорные грамоты Новгорода с литовскими великими князьями Свидригайлом 1431 г., Казимиром 40-х годов XV в. и Казимиром IV 1470—1471 гг.¹⁵⁸, в которых говорится о назначении черного бора: «А черна куна имати ти по старым грамотам и по сеи крестной грамоте. А на Молвотицях взяти ти два рубля, а тиуну рубль за петровщину; а на Кунске взяти ти рубль; а на Стержи тридцать куниц да

восмьдесят бел, а петровщины рубль, а в осенине пол-рубля; в Жабне дватцетъ куницъ да восмьдесят бел, а петровщины рубль, а мед и пиво с перевары по силе; а на Лопастиях и на Буицах у чернокунцов по две куници и по две бели, а слугам бела»¹⁵⁹. Молвотицкий и Жабенский владычные погосты примыкают к тому же массиву земель; Жабенский, к тому же, отличается реликтовым делением на концы¹⁶⁰. Кунский стан входит в княжеский Холмский погост¹⁶¹. Грамота 40-х годов XV в. называет еще Березовец («а на Березовчи взяти мне, князю великому, рубль, а тиуну полтина») ¹⁶², но эта волость, позднее ставшая владением Марфы Борецкой, входила в Жабенский погост¹⁶³. Таким образом, цитированные показания докончальных грамот, демонстрирующие особый статус этих территорий, дают возможность предположить, что Молвотицкий и Жабенский погосты были отчуждены в пользу владыки из состава того же княжеского домена, и реконструировать первоначальный его объем в составе волостей Морева, Велила, Стерж, Лопастия, Буец и погостов Холмского, Молвотицкого и Жабенского, а также бывшего «Терпужского» погоста Ляховичи.

Выбор территории домена, по-видимому, определен двумя обстоятельствами. Во-первых, эта территория занимает ключевые позиции на пути из Варяг в Греки и на Селигерском («Русском») пути. Во-вторых, она находится на стыке Новгородской, Смоленской и Ростово-Суздальской земель; следовательно, вотчинные права князя здесь могли быть гарантированы и смоленскими, и суздальскими Мономаховичами.

Думается, что в последнем обстоятельстве заключены и возможности датировать время образования княжеского домена на этой территории. Династическое единство Смоленска и Ростово-Суздальской земли устанавливается только с того момента, когда на рубеже XI—XII вв. в Смоленске утверждается Владимир Мономах, т. е. в период новгородского княжения сына Владимира Мономаха — Мстислава Великого. Впервые подчинение Смоленска Мономаху фиксируется летописным сообщением о строительстве Владимиром Всеволодовичем каменного собора в Смоленске в 1101 г., но еще в 1097 г. княжеским съездом Смоленск был очередной раз закреплен за Давидом Святославичем¹⁶⁴. Расстановка политических сил на Руси до рубежа XI—XII вв. про-

гиворечит локализации княжеского домена в указанном месте, поскольку тогда Смоленск и Ростово-Суздальское княжество были центрами противодействующих княжеских группировок.

Датируя, таким образом, возникновение княжеского домена между Селигером и Ловатью временем около рубежа XI—XII вв., я должен обратить внимание на то, что и Городище становится княжеской резиденцией в те же годы, что фиксируется строительством там каменной Благовещенской церкви в 1103 г.¹⁶⁵ Кроме Городища, в состав княжеского домена входят на противоположном берегу Волхова рели и, надо полагать, тот земельный участок, на котором в 1119 г. был заложен Юрьев княжеский монастырь.

Время возникновения княжеских домениальных владений вызывает особый интерес потому, что более чем естественно видеть в них самые ранние новгородские вотчины. Определяя это время, мы устанавливаем и момент первоначального становления вотчинной системы в Новгородской земле.

Изложенное наблюдение подтверждается обращением к сфрагистическим материалам Новгорода.

С 10-х годов XV в., как это очевидно из показаний Новгородской судной грамоты, приоритет в смешанном суде принадлежал посаднику («а без наместников великого князя посаднику суда не кончати») ¹⁶⁶, тогда как до указанной даты свидетельствами докончаний Новгорода с князьями приоритет утверждается в пользу князя («а без посадника ти, княже, суда не судити»). Действительно, с 10-х годов XV в. в новгородских сфрагистических материалах появляется и господствует «Печать Великого Новгорода», пришедшая на смену буллам князей и княжеских наместников. Попытки великих князей восстановить прежний порядок отражены требованиями Яжелбицкого 1456 г. и Коростынского 1471 г. договоров: «А печати быти князеи великих» ¹⁶⁷.

Число новгородских княжеских печатей XII—XIV вв. огромно. К настоящему времени зарегистрировано около 800 новгородских печатей княжеского круга, происходящих главным образом из находок на Городище, где в эпоху Новгородской республики помещался княжеский архив смешанного суда, хранилище противней актов, подобное знаменитому псковскому «ларю». Любые попытки догадаться о содержании утраченных, но сохранивших

свои печати актов этого архива (очевидно, что их было много больше, нежели случайно найденных булл) приводят к однозначному решению. Основой такого архива могли быть в первую очередь поземельные документы, прошедшие государственное утверждение, иначе — жалованные грамоты князя и посадника, скрепленные княжеской буллой, поскольку сложение комплекса частных актов относится, как показано выше, ко времени не ранее середины XIV в.

С 1136 г., когда образовался смешной суд, княжеские печати уже обильны, но это обилие восходит ко времени Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича. В княжение последнего наряду с княжеской буллой существует и посадничья печать, отразившая разделение судебной власти при Всеволоде между князем и боярским посадничеством, объединенной в смешной орган в 1136 г.¹⁶⁸ Посадничья печать («протопроедра Евстафия») известна и от периода княжения Мстислава Владимировича уже в количестве 19 экземпляров.

Таким образом, я прихожу к выводу, что формирование вотчинной системы в XII—XIII вв. происходит в значительной степени путем государственной раздачи черных волостей, как частным лицам, так и духовным учреждениям. Начавшись при Мстиславе Владимировиче, этот процесс в целом завершился в первой половине XIV в., когда наступил новый этап — преимущественного перераспределения вотчинного фонда путем семейных разделов, захватов, сделок между вотчинниками и т. д.

Для датировки начала исходного процесса освоения черных волостей именно в конце XI — первой трети XII в., на мой взгляд, существенное значение имеют два обстоятельства.

Во-первых, еще при Всеволоде пожалования осуществляются из домениального княжеского фонда. Во-вторых, единственное документальное известное нам пожалование из не княжеского фонда незначительно по своему масштабу, снабжая вотчинника (в данном случае Пантелеймонов монастырь) лишь землями под монастырское строение и подмонастырскими угодьями. Таким же незначительным было и изначальное пожалование земель Юрьеву монастырю в момент его учреждения при первом игумене Кириаке (1119 г.), как это можно установить анализом границ первоначальных юрьевских владений, обозначенных в грамотах Панте-

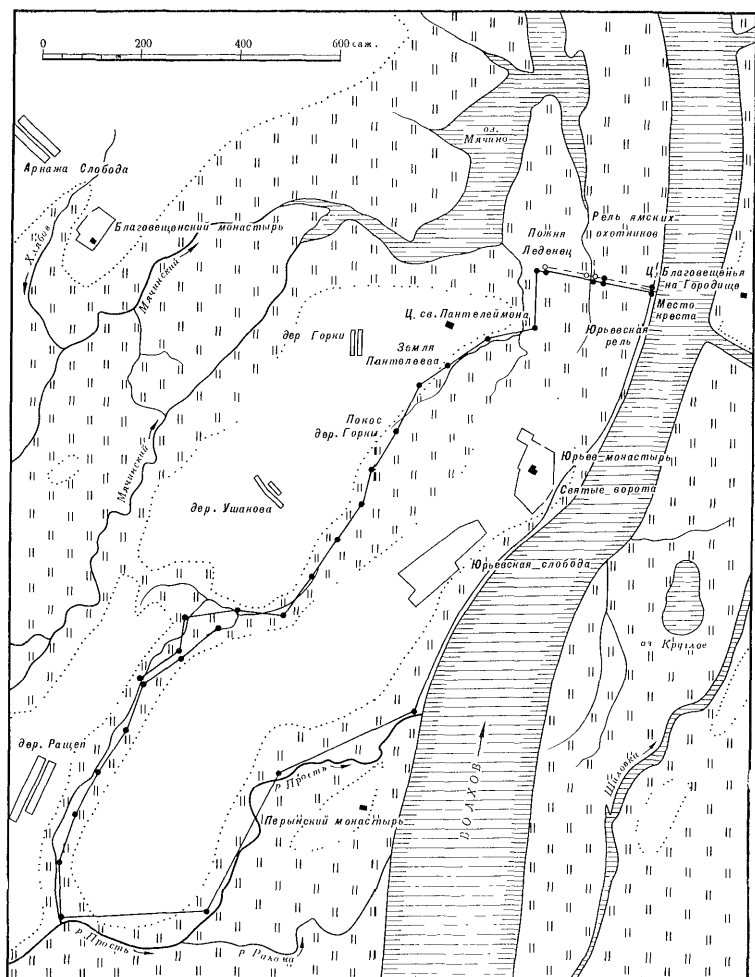
леймонову монастырю и Юрьеву монастырю на волховскую рель¹⁶⁹. Поскольку Шапиро упрекнул меня в отсутствии масштаба на схеме этих владений¹⁷⁰, пользуюсь случаем опубликовать в Прилож. к этой главе не известный ранее документ XVII в. с подробным описанием границ Юрьевской подмонастырской волостки^{170а}, детально совпадающих с обозначенными в княжеских грамотах XII в., а здесь кратко прокомментировать этот документ.

Речь идет о сохранившейся в «Сборнике выписей и крепостей на вотчины и угодья Юрьева монастыря» выписи из писцовой книги 1685 г., которая определяет объем юрьевских подмонастырских угодий в 66 десятин пашни и 61,5 десятину сенных покосов. Граница этих владений описана по межевым столбам с промером всех расстояний между ними и обстоятельной привязкой этих межевых знаков к ландшафтным ориентирам. Документ сообщает, что в составе юрьевских угодий 12 десятин сенных покосов и 13 десятин (26 четвертей) пашни прибыли после письма 1623 г., т. е. объем более древнего земельного массива определяется в 102,5 десятины.

Положенная на карту по указанным ориентирам древняя граница юрьевских подмонастырских угодий абсолютно совпадает с межой, обозначенной в жалованной грамоте князя Всеволода Мстиславича на рель, переданную им Юрьеву монастырю:

«Се аз князь великий Всеволод дал еси святому Георгию рель от Волхова по кръст, по ручью в Мячино, и велел еси учинить между промежь Юрьевым монастырем и Пантелеевым монастырем: по излогу ввѣрх Мячином на Горки, да в болото Дрянъ к Рускому пути, от пути на Горки, да в Прость. А кто сие мое слово переставить, ино судить ему бог и святыи мученик Георгии в сем веце и в будущем»¹⁷¹.

Единственная поправка, которую следует внести к опубликованной реконструкции межи, касается не положения границы, а идентификации упомянутого в грамоте XII в. креста. Согласно выписи в 400 саженьях к северу от Юрьева монастыря, на берегу Волхова находится исток искусственной канавы, которая соединяет озеро Мячино с Волховом. Этот исток называется вешним, поскольку как действующая протока канавы, служившая судовой переволокой из Волхова в Мячино, могла функ-

Владения Юрьева монастыря (исходное ядро) по описанию 1685 г.

ционировать лишь при высокой воде. Именно здесь, у истока существующей и ныне протоки, еще лет двадцать тому назад сохранялся межевой камень-валун с высеченным на нем крестом, в котором я предположил крест, упомянутый в грамоте Всеволода. Между тем, как это теперь очевидно, уже в конце XVII в. древнего креста не существовало («а прежде сего в том месте

был крест») ¹⁷², но не было тогда и межевого валуна, который, таким образом, появился в более позднее время.

Весьма важным представляется нам то обстоятельство, что и пожалование Юрьеву монастырю рели, и предшествующее ему пожалование участка, составившего исходное ядро монастырских владений, были совершены из состава княжеских домениальных владений, которые под Новгородом образовали особый небольшой массив, поскольку к этим двум участкам с севера, согласно грамоте Изяслава Пантелеймонову монастырю, примыкает и княжеская рель. Узкая полоса волховского берега от Новгорода до Прости может быть поэтому квалифицирована как небольшой массив первоначально домениальных земель князя. Не думаю, чтобы в него входила и расположенная южнее деревня Ракома. Устойчивое мнение о том, что Ракома была княжеским селом еще при Ярославе Мудром, основано на летописном сообщении 1016 г. о том, что во время избиения Варягов в Поромоне дворе «князю Ярославу тогда в ту ночь сущу на Ракоме» ¹⁷³. Приведенное сообщение не определяет статуса этого села.

Пожалования из княжеского домена производятся, по-видимому, и в середине XII в.; в частности, две крупные княжеские волости стали собственностью Аркажа монастыря, основанного в 1153 г.

5. Приобретение вотчин и его источники

Другой очевидный путь сложения вотчинной системы — покупка земель у общины — продемонстрирован в первой половине XIV в. ободной грамотой Луки Варфоломеевича на Тайбольскую землю и мировой грамотой старосты Азики с Василием Матфеевичем на Шенкурский погост. В материалах первой половины XII в. этот путь прямо противопоставлен пожалованию. В духовной Антония Римлянина, составленной до 1131 г. ¹⁷⁴, сообщается, что Антоний «изыдох на место сее, не приях и имения ото князя, ни от епискупа, ..и се возвещаю: да егда седох на месте сем, дал есмь на земле и на тони семдесят гривен, на селе есм дал гривен сто на Волховском, Тудоре з женою и з детми одерень, Волос з женою и з детми одерень, Василии з женою и з детми одерень» ¹⁷⁵.

О боярских селах начала XIII в. не раз упоминает летопись. Во время восстания 1207 г. «Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша, а житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит»¹⁷⁶. В 1230 г. новгородцы убили посадника Семена Борисовича, «а дом его весь розграбиша и села..., также Водовиков двор и села»¹⁷⁷.

Отсутствие ранних пергаменных грамот в какой-то мере может компенсироваться сведениями берестяных документов. Общий обзор их сообщений о земельных сделках XII—XIII вв. сделал Л. В. Черепнин, располагавший найденными до начала 60-х годов крайне фрагментированными текстами¹⁷⁸. Остановимся поэтому лишь на некоторых новых находках, прежде всего демонстрирующих наличие у бояр вотчин в XII—XIII вв.

В этой связи следует назвать старорусскую берестяную грамоту № 10, найденную в 1973 г. и относящуюся ко второй половине XII в.: «Сь грамота от Яриль ко Онание. Въ волости твоеи толико вода пити в городищяных. А рушань скорбу про городищяне. Аще хоцьши, ополш дворяна, быша нь пакостил»¹⁷⁹. В документе имеется в виду принадлежащая Онанье вотчина в Городище, в верховьях правого притока Шелони — реки Северы¹⁸⁰.

Если относительно этого случая у нас нет сведений, получил ли вотчинник свои земли по жалованной грамоте или покупкой, то грамота № 510, найденная в слое первой половины XIII в. на боярской усадьбе Козмодемьянской улицы, повествует о судебном деле, возникшем в связи с покупкой значительного земельного владения: «Сь стал бышь Коузма на Здылу и на Домажировица. Торговала еста сьломь бьз мьнь. А я за то сьло поруцнь. И розвьли ест цьяльдь, и скотину, и кобыль, и рожь. А Домажирь побегль, нь откупивь у Вяцьслава из долгу. Како жь еста торговала, тако жь... [и] стерю мою 6 соть, пакы жь ли послы...»¹⁸¹ Местонахождение грамоты, ее дата и крупная сумма «истерии» поручителя Кузьмы позволяют опознать действующих лиц документа в боярине Вячеславе Прокшиниче из рода Малышевичей, в Домажире Торлиниче и в Здыле Савиниче, упоминаемых в летописи под 1224 г.¹⁸²

Процесс вотчинной мобилизации земель черных волостей ставит перед исследователем неизбежную проб-

лему материальных источников тех денежных средств, которые были основой приобретения земли будущими вотчинниками. Если в дальнейшем сама эксплуатация вотчины стала главным источником боярских доходов, то из чего складывались эти доходы в довотчинный период? Думается, что возможно говорить о трех таких главных источниках.

Первым следует назвать участие в дележе государственных доходов, коль скоро существовала отдельная от княжеского домена корпоративная государственная собственность на землю, верховным распорядителем которой было, как это следует из грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, боярское вече. Вторым таким источником является клановое боярское городское землевладение, уходящее корнями в догородской период истории Новгорода, и связанная с ним эксплуатация вотчинного ремесла и торговли, неотделимых от городской боярской усадьбы на всех этапах ее истории, начиная с древнейшего. Третьим источником следует признать самую активную эксплуатацию денежного обращения. С последним обстоятельством, несомненно, должно быть связано уже высказывавшееся ранее наблюдение, согласно которому преобладающим мотивом берестяных грамот XI—XII вв., происходящих с боярских усадеб, являются деньги и связанные с ними денежные — в первую очередь, ростовщические — расчеты, тогда как в более позднее (начиная с XIII в.) время главной темой берестяных грамот становится земля и ее обработка¹⁸³.

Приведу несколько достаточно характерных примеров, использовав для этого находки последних лет, в том числе еще не опубликованные.

Две взаимосвязанные грамоты № 509 и 516 найдены в слоях второй половины XII в. при раскопках усадьбы бояр на Славенском конце (раскоп на ул. Кирова): «Оу Воислава възми 10 коунъ истинъ, а 5 коунъ намо, мъне въдале дъвоих намы. Оу Нежать възми десять коунъ и гривноу, и оу Боудоть възми гривноу наменоую. Оу Бояна възми шесте коунъ намъноюу Озеревахъ. А отроку въдаите по коуне моуждь» (№ 509); «У Опаля 7 кунъ Мъльвотицехъ, у Сновида 7 кунъ Мъльвотицехъ, у Търъцина 3 куне, у Бояна 6 кунъ Озеревахъ, у Местъка 2 куне Велимицехъ...» (№ 516)¹⁸⁴. Обе грамоты исчисляют суммы, данные займы («истину»), и про-

центы с нее («намы») у должников, живших в Молвотицах, т. е. в Молвотицком погосте Деревской пятины.

Один из способов участия боярина в ростовщических операциях продемонстрирован берестяной грамотой № 531 рубежа XII—XIII вв., согласно которой некий Коснятин доверял свои деньги для отдачи в рост семье смердов, которую он и обвинил в нечестности, заподозрив, что деньги отдаются взаймы без свидетелей и без взятия залогов, т. е. совершенно бесконтрольно¹⁸⁵. Напомню, что ростовщичество и связанные с ним злоупотребления боярской семьи Мирошкиничей в 1207 г. были одной из основных причин знаменитого антибоярского восстания новгородцев.

Однако наиболее значителен для рассматриваемой проблемы комплекс боярских усадеб Черницыной улицы Людина конца. Напомню, что в самом начале этой главы была приведена берестяная грамота № 568, которая позволяет утверждать, что владевшая этими усадьбами боярская семья в XIV в. была причастна к сбору государственных доходов в Карачунском погосте на верхней Шелони.

В этом же комплексе, но в слоях второй половины XII в. была обнаружена грамота № 550 со следующим текстом: «Покланяние от Петра к Авраму Матъеви. Еси молвиль: толико мне емати скота. Боле же за мъне скота не поусти. А Въжники творятеся въдавоше Собыславоу цетыри гривне. А посьлищенихо коуно 15 гривно. А Готиль съ мною боудеть. А Дороганици ти шли въ городо».

Автор письма Петр напоминает адресату Авраму Матвеевичу, что тот распорядился об исключительном праве Петра собирать деньги — «толико мне емати скота». Архаичный термин «скот» в значении денег употреблялся еще в конце XII в., он зафиксирован в договорной грамоте Новгорода с немцами указанного времени: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе...»¹⁸⁶ Фразу «боле же мъне скота не поусти» нужно переводить так: «а больше вместо меня (т. е. помимо меня) денег не отсылай». Предлог «за» употреблен здесь в значении «вместо», отмеченном в словаре Срезневского; «пустити» — «отослать».

Петр собирает где-то «посьлищенные куны». Слово «поселие» означает «поселение», «селение», «деревня». «Посельником» или «посельским» в более позднее время

назывался управитель вотчины, собиравший «посельничий» или «посельнический» доход (поземельный налог) в пользу владельца земли. Скорее всего, именно подобные доходы и следует понимать под «посьлищенными кунями», общая сумма которых, собранная Петром, равна 15 гривнам. Однако это не все деньги, какие было положено собрать: «а Вьжники творятся въдавоше Собыславоу цетыри гривне». «Творитися» — «делать вид», «являть себя» (см. словарь Срезневского). Смысловой перевод фразы: а Вежники утверждают, что они якобы уже отдали Сбыславу четыре гривны. Отсюда и недвольное напоминание Петра: «еси молвил: толико мне емати скота». «А Готил со мною будет», — сообщает далее Петр, — «а Дороганичей ты шли в город».

Еще до истолкования слов «Вежники» и «Дороганичи» можно констатировать, что ни Петр, ни Сбыслав, ни Готил — не управители вотчины. Сбор доходов за право жить на земле осуществляется там, откуда пишет Петр, наездами. Если бы этим занимался староста, его действия были бы единоличны и не возникло бы ситуации, при которой «вьжники» имели бы возможность утверждать, что они уплатили следующие с них деньги другому человеку. Следовательно, названные выше сборщики могут быть только посланными из Новгорода государственными чиновниками, имевшими дело не с частной вотчиной, где доходы собирались волостелями, а с черными волостями.

Наиболее значительный результат получается при осмыслении терминов «вежники» и «дороганичи». Очевидно, что, по крайней мере в последнем случае, мы имеем дело с наименованием жителей какой-то местности или села. Писцовые книги знают топонимы и гидронимы Дороган, Дорогоня, Дорогани, Дороганица в разных пятинах Новгородской земли, в том числе и деревню Дрогини или Драгани в Карачунском погосте Шелонской пятины, в 2 км к востоку от уже известной нам по грамоте № 568 Сопши¹⁸⁷. Известная по материалам генерального межевания эта деревня на современных картах не отмечена. Проследим за ее судьбой.

В 1576 г. деревня Драгани принадлежала Денисию Евреву — потомку московского помещика конца XV в. Мити Еврева Меньшого. Однако согласно перечневой книге, составленной около 1498 г., Митя Евреев получил в поместье земли сведенных новгородцев Ивана Горба-

нова, Федора Жоравкова, Юрки Гаврилова и Семена — зятя Остафия Болчинского¹⁸⁸. Последнее имя нам уже хорошо известно: Остафий Болчинский был владельцем в Болсине селе, упомянутом в берестяной грамоте № 586. Таким образом, налицо двойная переключка данных грамот № 550 и 568: Драгани расположены рядом с Сопшами, Остафий Болчинский перед новгородским «выводом» владел Болсином селом и, вероятно, Драганиями, отданными им зятю Семену в приданое за дочерью. Логично думать, что и Болсино, и Драгани были единовременной покупкой Остафия из одного фонда бывших за владыкой черных земель в XV в.

Более трудным оказывается слово «въжники». Его можно было бы переводить как «знающие», производя от «ведати» — «знать», однако такая форма в древних текстах не встречена. К тому же, это толкование противоречит контексту своей неконкретностью. В словаре Даля отмечен ряд значений слова «вежа», связанных с рыбной ловлей. Еще З. Ходаковский отметил в новгородском диалекте слово «вежа» в значении артели рыбаков на Ильмене, состоящей из 16 человек¹⁸⁹. Вряд ли здесь подходит и такое толкование: в указанной местности не было крупных водоемов, рыболовство в которых должно быть артельным. Поэтому более перспективным представляется видеть в слове «въжники» обозначение жителей определенной деревни. Поскольку в писцовой книге подобной деревни нет, обратимся к созвучным наименованиям.

В Болчинском погосте имеется деревня Межники, расположенная на речке Смиренке, притоке Шелони¹⁹⁰. В конце новгородской независимости эта деревня принадлежала Остафию Болчинскому¹⁹¹. В том же погосте известна деревня Вязье (Везье, Вежье), бывшая перед новгородским «выводом» за владыкой¹⁹². И тот, и другой пункт, как видим, отвечает условиям идентификации.

Изложенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что боярская семья, владевшая усадьбами на Черницыной улице, была связана со сбором государственных доходов с определенной, хорошо локализуемой территории черных волостей не только в XIV, но и в XII в., т. е. на протяжении нескольких поколений. Этот вывод совпадает с наблюдениями над материалами, обнаруженными на других раскопах, где берестяные грамоты знакомы нам с боярами, наследующими должности и обя-

занности борцов или «данников» на определенных территориях. В частности, семья Мишиничей долгое время контролировала Карелию, семья Феликса (его усадьба исследована на Ильинском раскопе) была в такой же связи с Заволочьем¹⁹³. К какому же времени может относиться первоначальное формирование таких кормленческих волостей?

Определенные возможности для ответа на этот вопрос дает берестяная грамота № 526, найденная в комплексе тех же усадеб Черницыной улицы в слоях, дендрохронологически датированных 1061—1095 гг., со следующим текстом: «На Бояне въ Русе гривна, на Житоб[о]уде въ Русе 13 коуне и гривна истине. На Лоуге на Негораде 3 коуне и гривна с намы. На Добровите съ людьми 13 коуне и гривна. На Нежьке на Пръжневици полгривне. На Сироме без дъвоу ногатоу гривна. На Шелоне на Добромысле 10 коуно. На Животтъке 2 гривне кроупемь. Серегери на Хъмоуне и на Дрозъде 5 гривень бес коуне. На Азьгоуте и на погощахъ 9 коунъ семее гривне. Доубровне на Хрипане 19 третъее гривне»¹⁹⁴.

Документ посвящен невероятно широкой по своим территориальным масштабам ростовщической операции. В нем перечислены лица, за которыми числится и отданный в рост капитал («истина»), и проценты с него («намы»). Должники Боян и Житобуд живут в Русе (т. е. в Старой Руссе), Негорад — на Луге, там же, по-видимому, Добровит с людьми, !Добромysl — на Шелони, Хомуня и Дрозд — на Селигере, Хрипан — на Дубровне. Азгут как-то связан с погощами; не исключено, что он и погощи имеют отношение к территории близ Селигера, которая в дальнейшем в административной системе Новгорода XV в. именовалась Погостским десятком Моревской волости. Особо следует разобраться в местопребывании Нежька Пръжневица и Сиромы. При публикации этой грамоты было высказано предположение, что они живут на Луге, о которой идет речь в предыдущей позиции реестра должников, а не на Шелони, фигурирующей в следующей позиции. Между тем «Пръжневиц» — не обязательно отчество Нежька; если это отчество, то оно исключительно в тексте документа, обращающего внимание в первую очередь на территориальную локализацию должников. Не может ли это обозначение быть территориальным, подобным обозначению Русы, Луги, Шелони, Селигера, Погощ и Дубровны? Если это так, то в новго-

родских писцовых книгах зарегистрирована только одна деревня Прожнево. Она находилась в Пажеревицком погосте Шелонской пятины (в Вышегородском уезде), т. е. на верхнем течении Шелони, в непосредственном соседстве с Болчином селом и хорошо нам известными землями Карачунского погоста¹⁹⁵.

Таким образом, и грамота второй половины XI в. возвращает нас в те места, с которыми связаны позднейшие документы того же комплекса. Но не только в них. Отраженная грамотой № 526 ростовщическая деятельность охватывает обширную территорию Новгородской земли от Луги и Шелони на западе до Селигера на юге и Дубровны в районе Крестец и Валдая на востоке. Если бы речь в ней шла о явлениях на сто — двести лет более поздних, можно было бы предполагать, что на столь большом удалении одна от другой разбросаны вотчины одного боярского рода. Однако в XI в., когда вотчинная система еще не существовала, сам механизм этой ростовщической операции мог опереться только на всепроникающую систему государственного фиска, и лицо, возглавлявшее всю эту операцию, должно иметь прямое отношение к такой системе.

Из тех же слоев второй половины XI в. и из того же усадебного комплекса происходит берестяная грамота № 562, сохранившая только конец записи: «...новгородские смерды, а за ними и задьница», т. е. новгородские смерды, а за ними и задница. Смерды — крестьяне, платящие налоги не вотчиннику, а государству, в данном случае Новгороду. Снова, как видим, документ связан с фискальными интересами государства.

Надо полагать, что активное накопление средств боярами на протяжении XI—XIII вв. и послужило одной из главных причин и основ решительного наступления на черную волость в XII—XIII вв., когда боярское государство утверждается на фундаменте вотчинной системы. И не случайными поэтому оказываются реформы государственной власти в боярской республике, начавшиеся в конце XIII в., завершившиеся в 1354 г. и создавшие ту форму государственности, которая символизирует расцвет боярского Новгорода.

Описание Юрьева монастыря и подмонастырской волостки 1685 г.

Новгородский музей, № 11300, л. 72—84 об.

Выпись с писцовых книг Новгородского уезду Шелошские пятины писма и меры и межеванья писцов Ивана Семеновича Мякипина да подьячего Семена Щоголева 193-го и 194-го году.

л. 72

А в писцовых книгах написано. Монастырь Юрьев, а в нем церковь каменная старинная соборная святого великомученика Христова Георгия. В той же церкви вверху предел церковь Благовещения пресвятые богородица да церковь Всех святых, да на святых воротах церковь каменная Преображенье господа бога и спаса нашего Иисуса Христа. Церковь каменная теплая великого святителя Алексея митрополита московского и всея Руси да предел церковь великого князя Всеволода, во святом крещении нареченного Гавриила псковского чудотворца. А ть церкви, а в них деисусы, и местные образы, и всякая церковная утварь, и книги, и ризы, и всякие церковные потребы, и в соборной церкви настенное писмо, строение старинное великих государей и митрополитское.//

В церкви великого святителя Алексея митрополита московского и всея Руси и к пределу церкви великого князя Всеволода, во святом крещении нареченного Гавриила, псковского чудотворца в пределе трапеза, да и келарская под трапезою, хлебня, поварня и иные пределы обиходные каменные. В монастыре ж колокольня каменная, на ней девять колоколов больших и средних и малых, да часы боевые. В них четыре колокола особых перечасных. У колокольни ж полатка каменная кладовая да за хлебнею да за поварнею палатка квасоварная каменное строение старинное ж. В монастыре ж строения деревянного архимандричьи и братии семнатцать келей, сушило на погребях, мельница мелют лошадами.

л. 72
об.

В монастыре ж позади архимандричьих келей сад, а в нем яблоны розни и вишни. Около монастыря ограда рублена тара-сы, покрыта тесом. В тсй ограде святыя ворота, стены каменные да двой // ворота деревянные створчатые. У оных ворот по стороне и на воротах анбар кладовый. Около монастырской ограды триста восемьдесят осм сажень. Позади монастыря сад, а в нем яблоны розни и вишни; около саду осмдесят четыре сажени. У монастыря ж двор конюшенной со всяким дворовым строением, около двора девяносто пять сажень. За конюшенным двором монастырской огород, а в нем десятина, а четверти две четверти. За конюшенным двором и за огородом вверх по берегу реки Волхова того ж Юрьева монастыря вотчинная слобода, а в ней двory церковных причетников, и служни, и бобыльские. А того ж Юрьева монастыря стряпчего Ивашка Титова по скаске за рукою в той слободе жители слушки и бобыли старинные и в переписных книгах 186-го году написаны.

л. 73

А по пересмотру и по роспросу за руке той слободы жители слушки и бобыли сказали старинные ж церковные причетники. Во дворе поп Григорей Андреев, у него сын Сенка // одиннадцати лет. Во дворе дьякон Стахей Семенов. Во дворе дья-

л. 73
об.

- чок Лучка Игнатьев с сыном Мишкою. Во дворе дьячок Кондрашко Исаков. Во дворе просвирица Ульянка Карпова дочь, у нее зять слушка Яшка Хрисанфов, у Яшки пасынок Анкидинко Григорьев двенадцати лет. Во дворе вдова панамарская Ивановская жена Порашка, у нее сын Молафейко двенадцати лет. Во дворе слушка стряпчей Никитка Гречюхин с сыном слушкою ж и с Мишкою. Во дворе слушка стряпчей Костка Никитин. Во дворе слушка Никифорко Семенов, у него дети Мишка семнадцати лет, Ивашко пятнадцати лет, Лучка четырнадцати лет. Во дворе слушка Ивашко Васильев с сыном слушкою ж Гордюшкою. Во дворе слушка Никифорко Иванов, у него сын Степашко пятнадцати лет; у Никифорка ж брат слушка Фетка Иванов. Во дворе слушка Степашко Федоров, у него дети Антошка одиннадцати лет, Андрешка шти лет, Тимошка четырех лет. Во дворе слушка Васка Костянтинов, у него брат Наумко тринадцати лет да зять // слушка ж Алешка Матвеев бездетен. Во дворе служек сын Петрушка Матвеев четырнадцати лет. Во дворе слушка Степашко Федоров с сыном Гришкою. Во дворе слушка Егорка Андреев с сыном Санушкою. Во дворе вдова слушки Андреевская жена Марфица, у нее сын Афонка трех лет. Во дворе слушка Фирка да Никитка Никитины дети, у Фирки сын Клишко, у Никитка дети Прошка шти лет, Мишка двух лет. Во дворе слушка Богдашко Васильев с зятем слушкою ж с Феткою Мироновым. Во дворе слушка Тихашка Степанов сапожник монастырской, у него сын Кирилко пятнадцати лет. Во дворе слушка монастырской портной мастер Тимошка Максимов, у него дети Афонка девятнадцати лет, Гришка пятнадцати лет. Во дворе слушка Дорофейко Григорьев. Во дворе слушка Афонка Алексеев, у него дети Еремка да Тараска пятнадцати лет, у Еремки сын Куземка трех лет. Во дворе слушки Никифорка Иванова дети Фетка четырнадцати лет, Афонка двенадцати // лет. Во дворе слушка рыбной ловец Аверка Петров. Во дворе слушка Ивашко Денесев, у него дети Прошка да Захарка да Ивашка осмнадцати лет, Терешка одиннадцати лет, у Прошки сын Петрушка году. Во дворе служек сын Тимошка Григорьев, у него брат Федотко тринадцати лет, Еремка одиннадцати лет, Фетка четырех лет. Во дворе слушка Ивашко Васильев. Во дворе слушка Перфилко Петров, у него сын Ортюшко двух лет. Во дворе служек сын Демка Титов. Во дворе слушка Сенка Мионов, у него дети Матюшка десяти лет, Степашко девяти лет, Фетка осми лет, Мишка четырех лет, Иютка трех лет. Во дворе бобыль беспашенной Максимко Устинов з детми Феткою да с Лучкою, у Фетки сын Андрешка, у Лучки дети Елизарко двенадцати лет, Афонка пяти лет, Игнашко полугоду, да племянник служек сын Васка Тимофеев. Во дворе слушка монастырской сторож Сенка Андреев з братом Ефимком, у Сенки сын Гаврилко десяти недель. // Во дворе слушка Елисейко Кипреянов с сыном Овдейком. Во дворе вдова слушки Ермолинская жена Агафица бездетна. Во дворе слушка плотник Екимко Ильин, у него дети Ларка да Ивашка, у Ларки дети Петрушка трех лет, Клишко двух лет. Во дворе слушка рыбной ловец Степашко Еремеев, у него брат Фетка да Малафейко пятнадцати лет, Микитка тринадцати лет, у Степашка сын Тимошка десяти недель. Во дворе слушка рыбной ловец Фетка Мак-

симвов, у него сын Андриюшка семнадцать лет. Во дворе слушка рыбной ловец Куземка да Васка Селивановы, у них брат Сенка пятнадцать лет. Во дворе слушка Алешка Гаврилов. Во дворе слушка кузнец монастырской Ивашко Парфеньев, у него дети Пашко пяти лет, Гришка трех лет, да пасынок Прошка Кузмин десяти лет. Во дворе слушка монастырской сторож Игнашко Михайлов, у него сын Ивашко году. Во дворе слушка Ивашко Федоров, у него сын Костка десяти лет. // Во дворе слушка Епифанко Григорьев сын, у него дети Ивашко двенадцати лет, Сидорко пяти лет, Прошка полугоду. Во дворе слушка плотник Алешка Лукин. Во дворе слушка конюх Калишка Ефимов. Во дворе слушка хлебник Епифанко Евсеев, у него сын Ивашко году. Во дворе слушки Обранко да Степанко Насоновы. Во дворе слушка Евсейка Гаврилов. Во дворе слушка Иудка Иванов. Во дворе слушка плотник Савостка Евсеев, у него сын Гаврилка десяти лет. Во дворе слушка плотник Онушко Иванов, у него дети Куземка да Агапка да Агапка ж десяти лет, Матвейка пяти лет. Во дворе вдова бобылка Матрена Андреевская жена бездетна. Во дворе бобыль беспашенной Михайко Ефимов с сыном Прошкою. Во дворе бобыль беспашенной Игнашко Афанасьев, у него пасынок Мишка Григорьев да сын Оброско семи лет. Во дворе бобыль беспашенной Ортюшко Матфеев, у него дети Ивашко осмнадцать лет, Матюшка тринадцать лет. Во дворе слушка рыбной ловец Петрушка // Яковлев, у него сын Петрушка трех лет. Во дворе служек сын Сенка Анисимов. Во дворе слушка Ортюшко Андреев, у него сын Степашко Сафонов, у него племянник Ивашко Максимов пятнадцать лет. Во дворе слушка Давыдка Миронов, у него дети Ивашко да Васка да Кондрашко да Матвейко шестнадцать лет. Во дворе слушка донской казак Прошка Данилов, пожалован в слушки за многие службы по грамоте великого государя в 175-м году, у него сын Петрушка двенадцати лет. Во дворе слушка Алешка Ермолин, у него сын Мишка одиннадцать лет да шурин служек сын Пашко Силин. Во дворе слушка Гришка Миронов. Во дворе слушка Ивашко Трофимов. Во дворе слушка Мишка Кондратьев. Во дворе слушка конюх Евсейка Петров, у него сын Петрушка четырех лет. Во дворе слушка Митко Иванов, у него сын Гордюшка четырех лет. Во дворе служек сын Митко Ларионов. // Во дворе слушка Никифорко Григорьев, у него сын Дениско пятнадцать лет да зять слушка Антипка Михайлов, у Антипки дети Ивашко семнадцать лет, Степашко девяти лет. Во дворе слушка Левка Иванов, у него дети Антипка да Яшка. Во дворе слушка Макушка Иванов, у него сын Прошка, у Прошки сын Филка четырех лет. Во дворе слушка Ивашко Кондратьев. Во дворе слушка Игнашко Иванов, у него дети Феонейко одиннадцать лет, Мишка пяти лет. Во дворе слушка Ивашко Титов, у него племянник Ивашко пятнадцать лет, Кирилко шти лет — слушки Яковлевы дети. Во дворе слушка Феонейко Никифоров, у него сын Ивашко да зять слушка Фетка Андреев, у Фетки сын Онашко полугоду. Во дворе бобыль беспашенной рыбной ловец Оксейко Сергеев, у него сын Исачко шти лет да племянник Силка Прокофьев десяти лет. Во дворе служек сын Ерощка Ларионов, у него дети Никитко четырех лет, Борниско году да брат // Пашко пятнадцать лет. Во дворе слушки Макарко да Гришка Ефре-

л. 75
об.

л. 76

л. 76
об.

л. 77

мовы, у Макарка сын Еремка году, у Гришки сын Ерофейко полугоду. Во дворе вдова слушки Андреевская жена Ксеньица бедетна.

Всего в той Юрьева монастыря вотчинной слободе жителей: шесть дворов церковных причетников, людей в них девять человек; шестьдесят восемь дворов служилых людей, в них сто семьдесят шесть человек; шесть дворов бобыльских, людей в них девять человек.

За тем же Юрьевым монастырем вверх по реке Волхову вотчинные полевые пашенные середние земли с наддачею шестьдесят шесть десятин, а четвертные пашни сто тридцать две четверти, а три поля сорок четыре четверти в поле, а в дву по тому ж, да сенного покосу вниз по реке Волхову пожни рель тридцать шесть десятин, сена триста шездесят копен, да около поля двадцать шесть десятин, сена двести шестьдесят копен, всего в пожни рли и около пол-шестьдесят две десятины, // сена шестьсот двадцать копен.

л. 77

об.

Да против сенного покосу пожни рли в реке Волхове рыбная ловля тоня воротная от монастыря по реке Волхову вниз до вешнего истока, а ручей и Мячинская судовая переволока тож; а преже сего в том месте был крест. Ловят рыбу на монастырь безоброчно по старине. Да по другую сторону реки Волхова от Малого Волховца по Большому Волхову вверх до урочища Коломца с приколом ловят рыбу на Юрьев монастырь и в Новгородской дворцовой приказ оброк плотят с новгородским Кириловым монастырем по полюбовной записи 7109-го году по третям, Юрьева монастыря две трети, Кирилова монастыря треть. На Юрьев же монастырь в озере Ильмени ловят рыбу монастырские рыбные ловцы дватцать человек всякими рыбными ловлями безоброчно, и безполазные, и беспобережные и безрыбные по пошине.

Писано за тем Юрьевым монастырем слобода служня, и во дворех жителей по старине. Да того ж Юрьева монастыря стряпчего Ивашка Титова по скаске за рукою и по пересмотру и по роспросу за руками.//

л. 78

А пашенная земля и сенной покос пожня рель по реке Волхове, рыбная ловля против сенной пожни рли тоня воротная, по выписи писцовых книг писцов Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 131-го году, за приписью дьяка Ивана Степанова 177-го году, а по другую сторону реки Волхова рыбная ловля под Городищем, по той же выписи с писцовых книг Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 132-го года, по полюбовной записи Юрьева монастыря с новгородским Кириловым монастырем 7109-го году мая 18 числа, а в записи написано. По зарецей стороне рыба ловить Юрьева монастыря рыбным ловцам от Малого Волховца вверх по Большому Волхову до Коломца и с приколу неводом и иными рыбными ловлями и плавуном плавати от Коломца вниз по Большому Волхову до Малого Волховца, а Кирилова монастыря рыбным ловцом ловить рыба от своего берега от Малого Волховца вверх по Большому Волховцу заезжать семдесят сажень, а болши того Кирилова монастыря рыбным ловцом неводом // не заезжать и иными некоторыми рыбными ловлями опричь неводного заезду не ловить и плавуном не плавать. А Юрьеву монастырю в тот заезд в семьдесят сажень не вступатись. Також

л. 78

об.

Кирилову монастырю в Юрьевской заезд не вступатись и не перекупатись. И с той рыбной ловли в Новгородской дворцовой приказ оброк по окладу платить по третям, Юрьеву монастырю две трети — рубль восемь алтын полторы денги, а Кирилову монастырю треть — дватцать алтын полные денги. А в озере Ильмени рыбная ж ловля по жалованному прежнему великих государей грамотам да по жалованной великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца грамоте, дана в тот Юрьев монастырь в 184-м году марта в 18 день. Да Юрьева монастыря конюшого старца Иоиля да стряпчего Ивашка Титова по скаске за рукою, того ж Юрьева монастыря рыбная ловля от воротной тони, что от монастыря вниз по реке Волхову // до креста, от монастыря ж от святых ворот вверх по реке Волхову до общего Юрьева с Перыньским монастырем межевого ручья и против монастыря и слободы служни и пашенной земли, в реке Волхове к своему берегу и вешних розливных водах всякими рыбными ловлями по своей монастырской земли на Юрьев монастырь ловят рыбу по старине безоброчно.

л. 79

А в писцовых книгах писма и меры писцов Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 132-го году написано за тем Юрьевым монастырем вотчинные пашенные середние земли под монастырем тритцать шесть четвертей в поле, а в двух по тому ж, всего сто восемь четвертей, сенного покосу пожня рель, а копнами сколко, того не написано. А из Новгородского дворцового приказу в выписи с писцовых поженных книг писцов Григория Волынского да Федора Калитина с товарищи 7071-го, и 72-го, и 73-го, и 74-го, и 75-го года за рукою воеводы Никиты Бухвостова 193-го году феураля в 11 день написано за Юрьевым монастырем на реке Волхове пожня Юрьевская рель, // у креста под монастырем Юрьевым, подле оброчной пожни Леденца, да подле Пантелеева монастыря, пожни сена мелкова пятьдесят десятин, а копнами тысяча пятсот копен, по пятнадцати копен з десятины, оброку семь рублей шеснадцать алтын четыре денги. А по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев и по грамоте и по приказу Большого дворца за приписью дьяка Семена Колкина во 193-м году декабря в... день с той сенной пожни рли оброк семь рублей шеснадцать алтын четыре денги сняты. И дана та пожня рель в Юрьев монастырь в вотчину безоброчно вместо того ж Юрьева монастыря вотчинных старорусских дворов и дворовых, и огородных, и садовых, и кузнечных мест, и пахотных полос, которые в Старой Русе на посаде по строелным книгам во 160-м году взяты и приписаны к старорусскому посаду. И по нинешнему наезду сверх писцовых книнг Александра Чоглокова да дьяка Добрыни Семенова 132-го году пашенные земли прибыло восемь четвертей в поле, а в дву по тому ж. Да за конюшенным // двором в огороде две четверти, всего дватцать шесть четвертей. А сверх писцовых книг Григория Волынского с товарищи 7071-го году сенного покосу прибыло двенатцать десятин, сена сто дватцать копен.

л. 79
об.

л. 80

Межа той Юрьева монастыря вотчинной земли от святых ворот вниз по реке Волхову. По той меже по берегу реки Волхова до старинной бывшей межи Алексеевские Новинские сло-

- боды ямских охотников с санными покосы с пожнею релью. А преже сего в том месте был крест. До вешнего истока и до ручья и до Мячинские судовые переволоки тож — четьреста сажень, по правую сторону река Волхов, а по левую сторону Юрьева монастыря сенной покос пожня рель. И у той старинной межи у судовой переволоки на берегу реки Волхова против столба и ямы ямских охотников поставлен столб и на нем насечена грань, а подле того столба выкопана яма. А от того столба и от ямы поворот и межа налево по вешнему истоку и по ручью и по судовой переволоки тож прямо через Княжей ручей к озеру Мячину. И по той меже против столба и ямы ямских охотников поставлен столб и на нем насечена // грань, и подле того столба выкопана яма. А меж тех столбов и ям сто десять сажень. А от того столба и от ямы по судовой же переволоки писца Федора Нащокина межеванья во 182-м году поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба выкопана яма. А меж тех столбов и ям дватцать одна сажень. По левую сторону юрьевская монастырская сенная пожня рель, а по правую сторону ямских охотников сенная пожня той же рели. А против Федорова Нащокина межеванья столба и ямы за Княжим ручьем на общей меже дворцового села Ракома присельной деревни Горки с оброчною пожнею Леденцом на той же судовой переволоки поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба выкопана яма. А меж тех столбов и ям через Княжой ручей четьрнатцать сажень. А от того столба и от ямы по судовой же переволоки к озеру Мячину писца Федора Нащокина межеванья поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба яма. А меж тех столбов и ям восьмьдесят восьмь сажень. А от того столба и от ямы по конец судовой // переволоки у озера Мячина на повороте поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба выкопана яма. А меж тех столбов и ям двенатцать сажень. По левую сторону Юрьева монастыря сенная пожня рель, а по правую сторону дворцового села Ракома присельной деревни Горки крестьян оброчная пожня Леденец. А от того столба и от ямы поворот и межа налево подле озера Мячина и по ручью вверх. И по той меже на повороте поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба выкопана яма. И меж тех столбов и ям сто семнатцать сажень. А от того столба и от ямы поворот и межа направо через ручей и ручьем же. И по той меже в верховье ручья поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба выкопана яма. А меж тех столбов и ям сто сажень. Юрьева монастыря от полевой пашенной земли до того столба и до ямы по сенному покосу восьмьдесят сажень. А от того столба и от ямы в болоте набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж той сваи и столба и ямы сто сажень.
- л. 80
об.
- л. 81
- л. 81
об.
- А от монастырской юрьевской // пашенной земли до той сваи и до грани сто тринатцать сажень. А от той сваи и от грани на повороте Пантелеева монастыря у пашенной земли угородов на углу поставлен столб и на нем насечена грань, и подле того столба выкопана яма боольшая. А меж той сваи и столба и ямы шестьдесят шесть сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до того столба и до ямы сто пятьдесят сажень. По левую сторону Юрьева монастыря, а по правую сторону Пантелеева монастыря сенной покос и пашенная земля. А от

того столба и от ямы поворот и межа налево болотом вопче дворцовой деревни Горки санным покосом, и по той меже по болоту набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж той сваи и столба и ямы сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани сто семьдесят одна сажень. А от той сваи и от грани болотом же на общей меже дворцовой деревни Ушково санным покосом на повороте набита свая дубовая, а на ней насечена грань. А меж тех свай и граней девяносто сажень. По левую сторону Юрьева монастыря, а по правую сторону // дворцовой деревни Горки сеной покос. А от той сваи и от грани поворот и межа налево. И по той меже на повороте набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней семьдесят сажень с полусаженью. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани сто четыре сажени. А от той сваи и от грани поворот и межа направо. И по той меже набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней восемьдесят сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани восемьдесят сажень. А от той сваи и от грани у общей городбы по берегу сеного покосу Юрьева монастыря з деревнею Ушковым у старой ямы и по конец ручья набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней девяносто две сажени. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани тридцать три сажени. А от той сваи и от грани вверх по ручью по старой городбе деревни Ушкова на ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто // сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани двадцать две сажени. А от той сваи и от грани по ручью набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани сорок пять сажень. А от той сваи и от грани по ручью ж на повороте набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто восемь сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани двадцать сажень. А от той сваи и от грани поворот и межа направо по ручью ж, и по той меже набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж // тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той сваи и до грани шестьдесят сажень. А от той сваи и от грани поворот и межа налево по ручью ж лукою, и той лукою направо по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до луки семнатцать сажень, а до сваи и до грани сорок четыре сажени. А от той сваи и от грани до монастырского юрьевского через ручей мосту и до скотинного прогону сто шестьдесят сажень. А тот скотинный прогон учинен Юрьева ж монастыря от скотинного двора дворцовой деревни Рощепа через пашенную

л. 82

л. 82
об.

л. 83

землю в общую пазбу. А от мосту по прогону по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж мосту и свай сорок сажень. А меж свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани тридцать сажень. А от той свай и от грани по ручью ж против дворцовой деревни Рощепа набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской // юрьевской пашенной земли до той свай и до грани сорок сажень. А от той свай и от грани по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани тридцать восемь сажень. И от той свай и от грани по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани двадцать четыре сажени. А от той свай и от грани по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани тридцать восемь сажень. И от той свай и от грани по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани двадцать четыре сажени. А от той свай и от грани по ручью ж набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани двадцать семь сажень. А от той // свай и от грани на устье ручья на берегу реки Прости набита свая дубовая и на ней насечена грань. А меж тех свай и граней сто одиннадцать сажень. А от монастырской юрьевской пашенной земли до той свай и до грани шестьдесят семь сажень. По левую сторону ручья Юрьева монастыря сенной покос и пашенная земля, а по правую сторону ручья дворцовой деревни Рощепа сенной покос и пашенная земля. А от той свай и от грани поворот и межа налево река Прость. И по той реки Прости до Гнилова озера триста сажень. По левую сторону реки Прости Юрьева монастыря сенной покос и пашенная земля, а по правую сторону дворцовая десятинная пашенная земля. А от реки Прости подле Гнилова озера до общего межового ручья Перыня монастыря с санными покосы триста сажень, а по ручью вниз до реки Волхова триста ж сажень. По левую сторону Юрьева монастыря, а по правую сторону Перыня монастыря санные покосы и пашенная земля. А от устья того межового с Перыньским монастырем ручья вниз по реке

л. 84
об.

Волхову до святых // ворот пятсот шестьдесят сажень.

По тех мест того Юрьева монастыря вотчинные земли межа и грани писано и мерено и межовано та Юрьева монастыря вышеписанная вотчинная земля в нынешнем во 194-м году октября в 31 день. А дана сия выпись Юрьева монастыря архимандриту Иову з братьею на их монастырскую вотчинную землю и на сенной покос и на рыбные ловли впредь для вотчинного владенья в нынешнем во 194-м году декабря в 10 день.

На подлинной выписи на обороте пишет тако:

Иван Мякинин

Приписал Семен Щоголев

Смотрел Алешко Мартьянов.

- ¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 71—72.
- ² Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии.— В кн.: Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960, т. IV, с. 153—155.
- ³ Аграрная история Северо-Запада России, с. 53.
- ⁴ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли, 1. Шелонская пятина: Списки селений. М., 1914, с. 345, 411, 414.
- ⁵ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905, ч. 1, с. 83.
- ⁶ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 343.
- ⁷ НПК. СПб., 1886, т. 4, стб. 159—160.
- ⁸ Там же, стб. 442.
- ⁹ Там же. СПб., 1905, т. 5, стб. 591, 593.
- ¹⁰ Там же, стб. 67—68.
- ¹¹ ПСРЛ. СПб., 1853, т. 6, с. 200.
- ¹² Аграрная история Северо-Запада России, с. 96. В том же комплексе усадеб Черницыной улицы в слоях первой половины XIV в. был найден обрывок берестяной грамоты № 533, в котором упоминаются коробьи соли (Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 135).
- ¹³ ГВНиП. М.; Л., 1949, № 128, 252, 297, 302, 303.
- ¹⁴ Там же, № 90, 99, 298, 299, 300, 301, 318.
- ¹⁵ Там же, № 320, 328.
- ¹⁶ Там же, с. 280, № 280.
- ¹⁷ Там же, с. 309, № 323.
- ¹⁸ Там же, с. 279, № 279.
- ¹⁹ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря.— В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958, с. 447—450, № 1—9.
- ²⁰ ГВНиП, с. 64—65, № 36.
- ²¹ Там же, с. 150—151, № 95.
- ²² Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, раздел «Печати владычных наместников».
- ²³ ГВНиП, с. 161—163, № 104, 105.
- ²⁴ Там же, с. 159—160, № 103.
- ²⁵ Корецкий В. И. Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв.— В кн.: Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 285, № 1.
- ²⁶ ГВНиП, с. 279—280, № 279.
- ²⁷ Сомневаюсь в том, что заключительная фраза документа относится к оригиналу, а не к его списку. Церковь св. Димитрия на Дослана улице (единственная Димитриевская церковь Неревского конца, в котором жил Лука Варфоломеевич и все его наследники) впервые упоминается под 1391 г. как сгоревшая, а в 1394 г. на ее месте была сооружена каменная (НПЛ. М.; Л., 1950, с. 384, 386), просуществовавшая до 40-х годов XIX в. (Гусев П. Две исторические иконы Новгородского церковного древлехранилища.— Труды Новгородского церковно-археологического общества, Новгород, 1914, т. 1, с. 169). Сама Дослана улица не известна ранее 1342 г. (НПЛ, с. 355). Согласно археологическим наблюдениям

- этот район Новгорода, составляющий северную окраину Неревского конца, застраивается впервые только в XIV в. (*Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Еришевский Б. Д.* Новгородская экспедиция.— В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 38—39).
- ²⁸ ГВНИИ, № 122, 130, 221, 278, 290, 314. Иногда называются промежуточные **гаранты** — посадники двинские (там же, № 132, 277); и судьи (там же, № 138, 142, 212, 251), но по крайней мере относительно последних очевидно, что это те же владычные наместники, поскольку **акты** скреплены их печатями.
- ²⁹ НПЛ, с. 386.
- ³⁰ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 25 («князя копороцкого убиша Ивана»); М., 1955, вып. 2, с. 30 («убиша копороцкого Ивана»), 107.
- ³¹ НПЛ, с. 473; ПСРЛ. Л., 1929, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 626; СПб., 1910, т. 23, с. 165.
- ³² *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 165.
- ³³ *Янин В. Л.* Две неизданные новгородские грамоты XV в.— В кн.: Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960, с. 337.
- ³⁴ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси, т. 2, с. 199, № 589; с. 203, № 602.
- ³⁵ НПЛ, с. 413.
- ³⁶ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. СПб., 1882, стб. 285—286; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1976, с. 106.
- ³⁷ ПСРЛ. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 396.
- ³⁸ Публикуя эту грамоту в 1960 г., я датировал ее 1413—1420 гг., не допуская, что Олисей Костянтинович мог стать тысяцким ранее 1413 г. Тогда я еще не знал записи в Минее 1398 г. и полагал, что посадничество Александра Фоминича началось лишь в 1404 г.
- ³⁹ Псковские летописи, вып. 1, с. 43.
- ⁴⁰ ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25, с. 212; ср. т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 345; М.; Л., 1959, т. 26, с. 154; М.; Л., 1962, т. 27, с. 82.
- ⁴¹ *Костомаров Н. И.* Северо-русские народоправства. СПб., 1868, т. 1, с. 132.
- ⁴² *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 122.
- ⁴³ НПЛ, с. 78, 295.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 323.
- ⁴⁶ Там же, с. 324.
- ⁴⁷ Там же, с. 328.
- ⁴⁸ Там же, с. 345—346.
- ⁴⁹ Там же, с. 349.
- ⁵⁰ ПСРЛ. СПб., 1885, т. 10, с. 220.
- ⁵¹ НПЛ, с. 356, 362.
- ⁵² Там же, с. 375. Родословные книги знают у Нариманта только двух сыновей — Патракия и Семиона (Временник ОИДР, М., 1851, кн. 10, с. 80, 136). Однако в литовских источниках известен князь Юрий Наримонтович Бельский, выступавший как сторонник Витовта с 1392 г. Его сын Иван Юрьевич погиб на Ворскле в 1399 г. (*Wolff J.* Kniazowie litewsko-rusky od końca czternastego wieku Warszawa, 1895, s. 1).
- ⁵³ НПЛ, с. 379.
- ⁵⁴ Там же.

- ⁵⁵ ПСРЛ, т. 25, с. 214, 218. Ср. сообщение Никоновской летописи под 1389 г.: «прииде в Новъгород князь Семен Лугвень Олгердовичъ, внук Гедиманов, на Успение пречистыа Богородицы, и приаша его новгородцы в честь, и сяде на тех же градах, иже были за Наримантом Гедимановичем, месяца августа» (там же. СПб., 1897, т. 11, с. 95).
- ⁵⁶ Там же, т. 11, с. 123.
- ⁵⁷ Там же, с. 148.
- ⁵⁸ НПЛ, с. 386.
- ⁵⁹ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 373—374.
- ⁶⁰ Там же, с. 374.
- ⁶¹ Там же, т. 11, с. 156.
- ⁶² *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-rusky od konca czternastego wieku, s. 162. В 1366 г. Кобрин принадлежал Ольгерду, затем, по-видимому, перешел к его сыну Федору, бывшему на Червоной Руси в 1387—1394 гг.; у последнего было три сына: Юрка, Сангушка и Роман.
- ⁶³ ПСРЛ. СПб., 1848, т. 4, с. 103, 143; СПб., 1851, т. 5, с. 251; т. 6, с. 130; СПб., 1859, т. 8, с. 72.
- ⁶⁴ НПЛ с. 387.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же, с. 389.
- ⁶⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 227; ср. т. 11, с. 168.
- ⁶⁸ Там же, т. 11, с. 190; ср. т. 25, с. 232.
- ⁶⁹ НПЛ, с. 399.
- ⁷⁰ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 404.
- ⁷¹ Псковские летописи, вып. 2, с. 34.
- ⁷² НПЛ, с. 403—404.
- ⁷³ ГВНИП, с. 90—91, № 52.
- ⁷⁴ ПСРЛ, т. 5, с. 258.
- ⁷⁵ НПЛ, с. 412.
- ⁷⁶ Там же, с. 413.
- ⁷⁷ Там же, с. 416.
- ⁷⁸ *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952, с. 131, № 216.
- ⁷⁹ НПЛ, с. 419.
- ⁸⁰ Там же, с. 420.
- ⁸¹ Там же, с. 423.
- ⁸² Там же, с. 424.
- ⁸³ ПСРЛ. СПб., 1889, т. 16, стб. 198, 200, 218.
- ⁸⁴ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891, т. 2, с. 166—167. В Никоновской летописи Константин Белозерский ошибочно называется Васильевичем (ПСРЛ, т. 11, с. 154—157, 163).
- ⁸⁵ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья, т. 2, с. 165.
- ⁸⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с. 34, № 12.
- ⁸⁷ Там же, с. 35.
- ⁸⁸ ПСРЛ, т. 27, с. 257, 335.
- ⁸⁹ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951, с. 21—37.
- ⁹⁰ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья, т. 2, с. 152—173; генеалогическая таблица белозерских князей.
- ⁹¹ Там же, т. 2, генеалогическая таблица белозерских князей.
- ⁹² Временник ОИДР, М., 1851, кн. 10, с. 41.

- ⁹³ Там же, с. 53.
- ⁹⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 372—373.
- ⁹⁵ НПЛ, с. 392.
- ⁹⁶ *Янин В. Л.* К вопросу о структуре княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII—XIV вв.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973, вып. 5, с. 113—120.
- ⁹⁷ Там же, с. 113.
- ⁹⁸ Употребление вислых свинцовых печатей новгородскими служилыми князьями подтверждается найденным в 1969 г. на Городище под Новгородом обломком буллы, на одной стороне которой имеется поясное изображение св. Василия Кесарийского в окружении двустрочной надписи: «[Печа]те великого [князя Василия] Дмитриевн[ча]...», а на обороте шестистрочная надпись: «Печ[ать] Кост[янтин]а Ива[новича] и Ва[силья] Д[митри]евич[а]» (*Янин В. Л.* Актные печати древней Руси, т. 2, с. 236—237, 240, № 447а). Несомненна принадлежность этой буллы копорскому князю Константину Ивановичу Белозерскому, современнику великого и новгородского князя Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.). По существу в основе этого сфрагистического типа лежит тот же принцип, что и в основе булл Романа Михайловича и Василия Романовича — сочетание «великокняжеской» и «кормленческой» сторон.
- ⁹⁹ *Васильев Ю. С.* К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв.— В кн.: Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976, вып. 1, с. 14.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ, т. 16, стб. 132; ср. т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 348.
- ¹⁰¹ *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 160; *Попов А. И.* Валит.— Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949, вып. V; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 157—158.
- ¹⁰² *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 380.
- ¹⁰³ ГВНИП, с. 162, № 105.
- ¹⁰⁴ *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 6.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 16.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 44.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 143.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 179.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 183.
- ¹¹⁰ Там же, с. 184.
- ¹¹¹ Там же, с. 210.
- ¹¹² Там же, с. 217.
- ¹¹³ Там же, с. 230.
- ¹¹⁴ Там же, с. 312.
- ¹¹⁵ Там же, с. 331.
- ¹¹⁶ Там же, с. 405.
- ¹¹⁷ НПК. СПб., 1862, т. 2, стб. 442—443.
- ¹¹⁸ Там же, стб. 499.
- ¹¹⁹ Там же, стб. 617—620.
- ¹²⁰ Там же, стб. 806—826.
- ¹²¹ Аграрная история Северо-Запада России, с. 120—121; ГИМ, ф. 342, № 46, л. 18 и сл.
- ¹²² НПК. СПб., 1868, т. 3, стб. 73—74.
- ¹²³ Там же, стб. 155.

- ¹²⁴ Там же, стб. 832—861.
- ¹²⁵ ГВНиП, с. 143. № 86. Общий объем землевладения Юрьева монастыря во времена новгородской независимости, исключая неподсчитанные участки подмонастырских угодий, Голинского погоста, Русы и волости на Волоке, определяется подсчетом приведенных выше цифр в 2104 обжи. Между тем в январе 1478 г., конфискуя «половину» владений шести крупнейших новгородских монастырей, Иван III отобрал у Юрьева монастыря 720 обож (ПСРЛ, т. 6, с. 217; т. 25, с. 319). Отсюда очевидно, что «половина» здесь понятие условное. По-видимому, конфискована была треть монастырских владений, общий объем которых достигал примерно 2160 обож.
- ¹²⁶ *Амвросий*. История российской иерархии. М., 1815, ч. VI, с. 774—775; ГВНиП, с. 139—140, № 80.
- ¹²⁷ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 77. Отчество князя в грамоте отсутствует; поэтому формально этот документ возможно было бы приписать любому одноименному новгородскому князю вплоть до Всеволода Ярославича, если бы не совпадения в формуляре с грамотой князя Всеволода на рель, пожалованную Юрьеву монастырю (ГВНиП, с. 139, № 79); последняя синхронна грамоте Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю.
- ¹²⁸ НПК, т. 2, стб. 617—621.
- ¹²⁹ Там же, стб. 613—614.
- ¹³⁰ Там же, стб. 621.
- ¹³¹ Там же, стб. 659.
- ¹³² Там же, стб. 638.
- ¹³³ Там же, стб. 662.
- ¹³⁴ Там же, стб. 673.
- ¹³⁵ Там же, стб. 659.
- ¹³⁶ Там же, стб. 611—612. Деревни находились в совместном владении с Василием Кузминым.
- ¹³⁷ Там же, т. 3, стб. 428.
- ¹³⁸ Там же, т. 2, стб. 132—141.
- ¹³⁹ Там же, стб. 723—726.
- ¹⁴⁰ Там же, т. 5, стб. 301.
- ¹⁴¹ Там же, т. 2, стб. 620—621.
- ¹⁴² Аграрная история Северо-Запада России, с. 67.
- ¹⁴³ *Ивановский Л. К.* Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губернии.— Труды II Археологического съезда, СПб., 1881, т. 2, отд. 1, с. 57—67.
- ¹⁴⁴ Митр. *Евгений*. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю.— Вестник Европы, 1818, № 15—16; ГВНиП, с. 140—141, № 81.
- ¹⁴⁵ Это мнение, скорее всего, основывается на упоминании в Новгородской I летописи под 1232 г. Буеца в таком контексте: «и быша в Буице, селе святого Георгия» (НПЛ, с. 280), где подразумевается центр волости, погост.
- ¹⁴⁶ НПК, т. 2, стб. 824.
- ¹⁴⁷ Там же, т. 3, стб. 855.
- ¹⁴⁸ ГВНиП, с. 174, № 115.
- ¹⁴⁹ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород, с. 136—149.

- ¹⁵⁰ Аграрная история Северо-Запада России, с. 67—68.
- ¹⁵¹ Даже в первой половине XIV в. Юрьеву монастырю была выдана грамота, касающаяся дальнейшего укрепления его иммунитетных прав на уже находившуюся в его владении землю на Волоке. См. ГВНиП, с. 143, № 86 (грамота великого князя Ивана Даниловича 1337—1339 гг.). В издании новгородских грамот неточно говорится, что это — грамота «на землю».
- ¹⁵² ГВНиП, с. 141, № 82; *Корецкий В. И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю.— Исторический архив, 1955, № 5, с. 204—207; *Семенов А. И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 245—248.
- ¹⁵³ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород, с. 60—79.
- ¹⁵⁴ НПК, т. 2, стб. 703—784, 826—880.
- ¹⁵⁵ Там же, стб. 689—703, 784—826.
- ¹⁵⁶ НПЛ, с. 29, 215.
- ¹⁵⁷ *Рыбаков Б. А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.— Исторические записки, М., 1938, т. 2, с. 139, 143—144.
- ¹⁵⁸ ГВНиП, с. 105—106, № 63; с. 115—116, № 70; с. 129—132, № 77.
- ¹⁵⁹ Там же, с. 131, № 77.
- ¹⁶⁰ НПК. СПб., 1859, т. 1, стб. 612—684.
- ¹⁶¹ Там же, т. 2, стб. 836, 872, 876, 880.
- ¹⁶² ГВНиП, с. 116, № 70.
- ¹⁶³ НПК, т. 1, стб. 639.
- ¹⁶⁴ ПСРЛ. СПб., 1843, т. 2, с. 282, 286.
- ¹⁶⁵ НПЛ, с. 19, 203.
- ¹⁶⁶ Памятники русского права. М., 1953, вып. 2, с. 212, ст. 2.
- ¹⁶⁷ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси, т. 2, раздел «Печати новгородского Совета Господ».
- ¹⁶⁸ Там же. М., 1970, т. 1, с. 67—75, 193—194.
- ¹⁶⁹ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород, с. 60—79.
- ¹⁷⁰ Аграрная история Северо-Запада России, с. 66.
- ^{170a} Новгородский музей, № 11300, л. 72—84 об.
- ¹⁷¹ ГВНиП, с. 140, № 79.
- ¹⁷² В 1617 г. межевой крест еще существовал, о чем узнаем из Описи Новгорода этого года: «Угодья по Волхову рыбная ловля от креста, что на рли. Да у монастыря 3 поля сеяно по смете 40 четей, и та земля отдана изнова» (ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, оп. 1, 1617 г., д. 7, л. 189).
- ¹⁷³ НПЛ, с. 174.
- ¹⁷⁴ О дате грамоты см.: *Янин В. Л.* Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата.— Вестник Московского университета. Сер. IX. История, 1966, № 3; *Он же.* Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород, с. 40—59.
- ¹⁷⁵ ГВНиП, с. 160, № 103.
- ¹⁷⁶ НПЛ, с. 51.
- ¹⁷⁷ Там же, с. 70.
- ¹⁷⁸ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 113—121.
- ¹⁷⁹ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 150—151.

- ¹⁸⁰ *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 272.
- ¹⁸¹ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 105—109.
- ¹⁸² НПЛ, с. 61, 64, 264, 268.
- ¹⁸³ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975, с. 170.
- ¹⁸⁴ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 104—105, 111—112.
- ¹⁸⁵ Там же, с. 130—134.
- ¹⁸⁶ ГВНИП, с. 56, № 28.
- ¹⁸⁷ *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 416.
- ¹⁸⁸ НПК, т. 5, стб. 68.
- ¹⁸⁹ Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород.— В кн.: Русский исторический сборник. М., 1839, т. III, кн. 2, с. 197.
- ¹⁹⁰ *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 345.
- ¹⁹¹ НПК, т. 4, стб. 160.
- ¹⁹² *Андріяшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли, с. 343. Эта деревня находится в 1 км от Болчина, но в Вышегородском уезде, целиком бывшем за владыкой.
- ¹⁹³ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту ..., с. 57—75, 185—187.
- ¹⁹⁴ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 124—127.
- ¹⁹⁵ НПК, т. 5, стб. 614.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше материалы позволяют поставить несколько достаточно важных вопросов, которые касаются не локальных проблем, а развития вотчинной собственности в Новгородской земле в целом. Однако прежде нам следует подвести некоторые итоги.

Как это очевидно, история вотчинной системы разделяется на несколько хронологических этапов. На рубеже XI—XII вв. впервые собственность на землю фиксируется в домениальной форме, причем первые вотчины были княжескими. Сама характеристика местоположения княжеского домена, основная территория которого локализуется на стыке Новгородской, Смоленской и Суздальской земель, ведет к датировке его образования временем новгородского княжения Мстислава Владимировича и утверждения во всех трех сопредельных землях власти Владимира Мономаха и его сыновей. В более раннее время феодальная собственность на землю выступала в иной форме.

С начала XII в. начинается широкий процесс развития вотчинной собственности феодалов, как путем государственного пожалования, так и посредством покупки у общины. Надо полагать, что удельный вес второго способа на протяжении последующих десятилетий прогрессирует, коль скоро документы XII—XIII вв. фиксируют существование активной эксплуатации боярством денежного обращения.

К середине XIV в. создание вотчинной системы как безраздельно господствующего вида феодального землевладения было завершено, что повлекло за собой конституирование специального государственного института, контролирующего дальнейшую судьбу земельного фонда в системе юрисдикции новгородского архиепископа. Последующее развитие вотчинной собственности связано главным образом с перераспределением вотчинного фон-

да в ходе семейных разделов, многочисленных актов купли-продажи и т. д. На протяжении этого периода идет концентрация фонда в руках крупнейших вотчинников, а рядом с этим процессом как его полярная противоположность — измельчание менее крепких в экономическом отношении владений, влекущее за собой и формирование нового сословия своеземцев. Эти процессы обрываются в их естественном течении новгородским «выводом» и внедрением на место вотчинной — новой, поместной системы.

Важнейшим, на мой взгляд, вопросом представляется характеристика феодального землевладения в довотчинный период. Если до конца XI в. ни князь, ни бояре в Новгородской земле не были вотчинниками, т. е. не располагали домениальной собственностью, кому же там принадлежала земля? Составляла она собственность государства или собственниками ее были крестьяне-общинники? Совершенно очевидно, что эта проблема имеет и более широкий характер: каким было отношение государства к черным землям на протяжении всего периода новгородской истории вплоть до инкорпорации Новгорода в состав Московского государства? Были ли крестьяне-чернокунцы и в XV в. там, где они еще оставались (т. е. на землях, бывших «за владыкою»), собственниками обрабатываемой ими земли, или они были только ее владельцами, а их собственником было государство, находившееся по отношению к ним в принципиально такой же позиции, что и вотчинники по отношению к входившим в состав их владений участкам?

Разумеется, наиболее простым способом ответить на последний вопрос было бы сравнение всей совокупности фискальных норм на черных и вотчинных землях. Но состояние источников, как мне кажется, не позволяет провести такой анализ, в чем состоит и одна из причин длительной дискуссии о характере крестьянской собственности, которая ведется главным образом на материалах русского Северо-Запада XIV—XVI вв.

В ходе этой дискуссии применительно к статусу чернососных крестьян и чернососного землевладения в современной литературе сформировалось три разных подхода к проблеме.

Одни исследователи видят в черных землях собственность крестьян, различаясь между собой в оценке прав общины-волости и выводя систему налогов и повинно-

стей чернососных крестьян из публичноправовых прерогатив государства, а не из рентного отношения¹.

Другие, находящиеся на противоположном полюсе дискуссии, характеризуют чернососные земли как находящиеся во владении крестьян, но считают их верховным собственником государство, которое и осуществляет феодальную эксплуатацию этих земель, извлекая из них ренту, а не только доходы, связанные с публичноправовыми прерогативами².

Наконец, согласно третьему подходу, чернососные земли находились в раздельной собственности государства, волости-общины и черных крестьян с тенденцией постепенной ликвидации крестьянских прав на землю³.

Перспективным для обсуждения этой сложной проблемы мне представляется обращение к некоторым актам, в том числе и раннего времени, а также комплексное рассмотрение проблемы.

С этой точки зрения наиболее значительным документом оказывается жалованная грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, относящаяся к 1134 г. Важнейшей содержащейся в этом документе информацией является фиксированная в нем необходимость князю Изяславу обращаться к Новгороду с просьбой о предоставлении ему земельного участка для последующего пожалования, причем в состав этого участка входят не только село и поля, но и смерды. Грамота, следовательно, недвусмысленно утверждает, что верховным распорядителем земельного фонда, не входившего в состав княжеского домена, было государство, решением которого участок черных земель мог быть превращен в вотчину. Иными словами, фонд черных земель на этом этапе предстает перед нами в виде корпоративной собственности веча. Нет сомнения в том, что и обояривание черных земель, т. е. превращение их в вотчины на основе государственного пожалования, всякий раз демонстрирует такое же отношение государства к фонду черных земель.

Как же обстояло дело в тех случаях, когда вотчина возникала на основе приобретения земли у общины? Например, тогда, когда Василий Матфеевич купил у общины Шенкурский погост или когда Лука Варфоломеевич приобрел у общины Тайбольскую землю. Думаю, что ответ на этот вопрос дает вечевая грамота Новгорода о сиротах Терпилова погоста.

Напомню обстоятельства дела. Около 1423 г. владельцы Терпилова погоста — правнуки Савелия Григорьевича, которые делят между собой это некогда приобретенное их прадедом владение, обратились к новгородскому вечу с жалобой на то, что «они» (т. е. степенные посадник и тысяцкий) «емлют у наших сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине», и вече устанавливает: «давати им поралье посадницы и тысяцкого по старым грамотам, по сороку бел, да по четыре сева муки, по десяти хлебов»⁴.

Полагаю, что не существует возможности трактовать «поралье» иначе, чем подать рентного характера, которой обложен земледельческий труд крестьян-сирот в пользу Новгородского государства, коль скоро поралье идет посаднику и тысяцкому. Поральная или поплужная пошлина не раз упоминается в источниках, в частности, в XIII в. в духовной новгородца Климента: «А на поральское серебро наклада взяти Климяте на Борьке 13 [?] нагате и гривна»⁵. Эта пошлина, как можно судить по духовной Ивана Тойвита второй половины XV в., фиксировалась для общины-волости в целом и разрубалась (разверстывалась) по ее членам: «А что порубили Тоивита в поралье, дале голец Федору Тимофееву в семи сороках, в Кургонемской да в Низовской трети»⁶. Не исключаю того, что «поралье» — синоним «позема» или «поселия», налога за право пользования землей.

Однако в данном случае речь ведь идет не о черных землях, а о вотчине, не о крестьянах-чернокунцах, а о крестьянах, работающих на вотчинника. Иными словами, иммунитет вотчинника не распространяется здесь на все виды крестьянских повинностей, часть которых принадлежит государству. Более чем вероятно видеть вотчинника и сборщиком поралья в пользу государства, но никак не получателем этой части ренты.

В рядной крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем (около 1460 г.) после определения количества «успов» (т. е. оброка), направляемого в монастырскую житницу, говорится: «А поселником поселие по старине..., а архимандричь дар 5 гривен поставити христьяном в монастырь. А не почнут христьяне управливатися в тех успах и в тех пошлинах, ино уведается с ними архимандрит, и попы, и черенци по старым по княжим грамотам и по новгороцким»⁷. Трудно сказать, кто здесь был получателем поселия — вотчинник-монас-

тырь, которому государство могло передать эту пошлину, или само государство, но два вида ренты здесь явно противопоставлены друг другу.

Весьма интересный пример может быть получен наблюдениями над повинностями крестьян волости Буице. Как нам хорошо известно, эта волость была дана князьями Мстиславом Владимировичем и Всеволодом Мстиславичем из состава княжеского домена Юрьеву монастырю «и с вирами, и с продажами» (т. е. с судебным иммунитетом), «с осенним полюдьем даровным» (т. е. с податным иммунитетом). Казалось бы, Юрьев монастырь получил права на все доходы с этой волости. Однако это не так. И в XV в. в пользу государства (в данном случае князя) с Буице идет «петровщина», в силу чего и сами вотчинные крестьяне в глазах государства в каком-то ракурсе остаются «чернокунцами»: «а на Лопастичох и на Буичох у чорнокунчов по две куници, да по две беле; а слугам трем по беле»⁸. Такой же порядок взимания пошлины в пользу государства предусмотрен во всех волостях, бывших некогда частью княжеского домена, в том числе и в тех, которые перешли к владыке и в Аркаж монастырь⁹. Берестяная грамота № 1 (вторая половина XIV в.), противопоставляя на протяжении всего своего текста «позем» «дару»¹⁰, дает основание предположить, что если древнее осеннее полюдье, называемое «даровным», когда-то совершалось для сбора «дара», то полюдье на Петров день («петровщина») извлекало «позем» («поселие», «поралие»). И, следовательно, поралие в Терпиловом погосте и петровщина в Буице — явления, принципиально однородные.

Приведенные только что примеры касаются вотчин, но фиксируемые в цитированных документах пошлины в пользу государства, как это особенно хорошо видно на примере с Буице, имеют довотчинное происхождение. Превращение черной волости в вотчину не затрагивает системы этих видов обложения, сохраняя их в неприкосновенности. Отсюда очевиден вывод, уже сделанный выше на других основаниях, что фонд черных земель и в XIV—XV вв., и в XII—XIII вв. находился в распоряжении государства, представляя собой корпоративную собственность веча.

Существенной разновидностью такой корпоративной собственности представляется мне кончанское землевладение, о котором известно из грамоты XV в. посадников

Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю, получившему от конца в пожалование «кончанскую землю»¹¹.

Трансформация общегосударственной корпоративной собственности в данном случае в собственность конца, т. е. одной из частей города, — по всей вероятности, результат развития административной системы Новгорода. Иными словами, вряд ли в самом феномене кончанской собственности следует видеть реликт древних порядков, а не новообразование сравнительно позднего этапа развития государственных форм собственности на землю.

Напомню, что с XIII в. наблюдается существование в Новгороде системы архимандритии, т. е. организации черного духовенства и монастырской вотчинной собственности, опирающейся на однотипные с ней кончанские организации¹². Может быть, именно с этим периодом связано и конституирование кончанского права на владение какими-то участками черных земель, бывшими прежде в общегосударственной собственности. Ставлю этот вопрос в связи с показаниями грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю. Ведь если бы кончанское право было исконным и каждый из концов владел соответствующей частью территории Новгородской земли, князь вынужден был бы просить участок не у Новгорода, а у одного из его концов. Далее, если из пяти новгородских концов два (Плотницкий и Загородский) являются новообразованиями соответственно конца XII и XIII вв., вероятно, только принадлежность черного фонда земель всему Новгороду могла быть условием получения подобных корпоративных владений этими новыми концами.

Вместе с тем возникает и еще один существенный вопрос. Предполагая, что с момента конституирования владычного права быть распорядителем поземельных отношений и закрепления черных земель «за владыкою» последний осуществлял и функцию государственного контролера за фондом еще не обояренных к тому времени черных земель, как же в рамках такого предположения следует трактовать наличие и корпоративной собственности на «кончанскую» землю? Думаю, что здесь в действительности нет противоречия.

Закрепление за владыкой этих верховных прав не отменяет систему кормлений, на которую опирается боярское государство в своей фискальной политике.

Обращение к доступным источникам обнаруживает, например, что боярская семья, жившая у перекрестка Черницыной и Пробойной улиц Людина конца, на протяжении многих поколений — со второй половины XI в., по крайней мере до середины XIV в. — контролировала и организовывала государственные доходы с определенной территории Пошелонья; одна из ветвей боярской семьи Мишиничей имела прямое отношение к сбору в XIV в. государственных доходов с Карельской земли (к этому комплексу, в частности, принадлежит и упомянутая выше берестяная грамота № 1); семья Феликса, жившего в XIV в. на Ильине улице Славенского конца, была связана с контролем за сбором государственных доходов с двинских земель и т. д.¹³ Сфрагистические материалы показывают, что в конце XIII в. архиепископ получил в кормление Ладогу, в начале XIV в. взамен ее Новый Торг, а в начале XV в. взамен Нового Торга — двинские земли¹⁴. Эти факты, как кажется, соответствуют древней традиции, а не являются порождением какого-то нового принципа. Добавлю к названным выше фактам сведения из духовной Остафьи Онаньинича о пожаловании его и его отца «грамотой на волжане», под которой, как уже говорилось выше, можно понимать только документ, предоставляющий кормленческие права на основе вечевого решения.

Если территориальные кормления в Новгороде имели длительный характер, а порой становились наследственными, система центрального контроля за государственными доходами опиралась на срочные кормления, имевшие длительность в один год. Эти сведения извлекаются из берестяной грамоты № 463, датируемой 1418—1421 гг. и написанной посадником Федором Тимофеевичем и тысяцким Кузмой Терентьевичем: «Поклонъ от Федоря и от Коузми и от хого десятиа Сидору и к Мафию. Переми посядници куня ми. Неси подя[т]и, а ото в лонихъ в недоборехъ, в нинишнихъ. И проси борца о Петрови дни: лонщи бориць своимъ недоборомъ, а ни[ни]шнии бориць своимъ в недоборехъ плати ми ся животиною»¹⁵. Называя «лонешного» борца и «нынешнего», грамота свидетельствует и об их периодической смене.

Говоря о государственной или корпоративной собственности на землю, мы должны теперь более точно охарактеризовать эту корпорацию собственников с точки зрения ее социального лица, и это возвращает нас к проб-

леме социальной сущности новгородского городского веча, у которого князь Изяслав Мстиславич испрашивал разрешение на пожалование земли Пантелеймонову монастырю. Нет необходимости подробно рассматривать этот вопрос, коль скоро он разрабатывался мной в ряде специальных исследований⁴⁶. Сформулирую лишь общий вывод: общегородское вече Новгорода, бывшее носителем государственного суверенитета, являло собой представительный от концов орган, участником которого были только усадьбовладельцы, т. е. феодалы, в первую очередь бояре. Иными словами, государственное землевладение оказывается синонимом корпоративного боярского владения землей. Следовательно, допотопный период может рассматриваться как такая форма феодальной эксплуатации земельных владений, при которой государственный налог и рента в значительной части становятся предметом раздела между членами землевладельческой корпорации. К какому же времени возможно относить возникновение государственной боярской земельной собственности?

Очевидно, что этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой окняжения земли и образования раннефеодального государства. Л. В. Черепнин рассматривал весь допотопный период как эпоху образования раннефеодального государства на основе окняжения земли. В какой мере этот тезис правомерен для Новгорода с его специфическим государственным устройством?

Факты окняжения здесь очевидны. Под 947 г. Новгородская I летопись рассказывает: «Иде Ольга к Новгороду, и устави по Мьсте погосты и дань»⁴⁷. Повесть временных лет сохранила это известие в более пространном варианте: «Иде Вольга Новгороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани»⁴⁸. Новгород до княжения Ярослава Владимировича платил дань киевским князьям («Ярославу же живушу в Новгороде и уроком дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новгороде гридем раздаваху; и тако даяху вьси князи новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцу своему. И рече Володимир: «требите путь и мосты мостите», хотяшеть бо поити на Ярослава, сына своего; абие разболеся»)⁴⁹, уставленную еще Игорем («Сеи же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеном и Варягом даяти, и Кривичем и Мерям дань даяти Варягом, а от Новагорода 300 гривен на лето мира

деля, еже не дають») ²⁰. Святослав Ольгович в 1137 г. нашел в Новгороде десятину от даней уряженной предшествовавшими князьями, но не до конца упорядоченными судебные доходы ²¹. И вместе с тем еще до восстания 1136 г. мы наблюдаем наличие корпоративной собственности боярства и права верховного распоряжения черными землями, принадлежащего корпорации бояр.

Полагаю, что первоначальные основы этого права закладываются при Ярославе Владимировиче, когда впервые государственный доход не только целиком остается в Новгороде, но становится предметом раздела между новгородцами по иерархическому принципу: в 1016 г. князь Ярослав раздает старостам и новгородцам по 10 гривен, а смердам по 1 гривне ²². Но и в более раннее время существовали определенные формы приобщения местного боярства к разделу государственного дохода.

На протяжении последних тридцати лет при раскопках Новгорода в разных усадьбах обнаруживались предметы, имеющие форму деревянного цилиндра с двумя взаимно перпендикулярными каналами. Из семи таких находок к настоящему времени изданы две ²³. На поверхности таких цилиндров помещены княжеские знаки в сочетании с надписями, называющими различные денежные суммы и упоминающими в одних случаях князя, в других — емца, а третьих — мечника; надпись одного из цилиндров констатирует раздел сумм по принципу отчисления десятой части. Самые ранние из этих находок датируются 70-ми годами X в. (время княжений Владимира Святославича и Ярополка Святославича), самый поздний из содержащих надписи и геральдические эмблемы — концом XI в.

Анализ надписей и конструктивных особенностей этих цилиндров позволяет определить их как деревянные пломбы-замки для гарантированного запирания мешков с ценностями (мешок — «мех» — упоминается в надписи одного из цилиндров), которые в то же время служили и как бирки, обозначающие принадлежность таких мешков. Причастность к цилиндрам «емцов» и «мечников» дает основание утверждать, что таким способом клеймились доли, распределяемые вервью, в соответствии с нормами, известными по «Русской Правде», а именно доли князя, вирника и «десятина».

Если бы такие цилиндры были обнаружены на территории княжеской резиденции, можно было бы говорить о принадлежности вирников к ближайшему дружинному окружению князя. Но они во всех случаях происходят из нижних слоев тех усадеб, которые в дальнейшем хорошо известны как дворы крупнейших бояр XII—XV вв. Цилиндры найдены на таких усадьбах в Неревском, Славенском и Людином концах, т. е. в районах формирования первоначальной застройки Новгорода. Поэтому у нас имеются все основания заключить, что в роли вирников в Новгороде выступала местная верхушка общества, активно участвовавшая в организации государственного дохода, контролирующая систему фиска и получающая свою регламентированную долю доходов.

Активное участие в этой системе сообщало новгородской аристократии X—XI вв. значительную мобильность, что в свою очередь облегчало эксплуатацию боярством дополнительного источника материального обогащения, способствуя широкому территориальному распространению ростовщических операций. Об этом выше уже говорилось. В окончательном виде государственная боярская собственность на землю могла сложиться с появлением специального боярского государственного института, способного контролировать систему фиска. Вряд ли можно сомневаться в том, что таким органом стало боярское посадничество, возникшее в конце XI в. в результате упорной антикняжеской борьбы, которая продолжалась и в следующие столетия, принося новые победы боярской государственности.

Сама организация княжеского домена в конце XI в. отражает, как мне представляется, тот же процесс новой организации государственного землевладения, открывшей путь и к становлению вотчинной системы.

Несколько слов следует сказать о судьбах общины на фоне развития вотчинной системы. Как я пытался показать, главный путь развития этой системы лежал через пожалование и покупку значительных массивов земель, равных целым погостам. Между тем в условиях подавляющего преобладания однодворного или двудворного крестьянского хозяйства, община вряд ли могла территориально отличаться от погоста или значительной волости. Поэтому развитие вотчинной системы практически не затрагивает целостности общины. Напротив, оно культивирует ее как средство организации фиска в пре-

делах вотчины или черной волости. Достаточно ярким документом в этой связи является правая грамота посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев (первая четверть XV в.), хотя Влас, возбудивший тяжбу, предъявил княжеостровцам обвинение: «кладете на мене розруб, а яз у вас не живу»²⁴.

-
- ¹ Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв.: (к постановке вопроса).— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972; Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси XV в.— Там же; Копанев А. И. Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в.— Там же; Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975; Алексеев Ю. Г., Копанев А. И., Носов Н. Е. Мелкокрестьянская собственность при развитом феодализме.— В кн.: Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов. М., 1978; Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- ² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 (раздел Л. В. Черепнина); Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960; Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973; Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Новое в исследовании истории нашей Родины. М., 1978, с. 33—36.
- ³ Раскин Д. И., Фроянов И. Я., Шапиро А. Л. О формах черного крестьянского землевладения XIV—XVII вв.— В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.
- ⁴ ГВНиП. М.; Л., 1949, с. 146, № 89.
- ⁵ Там же, с. 163, № 105.
- ⁶ Там же, с. 253, № 234.
- ⁷ Там же, с. 174, № 115.
- ⁸ Там же, с. 116, № 70; с. 131, № 77.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1951 г.). М., 1953, с. 16—20.
- ¹¹ ГВНиП, с. 172, № 112.
- ¹² Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; Он же. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 136—149.
- ¹³ Янин В. Л. Я послал тебе бересту ... 2-е изд. М., 1975.
- ¹⁴ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, с. 86—87.
- ¹⁵ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 58—62.

- ¹⁶ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики.— История СССР, 1970, № 1; Янин В. Л., Алешковский М. X. Происхождение Новгорода: (к постановке проблемы).— Там же, 1971, № 2; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.
- ¹⁷ НПЛ. М.; Л., 1950, с. 113.
- ¹⁸ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, л. 43.
- ¹⁹ НПЛ, с. 168.
- ²⁰ Там же, с. 107.
- ²¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород, с. 81.
- ²² НПЛ, с. 175.
- ²³ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1951 г.), с. 44—45, надпись № 2; Колчин Б. А., Хорошев А. С. Михайловский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 148—149.
- ²⁴ ГВНиП, с. 148—149, № 92.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
Временник ОИДР	— Временник Общества истории и древности российских при Московском университете
ГВНиП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НПК	— Новгородские писцовые книги
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Аввакум *см.* Обакун
 Аврам Матвеевич 252
 Аврам Степанович 189, 190
 Аграфена *см.* Огруфена
 Азбелев С. Н. 154
 Азика 58, 84, 85, 113, 209—211, 240, 249
 Азогут 255
 Акилина *см.* Окулина
 Аксаков Леонтий 41
 Аксиния *см.* Оксинья
 Александр Васильевич Кавский 130, 131, *вкл.*
 Александр Васильевич Черторыйский, *кн.* 223
 Александр Игнатьевич 43, 44, 46, 47, 54, 184—186, 198
 Александр Климентьевич 188, 189
 Александр Михайлович, *кн.* 141
 Александр Нариманович, *кн.* 217
 Александр Самсонович 40—43, 46, 54
 Александр Семенович 64, 146
 Александр Федорович 157, 158, 162, 171, 174
 Александр Федорович 186—188, 190—192
 Александр Фоминич 43, 63, 64, 82, 147, 214, 215, 221, 229, 266
 Александр Ярославич Невский, *кн.* 138, 216
 Александр, сын Настасьи 187, 188, 190, 191
 Александр Дворянинцев 144
 Александр 216
 Алексеев Ю. Г. 282
 Алексей, архиеп. 57, 64, 192
 Алексей (Олешко) Меркурьев 103
 Алексей Михайлович, царь 134, 135
 Алексей Юрьевич 41
 Алексей Шука 52
 Алексей 210
 Алексей *см.* Олекса
 Алешковский М. Х. 283
 Алешковский П. М. 206
 Амвросий 269
 Амос Иванов 183, 189, 191, 192, 194—197
 Амос, поп 71
 Анания *см.* Онания
 Андрей Александрович, *кн.* 136
 Андрей Васильевич Шенкурский 115
 Андрей Григорьевич Посохнов 125, 126, 128, 130, 131, *вкл.*
 Андрей Данилович 140—142, *вкл.*, 217
 Андрей Дементьевич 70
 Андрей Дмитриевич, *кн.* 224
 Андрей Иванович 44, 51, 52, 54
 Андрей Иванович 52, 53
 Андрей Иванович 52, 53
 Андрей (Андрюшко) Исакович 223
 Андрей Савельевич 182—184, 186, 188, 190—192
 Андрей Федорович Хромой 73, 92, 101
 Андрей Юрьевич Белозерский, *кн.* 225
 Андрей (Ондрешко) 44, 45

* В указатель не включены имена из Приложений и имена земледельцев в текстах из писцовых книг. Лица, жившие до 1478 г., даны по именам, после 1478 г.— по фамилиям.

Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ; архим.— архимандрит; *вкл.*— вклейка между с. 144 и 145; иг.— игумен; *кн.*— князь; кор.— король.

- Андрей 210
 Андрей 210
 Андреян *см.* Ондреян
 Андрияшев А. М. 114, 115, 152,
 181, 265, 268, 271
 Анпилогов Г. Н. 154
 Антип Олексеев (Олисеев) 215
 Антоний Римлянин, иг. 209, 249
 Антония *см.* Онтония
 Анфал Микитин 51
 Артемий Корнильев 210
 Арциховский А. В. 10—15, 19, 22,
 24, 30, 31, 34—37, 39, 55—57,
 181, 265, 270, 271, 282, 283
 Афанасий Данилович, кн. 84, 85,
 210
 Афанасий Есифович 126—128,
 130, 131, *вкл.*
 Афанасий Микулинич 188
 Афанасий Онцифорович 23—26,
 38, 39, 46, 47, 54
 Афанасий Остафьевич Грузов 52,
 78, 101—104
 Афанасий Федорович 42, 77, 78,
 92, 101
 Афанасий, поп 177
 Афанасий, поп 187
 Бархатов Алексей 50
 Баузе Ф. Г. 97, 98
 Бахрушин С. В. 55, 117
 Бернадский В. Н. 132, 155, 214,
 215, 217, 228, 266, 268
 Бестужев Дмитрий Тимофеевич
 74
 Бестужев Микифор 72
 Богдан Александрович Кавский
 129—131, *вкл.*
 Богдан Есифович Носов 120—123,
вкл.
 Богдан Обакунович 64, 145, 147,
 193
 Богусевич В. А. 36
 Богуслав Прокшинич 32, 33
 Болховитинов Е. 239
 Борис Микифорович 169
 Борис Федорович, царь 134
 Борис Юрьевич 222
 Борис Кижанинов 214
 Борис, наместник 45
 Борис 64, 66, 82, 92, 101
 Борис (Борька) 275
 Борковский В. И. 34—37, 55—57
 Босоволковы 160, 161, 172, 173,
 175, 201, 212
 Боян 255
 Братоша 218
 Братцов Михаил Ильин 79
 Буоров В. А. 56
 Бычкова М. Е. 155
 Вавула 52
 Валк С. Н. 209
 Варлаам Хутынский, иг. 209
 Варлаам, архим. 184, 185
 Варфоломей Юрьевич 9—11, 16,
 17, 25, 26, 29, 30, 38, 46—48, 51,
 54, 144, 148
 Василий, архиеп. 45, 136
 Василий, иг. 184
 Василий, иг. 193
 Василий Александрович Казимер
 107
 Василий Васильевич Темный, кн.
 77, 88, 100, 119, 121, 222
 Василий Васильевич Шуйский-
 Гребенка, кн. 223
 Василий Данилович Машков 55
 Василий Дмитриевич, кн. 12, 51,
 123, 126, 138, 154, 222, 268
 Василий Есифович 41
 Василий Есифович 127, 128, 130,
 131, *вкл.*, 154, 176, 177
 Василий Иванович, кн. 220, 226
 Василий Иванович 146, 147
 Василий Игнатьевич 43, 44, 46,
 47, 54
 Василий Кузмич 12, 53
 Василий Кузмич 132, 235
 Василий Лукинич 105, 106, 118,
 120, 122, 123, *вкл.*
 Василий Матвеевич 58, 61, 84—
 86, 91, 92, 98, 101, 104, 107, 110,
 111, 209—212, 249, 274
 Василий Микитинич 45, 46, 48,
 54, 189, 190
 Василий Михайлович 128, 129
 Василий Ондреянович Волманов-
 ский 169, 170
 Василий Романович Сугорский,
 кн. 224, 225, 227, 268
 Василий Степанович (Варлаам
 Важский) 59—61, 85, 87—90,
 92, 93, 100, 101, 103—105, 207
 Василий Степанович Забелин
 58—63, 69, 71, 74, 75, 78—81,
 83, 84, 86, 90, 92—94, 96, 97,
 101, 103, 109
 Василий Тимофеевич 85, 89, 90,
 92, 100, 101, 103, 104

- Василий Федорович Борецкий 54
 Василий Федорович 146—148, 193
 Василий Федорович 59—63, 67,
 69—71, 75, 78, 81—84, 86, 92,
 97, 101, 108, 109
 Василий Федорович 214
 Василий Федорович 182—188,
 190—193, 212
 Василий Юрьевич, кн. 222
 Василий Юрьевич 42, 121—123,
 вкл.
 Василий Ярославич, кн. 136
 Василий (Васко) Горло 87, 103
 Василий Китай 76
 Василий Козин 105, 118, 140
 Василий Селезень 103, 104
 Василий Синиц 219
 Василий, дьяк 210
 Василий 66
 Василиса, жена Богдана 127
 Василиса (Васиса), жена Оста-
 фия 41
 Василиса 141
 Васильев Ю. С. 55, 62, 91, 93, 97,
 113, 115, 194, 198, 228, 268
 Веселовский С. Б. 201, 268
 Витовт, кн. 49, 77, 124, 221
 Владимир Всеволодович Моно-
 мах, кн. 244, 272
 Владимир Святославич, кн. 279,
 280
 Владимир Святославич, кн. 221
 Влас Тупицын 282
 Власий Фрязинов 89
 Внезд Водовик 137, 250
 Волос 210
 Вольф Ю. 266, 267
 Воробьев А. В. 35
 Всеволод Мстиславич, кн. 231,
 239—243, 246, 247, 249, 276
 Всеволод Юрьевич, кн. 137
 Всеволод Ярославич, кн. 269
 Вулих Е. 116
 Вышеславцев Василий 69, 70
 Вячеслав Прокшинич 32, 250
 Гаврила Кириллович 42, 124, 125,
 128, 130—132, вкл.
 Гадзяцкий С. С. 228, 268
 Ганс Вреде 44
 Гедимин, кн. 136, 216, 219, 220
 Герасим Рострига 51
 Глеб Семенович 42, 77
 Гневушев А. М. 202
 Голубовский П. В. 140, 156
 Голубцов А. 153
 Горский А. Д. 282
 Готил 252, 253
 Греков Б. Д. 34, 37, 202, 265
 Григорий Богданович 143, 147,
 148, 156
 Григорий Кириллович Посахно
 42, 49, 123—125, 128, 130—132,
 вкл.
 Григорий Михайлович Тучин 103,
 104, 119—123, вкл.
 Григорий Онаньинич 62, 64, 65,
 67, 68, 70, 71, 78, 81, 92, 95,
 101, 107, 108
 Григорий Онфимов 22
 Григорий Офанасьевич 128, 130,
 131, вкл.
 Григорий Семенович 186
 Григорий Якунович 146, 147
 Григорий Арзубьев 235
 Григорий Перфушков 89
 Григорий Ярославец 64, 214
 Григорий, архим. 240
 Григорий 16, 28
 Григорий 168
 Григорий 177, 179
 Григорий 216
 Гусев П. И. 265
 Давид Святославич, кн. 244
 Давид Юрьевич Белозерский, кн.
 225
 Давид, дьячок 97
 Давид 45, 46
 Даль В. И. 169, 181
 Даниил Александрович, кн. 221,
 226
 Даниил, иг. 207
 Данила Кузмин 126
 Данила Павшинич 141, 142, 144,
 вкл.
 Данила Родионов 187
 Данилова Л. В. 113, 199
 Даниловы дети 177—179
 Демид, иг. 177
 Дмитрий Александрович, кн. 136,
 216
 Дмитрий Андреевич 120, 122, 123,
 141, 142, вкл.
 Дмитрий Васильевич Глухов 52,
 130, 131, вкл., 222
 Дмитрий Иванович Донской, кн.
 17, 141, 192, 215, 218, 224, 225
 Дмитрий Исакович Борецкий 50,
 53, 54, 105—107

- Дмитрий Микитинич 12, 45, 46, 53, 54
 Дмитр Мирошкинич 250
 Дмитрий Федорович 157—159, 161, 162, 171, 174
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. 88, 105
 Дмитриев Л. А. 169, 181
 Добровит 255
 Добромysel 255
 Довмонт, кн. 216
 Домажир Торлинич 250
 Домант Иванов 41
 Досифей 57
 Дрозд 255
 Евдокия, жена Ивана Васильевича 90, 92, 101
 Евревы 253
 Евфимий I, архиеп. 49, 140
 Евфимий II, архиеп. 127, 140, 215, 222
 Едемский Иван Васильевич 58, 60, 63, 93, 94, 208
 Емельян 21
 Еремей Кривцов 85, 210
 Еремей, приказчик Лошинского 103, 104
 Еремей, дьяк 71
 Еремей 162, 166—168, 171, 174, 176
 Ермола Леонтьевич 189—191, 195
 Ермола Микифоров 66
 Ершезский Б. Д. 117, 266
 Есиф Андреевич 190—192
 Есиф Васильевич Носов 121—123, вкл.
 Есиф Гаврилов 210
 Есиф Григорьевич 102, 121, 123—125, 128, 130, 131, вкл.
 Есиф Захарьинич 126—128, 130—133, 143, вкл., 147
 Есиф Захарьинич, владычный столынич 127
 Есиф Максимович 100—104
 Есиф Ондrejaнович Горошков 123—125, 127, 128, 130—132, вкл.
 Есиф Фалеевич 147
 Есиф Филиппович 51
 Есиф Яковлевич 101, 102, 104, 105, 107
 Есиф Яковлевич 107, 118, 120, 122, 123, вкл.
- Есиф 45
 Есиф (Еска) 214
 Жадислав 210
 Животток 255
 Житобуд 255
 Завалишин Ширяй 128
 Заец 100
 Замысловский Е. Е. 117
 Замягня Исакович Шенкурский 115
 Зарубин Л. А. 86, 98, 99, 115, 116
 Засурцев П. И. 33, 34, 37
 Захарья Григорьевич Овин 132
 Захарья Кириллович 122, 123, 132, 136, 138, 142, вкл.
 Захарья Кузмич 136, 137, 142, вкл.
 Захарья Михайлович 44, 128, 130, 132, 143, 144, вкл.
 Захарья (Захарка) 52
 Здыла Савинич 250
 Зезевитов Тимофей 73
 Зосима 50
 Иван, архиеп. 12, 64, 91, 184, 185, 214
 Иван Александрович, кн. 98
 Иван Александрович 169
 Иван Александрович 147, 219
 Иван Александрович 183, 184, 186—188, 190—192
 Иван Алексеевич, царь 134, 135
 Иван Афанасьевич 66, 76—79, 92, 101, 103, 104, 110, 111
 Иван Варфоломеевич 14, 25, 26, 46, 48, 54
 Иван III Васильевич, кн. 4, 15, 50, 53, 71, 76, 87, 102, 105, 107, 109, 121, 122, 125, 134, 135, 138, 163, 165, 170, 189, 200, 202, 269
 Иван IV Васильевич, царь 63, 94
 Иван Васильевич Машков 55
 Иван (Иванец) Васильевич Шенкурский 115
 Иван Васильевич 42—44, 46, 51, 54
 Иван Васильевич 59—63, 86, 89—93, 100, 101, 103, 104
 Иван Владимирович, кн. 85, 89, 98
 Иван Владимирович, кн. 222
 Иван Григорьевич 127, 128, 130, 131, вкл.

- Иван Данилович, кн. 141, 216, 224, 225, 228, 270
 Иван Данилович 12, 53, 147, 182—185
 Иван Дмитриевич Борецкий 53, 54, 106
 Иван Дмитриевич 184
 Иван Есифович Горошков 125, 128, 130—132, вкл.
 Иван Есифович 100, 101, 103—105
 Иван (Иванец) Замятин Шенкурский 115
 Иван Захарынич 132
 Иван Иванович Красный, кн. 224
 Иван Иванович Белозерский, кн. 223
 Иван Иванович Лошинский 67, 68, 78, 92, 101, 108—110
 Иван Иевлич 154
 Иван Кузмин 133—137, 142, вкл.
 Иван Лукинич 166
 Иван Максимович 101, 103, 104
 Иван Онтонов 129
 Иван Петров 40
 Иван Петров 188
 Иван Семенович Мороз 31
 Иван Семенович 146
 Иван Тимофеевич 91, 92, 101
 Иван Федорович Белозерский, кн. 223—225
 Иван Федорович Валит 228, 229
 Иван Федорович Смятанка 146, 148, 229
 Иван Федорович 42, 77, 78, 92, 101, 102, 229
 Иван Федорович 129
 Иван Федорович 158—160, 171, 174
 Иван Юрьевич Бельский, кн. 266
 Иван Яковлевич 120, 122, 123, 139, вкл.
 Иван, сын Настасья 187, 188, 190—192
 Иван Горбанов 253, 254
 Иван Губарев 66, 88, 103
 Иван Клайдовский 42
 Иван Копорский, кн. 213, 214, 226
 Иван Кочерин 44
 Иван Сугорский, кн. 89
 Иван Тойвит 275
 Иван Широкий 39
 Иван Язжинский 41
 Иван, поп 29
 Иван 66
- Иван 106
 Иван 186
 Ивановский Л. К. 269
 Игнатий Александрович 188, 189
 Игнатий Васильевич 129
 Игнатий Матвеевич 44—47, 53, 54
 Игнатий (Игнаец) 84
 Игорь, кн. 279
 Изяслав Мстиславич, кн. 242, 249, 269, 274, 277, 279
 Иов Кузмин 184
 Иов Тимофеевич 282
 Иов 44
 Иона, архиеп. 62, 76, 97, 135, 137, 246, 292
 Иона, иг. 49, 50
 Иосиф, поп 50
 Иринарх, иг. 42
 Исак Андреевич Борецкий 42, 49—54, 106, 124
 Исак Окинфович 18
 Исак Семенович Шенкурский 59, 61—63, 87, 90, 92, 101
- Казимир Ягайлович, кор. 135, 136, 222, 223, 243
 Калайдович К. Ф. 97, 98
 Карауловы 205
 Каргер М. К. 36
 Карп Васильев 166
 Картмазовы 204, 205
 Каштанов С. М. 116
 Квашинин Илья Васильевич 72, 73, 79
 Киприян Григорьевич 66
 Кириак, иг. 246
 Кирилл, архим. 16
 Кирилл Дмитриевич 123, 132, 136, 138, 139, 142, вкл., 147, 148, 214, 221
 Кирилл Ондrejaнович 125, 128, 130—132, 143, вкл., 147
 Клепалницыны 41
 Климентий Иванович 166
 Климентий Онкифович 173, 175
 Климентий Ортемьин 52
 Климентий Тимофеевич 90, 92, 101
 Климент 209, 229, 275
 Кобылкин Иван Васильевич 179, 180
 Колчин Б. А. 34, 117, 266, 283
 Кондрат 193
 Константин Владимирович, кн. 85
 Константин Вячеславич 32

- Константин Дмитриевич, кн. 222
 Константин Иванович Белозерский, кн. 219, 220, 223—226, 267, 268
 Константин (Костя) Павлов 41
 Константин Прокшинич 32
 Константин Труфанович Сарский 100
 Константин (Коснятин) 177—179
 Константин (Коснятин) 252
 Копанев А. И. 192, 225, 267, 282
 Корецкий В. И. 15, 18, 35, 36, 128, 130, 154, 208, 265, 270
 Корсаков Михаил Дмитриевич 164
 Костомаров Н. И. 215, 228, 266
 Кошелковы 41
 Ксения 30
 Ксенофонт 25, 39—41, 47
 Кудаш Секирин 42
 Куза А. В. 39, 55
 Кузма Григорьевич 132
 Кузма Никифорович 210
 Кузма Остафьевич Грузов 78, 101
 Кузма Семенович 136, 137, 142, вкл.
 Кузма Твердиславич 136, 137, 142, вкл.
 Кузма Терентьевич 154, 278
 Кузма Тимофеевич Грузов 101
 Кузма Фефилатов 40, 122, 123, 132—136, 138, 142, вкл.
 Кузма 168
 Кузма 250
 Кузма 29, 30
 Кузмины-Караваевы 133, 134, 142, 148—151

 Левачев 58, 59, 61, 93
 Леонтий Андреевич 190, 191
 Леонтий Вралев 89
 Леонтий Дедов 85, 89, 103
 Леонтий Обакунович 187
 Леонтий Остафьевич 84, 210
 Лихачев Н. П. 55
 Лука Варфоломеевич 9—11, 14, 16—18, 25, 26, 44—46, 48, 54, 141, 209—211, 249, 274
 Лука Васильевич 127, 128, 130, 131, вкл.
 Лука Степанов 176, 178, 179
 Лука Федорович 104—107, 118—120, 122, 123, 140, вкл.
 Лукьян Леонтьевич 169
 Лукьян Онцифорович 10, 12, 25, 30, 46, 47, 54
 Людин И. М. 190, 198, 199

 Магнус, кор. 136, 141
 Макарий (Миролюбов) 15, 16, 35
 Максим Васильевич 176
 Максим Ларионов 129
 Максим Онцифорович 10, 14, 16, 17, 21—26, 28, 38, 46, 48, 54
 Максим Попов Фалелеев 194
 Максим Федорович 101
 Максим Яковлевич 158, 161, 162, 166, 168, 169, 171—176
 Максим, поп 29, 47
 Максим 39
 Малахов Алексей 41
 Мануил (Малуил) 210
 Марк Панфилов 42
 Марк 46
 Мартемьян Александрович 182—184, 186—188, 190—195
 Мартемьян Федоров 188
 Мартемьяновы 182, 183, 186—192, 194—197
 Марфа, жена Исака Андреевича Борецкого 49, 50, 53, 54, 104, 106
 Марья, жена Афанасия Остафьевича Грузова 114
 Марья, жена Григория Тучина 119, 120, 122, 123, вкл.
 Марья, жена Дмитрия Андреевича 141
 Марья, жена Луки Федоровича 106, 118, 120, 122, 123, вкл.
 Марья, жена Онкифа 166
 Марья, черница 28
 Марья 106
 Матвей Варфоломеевич Козка 44—46, 48, 51, 52, 54, 140, 144, 148
 Матвей (Матюшко) Васильевич Шенкурский 115
 Матвей Иванович 157—162, 165—169, 171, 172, 174, 176
 Матвей Кусов 152
 Матвей Остафьевич Грузов 72, 73, 77, 78, 80, 81, 101
 Матвей Павлович Телятев 169
 Матвей 177—179
 Матвей 278
 Медынцева А. А. 39, 55
 Местила 186
 Мефодий, архим. 185

- Микита Головня 51, 92
 Микита Дмитриевич 129, 130, вкл.
 Микита Есифович 102, 122, 123, вкл.
 Микита Есифович 122, 125, 128, 130, 131, вкл.
 Микита Максимович 172, 173—175
 Микита Матвеевич 45, 46, 53, 54, 146, 148
 Микита Михайлович 13, 20, 25, 26, 38, 46, 54
 Микита Офонасович Грузов 78
 Микитины 160, 161, 172, 174, 201
 Микифорко 43
 Миронова В. Г. 117
 Митрофан Иванов 188
 Мирошка Нездинич 250
 Михаил Васильевич 128, 129
 Михаил Григорьевич Тучин 119, 120, 122, 123, вкл.
 Михаил Данилович 140—142, вкл., 146, 147, 217
 Михаил Иванович Туча 103, 104, 119, 120, 122, 123, вкл.
 Михаил Иванович 51, 91, 92, 101
 Михаил Михайлович Местилов 187
 Михаил Мишинич 10, 31, 216
 Михаил Олелькович, кн. 223
 Михаил Павшинич 132, 139, 142, вкл.
 Михаил (Миша) Прушанин 30, 31
 Михаил Степанович 136—139, 142, вкл.
 Михаил (Михалко) Степанович 136, 137, 141—143, вкл.
 Михаил Терентьевич 31
 Михаил Федорович, царь 134
 Михаил Юрьевич 12—14, 19—21, 23, 25, 26, 46, 52, 54
 Михаил Яковлевич 87
 Михаил Росхохин 42
 Михаил Селезнев 42
 Михей Огафонов 41
 Миша 29
 Моисей, архиеп. 209
 Моисей 176—180
 Молчанов К. 112
 Монгайт А. Л. 153
 Мстислав Владимирович, кн. 239, 240, 243, 244, 246, 272, 276
 Мясников М. Н. 59—61
 Мятлев Н. В. 61, 62, 66, 73, 80, 93, 94, 104, 105, 113—116
 Нагаткины 179, 180
 Назарий Воиславич 85, 210
 Назарий Савин 210
 Назаров В. Д. 282
 Наримант Гедиминович, кн. 216—218, 267
 Насонов А. Н. 85, 113, 115
 Настасья, жена Ивана Григорьевича 127, 128, 130, 131, вкл.
 Настасья, жена Михаила 13, 19, 20, 25, 26, 46, 54
 Настасья, дочь Степана Есифова 183, 187, 188, 190—192
 Наум Иванович 51
 Наум (Наумко) Остафьев 41
 Негорад 255
 Нежек Прожневич 255
 Нестерка 52
 Нечаев Степан 174
 Нефедья Парфеев 184
 Никита, тысяцкий псковский 214
 Никифор Хмелев 109
 Никифор 30
 Никольский А. 153
 Нифонт, архиеп. 242
 Новосельцев 282
 Носов Н. Е. 282
 Обакун 89
 Овъгимонт 218
 Огруфена, жена Данилы Павшинича 141
 Огруфена, жена Федора Онкифовича 157, 158, 161—167, 171, 172, 174, 176
 Оксинья Федоровна 67, 68, 78, 92, 101, 108—110
 Оксинья, жена Микиты Есифова 121, 123, вкл.
 Окулина Лукинична 106, 118, 120, 122, 123, вкл.
 Олекса Лукинич 169
 Олисей Константинович Копорский 214, 215, 226, 228
 Олисей Онаньинич 214
 Олехно Дмитриевич, кн. 219
 Олферий Иванович Офонасов 72—74, 76, 78—81, 92, 101, 110, 111, 204, 205, 235
 Олферий Пшонкин 42
 Олферий Шимский 179
 Олферий 43

- Ольга, кн. 279
 Ольгерд, кн. 219, 267
 Онания Феофилатович 132, 138, 139, 142, вкл.
 Онания 64, 65, 67, 68, 75, 77—82, 86, 92, 95, 101, 107, 110
 Онания 250
 Ондреян Александрович 183, 184, 186—191, 195
 Ондреян Захарьинич 125, 126, 128, 130—133, вкл., 146
 Ондреян Михайлович 13, 20, 25, 26, 38, 46, 54
 Ондреян Онкифович 165, 166, 171, 173, 175
 Ондреяновы 165, 171, 173, 175, 201
 Онкиф Яковлевич 161, 162, 165, 171, 173, 175
 Онкиф 158, 171, 174
 Онтония 64, 65, 67, 78, 92, 101
 Онцифор Лукинич 9—12, 16, 17, 23—26, 28, 44—46, 48, 53, 54, 140, 141, 144
 Онцифор Яковлевич 175
 Опарины 174, 175, 201, 212
 Орина, жена Федора Хромого 72—76, 79—81, 92, 101
 Орина, внучка Юрия Онцифоровича 15—20, 25, 46, 54, 211
 Орлов А. С. 153, 267
 Орлов С. Н. 35
 Остафий Болчинский 204, 205, 254
 Остафий Васильевич 97, 98, 101
 Остафий Васильевич 184, 186, 188—191, 195
 Остафий Дворянинец 45, 144
 Остафий Дмитриевич Глухов 131, вкл.
 Остафий Есифович Груз 78, 79, 101, 102
 Остафий Онаньинич 58, 62—68, 70, 71, 75, 78, 81, 91, 92, 95, 97, 98, 101, 107, 109
 Остафьевы (Осташовы) 179, 180
 Офимья, жена Есифа Горошкова 125, 127, 128, 130, 131, вкл.
 Офимья, жена Семена Шенкурского 87, 90, 92, 101
 Офимья 67, 69, 75, 78, 82, 92, 101
- Павел Тимофеев 129
 Павел, брат Петра 45
 Павел 24
 Паша Онаньинич 132, 136, 138, 139, 142, вкл.
 Пантелей Иванович 186
 Парфений, архим. 185
 Патрикей Наримантович, кн. 215, 217, 218, 220, 223
 Пашуто В. Т. 282
 Пелагея, жена Мартемьяна Александровича 186—188, 190, 191
 Передольский В. С. 36
 Перхурий Васильевич 130
 Петр Алексеевич, царь 134, 135
 Петр Климентьевич 127
 Петр Адкин 208
 Петр 30
 Петр 252, 253
 Пиккуй 210
 Погодин М. П. 59
 Покровский А. А. 114
 Покровский Н. Н. 182, 183, 192, 193, 198, 199, 282
 Полинарьины 121
 Полубояринова М. Д. 35
 Попов А. И. 228, 268
 Порфирий Кавский 130
 Прокша Малышевич 32, 33
- Раскин Д. И. 282
 Ровда 84
 Родион 210
 Родичев Илья Семенович 79
 Розов И. Ф. 58, 59, 63, 66, 113
 Роман Михайлович Белозерский, кн. 224, 227, 268
 Роман Федорович, кн. 219, 220, 223, 267
 Роман Юрьевич, кн. 215, 218—220, 223—226
 Рыбаков Б. А. 243
 Рыбина Е. А. 117, 159
- Савва Ермолинч 184
 Савва, поп 15
 Савелий Богданов 128—131, вкл.
 Савелий Григорьевич 189, 191, 195, 201, 212, 275
 Савелий Микитин 41
 Савич А. А. 56
 Саларев Гаврила 163
 Самоквасов Д. Я. 79, 114, 265
 Самсон, архиеп. 186
- Павел, иг. 49
 Павел Лукинич 169

- Самсон Иванович 42—44, 46, 51, 54, 55
Сангушка Федорович, кн. 267
Сбыслав 252, 253
Свидригайло, кн. 243
Святослав Ольгович, кн. 280
Седова М. В. 37
Семен Бабкин 205
Семен Борисович 250
Семен Васильевич 62, 87, 90, 92, 100, 101, 103, 104
Семен Жадовский 42
Семен Захарынич 136, 137, 142, вкл.
Семен Иванович Гордый, кн. 45, 136, 224
Семен (Семенко) Исакович Шенкурский 115
Семен Климович 144
Семен Михайлович 31
Семен Мстиславич Вяземский, кн. 221
Семен Нариманович, кн. 266
Семен-Лугвень Ольгердович, кн. 218, 219, 221—223, 267
Семен, зять Остафия Болчинского 254
Семен 44
Семен 64, 65, 67, 68, 71, 75, 79, 80, 82, 92, 95, 98, 101, 107, 108
Семенов А. И. 270
Серапион, иг. 88, 90
Сергий, иг. 166
Сердилий 210
Сигизмунд, кн. 124
Сидор Иванов 42
Сидор Кюприанов 152
Сидор 28
Сидор 278
Сильвестр Лентиев 126, 146
Сиром 255
Срезневский И. И. 113, 116, 155, 253, 266
Степан Есифович 188, 190, 191, 195
Степан Иванович 51, 90—93, 101
Степан Мошенник 42
Степан Прокшин 193, 194
Степан Твердиславич 137, 142, вкл.
Степан Федорович 62, 67—69, 71, 75, 77, 82, 83, 91, 92, 96, 101
Строганов Лука 103
Строев П. М. 35, 59, 113
Строков А. А. 36
- Тараканова-Белкина С. А. 192, 198
Тарасий Данилович 141, 142, вкл.
Тарасины дети 176—180
Твердислав-Семен Михайлович 136, 137, 142, вкл.
Твердислав Михалкинич 137, 142, 143, вкл.
Терентий Водовиков 84, 85, 210
Терентий Михайлович 31
Тимофей Иванович 90—92, 101, 219
Тимофей Кузмич Грузов 78
Тимофей Остафьевич Грузов 74, 75, 78—81, 101, 205
Тимофей Прокопчин 63, 82
Тимофей Юрьевич 147, 148, 219
Тимофей, серебряник 210
Тимофей 65, 67, 80, 81, 92, 101, 110
Тихомиров М. Н. 56, 115, 282, 283
Труфан (Трифон Юрьевич) Сарский 100
Тяполковы 128
- Ульян Плюснин 204, 205
Ульяна, жена Якова Дмитриевича 140
Ульяна 127
Ульяна 141
Устинья 106
Ушак Арбужевский 89
Ушак Москотиньев 205
Ушатый Азарьев 205
- Фатьян 106
Федор Ахмыл 144
Федор Борисович 187
Федор Данилович 44, 45, 140—142, 144, вкл., 217
Федор Жоравков 254
Федор Иванович Малый 100—104
Федор Иванович Хромой 73, 92, 101
Федор Исаков 50, 53, 54
Федор (Федко) Летунов 103
Федор Лугвеньевич, кн. 221
Федор Лукинич Телятев 169
Федор Максимович 157—159, 161, 162, 166—168, 171—174, 176, 180
Федор Михайлович Белозерский, кн. 224
Федор Михайлов 188, 189

- Федор Михалкович 137, 139, 142, вкл.
 Федор Ольгердович, кн. 267
 Федор Ондrejaнович Веряжский 235
 Федор Онкифович 157, 158, 160—172, 174, 176, 194
 Федор Остафьевич Глухов 131, вкл.
 Федор Остафьевич 58, 62—68, 71, 75, 77, 78, 82—84, 86, 92—95, 97, 101—103, 108—110
 Федор Романович Белозерский, кн. 223—225
 Федор Савельевич 183, 184, 186—188, 190—192
 Федор Синофонов 47
 Федор Тимофеевич 63, 65, 67, 77—80, 88, 91—93, 95, 98—102, 104, 105, 107, 110, 146, 147, 211, 229, 278
 Федор Тимофеев 275
 Федор Фатьянович Деревяжкин 163
 Федор Юрьевич, кн. 221
 Федор Юрьевич 144
 Федор (Федка) Юрьев 41
 Федор Яковлевич 104, 105, 107, 118, 120, 122, 123, 140, вкл.
 Федор, сестричич Лошинского 109
 Федоровы 182, 183, 191, 194—197
 Федосья Ивановна, княгиня 224, 225
 Федосья, жена Андрея Даниловича 141
 Федосья Дюкинская 72
 Федосья 64, 65, 67, 68, 78, 92, 101, 108
 Федосья 106
 Федот Базин 41
 Феликс 255, 278
 Феодосий, архиеп. 154
 Феодосий, иг. 49
 Феофан Грек 55
 Феофил, архиеп. 42, 131
 Феофилат Захарьинич 121—123, 132, 135, 136, 138, 139, 142, вкл.
 Феофиладельцы 133—136, 143, 148—151
 Фешко Федоров 210
 Филка, дворник Саларева 163
 Фома Есифович 147, 148
 Фома Иванович 147, 148
 Фома Якимов 41
 Фома 22
 Фотий, митр. 154
 Фофановы 41
 Фроянов И. Я. 282
 Харагинец 84
 Ходаковский З. 254, 271
 Хомуня 255
 Хорошев А. С. 19, 117, 120, 152, 156, 266, 283
 Черепнин Л. В. 250, 270, 279, 282
 Чернов С. З. 206
 Чернышев Н. А. 227
 Шапиро А. Л. 201, 202, 206, 238, 241, 247, 282
 Шахматов А. А. 19, 36
 Экземплярский А. В. 267
 Юрий Александрович, кн. 221, 226
 Юрий Васильевич Белозерский, кн. 225
 Юрий Всеволодович, кн. 32
 Юрий (Юрка) Гаврилов 254
 Юрий Данилович, кн. 85, 227
 Юрий Дмитриевич, кн. 42
 Юрий Дмитриевич 13, 63, 120—123, 139, вкл., 147, 148
 Юрий Иванович 13, 35, 146
 Юрий Иванович 42, 46, 51, 54, 55
 Юрий Иванович 127, 128, 130, 131, вкл.
 Юрий Мишинич 10, 11, 25, 29, 31, 46, 53, 54
 Юрий Наримантович, кн. 217
 Юрий Онцифорович 9—26, 28, 32, 38, 46—48, 53, 54, 121, 147, 185, 219
 Юрий Семенович-Лугвеньевич, кн. 222, 223
 Юрий Святославич, кн. 220, 221, 226
 Юрий Соболев 210
 Юрий Федорович 66
 Юрий (Юрка) Федорович, кн. 267
 Юрий Шестак 76
 Юрий, иг. 130
 Юрий, поп 176—180
 Юрий 210
 Юрий 217

- Ягайло, кор. 221
Яким, иг. 127
Яков Александрович Короб 40, 54, 106, 107, 235
Яков Александрович 183, 184, 186—188, 190—193
Яков Васильевич Селезнев 110
Яков Дмитриевич 120, 122, 123, 139—141, вкл.
Яков Дмитриевич 184
Яков Игнатьевич 66
Яков Скомантов 235
Яков Федорович Немой 157, 158, 162, 165, 168, 171, 174
Яков Федорович 77, 78, 92, 100, 101, 107
Яков Федорович 103—107, 119—123, вкл., 192, 282
Яков Хотов 144, 146
Яков 106
Яков 166, 167, 171, 175, 180, 200, 212
Ярила 250
Ярополк Святославич, кн. 280
Ярослав Владимирович Мудрый, кн. 249, 279, 280
Ярослав Всеволодович, кн. 137
Ярофеев Микифор Васильевич 74
Яцимирский А. И. 116

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I	
БОЯРСКИЙ РОД МИШИНИЧЕЙ — ОНЦИФОРОВИЧЕЙ И ЕГО ГОРОДСКИЕ УСАДЬБЫ	7
1. Берестяные грамоты Мишиничей — Онцифоровичей и некоторые проблемы их атрибуции	9
2. Строительство в Колмове и потомки Юрия Онцифоровича	15
3. Грамоты Максима	21
4. Печать Афанасия Онцифоровича	23
5. К вопросу о характере городской боярской усадьбы	25
Глава II	
РОДСТВЕННИКИ И СОСЕДИ ОНЦИФОРОВИЧЕЙ БОЯРЕ МИШИНИЧИ — МАТФЕЕВИЧИ	38
Глава III	
«ШЕНКУРСКИЕ АКТЫ» И ОДИН ИЗ БОЯРСКИХ КЛАНОВ СЛАВЕНСКОГО КОНЦА	58
1. Комплекс документов Остафьи Онаньинича и его прямых потомков	63
2. Волостки на Ловати и на Поле	68
3. Шенкурская волостка	81
4. Кокшенгская волостка	95
5. Прочие волостки	107
Глава IV	
ОДИН ИЗ КЛАНОВ «ПРУССКИХ» БОЯР	118
Приложение. Родословная роспись Кузминых-Караваевых и Фефилатьевых	148
Глава V	
К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СВОЕЗЕМЦЕВ	157
1. Род своеземцев с новгородской улицы Рогатицы	157
2. Наследники Моисея берестяных грамот № 519—521	176

Глава VI

ГРАМОТЫ МАРТЕМЬЯНОВЫХ 182

Приложение. Деловая грамота Мартемьяновых и Федоровых детей с Амосом Ивановым, 16 февраля 1491 г. 195

Глава VII

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОТЧИННОЙ СИСТЕМЫ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ 200

1. Констигуирование владычного контроля за поземельными сделками 207

2. Проблема пределов кастовости новгородского боярства 213

3. Крупная вотчина как предмет государственного пожалования 229

4. Проблема княжеского домена и вопрос о начальном этапе формирования вотчинной системы 241

5. Приобретение вотчин и его источники 249

Приложение. Описание Юрьева монастыря и подмонастырской волостки 1685 г. 257

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 272

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 283

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 284

Валентин Лаврентьевич ЯНИН

НОВГОРОДСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ВОТЧИНА

(Историко-генеалогическое исследование)

Утверждено к печати Отделением истории АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина. Художник А. Д. Смеляков

Художественный редактор Н. Н. Власик

Технический редактор Т. С. Жарикова. Корректор К. П. Лосева

ИБ № 22143

Сдано в набор 25.08.80. Подписано к печати 18.03.81. Т-04059

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная

Печать высокая. Усл. печ. л. 15,71. Уч.-изд. л. 17,7. Тираж 6800 экз.

Тип. зак. 5187. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10